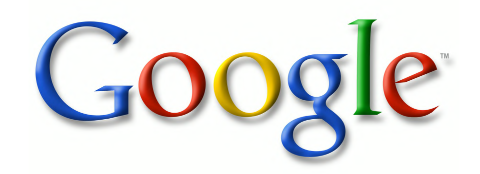
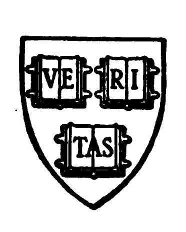
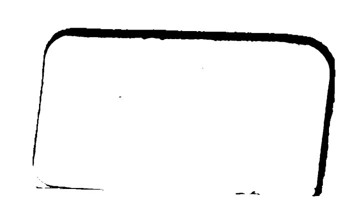

П. П. Суворовъ.

ЗАПИСКИ О ПРОШЛОМЪ.

ч. I.

МОСКВА.
Типо-литографія Т-ва И. Н. Кушнеревъ и К°, Пименовская улица, соб. домъ.
1898.

Необходимое объясненіе.

„Записки о прошломъ“, представляемыя нынѣ на благосклонное вниманіе читателя, печатались въ 1893—1894 годахъ въ журналѣ „Русское Обозрѣніе“. Онѣ не прошли незамѣченными въ литературномъ мірѣ. Почти всѣ наши газеты и журналы, а отчасти и заграничные, почтили ихъ своимъ вниманіемъ, и дѣлали изъ нихъ выписки. Особенно одинъ либеральный журналъ не могъ оставить въ покоѣ автора „Записокъ“. Онъ называлъ послѣдняго то „чернымъ лебедемъ“, то „маіоромъ“, которому давно пора умереть, и которымъ авторъ былъ около двадцати лѣтъ тому назадъ. Вообще, изъ отзывовъ нашихъ либеральныхъ органовъ о „Запискахъ“ видно, что всѣ идеи освободительныхъ годовъ остались для нихъ излюбленными, священными и незамѣнимыми. Тѣмъ не менѣе, такое нравственное и умственное состояніе нашихъ почтенныхъ шестидесятниковъ не мѣшаетъ идти человѣческой жизни впередъ, измѣнять убѣжденіямъ извѣстной эпохи, поклоняться вѣчнымъ идеаламъ, уносящимъ насъ отъ земныхъ заботъ, и тѣмъ исполнять назначеніе, предначертанное намъ Творцомъ.

Несмотря на успѣхъ „Записокъ“, авторъ долго не

рѣшался на отдѣльное ихъ изданіе. Теперь эти „Записки“ являются передъ русскою публикой, благодаря лишь многочисленнымъ заявленіямъ, полученнымъ авторомъ въ теченіе послѣднихъ лѣтъ и требующимъ отъ него отдѣльнаго изданія „Записокъ“. Онѣ остановились на мрачной и тревожной эпохѣ, предшествовавшей грозному первому марту, и будутъ продолжены авторомъ въ непродолжительномъ времени.

П. Суворовъ.

Сентябрь, 1898 г.
Сельцо Слѣпцово.

ЗАПИСКИ О ПРОШЛОМЪ.

Вмѣсто предисловія.

Воспоминанія и записки о жизни геніальныхъ людей читаются нами съ особеннымъ, весьма понятнымъ интересомъ. Геніальные люди сохраняютъ въ себѣ типичныя черты вѣка, затрогиваютъ лучшія стороны нашей души, волнуютъ нашъ нравственный міръ, наконецъ, оставляютъ въ немъ навсегда свои высокія идеи. Другое дѣло, воспоминанія людей обыкновенныхъ. Они могутъ интересовать читателя: характеристикой того времени, которое описывается въ воспоминаніяхъ, тѣми общественными событіями, которыхъ касаются воспоминанія, и личными впечатлѣніями самого автора.

Предлагаемыя читателю записки—составляютъ результатъ жизненныхъ впечатлѣній ихъ автора въ теченіе слишкомъ сорокалѣтняго періода. Такой періодъ знаменателенъ не только для единичной человѣческой жизни, но и для цѣлаго государства. Четыре смѣны поколѣнія отражаютъ послѣдовательно измѣненія идей, воспитанія, привычекъ, обычаевъ всего общества. Возьмите двухъ интеллигентныхъ лицъ сороковыхъ и восьмидесятыхъ годовъ, заставьте ихъ разсуждать между собою, хотя объ основныхъ принципахъ бытія, и вы уясните себѣ все фунда-

ментальное различіе между эпохами, отдѣляемыми одна отъ другой нѣсколькими поколѣніями.

Если читатель найдетъ въ моихъ запискахъ приблизительно вѣрное изображеніе общественныхъ событій, личностей и картинъ въ извѣстные годы, если онъ задумается надъ ними въ часы досуга, то, значитъ, трудъ мой не пропадетъ даромъ и я и читатель не останемся другъ другу чужими.

Глава I.

Мое дѣтство.

Мое рожденіе.—Родъ Суворовыхъ и родъ Кудрявцевыхъ.—Дѣдушка Григорій Петровичъ.—Его поздняя любовь и таинственная смерть.—Шуранскій замокъ.—Преданіе о немъ.—Первые годы дѣтства.—Переѣздъ изъ Лаишева въ деревню.—Жизнь въ ней и въ пансіонѣ.—Холера и казанскіе пожары въ 1848 году.—Открытіе памятника Державину.—Разбойники Быковъ и Чайкинъ.—Прокуроръ Гавріилъ Ильичъ Солнцевъ.—Черты изъ его жизни.—Княгиня Ен—ева, генералъ П. А. Пѣхтинъ.—Тетушка Прасковья Егоровна.—Дядька мой Гаврила.—Его сказки.—Отъѣздъ въ Кадетскій корпусъ.

Я родился въ 1839 году. Этотъ годъ, сколько помнится мнѣ, замѣчателенъ въ жизни Россіи присоединеніемъ въ Сѣверо-Западномъ краѣ уніатовъ къ Православной церкви. Мѣстомъ рожденія моего былъ городъ Лаишевъ, Казанской губерніи. Онъ расположенъ на берегу многоводной рѣки Камы. Ея царственная ширина, сливающаяся съ далекимъ небосклономъ, ея голубыя волны, катящіяся плавно въ необъятное пространство, были первыми предметами моей дѣтской привязанности.

Мои родители принадлежали къ кореннымъ дворянамъ Лаишевскаго уѣзда. Родъ со стороны отца, по семейнымъ документамъ, является въ Россіи въ концѣ XVI вѣка. Предокъ нашъ пріѣхалъ въ Польшу изъ Швеціи въ свитѣ Сигизмунда III. Потомки его поселились въ Смоленской губерніи, а позже разошлись по другимъ областямъ. Пра-

дѣдъ моего отца, Яковъ Павловичъ Суворовъ, сидѣлъ въ 1686 году воеводой на Осѣ, которая нынѣ составляетъ часть Пермской губерніи. Всѣ Суворовы, включительно до меня, состояли въ военной службѣ. Отецъ мой, будучи уже офицеромъ, участвовалъ въ войнѣ 1812 года и раненъ въ грудь пулей подъ Островной, близъ Витебска. Это было первое сраженіе Русскихъ съ Французами при входѣ послѣднихъ въ Россію. Нашими войсками командовалъ графъ Остерманъ-Толстой. Имя и фамилія отца занесены на одну изъ мраморныхъ досокъ Храма Спасителя.

Мать моя, по женской линіи, изъ рода Кудрявцевыхъ. Ея прадѣдъ былъ извѣстенъ по Пугачевскому бунту. Генералъ-майоръ, Нефедій Никитовичъ Кудрявцевъ убитъ взбунтовавшеюся черныо въ Казани, на паперти Дѣвичьяго монастыря въ 1774 году. Въ то время ему было за сто лѣтъ. Его внукъ, Яковъ Яковлевичъ, дѣдъ моей матери, въ минуты гибели старика, чтимаго Екатериною Второй, находился вмѣстѣ съ нимъ въ церкви. Спасеніемъ жизни молодой Кудрявцевъ обязанъ находчивости своего дядьки. Когда народъ кинулся на генерала, дядька силой оттолкнулъ отъ толпы юнаго барина и провелъ его чрезъ потайные монастырскіе ходы.

Я смутно помню отца моей матери, Григорія Петровича Дембровскаго. По нѣмецкимъ, французскимъ и латинскимъ книгамъ, сохранившимся въ нашей библіотекѣ, съ отмѣтками дѣдушки на поляхъ, видно, что это былъ человѣкъ глубоко-образованный, не даромъ путешествовавшій по Европѣ. Находясь въ отставкѣ, въ чинѣ статскаго совѣтника, онъ проживалъ близъ Лаишева, въ одномъ изъ своихъ многочисленныхъ имѣній, въ селѣ Полянкѣ. Недалеко отъ этого села возвышался на крутомъ берегу Камы Шуранскій зàмокъ, также принадлежавшій дѣдушкѣ.

О Шуранѣ сохранилось нѣсколько таинственныхъ и любопытныхъ разсказовъ. Одинъ изъ нихъ послужилъ темою

для повѣсти «Латникъ» извѣстному писателю Марлинскому,—другой для моей юношеской поэмы «Нарманскій». Бабушка моя помнила Шуранъ въ его старинномъ, феодальномъ видѣ. То было громадное зданіе, въ нѣсколько десятковъ комнатъ, съ двумя длинными боковыми флигелями. Его окружали высокія каменныя стѣны, по уступамъ которыхъ чернѣли длинныя пушки. Божій храмъ находился посрединѣ двора. Въ такомъ видѣ зàмокъ перешелъ во владѣніе нашего родственника Петра Андреевича Нармацскаго, какъ говорятъ, потомка Нормандскихъ герцоговъ *). Онъ былъ женатъ на княжнѣ Волконской, имѣлъ до семи тысячъ душъ крестьянъ и наводилъ страхъ на окрестное населеніе своей широкою, шумною жизнью. Его пиры, его буйные разъѣзды на охоты подробно описаны въ моей поэмѣ. Мать моей матери видѣла одно изъ шуранскихъ подземелій. Оно представляло небольшую комнату съ кирпичнымъ поломъ и наглухо замуравленную. Въ ней стояло тяжелое кресло у окна, выходившаго на Каму. Къ креслу была прикована молодая женщина замѣчательной красоты, съ распущенными косами. При открытіи подземелья, когда струя свѣжаго воздуха коснулась чуднаго призрака, онъ мгновенно распался. Остались одни кости и волосы. Преданіе передаетъ, что Нармацскій влюбился въ свою прекрасную сосѣдку, Доможирову. Отвергнутый ею, онъ прибѣгнулъ къ хитрости. Въ одну осеннюю, темную ночь, его дворецкій похитилъ Доможирову. Нармацскій силою хотѣлъ овладѣть своей плѣнницей. Она отвѣчала пощечиной оскорбителю, и за то поплатилась ужасно. Спустя нѣсколько лѣтъ, Нармацскій былъ сосланъ въ Сибирь, и его большое состояніе, по наслѣдству, перешло къ моей родной бабушкѣ, Надеждѣ Яковлевнѣ

*) См. статью профессора Пономарева „Потомокъ Норманскихъ герцоговъ". *Историческій вѣстникъ.* Апрѣль, 1882 года.

Кудрявцевой, вышедшей замужъ за Григорія Петровича Дембровскаго, и къ ея сестрѣ, Вѣрѣ Яковлевнѣ Жмакиной, супругѣ московскаго сенатора. Мое рожденіе застало дѣдушку вдовцемъ, имѣвшимъ около восьмидесяти лѣтъ. Окрестивъ меня, онъ влюбился въ дочь богатаго помѣщика, Марью Михайловну Толстую. Ей было около тридцати лѣтъ. Красивая, никого не любившая, она искала лишь выгодной партіи. Тщетно архіепископъ Казанскій Владиміръ, въ продолжительныхъ бесѣдахъ, отговаривалъ дѣдушку отъ опаснаго брака. Упрямый старикъ, въ порывахъ поздней страсти, не слушалъ голоса разума. Свадьба состоялась, а года черезъ четыре дѣдушку нашли мертвымъ въ постелѣ. Сынъ его, Григорій Григорьевичъ, возбудилъ уголовный процессъ объ удушеніи подушками отца его второю женою. Трупъ старика вырывали изъ могилы, подвергали анатомическому вскрытію, но никакихъ слѣдовъ насильственной смерти не нашли.

Какъ въ туманѣ является мнѣ переѣздъ на постоянное жительство, послѣ смерти дѣдушки, въ наше имѣніе, близъ Казани. Была жаркая, лѣтняя пора. Я и отецъ, съ лакеемъ Ѳедоромъ на козлахъ, ѣхали въ легкой коляскѣ. Кучеръ Петръ Конгуровъ, несмотря на іюль мѣсяцъ, кричалъ на лошадей: «Ей, вы! по морозцу!» Сзади насъ, на приличномъ разстояніи, чтобы не задыхаться отъ пыли, тянулась восьмерикомъ, съ двумя форейторами старинная карета на высокихъ рессорахъ. Въ ней помѣщалась мать моя съ кормилицей и двумя сыновьями-мальчиками. На запяткахъ сидѣлъ, въ особомъ помѣщеніи, камердинеръ отца Гаврила. Поѣздъ замыкали два крытыхъ тарантаса, наполненныхъ горничными, няньками и разной дорожной провизіей.

Хорошо мнѣ жилось въ сельцѣ Тагашевѣ. Оно было дано въ приданое моей матери, женщинѣ необыкновенно умной и воспитывавшейся за границею, въ Германіи. Она искренно

поклонялась Гете и Шиллеру за грандіозность созданныхъ ими образовъ, за ихъ высокіе порывы къ прекрасному, за ихъ могучее стремленіе къ вѣчной красотѣ и правдѣ. Она ненавидѣла Вольтера за его сухой умъ, за его насмѣшки надъ религіозными вѣрованіями человѣчества, и любила Бальзака за его глубокія знанія тайныхъ изгибовъ нашей души. Она страстно была привязана къ своему отечеству и вела горячіе споры съ Поляками о томъ, что они виноваты передъ Россіей, а не она передъ Польшею. Понятно, что ея мнѣнія и идеи незамѣтно, но прочно запечатлѣвались въ моемъ дѣтскомъ воображеніи. Я пользовался большою свободой. Нашъ гувернеръ, Петръ Васильевичъ Просвирнинъ, едва успѣвалъ окончить свои лекціи, какъ я, бывало, исчезалъ изъ классной комнаты. Моя команда состояла изъ десятковъ двухъ деревенскихъ и дворовыхъ мальчиковъ. Съ ними я отправлялся въ лѣсъ, на рѣку купаться, ловить рыбу и раковъ. Я любилъ своихъ сверстниковъ, и они меня любили. Вообще, я не помню тягости крѣпостного права. Наши крестьяне жили зажиточно. Тагашево расположено на коммерческомъ, Вятскомъ, трактѣ. Большинство крестьянъ занималось ямщичьей работою, а на барщину ставило наемниковъ. Отецъ въ этомъ не стѣснялъ мужиковъ и гордился тѣмъ, что они не тяготятся своею судьбой. Скончался отецъ въ Казани, зимою 1865 года, спустя четыре года по освобожденіи крестьянъ. Послѣдніе выказали къ отцу трогательную признательность. Они везли тѣло своего бывшаго барина на себѣ вплоть до имѣнія, на протяженіи почти сорока верстъ.

Крѣпко врѣзался мнѣ въ памяти 1848 годъ. Я находился въ пансіонѣ нѣмца Альтгофа. Въ немъ учились совмѣстно дѣвочки и мальчики дворянскихъ фамилій. Мнѣ едва минуло девять лѣтъ, но я помню, что мое сердце усиленно трепетало при видѣ хорошенькой семилѣтней Женички, дочери одного совѣтника. Это была моя первая любовь.

Альтгофъ обращался съ нами деликатно. Учился я Закону Божію, географіи, ариѳметикѣ, латинскому, нѣмецкому и французскому языкамъ. По субботамъ у Альтгофа устраивались танцовальные вечера. Мы, дѣти, съ увлеченіемъ отплясывали подъ звуки фортепіано. Въ упомянутый ужасный годъ экзамены въ пансіонѣ почему-то замедлились; я до половины іюня оставался въ Казани. Въ ней уже царила холера, а за нею послѣдовали непрерывные пожары. Богатое населеніе, охваченное страхомъ, бѣжало изъ города. Пустые дома забивались наглухо ставнями; гробы, наваленные въ безпорядкѣ одинъ на другой, безпрестанно встрѣчались на улицахъ. Умершихъ не успѣвали отпѣвать; ихъ прямо отправляли на кладбище и складывали въ общія могилы. Черные клубы пожарнаго дыма густою пеленой окутывали кругомъ Казань; въ воздухѣ страшно пахло гарью. Пожары продолжались днемъ и ночью. Главнымъ препятствіемъ къ ихъ тушенію оказались деревянныя мостовыя, украшавшія улицы: Воскресенскую и Покровскую. Это были улицы не широкія. Отъ нестерпимаго огня загорались мостовыя и выгорали до тла. Пожарнымъ командамъ не оказалось возможности подъѣзжать къ охваченнымъ пламенемъ зданіямъ. Въ описываемое время дули сильные вѣтры. Они разметывали головни на громадное пространство. Тагашево стоитъ отъ Казани, какъ я говорилъ, въ сорока верстахъ, а на его поляхъ мы находили кучи бумагъ, конвертовъ, даже тряпокъ, принесенныхъ вѣтромъ изъ горѣвшаго города.

Холера не миновала нашего имѣнія. Въ самое короткое время въ немъ умерло до двадцати крестьянъ. Кто-то посовѣтовалъ отцу отслужить на поляхъ молебенъ при слѣдующей обстановкѣ. Съ ранняго утра въ деревнѣ никто не смѣлъ топить печки. Первый огонь добыли изъ полѣнъ, при треніи ихъ другъ о друга. На полѣ вырыли ровъ, зажгли дѣвственнымъ огнемъ по бокамъ его костры и

между нихъ проносили иконы, при пѣніи священныхъ гимновъ. Какъ ни покажется страннымъ, а со дня описаннаго событія холера въ Тагашевѣ быстро стала ослабѣвать. Но обратимся къ прерванному разсказу.

Въ это страшное и грустное время произошло торжественное открытіе памятника Державину на университетскомъ дворѣ. При открытіи памятника присутствовалъ архіерей Григорій, впослѣдствіи митрополитъ Петербургскій, и губернаторъ И. А. Баратынскій, братъ извѣстнаго поэта.

Державинъ изображенъ сидящимъ въ креслѣ, съ раскрытою книгой, въ правой рукѣ съ перомъ. Памятникъ имѣетъ величественный видъ. Впослѣдствіи городъ перенесъ его на одну изъ своихъ прекрасныхъ площадей.

Возвращаясь съ открытія этого памятника, я встрѣтилъ близъ церкви Покрова необычайную процессію. Тянулись двѣ телѣги, окруженныя конвоемъ солдатъ и громадною толпой. Впереди раздавались звуки барабана. На одной изъ телѣгъ лежалъ человѣкъ, покрытый рогожею; на другой находился также человѣкъ, окутанный въ тряпье. Въ народѣ слышались голоса, что это везутъ добивать двухъ разбойниковъ: Быкова и Чайкина. Оказалось, что имъ, за ихъ дѣянія, опредѣлено было военнымъ судомъ по двѣнадцати тысячъ палокъ. Половину изъ нихъ они получили, но остались живы. Теперь ихъ ожидала новая казнь. Я послѣдовалъ за войсками. Разбойниковъ наказывали на Арскомъ полѣ. Хотя оно обширно, но на одной сторонѣ его расположенъ Родіоновскій Институтъ для благородныхъ дѣвицъ. Удивительно, что городское начальство не приняло въ соображеніе приведеннаго факта. Быкова и Чайкина жестоко истязали. Солдаты были разставлены въ двѣ линіи, рѣдко другъ отъ друга, и наносили ударъ палкой преступникамъ съ разбѣгу. Ихъ везли на маленькихъ тѣлежкахъ между строемъ, и спины ихъ представляли одну сплошную окровавленную, вспученную массу.

Казнью распоряжался полковникъ Корейшъ, взыскивавшій строго съ солдатъ за слабые удары. Въ толпѣ увѣряли, что Быковъ умеръ на девятой тысячѣ палокъ, но его и мертваго били до узаконенной мѣры. Оба преступника настолько оставили по себѣ въ губерніи страшную память, что скелеты ихъ поставлены на вѣчныя времена въ Анатомическомъ музеѣ университета, гдѣ любопытные и теперь ихъ могутъ видѣть. О жизни Чайкина и Быкова слагались цѣлыя легенды. Они разбойничали нѣсколько лѣтъ, преимущественно въ предѣлахъ Лаишевскаго уѣзда и частью въ Чистопольскомъ. Говорятъ, что Быковъ былъ человѣчнѣе Чайкина. Въ одномъ лѣсу онъ встрѣтилъ священника, ѣхавшаго съ дарами, и подошелъ къ нему. Указывая на большой дубъ, стоящій близъ дороги, онъ сказалъ представителю церкви:

— Служи подъ нимъ молебенъ!

Священникъ, не зная, съ кѣмъ имѣетъ дѣло, отказалъ странной просьбѣ прохожаго. Тогда разбойникъ воскликнулъ: «Я Быковъ!» Священникъ при этихъ словахъ чуть не умеръ отъ страха. Оправившись, онъ исполнилъ желаніе Быкова. Тотъ усердно молился и щедро заплатилъ за молебенъ. Полиція цѣлые годы разыскивала разбойниковъ. Они отлично гримировались и являлись открыто по торговымъ мѣстамъ губерніи. Увѣряютъ, что Быковъ, узнавши, что исправникъ поскакалъ его куда-то ловить, нарочно постарался съ нимъ встрѣтиться въ глухомъ, лѣсномъ мѣстѣ. Онъ шелъ съ боку большой дороги въ костюмѣ скромнаго, рабочаго мужика. Исправникъ остановилъ его вопросомъ:

— Не слыхалъ ты что-нибудь о Быковѣ и Чайкинѣ? Гдѣ они? Только бы мнѣ удалось ихъ поймать, я оставилъ бы имъ по себѣ память.

Мужичокъ свистнулъ. Неожиданно изъ лѣсу вышло десять вооруженныхъ человѣкъ. Исправникъ поблѣднѣлъ, а Быковъ, снявъ вѣжливо шапку, сказалъ:

— Я также желаю вамъ оставить по себѣ память.

Онъ приказалъ исправника разложить подъ деревьями и отсчитать ему двадцать пять горячихъ розогъ. Затѣмъ начальникъ былъ мирно отпущенъ.

О Чайкинѣ ходили больше мрачныя вѣсти. Пришелъ онъ въ одно селеніе, въ страдное время, и вошелъ въ первую попавшуюся избу. Въ ней, повидимому, никого не было, только съ печки раздавались слабые стоны. На ней лежала женщина въ послѣднихъ родовыхъ мукахъ. Чайкинъ, не задумываясь, зарѣзалъ страдалицу, распоролъ животъ и вынулъ младенца. При допросѣ онъ показалъ, что имъ руководило любопытство: въ какомъ видѣ находится ребенокъ во чревѣ матери? Всѣхъ жертвъ, погубленныхъ упомянутыми преступниками, насчитывали сотнями. Немудрено, что страшная память о Быковѣ и Чайкинѣ до сихъ поръ живетъ въ памяти казанскихъ обитателей. Описываемое мною время, вообще, было не совсѣмъ безопасно для длинныхъ путешествій въ экипажахъ. Лѣса во многихъ мѣстахъ стояли столѣтніе. О шалостяхъ въ нихъ приходилось слышать нерѣдко. Верстахъ въ двадцати отъ Казани былъ дремучій Собакинскій боръ, нынѣ вырубленный; по ночамъ его всѣ опасались проѣзжать. Въ немъ разбойничали Татары. Я помню, что, ѣхавши разъ съ отцомъ изъ деревни въ Казань черезъ селеніе Чубарово, мы увидали у крайней избы черную скамью, и на ней окровавленный трупъ неизвѣстнаго человѣка. Онъ только-что передъ нашимъ проѣздомъ былъ убитъ и ограбленъ въ сосѣднемъ лѣсу.

Начало 1849 года наша семья провела въ Казани. Мы жили близъ Казанскаго монастыря, въ собственномъ домѣ. Домъ былъ небольшой, но удобный и помѣстительный. Отца знала вся Казань, и насъ посѣщало высшее городское общество. Неизгладимо во мнѣ остался образъ прокурора, Гаврилы Ильича Солнцева. Откуда онъ былъ родомъ? Гдѣ

онъ воспитывался? Сказать не могу. Казанцы его считали глубокимъ ученымъ, такъ какъ онъ именовался докторомъ правъ. Онъ владѣлъ многими европейскими языками, писалъ и выражался красиво. Ходилъ онъ всегда во фракѣ съ нѣсколькими орденами на шеѣ и при звѣздѣ. Отъ постояннаго употребленія ордена, звѣзда и ленты почернѣли и замаслились, но Солнцеву, очевидно, до того было мало дѣла. Выступалъ онъ важно, заложивши руки въ карманы брюкъ, смотря пытливо кругомъ себя изъ-подъ густыхъ, нависшихъ надъ глазами, бровей. Волосы онъ имѣлъ сѣдые, даже съ желтизной. Когда я сталъ знать Гаврила Ильича, онъ былъ старикъ лѣтъ семидесяти пяти и въ отставкѣ. Отца онъ любилъ и навѣщалъ его часто. Солнцевъ пилъ запоемъ раза четыре въ годъ, и въ это время къ нему никого не допускали. По городу ходило множество курьезныхъ анекдотовъ о старикѣ. Когда онъ еще прокурорствовалъ, въ 1837 году, Казань посѣтилъ императоръ Николай Павловичъ. Между губернскими властями ему представлялся и Солнцевъ. Государь, посмотрѣвъ пристально на него, громко произнесъ:

— Я слышалъ о вашихъ отличныхъ способностяхъ и о вашей несчастной склонности къ вину. Даю вамъ шесть мѣсяцевъ на исправленіе.

Послѣ отъѣзда императора прокуроръ отчаянно запилъ. При напоминаніи ему, что самъ Монархъ обратилъ на него свое вниманіе, Гаврила Ильичъ отвѣчалъ:

— Что вы ко мнѣ пристаете? Мнѣ Государь лично разрѣшилъ пить полгода подъ-рядъ.

Въ сороковыхъ годахъ попечителемъ Казанскаго учебнаго округа былъ назначенъ мѣстный помѣщикъ Модестъ Порфирьевичъ Молотиловъ *). Сдѣлавъ нужные визиты въ Казани, онъ почему-то забылъ Солнцева. Генералу напо-

*) Фамилія вымышлена.

мнили, что именитаго старика нельзя игнорировать. Попечитель поѣхалъ къ прокурору лѣтомъ, какъ разъ во время сильнаго его запоя. Солнцевъ жилъ въ собственномъ деревянномъ домѣ, въ Верхне-Ѳедоровской улицѣ. Босая горничная, въ деревенскомъ платкѣ на головѣ, совершенно растерялась, увидавъ неожиданно передъ собой параднаго посѣтителя. Она пробормотала, что баринъ въ саду.

Молотиловъ отправился по ея указанію. Передъ генераломъ предсталъ старикъ нечесанный, съ табачными оттѣнками подъ носомъ, въ засаленномъ, полинявшемъ халатѣ, съ пришпиленной къ нему звѣздою и подпоясанный простою веревкой. Гость отрекомендовался.

Солнцевъ съ достоинствомъ протянулъ ему руку и проговорилъ:

— Давно ожидалъ пріятнаго посѣщенія вашего. Пройдемтесь по аллеямъ; я васъ познакомлю съ преданными друзьями, среди которыхъ я коротаю время.

Съ любопытствомъ Молотиловъ послѣдовалъ за хозяиномъ дома. Кругомъ не было живой души. Въ саду царила тишина. Но вотъ предстала странная картина. Подъ каждымъ большимъ деревомъ стояло по ведерной бутыли, чѣмъ-то наполненной и исписанными ярлыками. На одной изъ нихъ значилось крупными буквами: «нашъ россійскій ерофеичъ», на другой: «семитравный пріятель», на третьей: «покаявшійся разбойникъ» и пр. Генералъ, сконфузившись, отступилъ, но Солнцевъ предупредительно замѣтилъ:

— Прошу не пренебрегать моими друзьями. Они люди хорошіе, честные, хотя не знатны, какъ вы. Откушайте.

Старикъ налилъ въ стаканъ ерофеича и поднесъ его гостю, послѣдній нервно отстранилъ стаканъ и сказалъ:

— Извините, я не пью.

Солнцевъ покачалъ головою.

— Кто меня застаетъ пьющимъ, тотъ самъ обязанъ на-

питься. Таковъ законъ, который неукоснительно соблюдается мною. Предупреждаю, что для упрямыхъ у меня имѣется предметъ для понужденія.

Прокуроръ показалъ на здоровенную плеть, висѣвшую на сукѣ сосѣдняго дерева. Молотиловъ оглядѣлся кругомъ, съ минуту подумалъ и выпилъ залпомъ стаканъ.

— Отлично!—воскликнулъ хозяинъ,—перейдемъ къ раскаявшемуся разбойнику.

Такимъ образомъ послѣдовательно хозяинъ дома ознакомилъ генерала со своими друзьями и, наконецъ, прибавилъ:

— А теперь не желаете ли, ваше превосходительство, прокатиться верхомъ?

Молотиловъ обрадовался этимъ словамъ, разсчитывая скорѣе освободиться отъ пьянствующаго старика. Поэтому онъ отвѣчалъ:

— Съ большимъ удовольствіемъ.

Солнцевъ хлопнулъ въ ладоши. Явился мальчикъ лѣтъ пятнадцати, въ грязномъ нанковомъ сюртукѣ и съ голыми ногами. Гаврила Ильичъ закричалъ:

— Живо, пару верховыхъ лошадей!

Не прошло минуты, какъ на сцену явились двѣ большихъ, выкрашенныхъ въ сѣрую краску палки, съ привязанными на концахъ веревочками.

Молотиловъ сказалъ:

— Что это такое?

Прокуроръ серьезно отвѣтилъ:

— А это лошади, на которыхъ мы поскачемъ.

— Но вы смѣетесь надо мной?

— А вы, ваше превосходительство, полагали, что Солнцевъ въ Казани послѣдній человѣкъ? Вы жестоко ошиблись; я вамъ покажу, что я еще могу смѣяться надъ дураками.

Старикъ сѣлъ верхомъ на палку, прогарцовалъ передъ генераломъ, сдѣлалъ ему подъ козырекъ и проговорилъ:

— Ну, Богъ съ вами! Поѣзжайте домой, но помните

Солнцева. Его самъ Государь уважаетъ, а подданнымъ его и долгъ повелѣваетъ чтить заслуженнаго прокурора.

Въ гораздо позднее время, въ Казань назначенъ былъ губернаторомъ генералъ-лейтенантъ К. Правитель его канцеляріи, Василій Павловичъ Безобразовъ, послѣ сдѣланныхъ въ городѣ главныхъ визитовъ, вспомнилъ, что генералъ не заѣзжалъ къ Солнцеву. Поэтому какъ-то въ праздникъ К. отправился къ нему вмѣстѣ съ Безобразовымъ. Гаврила Ильичъ принялъ гостей въ кабинетѣ, въ которомъ никогда не выставлялись окна и не имѣлось форточекъ. Воздухъ въ комнатѣ царилъ ужасный. Старикъ былъ вѣжливъ съ гостями, просилъ ихъ курить, а самъ вышелъ изъ кабинета и заперъ дверь на замокъ.

Гости были освобождены только вечеромъ, просидѣвъ въ вонючемъ помѣщеніи около восьми часовъ.

Другимъ типичнымъ лицомъ въ моемъ дѣтствѣ является сестра моей матери, княгиня Прасковья Григорьевна Ен—ва. Она рано овдовѣла и обладала величественною наружностью. Брюнетка, какъ и моя матушка, княгиня имѣла тонкія и пріятныя черты лица. Она замѣчательно хорошо играла на роялѣ. Звуки свободно неслись изъ-подъ ея рукъ. Часто она импровизировала и приводила въ восторгъ слушателей. Послѣ сказаннаго читатель удивится, что у этой прекрасной женщины были самые бѣдные крестьяне въ уѣздѣ, ходившіе по-міру по сосѣднимъ деревнямъ. Отецъ мой не любилъ княгини и не бывалъ у нея.

Ен—ва была добрая женщина, но лѣнива и безпечна отъ природы. Всю жизнь она проводила въ гостиной, на диванѣ или за роялемъ. Домомъ и сельскимъ хозяйствомъ управляли: дворецкій Василій Ивановичъ и его жена, Афимья Степановна. Послѣдняя разсердится на какого-нибудь крестьянина, придетъ къ барынѣ и доложитъ:

— Матушка, ваше сіятельство, Сидоръ Петровъ давеча не хотѣлъ идти на барщину. Его надо бы посѣчь.

Княгиня кротко отвѣтитъ:

— Ну, посѣки, Афимьюшка, да только немножко; такъ лишь попугай его.

А на конюшнѣ бѣднаго Сидора Петрова безпощадно исколотятъ подъ наблюденіемъ злобной и хитрой Афимьи и ея достойнаго супруга.

Такъ въ крѣпостное время велось дѣло не у одной моей тетки. Множество помѣщиковъ, отъ природы не злыхъ, не жадныхъ, совершали дурныя дѣянія собственно потому, что были безхарактерны и находились въ рукахъ приближенныхъ къ нимъ лицъ, носившихъ офиціальную кличку ихъ же рабовъ.

Нерѣдко посѣщалъ наше семейство двоюродный братъ отца, Павелъ Алексѣевичъ Пѣхтинъ, генералъ-маіоръ въ отставкѣ. Лѣто онъ проводилъ въ селѣ Глухаревѣ, въ сосѣдствѣ Тагашева, а зиму въ собственномъ домѣ въ Казани. Пѣхтинъ былъ пожилой человѣкъ, внушительной фигуры, носилъ рыжеватый парикъ, съ большимъ хохломъ, ходилъ, крѣпко опираясь на палку. Онъ никогда не разставался съ георгіевскимъ крестомъ. Про него одинъ изъ казанскихъ поэтовъ написалъ:

. . . . сей видный генералъ
Рожденъ, чтобы его прохожій почиталъ;
Къ гостямъ является онъ въ сюртукѣ на ватѣ,
А крестъ Георгія онъ носитъ на халатѣ.

Пріѣздъ генерала въ Тагашево для насъ, дѣтей, составлялъ цѣлую эпоху. И было чѣмъ любоваться. На большой дворъ въѣзжали два громадные экипажа. Впереди поѣзда гарцовалъ верхомъ наѣздникъ, съ ружьемъ черезъ плечо, сзади его двигалась коляска съ вооруженнымъ лакеемъ на козлахъ, съ генераломъ и генеральшею. Изъ коляски, за выходомъ изъ нея господъ, вынимались ружья, пистолеты и сабли, которые генералъ бралъ съ собою, какъ необходимыя принадлежности своего чина. Въ тарантасѣ помѣ-

щался маленькій сынъ Пѣхтина съ гувернанткою и нянькой. Оригинально, что гувернантка обязана была обращаться съ пятилѣтнимъ питомцемъ, какъ съ настоящимъ генераломъ, и величать его: ваше превосходительство. Пѣхтинъ, вообще, былъ человѣкъ добрый, но крайне чувствительный къ своему званію. Имѣніемъ онъ не занимался, а управлялъ имъ крѣпостной его человѣкъ Андрей, дѣлавшій съ крестьянами все, что ему хотѣлось. Если же при докладѣ Андрей забывалъ генералу говорить: «ваше превосходительство», то виноватаго немедленно отправляли въ темный карцеръ. Затѣмъ онъ обязанъ былъ явиться въ комнаты и благодарить барина за науку. При такомъ случаѣ самъ генералъ выносилъ Андрею рюмку водки и, какъ ни въ чемъ не бывало, произносилъ:

— Пей на здоровье!

Андрей проглатывалъ водку, кланялся и отправлялся на деревню вымещать свое униженіе.

Памятна также мнѣ тетушка Прасковья Егоровна. Она была двоюродная сестра моего отца, но, кажется, старше его годами. Маленькая ростомъ, тщедушная, съ лицомъ, какъ печеное яблоко. Тетушка имѣла замѣчательную способность залпомъ выпускать тысячи словъ. Въ рукахъ она носила большой ридикюль, съ которымъ никогда не разставалась. Отецъ увѣрялъ, что въ этомъ ридикюлѣ всегда готовыми лежали сто жалобъ, сто кляузъ. Если ридикюль уменьшался хотя на одну жалобу, то тетушка приходила въ безпокойство, придиралась къ кому-нибудь, чтобы наполнить свой ридикюль опредѣленнымъ количествомъ кляузъ. Онѣ были ея страстью. Присутственныя мѣста, помѣщавшіяся въ былое время въ Казанской крѣпости, страшно боялись извѣстнаго дребезжанія старомодной пролетки, на стоячихъ рессорахъ, принадлежавшей тетушкѣ. На высокихъ козлахъ возсѣдалъ старикъ Филатъ, одѣтый въ толстый суконный, порыжѣлый отъ времени, кафтанъ домаш-

няго издѣлія; въ рукахъ его были веревочныя возжи. Пролетку везли двѣ клячи, которымъ вмѣстѣ было не менѣе пятидесяти лѣтъ. Тетушка ѣхала важно, не смотря по сторонамъ, и трясла головою. Завидя ее въ окна подъѣзжавшею къ присутственному зданію, писцы бѣжали торопливо къ столамъ и наклонялись низко надъ бумагами, дабы тетушка ихъ не замѣтила. Бѣда была несчастному, обратившему на себя ея вниманіе. Прасковья Егоровна тыкала дерзкаго въ плечо и произносила:

— Вставай, крапивное сѣмя. Что уставился на меня, точно быкъ, котораго ведутъ на убой? Не бойся, не съѣмъ. Куда дѣвался секретарь? Отчего онъ не на мѣстѣ? Все, чай, по мамзелькамъ бѣгаетъ. Вы привыкли только обирать всѣхъ.Гдѣ предсѣдатель палаты? Небось еще глазъ не продралъ послѣ картежнаго вечера? Ахъ, вы, лежебоки, дармоѣды этакіе!

Тетушка оглядывалась и высматривала, гдѣ бы присѣсть и разложить свои бумаги. Неожиданно она подходила къ избранному чиновнику и сгоняла со стула.

— Ну, ты разсѣлся, точно важная персона! Передъ дворянкою можешь и постоять.

Старушка вынимала изъ бездоннаго ридикюля, къ удивленію оробѣвшаго чиновничества, большую кучу бумагъ, измятыхъ и истрепанныхъ. Въ нихъ таились жалобы на всю губернію. Предсѣдатель палаты съ ужасомъ помышлялъ о предстоящемъ свиданіи съ тетушкою. Онъ вздыхалъ, онъ курилъ въ своемъ роскошномъ кабинетѣ, и пугливо оглядывался на отворявшуюся дверь.

На меня съ дѣтства неотразимо вліялъ мой крѣпостной человѣкъ. Звали его Гаврилой. Онъ былъ лѣтъ тридцати и состоялъ камердинеромъ при отцѣ. Гаврила имѣлъ симпатичное лицо, слегка попорченное оспою. Умные, большіе глаза вдумчиво смотрѣли на человѣка, съ которымъ ему приходилось говорить. Гаврила все видѣлъ, все понималъ.

Памятью онъ обладалъ феноменальною. Онъ зналъ наизусть не только «Конька-горбунка», «поэмы Пушкина и Лермонтова», но даже «Тараса Бульбу» и «Мертвыя души». Гаврила не былъ грамотнымъ, а слушалъ, какъ читали мои старшіе братья, и все читанное свободно запоминалъ навсегда. Гаврила искусно и краснорѣчиво разсказывалъ. Онъ зналъ множество сказокъ, и я его заслушивался. Высшее наслажденіе было для меня присосѣдиться къ Гаврилѣ вечеромъ въ лакейской, когда онъ сядетъ на скамью, подобравъ подъ себя ноги, и что-нибудь шьетъ. Гаврила зналъ портняжное ремесло. Тутъ я погружался вмѣстѣ съ разсказчикомъ въ волшебный міръ, перелеталъ моря на коврѣ-самолетѣ, сражался съ богатырями или змѣемъ, искалъ царь-птицу въ недоступныхъ странахъ. Чудное, невозвратное время!

Однако я долженъ признаться, что открытый мнѣ Гаврилой міръ заставилъ меня усиленно любить книгу. Я задавался вопросомъ: не выдумалъ же Гаврила все, что онъ такъ прекрасно передавалъ въ сказкахъ, а навѣрно онѣ гдѣ-нибудь напечатаны? И вотъ, потихоньку отъ всѣхъ, на деньги, которыя мать иногда давала мнѣ на лакомства, я покупалъ на толкучкѣ разныя книжки. Я помню, что тогда въ какомъ-то сборникѣ прочелъ «Горную идиллію» Гейне.

Замѣчательно, что Гаврила въ крѣпостное право не выпилъ рюмки водки, а со дня освобожденія крестьянъ запилъ горькую и покончилъ жизнь у порога кабака. Между тѣмъ, онъ былъ очень самолюбивъ, и простой выговоръ отца приводилъ его въ возбужденіе. Въ 1865 году, слѣдовательно, четыре года спустя послѣ эмансипаціи, произошелъ у насъ въ домѣ слѣдующій мелкій, но характерный случай. Гаврила, служившій, какъ и прежде, при моемъ отцѣ, чѣмъ-то ему не угодилъ, и отецъ хотѣлъ его сгоряча ударить. Гаврила почтительно замѣтилъ:

— Нѣтъ, батюшка, Павелъ Яковлевичъ, нынче драться нельзя, а то можно и мировому пожаловаться.

Отецъ задумался и даже затосковалъ.

— Какъ,—говорилъ онъ мнѣ,—Ганька, котораго я въ крѣпостное время могъ бить безнаказанно, теперь грозитъ мнѣ мировымъ судьей! И странное дѣло: когда можно было драть, я не дралъ никого, а теперь такъ руки и зудятъ. Уговори, пожалуйста, Ганьку, чтобъ я его побилъ. Ну, что у него убудетъ, если его же старый, прирожденный баринъ побьетъ ему морду?

Мнѣ стало жалко этого добраго, благороднѣйшаго человѣка, не могшаго примириться съ новыми требованіями эпохи, ему невѣдомыми и чуждыми.

Нечего дѣлать, пошелъ говорить съ Гаврилой. Я ему доказывалъ, что отецъ, когда могъ, никогда его не обижалъ; что можно и потѣшить старика, сказать ему: «Богъ съ вами, обижайте, коли хотите». Гаврила махнулъ рукой и отправился въ кабинетъ.

— Ты что?—спросилъ отецъ.

— Да пришелъ къ вашей милости. Простите, что позволилъ себѣ вамъ отвѣтить. Прибейте меня, дурака.

Отецъ улыбнулся. Онъ быстро вынулъ изъ-подъ подушки бисерный кошелекъ, вынулъ изъ него бумажку и подалъ ее слугѣ.

— Слушай,—сказалъ онъ,—вотъ тебѣ три рубля за напрасную обиду. Но помни, затрещина будетъ за тобой, если ты чѣмъ-нибудь меня разсердишь. Теперь же я драться не могу. Вѣдь, я не звѣрь.

Со дня упомянутаго событія Гаврила и отецъ мирно жили. Гаврила и глаза закрылъ своему барину.

Въ іюлѣ 1849 года пришла бумага о доставленіи меня осенью во Второй Московскій Кадетскій Корпусъ. Съ трепетомъ я прислушивался къ разговорамъ объ ожидающей меня будущности. И вотъ, наступило 9 октября, когда я

разстался съ дѣтствомъ, родными и Казанью. Только-что экипажъ выѣхалъ изъ нашей улицы и приблизился къ Казанскому монастырю, огромная масса народа загородила намъ путь. Оказалось, что въ ту минуту втаскивали большой колоколъ на колокольню.

— Это поднимается завѣса твоей новой жизни,—проговорила сквозь слезы моя матушка,—и да будетъ благословеніе Божіе навѣки съ тобой.

Я заплакалъ. Смутно передо мной мелькали сотни домовъ, экипажей, прохожихъ. Наконецъ мы очутились среди пустырей, покатили по какой-то узкой, возвышенной дорогѣ, по сторонамъ которой тянулись въ широкую даль зеленые луга. Вотъ мы и у переправы. Это Волга съ ея неизмѣримымъ просторомъ, ея красивымъ, нагорнымъ берегомъ, покрытымъ вѣковымъ лѣсомъ. А тамъ, за этою многоводною рѣкой, открывается мнѣ невѣдомая, еще невиданная даль, еще прикрытая таинственными завѣсами жизнь.

Прощай, мое дѣтство.

Глава II.

Въ кадетскомъ корпусѣ.

Кадетскій корпусъ въ началѣ пятидесятыхъ годовъ.—Ротные командиры Зейнъ и Антоновъ.—Севастопольская кампанія.—Смерть брата Павла подъ Севастопольскими стѣнами.—Раненый братъ Николай; отправка въ дѣйствующую армію третьяго брата.—Героизмъ нашихъ отцовъ.—Императоръ Николай среди кадетъ.—Новое царствованіе.—Вѣяніе либеральныхъ идей.—Реформаторъ подпоручикъ Ларіоновъ.—Учителя Альбертини и Назаровъ.—Генералъ О. и полковникъ де-В.—Нашъ корпусный журналъ.—Московскій профессоръ П. М. Леонтьевъ.—Знакомство съ И. С. Тургеневымъ. — Нашъ литературный кружокъ. — Яковъ Ивановичъ Ростовцевъ.—Мое письмо къ нему и его отвѣтъ.—Дядя мой статсъ-секретарь Владиміръ Ивановичъ Панаевъ.—Его совѣты.—Выпускъ въ офицеры.

Кадетская жизнь до конца сороковыхъ годовъ хорошо всѣмъ извѣстна. Она была описана нѣсколько разъ, и общій типъ ея уясненъ исторической литературой. Что же касается періода корпусовъ съ начала царствованія Александра II вплоть до ихъ превращенія въ военныя гимназіи въ 1863 году, то, если я не ошибаюсь, его никто еще не затрогивалъ въ нашей печати. Между тѣмъ, упомянутый періодъ крайне интересенъ. Вліяніе подготовлявшихся реформъ къ обновленію всего строя русской жизни не могло не отразиться на внутреннемъ бытѣ корпусовъ. Я помню: точно по щучьему велѣнью стала падать желѣзная дисциплина николаевскаго режима; его суровые представители постепенно куда-то уходили; на ихъ смѣну появлялись

личности мягкія, вѣжливыя, разсуждающія, смѣявшіяся надъ тѣмъ, что только-что умерло, предъ чѣмъ они сами только-что трепетали. Вотъ этого-то разсвѣта александровской эры, начавшейся блистательно, поработившей все старое, а въ концѣ-концовъ приведшей насъ къ страшной катастрофѣ восьмидесятыхъ годовъ, мнѣ и хочется коснуться, по мѣрѣ силъ, въ краткихъ, но рельефныхъ чертахъ. Большинство лицъ, о которыхъ придется говорить въ этой главѣ, давно уже въ могилѣ, а потому правдивое слово не потревожитъ ихъ вѣчнаго сна.

Я поступилъ въ роту капитана Зейна, человѣка большого роста, съ густыми, вьющимися волосами, брюнета, съ выразительнымъ лицомъ. Онъ управлялся съ кадетами безъ церемоніи, деспотически. Оттрепать мальчика, нарвать ему уши, дать ему подзатыльникъ было обыденнымъ явленіемъ. Вставали мы въ семь часовъ утра, чистились, мылись и выходили на молитву. Еще не завтракавши, мы учились фронтовымъ пріемамъ подъ надзоромъ унтеръ-офицеровъ второго карабинернаго полка. Это былъ народъ молодцоватый, вымуштрованный, стянутый въ таліи въ рюмочку. Мы любовались стройными карабинерами и старались подражать ихъ необыкновенной выправкѣ. Въ восемь часовъ мы пили чай съ молокомъ или сбитень съ булкой, а въ девять часовъ отправлялись въ классы. Въ нихъ мы проводили время до двѣнадцати часовъ; потомъ намъ давали по куску чернаго хлѣба съ солью и гнали на фронтовое ученье съ ружьями, продолжавшееся до обѣда. Въ два часа мы обѣдали. Обѣдъ всегда состоялъ изъ трехъ блюдъ; столъ сервировался серебряными ложками 84-й пробы. Я упоминаю о подобной мелочи, ибо, очевидно, правительство желало отмѣтить въ насъ дѣтей привилегированнаго сословія. По окончаніи обѣда, до возобновленія классовъ въ четыре часа, мы были предоставлены свободѣ, гуляли по рекреаціонной залѣ и играли въ разныя игры,

особенно въ чехарду. Виновные въ чемъ-либо кадеты ставились посреди залы на штрафъ и иногда простаивали по нѣсколько дней и даже ночей. Я, какъ шаловливый и живой ребенокъ, нерѣдко подвергался упомянутому наказанію. Въ семь часовъ вечера кончались классы, и мы отправлялись въ особыя комнаты для приготовленія уроковъ на завтра. Въ девять часовъ мы ужинали двумя блюдами, а черезъ часъ уже ложились спать. Таковъ былъ нашъ день по росписанію, но онъ измѣнялся по прихоти Зейна. Часто, по его приказанію, мы выплясывали послѣ ужина характерные танцы, какъ - то: матлотъ, качучу, менуэтъ, гросъ-фатеръ. Обучалъ насъ этому искусству извѣстный въ то время въ Москвѣ балетмейстеръ, Петръ Алексѣевичъ Ермоловъ. Мы его любили за доброту; видѣли, что онъ сильно печалился, когда Зейнъ задавалъ маленькому кадетику здоровую трепку за неловкое па или ошибку въ танцахъ. Если же Зейнъ былъ недоволенъ цѣлой ротой, то онъ приказывалъ ей раздѣваться. Въ однѣхъ рубашкахъ насъ водили по цѣлымъ часамъ, въ ногу, по холоднымъ лѣстницамъ, корридорамъ, заламъ и спальной. Такое времяпровожденіе, названное нами «шельмованіемъ», продолжалось до глубокой ночи. Замѣчательно то, что о немъ ничего не зналъ директоръ корпуса, свитскій генералъ О. Между нами царилъ духъ товарищества и героизма, запрещавшій намъ жаловаться на притѣсненія ближайшаго начальства. Командованіе Зейна ротой продолжалось четыре года. Исчезъ онъ изъ корпуса внезапно, обобравши состоятельныхъ родителей многихъ кадетъ. Разсказывали, что онъ получилъ мѣсто оберъ-провіантмейстера гдѣ-то на югѣ. Въ распоряженіи Зейна имѣлись два казенныхъ парохода, о которыхъ онъ донесъ въ Петербургъ, что они погибли на морѣ отъ бури. На самомъ дѣлѣ пароходы были цѣлы. Зейнъ приказалъ ихъ выкрасить въ другую краску, далъ имъ новыя названія и перево-

зилъ на нихъ, за особую плату, интендантскій хлѣбъ. Всѣ продѣлки Зейна открылись, его отдали подъ судъ и привезли въ Петербургъ. Здѣсь онъ застрѣлился, не дождавшись рѣшенія своей участи. Ему преемникомъ былъ вполнѣ достойный его человѣкъ: штабсъ-капитанъ Василій Петровичъ Антоновъ. Мрачный и желчный на видъ, со впалою грудью, съ трясущейся головой, онъ глядѣлъ на каждаго кадета, какъ на жертву своихъ тиранических наклонностей. Онъ имѣлъ привычку подходить къ избранному мученику тихонько, съ улыбкой на лицѣ. Онъ кротко его бралъ за нижнюю часть уха и начиналъ ее, молча, подвинчивать. Если жертва вскрикивала, то ей же было хуже. Антоновъ свирѣпѣлъ и открыто накидывался на кадета. Такъ, Фенину онъ вырвалъ изъ головы большой клокъ волосъ, навѣки подаривъ его обширною плѣшью. Когда Антоновъ дежурилъ по корпусу, то ночью, около дивана, на которомъ онъ спалъ, стояло на колѣняхъ, въ однѣхъ рубашкахъ, нѣсколько воспитанниковъ его роты. Если, во время пробужденія, онъ заставалъ кадетиковъ спящими, то билъ ихъ безпощадно.

Можно безъ преувеличенія сказать, что Антоновъ находилъ наслажденіе въ мучительствахъ. Онъ даже былъ остроуменъ съ своими жертвами. Одному шалуну онъ сказалъ: «Стой на штрафу, пока подметки не сгніютъ». Недѣли двѣ стоялъ кадетъ, но, наконецъ, возроптал. Онъ поджарилъ подметки на огнѣ, подошелъ смиренно къ ротному командиру и доложилъ: «простите; у меня подметки сгнили». Молча, покачалъ головой начальникъ, и вдругъ крикнулъ:

— Стой на штрафу, мерзавецъ, пока самъ не сгніешь!

Въ другой разъ, кадету, стоявшему на лагерной линейкѣ чуть ли не цѣлый мѣсяцъ и морщившемуся отъ солнечныхъ лучей, онъ замѣтилъ:

— Чтò гримасничаешь, негодяй? Совѣсть не чиста, на свѣтъ Божій не смѣешь смотрѣть!

Антоновъ велѣлъ сдѣлать деревянную подставку, чтобы жертва не опускала головы...

Великій праздникъ былъ для меня, когда совершился мой переводъ въ старшую роту. Замѣчательно, когда я сталъ большимъ кадетомъ, то Антоновъ, встрѣчаясь со мной, всегда опускалъ внизъ глаза. Очевидно, ему совѣстно было глядѣть на предметъ своихъ прошлыхъ истязаній.

Война 1853 года оживила кадетскую жизнь. Вѣдь, эта война близко насъ касалась. Наши отцы, наши дяди, наши старшіе братья дрались и умирали подъ стѣнами Силистріи или въ горныхъ долинахъ Азіатской Турціи. Всякое извѣстіе съ боевыхъ полей мы выслушивали съ жадностью.

Когда былъ опубликованъ подвигъ Щеголева, то мы опьянѣли отъ гордости. Подвигъ совершилъ бывшій кадетъ! Два благородные брата героя были нашими товарищами, жили среди насъ, и мы ихъ чествовали, какъ родственниковъ великаго человѣка. Во время танцевъ мы требовали, чтобы музыканты играли польку-Щеголевъ, только-что вышедшую въ печати. Мы съ восторгомъ выучивали письмо Наслѣдника Цесаревича, посланное Щеголеву и начинавшееся необыкновенными словами: «Голубчикъ Щеголевъ». Подъ вліяніемъ охватившаго воспитанниковъ и начальниковъ патріотическаго энтузіазма мы забывали невзгоды кадетскаго быта и жили одною мыслью съ нашими войсками. Кампанія разгоралась; дѣло дошло до славнаго Севастополя. Мои два кровные брата, офицеръ Николай и юнкеръ Павелъ, сражались подъ его стѣнами. Павелъ присылалъ длинныя и любопытныя письма отцу о Севастопольской жизни. Отецъ изъ нихъ снабжалъ меня выписками и добавлялъ: „Благодарю Бога, что онъ далъ мнѣ возможность послать двухъ сыновей сражаться за Царя и Отечество. Выростай скорѣе, чтобы идти по

слѣдамъ твоихъ храбрыхъ братьевъ. Суворовы были всегда вѣрными слугами своихъ государей“.

Удивительно помнится мнѣ описываемая эпоха. Вскорѣ послѣ знаменитаго штурма 28-го августа, я получилъ изъ дому письмо, извѣщавшее, что братъ Павелъ, бывшій въ числѣ охотниковъ, убитъ въ ночь на 28-е августа, подъ Севастополемъ, а братъ Николай получилъ четыре раны, въ томъ числѣ одну штыковую въ грудь.

Родители мои поплакали о незабвенномъ сынѣ, отслужили по немъ панихиду въ своей деревенской церкви и немедленно стали снаряжать на войну третьяго брата Аркадія, которому только-что минуло восьмнадцать лѣтъ.

Отслуживъ напутственный молебенъ и благословивъ Аркадія образомъ Казанской Божіей Матери, мать обратилась къ нему со словами:

— Ты не смотри на мои слезы. Я грѣшу. Плакать не нужно о тѣхъ, которые умираютъ за родину и законнаго Царя. Ихъ мѣсто въ раю. А ты будь и на воинскомъ полѣ дворяниномъ. Да сохранитъ тебя Пречистая Матерь Божія.

Аркадію не суждено было добраться до Крыма; миръ засталъ его въ дорогѣ; онъ опредѣлился въ одинъ изъ полковъ, оставшихся во внутреннихъ губерніяхъ.

Неожиданная смерть императора Николая какъ громомъ поразила Россію. Я находился больнымъ въ лазаретѣ и помню, что старшій докторъ Петръ Ивановичъ Дегаевъ прибѣжалъ къ намъ съ растеряннымъ видомъ и кричалъ:

— Дѣти! молитесь! Нашъ славный царь скончался!

Глубоко вкоренились во мнѣ мужественныя и красивыя черты покойнаго императора. Навѣщалъ онъ нашъ корпусъ почти ежегодно, и всегда въ поношенномъ платьѣ и съ каской въ лѣвой рукѣ. Онъ любилъ шутить съ кадетами. Однажды, во время обѣда, подойдя къ столу, гдѣ находились воспитанники средняго возраста, онъ сказалъ сидѣвшему съ краю толстяку К—у:

— Ну, ты, кажется, больно много мѣста занялъ, подвинься.

Была за обѣдомъ гречневая каша, которую кадеты особенно любили. Царь удивился, что его сосѣдъ, нисколько не стѣсняясь близостью къ государю, съѣлъ исправно глубокую, верхомъ наполненную, тарелку и попросилъ себѣ прибавки.

Императоръ улыбнулся и освѣдомился у директора: хорошо ли учится любитель каши? Директоръ отвѣтилъ утвердительно. Тогда монархъ, обращаясь къ К—у, громко сказалъ: «Смотри, выростешь, съ такимъ же усердіемъ истребляй враговъ своего государя, съ какимъ теперь ѣшь кашу».

Въ другой пріѣздъ императора Николая мы стояли въ спальняхъ, по кроватямъ. Императоръ изволилъ на мнѣ остановить вниманіе. Онъ разспросилъ меня о родословной и сталъ гладить рукой мои богатые, курчавые волосы. Директоръ, чего-то испугавшись, вдругъ некстати вмѣшался:

— Мы не успѣли, ваше величество, перестричь всѣхъ кадетовъ.

Государь, любуясь моими волосами, замѣтилъ:

— Жаль стричь такіе чудные волосы.

Эти царскія слова имѣли для меня громадное значеніе. Во все дальнѣйшее пребываніе мое въ корпусѣ начальство снисходительно смотрѣло на то, что я дозволялъ себѣ носить относительно длинныя кудри.

Мы обожали императора Николая и горько плакали на первой о немъ панихидѣ. Новое царствованіе принесло для насъ новые порядки. Вдругъ тѣ лица, которыя на насъ кричали, стали мягче обращаться съ нами. Появились дежурные офицеры, говорившіе кадетамъ *вы*. Намъ стали примѣрять мундиры безъ фалдъ, съ опущенными полами; отъ насъ требовали, чтобы мы не перетягивались въ таліи. Словомъ, пошло что-то иное, еще не извѣданное нами. Показался въ нашей ротѣ офицеръ Одесскаго пѣхотнаго полка подпоручикъ Иванъ Петровичъ Ларіоновъ, молодой, вы-

сокаго роста, человѣкъ, и громко возгласилъ: «Чего вы, дурни, молитесь? Бога нѣтъ!» Немедленно образовались кучки кадетъ, сдѣлавшихся ярыми поклонниками его ученія. Изъ нихъ одинъ и нынѣ занимаетъ довольно видный и отвѣтственный постъ въ большомъ азіатскомъ государствѣ, а другой сдѣлался благоразумнымъ, почтеннымъ дѣятелемъ въ одномъ изъ кадетскихъ корпусовъ. Ученіе Ларіонова, произведшее переломъ въ нашей жизни, сразу дало ей новое теченіе. Большинство малолѣтнихъ кадетъ, молившееся открыто предъ ротнымъ образомъ при отправленіи въ классы, стало стѣсняться своей молитвы. Надъ вѣрующими появились насмѣшки со стороны ларіонистовъ. Послѣдніе утверждали, что души у человѣка нѣтъ, и въ доказательство показывали литографированную брошюру Бюхнера «Stoff und Kraft», въ которой говорилось о про исхожденіи всего живущаго изъ клѣточки. Впервые кадеты услышали, что есть писатель Герценъ, что онъ находится въ Лондонѣ и издаетъ журналъ *Колоколъ*. По рукамъ ходила рукопись: «Былое и думы».

Въ разсказываемое время я уже былъ развитой юноша; я зачитывался не романами Сю, Дюма, Поль-де-Кока, а имѣлъ непреоборимую наклонность прочитывать такія книги, какъ «Консульство и Имперія» Тьера, «Исторія» Шлоссера, «Завоеваніе Мексики» Прескотта. Нашихъ лучшихъ писателей я помнилъ почти наизусть, хорошо былъ знакомъ съ Шекспиромъ, Гете, Шиллеромъ, Байрономъ и другими міровыми свѣтилами. Поэтому, идеи Ларіонова на меня не оказали вліянія; онъ меня возненавидѣлъ именно за то, что я не почиталъ въ немъ великаго представителя мысли. Я шелъ своею дорогой и задумалъ издавать журналъ. Онъ имѣлъ названіе *Вѣстникъ*. Первыя тетради его литографировались въ нашей корпусной литографіи съ разрѣшенія начальства. На обложкахъ журнала значилось: «Издатели П. Суворовъ и А. Хребтовъ». Въ журналѣ по-

мѣщались только оригинальныя статьи кадетъ по разнымъ отраслямъ наукъ и искусствъ. У меня и до сихъ поръ сохранились два нумера *Вѣстника.* На третьей книжкѣ *Вѣстникъ* прекратился по приказанію директора, замѣтившаго, что журналъ сталъ возбуждать кадетскія страсти. Мою любовь къ литературѣ много поддерживали два учителя. Одинъ изъ нихъ преподавалъ словесность. То былъ князь Николай Степановичъ Назаровъ, оставшійся до своей кончины, въ 1871 году, моимъ лучшимъ и вѣрнымъ другомъ. Николай Викентьевичъ Альбертини. талантливо читалъ намъ законовѣдѣніе и всеобщую исторію. Впослѣдствіи онъ много писалъ въ *Отечественныхъ Запискахъ* Краевскаго и въ *С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ* Корша. Упомянутые учителя не только терпѣливо прочитывали все, что я писалъ и переводилъ, но снабжали меня книгами изъ своихъ библіотекъ, давали направленіе моему чтенію. Конечно, по ихъ предметамъ я шелъ первымъ ученикомъ. Находясь въ пятомъ общемъ классѣ, я писалъ сочиненія для выпускныхъ кадетъ III спеціальнаго класса, переходившихъ въ Военныя Академіи. Старшіе товарищи получали за такія сочиненія лучшіе баллы. Отъ Назарова и Альбертини мы впервые услышали живое слово, стремленіе къ свѣту, къ свободѣ совѣсти, къ гласности. Въ 1856 году вышли въ печати *Губернскіе очерки* Щедрина и произвели сенсацію въ русскомъ обществѣ. Въ одну изъ лекцій Назаровъ принесъ намъ *Очерки* и подробно выяснилъ ихъ значеніе для нашей литературы. Въ томъ же году Катковъ дебютировалъ предъ публикой журналомъ *Русскій Вѣстникъ*, и Альбертини обратилъ наше вниманіе на прекрасные, поэтичные разсказы Марка Вовчекъ.

Нашему инспектору классовъ, молодому гвардейскому полковнику Николаю Ивановичу де-В., нравились личности въ родѣ Назарова и Альбертини. Они поднимали нравственный авторитетъ заведенія и заставляли говорить о

немъ городское общество. Де-В. былъ большой честолюбецъ и глубокій эгоистъ. Тамъ, гдѣ представлялась возможность выставить себя съ выгодной стороны, онъ ничего не жалѣлъ. Онъ охотно тратилъ казенныя деньги, лишь бы показать, что онъ человѣкъ современный, либеральный, гуманный. Онъ устраивалъ для насъ блестящіе балы, съ знаменитымъ оркестромъ Максимиліана Сакса; онъ приглашалъ читать на наши литературные вечера Щепкина, Садовскаго, Шумскаго, но онъ же проводилъ своихъ бездарныхъ любимцевъ въ гвардію, а способныхъ, не прыгавшихъ предъ нимъ кадетъ, въ армію и гарнизонъ. Полковникъ де-В. въ корпусѣ имѣлъ громадную силу. Генералъ О. не былъ спеціально приготовленъ къ воспитанію военнаго юношества. Благородный, самолюбивый, довѣрчивый и лѣнивый, онъ заботился лишь о томъ, чтобъ его безпокоили, какъ можно меньше. Отъ кадетъ онъ требовалъ рыцарства въ поведеніи и безусловнаго сознанія своей вины въ минуты проступка. Мы отлично понимали своего директора и гордились имъ, не требуя отъ него того, чего онъ намъ дать не могъ. За то, какъ я замѣтилъ выше, фактическимъ хозяиномъ корпуса являлся де-В. Онъ давалъ тонъ и направленіе жизненнымъ нервамъ кадетъ.

Въ концѣ пятидесятыхъ годовъ, посѣтивъ какъ-то Назарова, я неожиданно встрѣтился съ человѣкомъ небольшого роста, среднихъ лѣтъ, горбатымъ, съ золотыми очками на носу, съ умнымъ и выразительнымъ лицомъ. Разговоръ шелъ о классическихъ древностяхъ. Гость въ очкахъ съ жаромъ рисовалъ жизнь до-христіанскаго Рима. Я заслушался его и осмѣлился вставить въ разговоръ двѣ, три фразы. Гость неожиданно крѣпко пожалъ мнѣ руку и сказалъ:

— Мнѣ очень пріятно будетъ, если вы меня посѣтите. Я люблю обѣщающее юношество.

Оказалось, что предо мною былъ знаменитый классикъ, московскій профессоръ Павелъ Михайловичъ Леонтьевъ. Въ описываемое время онъ жилъ въ Армянскомъ переулкѣ, близъ Покровки, занимая очень скромную квартиру на одномъ дворѣ съ типографіей, печатавшей *Русскій Вѣстникъ*.

Павелъ Михайловичъ былъ человѣкъ одинокій, погруженный въ книги и рукописи. Онъ не любилъ говорить о пустякахъ и быстро вводилъ васъ въ любимый имъ классическій міръ, говоря, что безъ его изученія человѣкъ никогда не можетъ обладать широкимъ умственнымъ кругозоромъ. По воззрѣніямъ Леонтьева, классическіе языки таятъ въ себѣ такія свойства для мыслителей гимнастики, какія не имѣются въ языкахъ новѣйшихъ народовъ. Характеры Грековъ и Римлянъ представляютъ законченные типы умственнаго могущества. Позднѣйшіе христіанскіе вѣка ни своими открытіями, ни своимъ нравственнымъ величіемъ не умаляютъ заслугъ классическихъ народовъ въ области общечеловѣческаго прогресса. Чтобы красоты вселенной являлись во всемъ безграничномъ объемѣ предъ духовными очами человѣка, надобно постигнуть выраженіе Сократа: «Я знаю, что я ничего не знаю». Никакой современный психологъ не въ состояніи анализировать таинственные изгибы души столь тонко, какъ древнѣйшіе трагики: Есхилъ, Софоклъ и Еврипидъ.

Я былъ подъ чарующимъ вліяніемъ даровитаго и добраго Леонтьева. Благодаря ему, я основательно ознакомился съ литературой классическихъ государствъ. До сихъ поръ въ моей деревенской библіотекѣ свято сохраняются книги сборника *Пропилеи*, подаренныя мнѣ почтеннымъ профессоромъ и изданныя имъ въ 1856, 1857 и 1858 годахъ. Въ нихъ помѣщены, между прочимъ, «Римскія женщины» Кудрявцева, вышедшія позже отдѣльнымъ изданіемъ, статья Грановскаго «Чтеніе Нибура о древней исторіи».

Упоминаю объ этихъ фактахъ потому, что Павелъ Михайловичъ, давая книжки своего сборника, обращалъ мое вниманіе на выдающіяся въ немъ статьи и говорилъ:

— Я считалъ бы себя счастливѣйшимъ человѣкомъ, когда могъ бы оставить въ наслѣдіе соотечественникамъ въ прекрасныхъ переводахъ лучшія сочиненія римскихъ писателей до-христіанской эпохи.

По указанію Павла Михайловича я познакомился съ Иваномъ Сергѣевичемъ Тургеневымъ, въ бытность его въ Москвѣ зимой 1859 года. Тургеневъ тогда только-что напечаталъ въ *Русскомъ Вѣстникѣ* повѣсть «Накануне», жадно прочтенную обществомъ. Мы увлекались не только художественною стороной означеннаго сочиненія, но и тѣмъ, что Инсаровъ задачей своей жизни поставилъ освобожденіе Болгаріи. Слово «освобожденіе» въ то время, когда подготовлялась правительствомъ крестьянская реформа, дѣйствовало обаятельно на наши молодыя головы. Мы благоговѣли предъ Тургеневымъ. Съ трепетомъ я переступилъ порогъ дома, въ которомъ остановился Тургеневъ. Это былъ, кажется, домъ Удѣльнаго Вѣдомства на Пречистенскомъ бульварѣ. Тургеневъ поселился въ квартирѣ Маслова. Передо мной предстала массивная фигура человѣка лѣтъ сорока, съ полусѣдыми волосами, зачесанными назадъ, и съ крупными чисто-русскими чертами лица. Писатель былъ одѣтъ въ сѣрую суконную тужурку, съ отложными лацканами изъ краснаго сукна. Онъ пристально смотрѣлъ на меня, поздоровался и сказалъ:

— Очень радъ васъ привѣтствовать, молодой человѣкъ. Пойдемте и потолкуемъ.

Не вынимая своей руки изъ моей, Тургеневъ повелъ меня во вторую комнату, служившую, повидимому, кабинетомъ хозяину.

Направо отъ дверей стоялъ диванъ, съ овальнымъ предъ нимъ столомъ, съ нѣсколькими креслами кругомъ дивана.

На столѣ возвышалась старинная лампа. На другой сторонѣ комнаты красовался придвинутый къ стѣнѣ массивный письменный столъ. На немъ въ безпорядкѣ лежали разныя бумаги. Тургеневъ посадилъ меня на диванъ, а самъ напротивъ опустился въ глубокое кресло.

— Ну,—началъ онъ,—ваше письмо меня сильно заинтересовало. У насъ такъ мало людей, истинно любящихъ литературу, что отъ души привѣтствуешь каждое новое дарованіе. Вы мнѣ прочтете что-нибудь изъ вашихъ произведеній.

Дрожащими руками я вынулъ изъ кармана кадетскаго мундира маленькую тетрадку. То была небольшая поэма *Вечеръ въ деревнѣ*. Въ ней описывалась восторженная дѣвушка, любившая природу. Она искала сочувствія своимъ порывамъ и не находила его въ лицахъ, ее окружающихъ. Увлеклась она однимъ молодымъ человѣкомъ, случайно заступившимся за нее предъ матерью, укорявшей дочь въ излишнихъ увлеченіяхъ. Дѣвушка находилась подъ вліяніемъ добрыхъ словъ гостя, думала найти въ немъ горячее, поэтическое сердце, но онъ оказался самою заурядною личностью. Въ чудный, весенній вечеръ, въ минуту страстнаго признанія дѣвушки, юноша неожиданно заснулъ на садовой скамейкѣ. Понятно разочарованіе нѣжной души, оскорбленной въ своихъ ожиданіяхъ.

Тургеневъ, обхвативъ голову обѣими руками, слушалъ поэму. Когда я кончилъ читать, онъ быстро всталъ, протянулъ впередъ объятія и крѣпко меня поцѣловалъ. Рѣчь Тургенева полилась потокомъ.

Онъ заговорилъ о Пушкинѣ, о всеобъемлемости его генія. объ изящной простотѣ его стиховъ; радовался тому, что я его понимаю и люблю; приводилъ на память стихи «*Поэтъ, не дорожи любовію народной*», и увѣрялъ, что каждый писатель, подобно этому поэту, долженъ находить удовлетвореніе въ себѣ самомъ, въ сознаніи собственнаго твор-

чества. Затѣмъ Тургеневъ перешелъ къ тому, что̀ на языкѣ литературы зовется художественною правдой. Онъ выразился, что этой правды недостаетъ писателямъ пятидесятыхъ годовъ, представляющимъ слишкомъ въ реальныхъ краскахъ нашу жизнь. Онъ привелъ въ примѣръ Писемскаго и Островскаго, не расширяющихъ, по его мнѣнію, умственнаго кругозора читателя, не затрогивающихъ въ немъ возвышенныхъ чувствъ. Тургеневъ много говорилъ объ истинѣ, благѣ, красотѣ, всегда живущихъ въ настоящемъ поэтѣ, и упомянулъ, что никто такъ не богатъ означенными качествами, какъ Гете и Шиллеръ, Пушкинъ и Лермонтовъ.

— Кто знаетъ,—закончилъ онъ, — что̀ васъ ожидаетъ? Пишите, мыслите много, но не торопитесь выходить на общественный судъ. Само время вызоветъ васъ на широкую арену.

Тургеневъ просилъ меня писать и присылать изрѣдка ему свои произведенія. При разставаньи онъ еще разъ меня обнялъ и прибавилъ, шутя:

— Вы и наружностью напоминаете Пушкина.

Я пришелъ въ корпусъ въ сумасшедшемъ состояніи, поздно вечеромъ. Долго не могъ я заснуть; и во снѣ мнѣ слышался нѣсколько шепелявый, но симпатичный голосъ Тургенева; я летѣлъ въ высь и долго не могъ уяснить звуковъ барабана, призывающаго кадетъ къ пробужденію.

Мое знакомство съ Тургеневымъ, а особенно вскорѣ полученное отъ него изъ Петербурга большое письмо пріобрѣли мнѣ выдающееся положеніе не только у однокашниковъ, но и въ средѣ начальства. Я былъ литераторомъ, признаннымъ цѣлымъ корпусомъ; моимъ писаніемъ всѣ интересовались, прислушивались къ тому, что мной говорилось. Я основалъ общество подъ названіемъ «Скромныхъ любителей литературы», и въ него вошли кадеты, впослѣдствіи ставшіе крупными дѣятелями на общественномъ и лите-

ратурномъ поприщахъ. Назову художника и писателя Н. Н. Каразина, заслуженныхъ профессоровъ Военно-юридической и Инженерной Академіи В. М. Володимірова и А. А. Веденяпина, сенатора Е. А. Куровскаго, военнаго судью въ Москвѣ генерала М. М. Шуцкаго. Упомянутыя лица были моими истинными друзьями на кадетской скамейкѣ, такими они остались и донынѣ въ жизни. Въ свободное отъ занятій время нашъ кружокъ удалялся въ какую-нибудь классную комнату; одинъ изъ насъ читалъ громко выдающееся произведеніе изъ нашей или иностранной литературы, а часто и свое. Послѣ чтенія мы спорили о прочитанномъ, выбирали предметъ для будущей бесѣды и расходились спать съ просвѣтленною мыслью и радостнымъ чувствомъ на сердцѣ. Помню, что въ описываемыя, незабвенныя минуты кадетскаго быта Каразинъ любилъ рисовать на классныхъ тетрадкахъ остроумныя каррикатуры на начальствующихъ лицъ. Однако, во главѣ ихъ всѣхъ стояла высокая историческая личность. Я говорю о генералъ-адъютантѣ Яковѣ Ивановичѣ Ростовцевѣ. Онъ былъ человѣкъ замѣчательный. Онъ управлялъ военно-учебными заведеніями, и кадеты обожали его. Пріѣздъ Ростовцева въ Москву ознаменовался для насъ рядомъ празднествъ. Онъ насъ ласкалъ, какъ собственныхъ дѣтей, дурачился съ нами, а въ лагеряхъ купался. Личная просьба кадета, если она касалась устройства его семьи, то-есть опредѣленія брата или сестры въ казенное заведеніе, быстро исполнялась Яковомъ Ивановичемъ. Онъ немного заикался, и этотъ недостатокъ придавалъ особую симпатичность его разговору. Довольно полный, даже круглообразный, Ростовцевъ имѣлъ крупныя черты лица, обросшія сѣдыми бакенбардами и усами. На головѣ онъ носилъ большой хохолъ съ завиткомъ. Яковъ Ивановичъ сильно душился. Вообще, онъ напоминалъ своимъ видомъ добродушнаго льва, хотя умѣлъ строго наказывать и, кажется, былъ очень само-

любивъ. Императоръ Александръ II особенно любилъ Якова Ивановича. Когда онъ пріѣзжалъ въ Москву одинъ, то передавалъ отъ имени Ростовцева намъ поклонъ въ слѣдующихъ знаменательныхъ выраженіяхъ:

— Дѣти, я привезъ вамъ поклонъ отъ любящаго васъ Якова Ивановича.

Уже долго спустя послѣ смерти послѣдняго я слышалъ отъ сенатора Н. П. Синельникова любопытный разсказъ, живо рисующій характеръ взаимныхъ отношеній покойнаго Императора и Ростовцева. Онъ рѣзко разошелся съ министромъ Народнаго Просвѣщенія Авраамомъ Сергѣевичемъ Норовымъ во мнѣніяхъ по выработкѣ учебниковъ для кадетскихъ корпусовъ. Государь, узнавъ объ этомъ, послалъ собственноручную записку Якову Ивановичу, въ которой мягко выразилъ желаніе о прекращеніи ссоры. Ростовцевъ не замедлилъ исполнить волю монарха, о чемъ и увѣдомилъ его въ такой формѣ:

«Обнимаю благоговѣйно колѣни моего повелителя, примирившаго Авраама съ Іаковомъ».

Читатель не удивится послѣ сказаннаго, что, желая быть выпущеннымъ изъ корпуса съ гражданскимъ чиномъ для поступленія въ университетъ, я возымѣлъ дерзкую мысль: помимо ближайшаго начальства письменно обратиться къ Якову Ивановичу и высказать ему мои горести. Я началъ письмо съ того, что мы, кадеты, привыкли смотрѣть на него, какъ на отца, и что я съ сыновнею почтительностью и довѣрчивостью къ нему обращаюсь. Далѣе говорилось, что я съ дѣтства находился подъ особымъ вліяніемъ природы и жизни; что онѣ возбуждали во мнѣ рядъ восторженныхъ впечатлѣній, дарили меня чудными видѣніями, порождали во мнѣ стройные образы, мысли и картины; я упоминалъ о своемъ необыкновенномъ влеченіи къ познанію исторіи человѣчества, къ изученію его обширной литературы. Въ концѣ письма я просилъ Якова Ивановалось-

ча объ отеческомъ участіи въ моей юности, объ опредѣленіи меня на службу въ Публичную Библіотеку съ тѣмъ, чтобы мнѣ дана была возможность слушать университетскія лекціи.

Три недѣли я ждалъ отвѣта, страшно исхудалъ въ невѣдѣніи своей судьбы. Все могло случиться. Небывалое обращеніе мальчишки къ главному начальнику всѣхъ корпусовъ могло за собою повлечь страшныя для меня послѣдствія. Все зависѣло отъ того, какъ примется мое письмо. Нужно здѣсь кстати замѣтить, что въ то время въ Петербургѣ жилъ тайный совѣтникъ, статсъ-секретарь, Владиміръ Ивановичъ Панаевъ. Онъ былъ изъ числа любимцевъ Императора Николая и занималъ должность директора канцеляріи Министерства Двора. Панаевъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, считался литераторомъ. Есть отдѣльное изданіе его «Идиллій». Портретъ Панаева имѣется въ книгѣ «Сто русскихъ литераторовъ». Женился онъ на двоюродной сестрѣ моей матери, Прасковьѣ Александровнѣ Жмакиной, дочери сенатора, и очень любилъ мою мать. Съ нею онъ изрѣдка переписывался. Сообразивъ приведенное и отправивъ письмо къ Ростовцеву, я нашелъ нужнымъ написать и Владиміру Ивановичу. Я полагалъ, что Панаевъ, во всякомъ случаѣ, смягчитъ гнѣвъ на меня Якова Ивановича, если послѣдній сочтетъ мое къ нему обращеніе за необыкновенную вину.

Однажды, въ мартѣ мѣсяцѣ 1859 года, послѣ обѣда, когда мы гуляли по рекреаціонной залѣ, въ нее вошелъ неожиданно нашъ ротный командиръ, капитанъ Павелъ Семеновичъ Бондыревъ. Онъ былъ маленькій человѣчекъ, добрый, неразвитой, съ тоненькимъ голосомъ. Въ рукахъ его находился большой, нераспечатанный пакетъ за круглою, красною печатью. Бондыревъ громко назвалъ мою фамилію и прибавилъ:

— Какую-такую переписку ты затѣялъ съ Яковомъ Ивановичемъ?

Я промолчалъ. На пакетѣ значилась надпись:

«Воспитаннику второго Московскаго кадетскаго корпуса Петру Суворову».

Внизу надписано: «Отъ начальника штаба военно-учебныхъ заведенiй».

Надобно замѣтить, что офицiально главнымъ начальникомъ кадетскихъ корпусовъ числился въ то время самъ Государь Императоръ, а Ростовцевъ носилъ званiе начальника штаба военно-учебныхъ заведенiй. Слѣдовательно, письмо ко мнѣ было лично отъ него. Я дрожащими руками распечаталъ пакетъ, моментально радостно пробѣжалъ первыя строки письма и передалъ его Бондыреву со словами:

— Читайте сами, я не въ силахъ.

Бондыревъ поправилъ на своемъ кругленькомъ носу толстыя золотыя очки и во всеуслышанiе прочелъ, выкрикивая отдѣльныя слова:

Любезный Суворовъ,

Я получилъ твое письмо, благодарю тебя за довѣрiе и съ такимъ же довѣрiемъ тебѣ отвѣчаю. Къ твоему несчастью, изъ кадетскихъ корпусовъ выпускаютъ съ гражданскими чинами лишь воспитанниковъ, имѣющихъ крупные физическiе недостатки, неудобные къ продолженiю военной службы. Изъ твоего письма я не вижу, страдаешь ты или нѣтъ какимъ-нибудь внѣшнимъ порокомъ, но убѣждаюсь, что ты юноша совершенно развитой и благонамѣренный. Желая тебѣ, во всякомъ случаѣ, помочь, я прошу тебя показать это письмо твоему доброму директору, и мы, сообща, постараемся устроить твою будущую судьбу.

Богъ тебя благословитъ.

Iаковъ Ростовцевъ.

Я плакалъ и цѣловалъ драгоцѣнныя строки, а кругомъ меня раздавалось громкое «ура» моихъ товарищей и голосъ капитана, призывавшаго роту къ порядку.

Черезъ нѣсколько дней пришло письмо и отъ Панаева. Въ немъ, между прочимъ, значилось: «Письмо ваше отъ 10 марта читалъ я съ истиннымъ удовольствіемъ. И изложеніе, и образъ мыслей, и чувства ваши, въ немъ изъясненныя, дѣлаютъ вамъ честь. Самое изложеніе письма показываетъ, что вы имѣете призваніе къ литературѣ, и да благословитъ Богъ путь, вами избранный.

«Я не замедлилъ видѣться и объясниться съ Яковомъ Ивановичемъ. Впослѣдствіи онъ сказывалъ мнѣ, что писалъ уже вамъ два раза и ждетъ отвѣта отъ вашего начальника».

Въ концѣ письма говорилось: «Не излишнимъ считаю сообщить вамъ практическое замѣчаніе: нынѣшніе молодые люди, посвящающіе себя литературѣ, по большей части, бываютъ безполезны для службы. Прежде было не такъ: въ одномъ лицѣ соединялся писатель и человѣкъ государственный. Теперь этого нѣтъ. Имѣйте на будущее время въ виду мое замѣчаніе».

Моя переписка съ именитыми людьми Россіи не нравилась моему корпусному начальству. Ни разу «добрый директоръ» не позвалъ меня къ себѣ, чтобы поговорить по поводу писемъ Якова Ивановича и дяди. Полковникъ де-В.. при встрѣчахъ со мной, старался меня не замѣчать. Видимо, оба названныхъ человѣка, несмотря на прославленное ихъ благородство, хлопотали какъ-нибудь отъ меня избавиться.

Въ декабрѣ 1859 года скончался, проѣздомъ съ Кавказа, въ Харьковѣ мой дядя Панаевъ, а въ февралѣ 1860 года ушелъ въ могилу и незабвенный генералъ-адъютантъ Ростовцевъ. Начальство стало дѣйствовать смѣлѣе и не дало мнѣ кончить курса. Въ іюнѣ упомянутаго года я былъ выпущенъ въ офицеры въ одинъ изъ мѣстныхъ баталіоновъ, въ Казань. Экзаменъ изъ словесныхъ наукъ былъ выдержанъ мною блистательно. При многочисленномъ со-

бранiи профессоровъ, учителей и кадетъ я бойко отвѣчалъ на самые трудные вопросы по исторiи литературы, далеко выходящiе изъ корпусной программы. Затѣмъ я прочелъ свое стихотворенiе *Барклай предъ Бородинскою битвой*, удостоившееся полнаго одобренiя собравшихся ученыхъ. За отличный экзаменъ я получилъ въ подарокъ нѣсколько книгъ, въ роскошныхъ переплетахъ, въ числѣ которыхъ находились: сочиненiя Грановскаго, Шекспиръ въ переводѣ Кетчера, Исторiя Литературы Милюкова и Басни Крылова.

Я вступилъ въ дѣйствительную жизнь съ широкими надеждами, съ мыслями о служенiи на благо моей родинѣ, съ открытыми объятiями всему прекрасному и доброму въ жизни. Но откуда возникли во мнѣ эти чувства, когда корпусъ во многомъ, повидимому, не могъ удовлетворить высокимъ потребностямъ юношеской души? На это надобно искать отвѣта въ самыхъ условiяхъ кадетскаго быта пятидесятыхъ годовъ. Мы десять или девять лѣтъ дышали однимъ воздухомъ, одними впечатлѣнiями, подчинялись одному строгому, опредѣленному режиму. Изъ этихъ источниковъ выработалась въ насъ вѣковѣчная крѣпость товарищескихъ привязанностей. Мы всѣ были спартанцы. Въ банѣ, въ морозы, мы лежали, смѣясь, подъ ледянымъ фонтаномъ со смѣющимся амуромъ. Мы играли въ лапту мячами, въ которыхъ было зашито по три штуцерныхъ пули, обернутыхъ засмоленными веревками. И, слава Богу, никто изъ насъ не умеръ отъ удара страшнаго мяча. Корпусная жизнь, несмотря на ея наружную грубость, давала намъ массу свѣтлыхъ явленiй въ видѣ разумныхъ наставниковъ, не отказавшихся отъ ознакомленiя насъ съ современными реформенными движенiями русскаго общества. Наконецъ, мы съ весны почти ежедневно гуляли въ богатыхъ дворцовыхъ садахъ, читали въ нихъ, что хотѣли. Забытые обширные пруды, свидѣтели роскошнаго быта

нашихъ предковъ, полуразрушенныя, прихотливыя бесѣдки съ греческими колонками, разбросанныя по саду статуи въ задумчивыхъ позахъ, подъ тѣнью вѣковыхъ липъ,— о, какъ все это много говоритъ сердцу, пробужденному къ жизни или взволнованному ея предчувствіемъ.

Я люблю корпусъ моего времени. Время стерло все непріятное.

Я, человѣкъ подъ шестьдесятъ лѣтъ, воскресаю сердцемъ, когда приближаюсь къ корпусному мосту черезъ Яузу. Обширность открывающихся садовъ и полей, родныя подъ зеленою крышей зданія, въ которыхъ проведено совмѣстно съ товарищами столько лѣтъ, волнуютъ старческую кровь. Образы свѣтлаго, далекаго прошлаго возстаютъ въ воображеніи.

О, дорогіе юноши! Умѣйте любить свое время; лучшіе его соки впитайте въ кровь свою. Зрѣлые годы покажутъ вамъ значеніе сказаннаго, и старость ваша будетъ отраднѣе и человѣчнѣе.

Глава III.

Казань въ началѣ шестидесятыхъ годовъ.—Губернаторъ генералъ К.—Провинція передъ крестьянскою реформой.—Г-жа Толмачева.— Чтеніе ею въ Перми „Египетскихъ ночей". — Самоубійство князя Е—ва. — Казанская интеллигенція. — Кружокъ моего отца.—Освобожденіе крестьянъ. —Его первое впечатлѣніе.—Начало крестьянскихъ волненій.—Безднинское дѣло.—Баккалавръ Щаповъ.—Походъ на усмиреніе крестьянъ села Теньки въ 1862 году.—Военнополевые суды. — Временное генералъ-губернаторство Тимашева.—Казнь офицеровъ-поляковъ въ Казани.—Симбирскіе пожары. — Маіоръ Б—скій. — Скоропостижная смерть сенатора Жданова на Волжскихъ Горахъ.

То былъ дореформенный городъ. Въ 1860 году Казань еще не помышляла ни о водопроводѣ, ни о конно-желѣзныхъ дорогахъ, ни о газовомъ освѣщеніи. Несмотря на то, что въ ней существовалъ университетъ, она погружена была въ традиціонную, сонливую неподвижность. Даже лучшіе профессора не избѣжали тлетворнаго вліянія послѣдней. Они женились на дочеряхъ мѣстныхъ помѣщиковъ и, мало-по-малу, сливались съ ихъ интересами и привычками. Я здѣсь могъ бы назвать ученыхъ того времени, много обѣщавшихъ наукѣ и ничего не сдѣлавшихъ для нея въ силу упомянутыхъ обстоятельствъ. Съ самаго ранняго утра Казань давала себя знать своею отсталостью. По всѣмъ улицамъ раздавался протяжный, заунывный возгласъ: «Воды кабанной! воды!» Это кричали водовозы, развозившіе мутную жидкость изъ озера Кабана, подходящаго къ самому городу и простирающагося верстъ на двадцать въ

длину и ширину. Казанцы издавна любили это болото, бросали и свозили въ него всякую дрянь и нечистоты со своихъ дворовъ, и изъ него же пили воду. Тогдашній поэтъ, впослѣдствіи извѣстный публицистъ, писавшій въ *Современникѣ* и *Отечественныхъ Запискахъ* «Внутреннее обозрѣніе», Николай Александровичъ Демертъ, такъ воспѣвалъ старую Казань:

О, Казань! ты, Казань, многогрѣшная,
За грѣхи наказалъ тебя Богъ;
Темнота въ тебѣ вѣчно кромѣшная,
Нѣтъ въ тебѣ ни воды, ни дорогъ...

И, дѣйствительно, все въ Казани было въ первобытномъ состояніи. Мостовыя содержались въ такомъ видѣ, что ломали экипажи; тротуары, въ свою очередь, ломали прохожимъ ноги. По ночамъ на улицахъ царила непроницаемая тьма. Кое-гдѣ по нимъ мелькали тусклые и вонючіе фонари, заправленные масломъ. Губернатору, генералу К—ву, человѣку не глупому, пожилому, но хотѣвшему жить, было не до интересовъ города. Почти ежедневно, вечеромъ, онъ скакалъ по Казани то верхомъ, то въ шарабанѣ съ англійской упряжью, четверней, съ арапомъ въ красной одеждѣ позади. Это онъ, старый кавалеристъ, возвращался отъ одной изъ своихъ многочисленныхъ слабостей. Генерала К—ва не любили въ губерніи и не уважали. Особенно студенты съ нимъ имѣли частыя столкновенія. Разсердившись разъ на губернатора, они выпустили на Воскресенскую улицу козла, вооруженнаго большими очками. Начальникъ губерніи, ходившій въ очкахъ, конечно, узналъ въ злополучномъ козлѣ собственный портретъ. Виновника означенной шутки не нашли.

Я останавливаюсь надъ этими мелочами потому, что считаю ихъ характерными для описываемой эпохи. Вѣдь, приближался день освобожденія крестьянъ, а въ провинціи, начиная съ губернатора, никто не былъ приготовленъ къ

ожидавшейся величайшей реформѣ. Въ какихъ формахъ она проявится въ дѣйствительности? Какъ къ ней отнесутся разныя сословія государства? Никто ничего не вѣдалъ. Въ интеллигентномъ обществѣ ярко выдѣлялись двѣ стороны: старое и молодое поколѣніе. Собственно между ними и происходила идейная борьба. Мужикъ, придавленный вѣковымъ рабствомъ, не признавалъ никакихъ умѣренностей. Онъ ждалъ свободы безграничной, то-есть съ барскою землей и даже не платежомъ податей. Помѣщикъ, привыкшій ко власти, не понималъ, какъ онъ будетъ существовать безъ дарового труда. Образованная молодежь, начитавшаяся Герцена, Чернышевскаго, Добролюбова, Некрасова, смѣялась надъ пугливостью своихъ отцовъ. Не углубляясь въ разрѣшеніе вопросовъ, что настоящее есть результатъ прошедшаго; что ни народъ, ни отдѣльный человѣкъ не могутъ существовать безъ связи съ преданіемъ, съ историческими условіями, юное поколѣніе требовало разрушенія старыхъ завѣтовъ, надлома семейныхъ отношеній, упраздненія вѣрованій, свободной любви, всеобщаго равенства. Эти идеи неслись на парахъ; онѣ охватывали собою горячія головы и парализовали протесты старшихъ, махавшихъ безпомощно руками и съ поднятыми къ небу очами восклицавшихъ: Да будетъ воля Твоя!

Противная сторона ликовала. Сами власти, охваченныя идейными потоками, молча, созерцали надвигающіеся факты. Въ литературѣ, еще до напечатанія безобразнаго романа «Что дѣлать?» появилось изящное произведеніе крупнаго таланта, нынѣ забытаго. Я говорю объ Авдѣевѣ и его «Подводномъ камнѣ». Это произведеніе жадно читалось и комментировалось на разные лады. Чуть ли не впервые брачный вопросъ былъ поставленъ ребромъ, но въ такой деликатной формѣ, которая свойственна только истинному художнику. Вслѣдъ за «Подводнымъ камнемъ», случилось на берегу Камы маленькое происшествіе, произведшее боль-

шой шумъ во всемъ русскомъ обществѣ. Дочь казанскаго профессора, Эверсмана, обладавшая замѣчательною красотою, Евгенія Эдуардовна, вышедшая замужъ за Толмачева, прочла на публичномъ вечерѣ въ городѣ Перми «Египетскія ночи» Пушкина. Приведенный случай не имѣлъ бы значенія, если бы г-жа Толмачева не задумала показаться передъ очарованными слушателями въ костюмѣ Клеопатры. Скандалъ произошелъ крупный.. Я лично зналъ Евгенію Эдуардовну. Я познакомился съ ней въ 1862 году въ домѣ ея брата, Николая Эдуардовича, на Сергіевскихъ минеральныхъ водахъ. Она была среднихъ лѣтъ, эффектна и кокетлива. Неудивительно, что, при произнесеніи ею стиховъ:

Скажите, кто межъ вами купитъ
Цѣною жизни ночь мою?

въ залѣ раздались неистовые крики: я! я! я!

Нашелся въ то смутное время въ нашей журналистикѣ человѣкъ высокой души, протестовавшій противъ оригинальнаго поступка прекрасной женщины. То былъ поэтъ, Петръ Исаевичъ Вейнбергъ, помѣстившій въ журналѣ *Вѣкъ* громовую статью о г-жѣ Толмачевой. Статья подписана псевдонимомъ: Камень Виногоровъ. Она дорого обошлась автору. Общество, шедшее въ либеральныхъ вопросахъ по наклонной плоскости, устами многочисленныхъ литераторовъ принялось бичевать Вейнберга. Наши лучшіе представители беллетристики, какъ-то: Гончаровъ, Тургеневъ, Некрасовъ, Авдѣевъ и другіе послали г-жѣ Толмачевой пышный адресъ, наполненный громкими фразами о свободѣ и гражданскомъ значеніи женщины. Подписавшихся подъ адресомъ было нѣсколько десятковъ.

Еще года за два до описанныхъ фактовъ, зимою 1861 года, въ Казани произошелъ другой случай, рѣзко говорившій за то, что вопросъ объ упраздненіи старыхъ семейныхъ порядковъ молодымъ поколѣніемъ былъ поставленъ

уже на очередь. Какъ-то утромъ, въ мою квартиру, въ полной парадной формѣ явился мой двоюродный братъ, прапорщикъ, князь Иванъ Аполлоновичъ Ен—евъ. Ему было двадцать лѣтъ. Онъ женатъ былъ всего двѣ недѣли.

Я обратилъ вниманіе на его блѣдно-мертвенное лицо, на его блуждающій взглядъ и спросилъ:

— Что съ тобою?

Князь растерянно отвѣчалъ:

— Позволь полежать нѣкоторое время на твоей постели.

Я велѣлъ человѣку приготовить кровать для гостя, помогъ ему раздѣться, а самъ сталъ торопиться на службу. Въ головѣ моей не было никакихъ подозрѣній. Ен—ева я не видалъ со дня его свадьбы и ничего не зналъ: въ какихъ отношеніяхъ находится онъ съ женою?

Я вернулся въ квартиру около трехъ часовъ пополудни. Меня поразила большая толпа народа, окружавшая домъ, и нѣсколько экипажей, стоявшихъ у подъѣзда. Бывшій крѣпостной человѣкъ Гаврила встрѣтилъ меня съ печальнымъ лицомъ и тихо проговорилъ:

— У насъ несчастье. Князь изволилъ отравиться.

Въ домѣ находились: полицейскій приставъ, докторъ и судебный слѣдователь. Они съ нѣкоторымъ изумленіемъ на меня смотрѣли, а слѣдователь ядовито замѣтилъ:

— Странно, что для своей смерти князь избралъ вашу квартиру.

Только при этихъ словахъ я вспомнилъ страшную блѣдность князя и мгновенно сообразилъ, что онъ пришелъ ко мнѣ уже отравленный. Судорожно схвативъ руки доктора и слѣдователя, я побѣжалъ съ ними въ спальню.

Съ искаженнымъ лицомъ, съ прилипшими ко лбу мокрыми волосами, лежалъ передъ нами молодой человѣкъ и протяжно стоналъ. Увидѣвъ меня, онъ едва слышно проговорилъ:

— Прости, братъ. Я отравился дома мышьякомъ, но

тамъ тяжело было умирать. Ради Бога похорони, а то она броситъ меня, какъ собаку...

Бѣдняга умолкъ, но черезъ минуту неистово закричалъ отъ невыразимыхъ мукъ. Онъ скончался только къ вечеру.

Неожиданное самоубійство князя, котораго знало лучшее казанское общество, взволновало весь городъ. Часовня университета, гдѣ лежалъ уже обмытый трупъ, была полна народу. Особенно много присутствовало дамъ. Онѣ покупали карточки покойнаго въ фотографіяхъ за большія деньги.

Я послалъ записку молодой вдовѣ и просилъ, чтобы къ двумъ часамъ дня все было готово въ квартирѣ для принятія тѣла.

Въ назначенный часъ погребальная процессія, въ сопровожденіи духовенства и длиннаго ряда экипажей, подошла къ дому на Верхне-Ѳедоровской улицѣ, въ которомъ жилъ князь. Ворота и подъѣздъ были заперты. На дворѣ слышался лай собакъ. Народъ, пораженный неожиданною тишиной въ роковомъ жилищѣ, началъ волноваться. Два городовыхъ перелѣзли заборъ, отогнали крикливыхъ собакъ и отворили ворота. Гробъ былъ внесенъ на дворъ, но парадный подъѣздъ оказался закрытымъ. Я побѣжалъ на заднее крыльцо, миновалъ кухню, корридоръ и очутился въ изящной столовой, ярко освѣщенной хрустальною люстрой, привѣшенной къ потолку. За самоваромъ сидѣло нѣсколько молодыхъ людей, весело болтавшихъ съ княгиней. Она курила папиросу и смѣялась.

Я не буду описывать сцены, послѣдовавшей вслѣдъ за моимъ появленіемъ. Я не помнилъ себя. Два поклонника княгини, студенты Слѣпневъ и еврей Пелевинъ, *) спрятались въ гардеробномъ шкафу; сама вдова умоляла ее оставить въ спальнѣ. Когда открылась квартира, то въ толпѣ раздались угрозы.

---

*) Фамилія не настоящая.

Заглянемъ въ закулисную сторону несчастнаго и импровизированнаго брака.

Княгиня Анна Андреевна Е—ва была дочь уважаемаго въ Казани доктора, Андрея Самойловича Любовича-Дроздовскаго. Она воспитывалась въ Родіоновскомъ институтѣ и девятнадцати лѣтъ вышла замужъ. Съ восковымъ лицомъ, бѣлобрысая, съ тонкимъ носомъ и сжатыми губами, она совсѣмъ не представлялась привлекательной. Выйдя изъ учебнаго заведенія тогда, когда отецъ ея лежалъ уже въ могилѣ, дѣвушка попала въ руки старой тетки, г-жи Ленцъ, разыгрывавшей роль покровительницы юнаго поколѣнія и его либеральныхъ стремленій. Домъ ея былъ полонъ студентами. Между ними находились Слѣпневъ и Пелевинъ. Бѣдные, но смѣлые, они скоро овладѣли дѣвушкою. Раньше Тургеневскаго Базарова они ей преподавали уроки о естественномъ сближеніи двухъ половъ, о комической формѣ установленныхъ браковъ. Они внушили своей жертвѣ преступную мысль: отыскать богатаго мужа, воспользоваться его состояніемъ, а затѣмъ отравить по рецепту, ими составленному. Подъ руки подвернулся князь неопытный, красивый, съ хорошими средствами. Онъ былъ ограниченъ, неразвитъ и съ слабымъ характеромъ. Истинный продуктъ крѣпостного права, воспитанный женщинами, онъ не выработалъ въ себѣ ни воли для борьбы съ обстоятельствами, ни уваженія къ своему человѣческому достоинству. Аннѣ Андреевнѣ стоило немного пококетничать, и князь отдался ей въ руки. Пышная свадьба была отпразднована. Гости разъѣхались, огни погашены. Молодые остались одни. Предъ носомъ мужа княгиня заперла на замокъ двери спальни и громко сказала:

— Пока вы свое имѣніе не перепишете на мое имя. до тѣхъ поръ я не буду вашей.

Убитый горемъ, князь не зналъ, что дѣлать; онъ проходилъ цѣлую ночь, какъ тѣнь, по комнатамъ квартиры,

останавливался, прислушивался, плакалъ. А изъ спальни доносился смѣхъ, слышался мужской голосъ...

Несчастный уѣхалъ къ матери. Не говоря ей ничего о своихъ странныхъ отношеніяхъ къ женѣ, онъ умолялъ старую княгиню формально передать ему деревню. Умная, наблюдательная, размышляющая, Прасковья Григорьевна сразу поняла, что съ сыномъ ея дѣлается что-то небывалое. Она наотрѣзъ отказала въ его просьбѣ и прибавила: «я не для твоей жены берегу состояніе, а тебѣ его берегу. Все, что получаю, я отдаю тебѣ. Но я вижу, жена тебя не любитъ. Ты не улучшишь своего положенія, передавъ ей капиталъ и землю. Она все-таки тебя броситъ». Князь вернулся въ Казань. Стояло раннее утро. Свѣтъ чуть-чуть прокрадывался въ комнаты. Онъ тихонько прошелъ въ кабинетъ, надѣлъ туфли и заглянулъ въ гостиную. Двери спальни были полуоткрыты. Онъ инстинктивно направился къ нимъ... Увидавъ еврея Пелевина въ комнатѣ жены, бѣдный юноша застоналъ и упалъ безъ чувствъ на полъ. Онъ очнулся въ кабинетѣ. Что-то въ немъ оборвалось. Откуда взялись силы? Глаза его блуждали. Онъ лепеталъ: «все кончено! Надобно умереть! Для чего жить? О, ужасная женщина! кого я любилъ?..» Онъ бѣгалъ по кабинету, какъ сумасшедшій, надѣлъ мундиръ, прицѣпилъ къ нему эполеты.

Одѣвшись, онъ схватилъ ядъ, какъ всѣ ничтожныя натуры, безъ размышленія, безъ остановки. Руки его дрожали:

— Надобно принять,—шепталъ онъ,—скорѣе, скорѣе! Только бы не умереть здѣсь...

Онъ вышелъ на улицу. Холодный воздухъ освѣжилъ его горѣвшее лицо. Онъ жадно потянулъ въ себя морозную струю и проговорилъ:

— Сколько еще осталось жить? Я ничего не соображу. Начинаетъ жечь горло. Надобно куда-нибудь идти. Къ кому? Конечно, къ брату!... И князь очутился въ моей квартирѣ.

Прошло слишкомъ тридцать лѣтъ со времени разсказанной исторіи. Кажется, всѣ герои ея въ могилѣ, а и теперь она представляетъ нѣчто поучительное. Княгиня и два ея спутника—это піонеры тѣхъ нигилистовъ, которымъ суждено было впослѣдствіи подвергнуть тяжелому испытанію Русское царство. Они въ началѣ шестидесятыхъ годовъ играли около семейнаго очага; имъ еще и въ голову не приходили мысли о перестройкѣ государствъ на началахъ всеобщаго безвластія. Они, какъ черви, подтачивали въ тишинѣ разныхъ угловъ историческія основы своей родиды, не сознавая: что изъ этого выйдетъ? Чѣмъ замѣнить разрушаемое?

Въ Казани были интеллигентные дома, безъ всякой революціонной подкладки. Въ нихъ много читалось, говорилось, разсуждалось и легко проводилось время. Я никогда не забуду семейства: К. Н. Б—ча, брата извѣстнаго профессора, Василія Павловича Безо—ва и его умной, даровитой и развитой супруги. Я помню хорошо мою родственницу М. Н. П—ву урожденную Пѣхтину, у которой сталкивались всѣ выдающіяся лица образованныхъ классовъ. Какіе только вопросы не затрогивались на интимныхъ вечерахъ въ упомянутыхъ домахъ? Главнымъ образомъ, грядущее освобожденіе крестьянъ ожидалось съ радостнымъ чувствомъ. За нимъ выглядывала заря всеобщаго возрожденія, обновленія устарѣвшихъ порядковъ въ администраціи и въ жизни.

Къ «отцамъ» на этихъ бесѣдахъ относились съ уваженіемъ. При нихъ даже замалчивали крестьянскій вопросъ. Отцы чувствовали, все-таки, себя неловко при молодежи. Они собирались въ отдѣльный кружокъ, курили трубки, шептались между собою. Какъ живые, возстаютъ въ моей памяти симпатичные образы нашихъ старыхъ дворянъ: губернскаго предводителя Христофора Ивановича Нейкова, моего дяди Николая Андреевича Пѣхтина, губернскаго каз-

начея Мануйлова, Льва Силыча Григоровича, Христофора Ивановича Анучина. Они были друзьями моего отца. Я ихъ помню въ чаду табачнаго дыма. Лакеи разносятъ гостямъ безпрестанно заправленныя трубки. На столикахъ стоятъ стаканы съ крѣпкимъ чаемъ Старики подливаютъ въ него ромъ, слушаютъ терпѣливо рѣчь говорящаго пріятеля, качаютъ головами, иногда смѣются, иногда вздыхаютъ, оглядываясь: не слушаетъ ли ихъ кто изъ лакеевъ?

Этого кружка не чуждался жандармскій полковникъ Григорій Сергѣевичъ Ларіоновъ. Онъ былъ грубый добрякъ, считался мѣстнымъ помѣщикомъ и проживалъ въ Казани около тридцати лѣтъ. Поэтому, его старые дворяне любили и допускали въ свое общество. Разъ случилось такъ. Въ городѣ уже носились слухи о состоявшемся манифестѣ объ освобожденіи. Дворовые люди начинали волноваться и выходить изъ барской воли. Собравшись у дяди Пѣхтина, старики рьяно толковали о томъ, что правительство не принимаетъ мѣръ, чтобы успокоить помѣщиковъ. Мануйловъ громко сказалъ:

— Этакъ они сдѣлаютъ революцію и насъ всѣхъ перерѣжутъ.

Въ ту минуту въ комнатѣ показался Григорій Сергѣевичъ. Разговоръ мгновенно смолкъ. Ларіоновъ, поздоровавшись съ присутствовавшими, лукаво произнесъ:

— Что замолкли? Небось правительство костили? Все знаю. Ну-съ, я вамъ принесъ радостную вѣсть. Изъ Петербурга получена отъ шефа жандармовъ бумага, въ которой говорится, что Государь Императоръ повелѣлъ не обращать никакого вниманія на порицанія помѣщиками мѣропріятій высшихъ властей.

Поглядѣвъ кругомъ себя, полковникъ прибавилъ:

— Ругайтесь, господа, сколько угодно. Доносовъ не можетъ быть, да ихъ и не примутъ.

Онъ спросилъ трубку и принялся за чай. Всѣ оживились

Въ половинѣ марта 1861 года былъ полученъ въ Казани знаменитый манифестъ. Крѣпостные узнали о его прибытіи гораздо раньше, чѣмъ ихъ господа. Въ первое воскресенье, если не ошибаюсь, 17-го числа, Гаврила отправился къ поздней обѣднѣ. Вернувшись домой, онъ скромно вошелъ въ кабинетъ и доложилъ отцу, что слышалъ *волю*. Народъ ей не остался доволенъ, толкуютъ ее разно, но въ церкви многіе цѣловались. Бары и барыни старались скрыться въ толпѣ.

Отецъ молчалъ и курилъ трубку. Потомъ онъ вздохнулъ и спросилъ Гаврилу:

— Ну, а ты, Ганька, какъ думаешь, уйти?

Хитрый слуга отвѣчалъ:

— Объ этомъ, сударь, рано говорить. Не выгоните, до конца жизни буду служить милости вашей.

Въ скоромъ времени изъ деревень стали доходить до губернскаго начальства вѣсти о шатаніи крестьянскихъ умовъ. Въ привезенномъ положеніи находились статьи, сбивавшія съ толку помѣщиковъ и крестьянъ. Вопросъ о двухлѣтней службѣ дворовыхъ сѣялъ между ними смуту и недовольство. Слово: «временно обязанные» совершенно шло въ разрѣзъ съ представленіемъ крѣпостныхъ съ тою свободой, которой они ожидали. Терпѣливо снося ярмо рабства въ теченіе нѣсколькихъ вѣковъ, они теперь, по обнародованіи манифеста, ни одного дня не хотѣли оставаться въ обязательныхъ отношеніяхъ даже съ тѣми владѣльцами, которые имъ, кромѣ добра, ничего не дѣлали. Такъ, когда начали вводиться уставныя грамоты въ имѣніяхъ, отецъ съ удивленіемъ увидѣлъ въ Казани старосту и нѣсколько крестьянъ изъ своей деревни Осиновки, находящейся въ Лаишевскомъ уѣздѣ. Это почтенное посольство пріѣхало къ отцу хлопотать, чтобы онъ отпустилъ всѣхъ осиновцевъ на даровой надѣлъ. Тщетно старикъ доказывалъ, что осиновцы дѣлаютъ большую глупость; что теперь за три съ

половиною десятины они платятъ девять рублей въ годъ съ души, а потомъ будутъ нанимать у сосѣдей землю, можетъ быть, по пятнадцати рублей за десятину. Все было тщетно, крестьяне кланялись въ землю и умоляли.

— Не обижалъ ты насъ и не разорялъ. Много тобою довольны. Уважь насъ. Отпусти дураковъ на всѣ четыре стороны. Что дѣлать? Разоримся, сами виноваты будемъ. А ужъ дай намъ почуять «эту самую волю». Больно она сладка, говорятъ.

Осиновка вышла на десятину съ третью. Грустно замѣчать о томъ тяжеломъ положеніи, въ какомъ находится нынѣ эта деревня. Окруженная со всѣхъ сторонъ помѣщичьими землями, она платитъ до двадцати-пяти рублей за наемъ десятины на одинъ посѣвъ.

Что же страннаго послѣ сказаннаго, что явились смуты и волненія среди крестьянъ. Нашлись и постороннія враждебныя правительству силы, раздражавшія въ селахъ умы неразвитые, недовольные, увлеченные «плѣненною мыслью». Поднялось извѣстное Безднинское возстаніе въ Спасскомъ уѣздѣ съ порядочнымъ количествомъ убитыхъ жертвъ. Воспріимчивыя сердца учащагося юношества кипятились отъ преувеличенныхъ слуховъ о крутыхъ мѣрахъ, принятыхъ военнымъ начальствомъ для усмиренія бунтовщиковъ. Молодой, даровитый баккалавръ Казанской Духовной Академіи, Прокофій Аѳанасьевичъ Щаповъ, читавшій исторію въ университетѣ, произнесъ необдуманную рѣчь о безднинскихъ страдальцахъ. Студенты вмѣстѣ съ нимъ служили о погибшихъ панихиду. За эту рѣчь Щаповъ былъ высланъ административнымъ порядкомъ на свою родину, въ городъ Иркутскъ, гдѣ я съ нимъ и познакомился въ 1873 году.

Вслѣдъ за Бездною зашумѣли Теньки, богатое село, расположенное въ сорока верстахъ отъ Казани, на правомъ берегу Волги. Сколько помнится, оно принадлежало князю

Гагарину. Въ Теньки двинулся баталіонъ, въ которомъ служилъ и я. Глубоко сознавая, что намъ предстояло серьезное, а, быть можетъ, и кровавое дѣло, я невыразимо грустилъ. Моя юная впечатлительная натура цѣлый міръ охватывала своей любовью: всему живому она посылала лучшія пожеланія; всему страждущему свое сочувстіе. И вдругъ, въ силу долга, я шелъ на суровую расправу и чувствовалъ, что обязанъ его свято выполнить. Эта двойственность ощущеній отнимала у меня сонъ, аппетитъ, но, слава Богу, не разсудокъ.

Нашимъ отрядомъ командовалъ маіоръ Вержбицкій, начальникъ штаба казанскаго военнаго губернатора. Къ Тенькамъ мы приблизились около шести часовъ вечера. Вечеръ былъ лѣтній, тихій. Теньковскіе крестьяне, завидя издали блескъ ружейныхъ стволовъ на пароходѣ, громадною толпою растянулись по волжскому берегу, довольно отлогому. На всякій случай солдатамъ велѣно было принять мѣры предосторожности при выходѣ на берегъ. Быстро, вдоль него, отрядъ выстроился развернутымъ фронтомъ. Съ мертвымъ молчаніемъ Теньковцы слѣдили за военными эволюціями нашими. Но вотъ начальникъ отряда приказалъ имъ разойтись,—и они, ни слова не говоря, побрели по своимъ избамъ. Черезъ полчаса отрядъ размѣстился по обширному селу. Оказалось, что Теньковскіе крестьяне не соглашались подписать уставной грамоты, отказались отбывать полевую повинность. Нашлись негодяи, которые ихъ увѣряли, что вся барская земля имъ отдана Царемъ, но господа скрываютъ царское повелѣніе. Словомъ, въ Тенькахъ въ болѣе скромномъ видѣ повторилась безднинская исторія. Каждый день производился арестъ и допросъ заподозрѣнныхъ въ бунтѣ лицъ; нѣкоторыхъ изъ нихъ наказывали розгами. Все время пребыванія нашего въ Тенькахъ мы питались на счетъ крестьянъ.

Какъ-то вечеромъ я получилъ неожиданное предписаніе:

взять взводъ солдатъ, отправиться съ нимъ въ сосѣднюю деревню Шаблово и въ ней расположиться квартирами. Какъ ни непріятно было порученіе, а приходилось исполнять его самостоятельно, проклиная неожиданныя обстоятельства, свою исключительную гуманность. Мой небольшой отрядъ подошелъ къ Шаблову съ заряженными ружьями, съ примкнутыми штыками. Сердце мое сильно забилось, когда я увидѣлъ на околицѣ деревни шумѣвшую толпу. Солдаты шли по отдѣленіямъ. Я мысленно перекрестился, переборолъ въ себѣ чувство не-то боязни, не-то безотчетной тревоги, не-то жалости къ этой народной массѣ, очевидно, не понимавшей своихъ поступковъ. Я бодро и громко скомандовалъ: «Смирно! На плечо!» Барабанщикъ забилъ дробь. Мы торжественно остановились въ шагахъ пятидесяти отъ крестьянъ. Развернувъ фронтъ, я подошелъ къ толпѣ. Изъ нея никто не выдвинулся впередъ.

Я спросилъ:

— Гдѣ староста?

Общее молчаніе. Вопросъ повторился, и никто на него не отвѣчалъ. Видя упорство, я подошелъ къ близстоявшему крестьянину и приказалъ его арестовать. Я обратился къ толпѣ:

— Вы не хотите указать старосты, такъ арестованный вашъ однодеревенецъ, быть-можетъ, ни въ чемъ неповинный, будетъ мною сейчасъ же отправленъ въ Теньки, гдѣ стоитъ цѣлый баталіонъ. Его невиннаго больно накажутъ за ваше упрямство, а сюда пришлютъ еще солдатъ. Предупреждаю, мнѣ приказано, въ случаѣ надобности, въ васъ стрѣлять. Немедленно разойдитесь, безпрекословно слушайтесь моихъ унтеръ-офицеровъ. Они васъ не посмѣютъ обидѣть, но и потачки вамъ не дадутъ. По домамъ!

Когда, послѣ этихъ словъ, толпа въ страхѣ стала разсыпаться, ко мнѣ медленно подошелъ заморенный мужичекъ и проговорилъ:

— Вѣдь, я староста-то!

Я плюнулъ и засмѣялся.

— Что же ты не вышелъ, когда тебя вызывали?

— Да я ужъ больно испугался. Солдаты съ ружьями, барабанъ бьетъ, душа въ пятку-то ушла.

Помолчавъ немного, я спросилъ:

— А зачѣмъ крестьяне тебя не указали?

Староста почесалъ затылокъ.

— Это они тоже со страху, должно быть.

Я закричалъ:

— Вотъ я вамъ задамъ страху! Ты мнѣ головой своей отвѣчаешь за порядокъ въ деревнѣ и тишину. Давай сотскаго, десятскаго и отводи квартиры.

Черезъ полчаса я находился въ свѣтлой, чистой избѣ. Въ ней была молодая, красивая хозяйка, суетившаяся около самовара.

— А гдѣ твой мужъ?—обратился я къ ней.

— Онъ въ солдатахъ, въ Казани.

По странной игрѣ случая, ея мужъ оказался въ моемъ отрядѣ ефрейторомъ. Его звали Софрономъ Бобровымъ. Я немедленно велѣлъ назначить Боброва къ себѣ вѣстовымъ. Онъ отлично исполнялъ свои обязанности. Я какъ-то ему сказалъ:

— А что, если тебѣ приказано будетъ стрѣлять въ своихъ односельцевъ, ты какъ поступишь?

Вытянувшись въ струнку, Софронъ отвѣчалъ:

— Стрѣлять буду, ваше благородіе!

— Молодецъ!

— Радъ стараться, ваше благородіе!

Мнѣ была постлана постель съ пуховикомъ, въ которомъ я весь скрылся. Изнемогая отъ духоты, я перешелъ на голую лавку. Судьба Софрона не оставляла меня въ покоѣ. Я удивлялся величію души простого русскаго человѣка, беззавѣтной преданности его долгу, предъ которымъ

смиренно смолкаютъ всѣ личныя страсти и интересы. Замѣчательно, что чѣмъ интеллигентнѣе лицо, тѣмъ сознательнѣе выступаетъ въ немъ борьба между обязанностями предъ государствомъ и своими собственными влеченіями. Оттого у новѣйшихъ западныхъ народовъ и патріотизмъ какой-то заказной, условный и не обхватывающій всю натуру, не прожигающій ее, не повелѣвающій подняться ради спасенія родины на сверхъестественные подвиги.

Двѣ недѣли мой отрядъ простоялъ въ Шабловѣ. Въ теченіе этого времени ни одинъ крестьянинъ не былъ арестованъ за сопротивленіе законнымъ распоряженіямъ. Солдаты пользовались, правда, на счетъ деревни, но крайне умѣренно. Ни одной курицы ими не взято безъ моего позволенія. Когда мы выходили изъ Шаблова, то все его населеніе провожало взводъ съ благословеніями и благодарностью.

Вернувшись въ Казань, я не нашелъ въ ней желаннаго покоя. Въ городѣ ходили слухи не только о новыхъ крестьянскихъ бунтахъ, но и объ открытіи отдѣленія польскаго жонда въ нашей губерніи. Мы, военные, находились, что называется, на-чеку. Солдаты всякую минуту готовы были выступить изъ казармъ; на площади поставили пушки. Въ губернаторскомъ дворцѣ дѣйствовали военно-полевые суды. Въ качествѣ члена я участвовалъ въ одномъ изъ нихъ.

Мы засѣдали, въ теченіе двадцати-четырехъ часовъ, въ полутемной, съ низкимъ потолкомъ комнатѣ, въ первомъ этажѣ зданія. На большомъ столѣ, вмѣсто зерцала, лежали двѣ скрещенныя сабли. Мы судили и приговаривали. Когда переставали говорить и читать, то раздавался звонъ цѣпей вводимыхъ арестантовъ. Тутъ была такая смѣсь сословій, костюмовъ, развитія, закоренѣлой испорченности, непостижимой наивности, что голова шумѣла отъ наплыва разнородныхъ, сбивчивыхъ ощущеній. И неумолимый долгъ,

и сознаніе необходимости карательнаго приговора висѣли надъ совѣстью, затрогивали самые затаенные уголки сердца, въ которомъ запряталась куда-то никому незримая человѣчность.

Мы не спали всю ночь. Первые лучи дневного разсвѣта прокрадывались въ залу суда, а мы все сидѣли за столомъ блѣдные, неподвижные, безтрепетно совершавшіе дѣло правосудія.

Въ шесть часовъ утра къ намъ неожиданно вошелъ генералъ Козляниновъ и сказалъ, чтобы къ десяти часамъ приговоръ былъ присланъ наверхъ, на утвержденіе.

Надобно замѣтить, что тогда въ Казани уже дѣйствовало временное генералъ-губернаторство. Генералъ-адъютантъ Тимашевъ распоряжался быстро, энергично.

Заговоръ Поляковъ былъ захваченъ въ самомъ началѣ. Его главарями явились офицеры нѣкоторыхъ баталіоновъ, стоящихъ въ городѣ. Особаго шуму надѣлалъ арестъ штабсъ-капитана Иваницкаго, любимца начальника дивизіи, Скалона. Иваницкій былъ взятъ подъ стражу чуть ли не наканунѣ своей свадьбы. Онъ и его невѣста страстно любили другъ друга. И вдругъ этотъ «сердечникъ» оказался однимъ изъ злѣйшихъ враговъ Россіи. Если бы его не схватили, то вся Казань взлетѣла бы на воздухъ. Такъ увѣряли ходячіе слухи.

Въ августѣ, кажется, 1863 года происходила казнь политическихъ преступниковъ. Ихъ было нѣсколько человѣкъ и всѣхъ ихъ разстрѣляли въ одинъ день. Между ними выдавались: штабсъ-капитанъ Иваницкій, поручикъ Мрачокъ, Чернякъ, Кеневичъ и еще три лица, фамиліи которыхъ я забылъ. Казнь происходила за Подлужною улицей, на широкомъ и зеленомъ берегу Казанки, у подножья, такъ называемой, Нѣмецкой Швейцаріи. Вся Казань собралась на невиданное зрѣлище. Тутъ же у столбовъ и зарыли трупы казненныхъ людей, очевидно, чуждыхъ пріютившей ихъ Россіи.

Городскія сплетни разносили вѣсти, что молоденькая невѣста Иваницкаго будто бы являлась рано утромъ, въ день казни, къ одному изъ начальствующихъ лицъ съ просьбой о помилованіи ея жениха; что это лицо, любезно принявшее дѣвушку, продержало ее у себя до тѣхъ поръ, пока казнь не была совершена. Узнавъ объ ней, невѣста упала въ обморокъ и долго болѣла.

Когда описываемыя событія потрясали Казань, по сосѣдству ея, всего въ 180 верстахъ, происходили другія событія, не менѣе важныя, не менѣе грозныя для нашего отечества.

Симбирскъ, очагъ стародавней, широкой помѣщичьей жизни, съ его обширными садами, съ богатыми дворянскими усадьбами, наполненными весельемъ, довольствомъ, художественною роскошью, съ оркестровою музыкой, гремѣвшею болѣе столѣтія на волжскихъ живописныхъ горахъ, горѣлъ, какъ фантастическій факелъ, зажженный преступною рукой. Враги Русскаго царства избрали этотъ городъ какъ жертву искупленія за его грубо-національный характеръ.

Симбирскъ выгорѣлъ весь до тла. На крутой его горѣ высился памятникъ Карамзина. Казалось, тѣнь великаго историка молчаливо витала надъ грустными развалинами родного города и искала забвенія горести въ необъятномъ просторѣ лугового Заволжья.

Командиромъ мѣстнаго Симбирскаго баталіона былъ въ то время маіоръ Б—скій, ярый полякъ. Общественное мнѣніе симбирскихъ жителей увѣряло, что солдаты Б—скаго помогали поджигать городъ. Это мнѣніе было такъ прочно въ народѣ, что правительство вынуждено было удалить маіора отъ командованія частью. Для слѣдствія по пожару въ Симбирскѣ, выѣхалъ изъ Петербурга, съ правами генералъ-губернатора, сенаторъ Ждановъ, о прошломъ котораго въ обществѣ ходили самые разнородные и не-

лѣпые слухи. Пока онъ путешествовалъ по городамъ Симбирской губерніи, вникая въ самую глубину дѣла, враги Россіи не дремали. Убѣдившись, что Ждановъ добрался до корня симбирскаго зла, они прибѣгли къ быстрому отравленію. Въ глухомъ городкѣ, въ одинъ прекрасный день, сенаторъ былъ найденъ мертвымъ въ постели. Неумолимая судьба нашла ему успокоеніе на зеленыхъ волжскихъ горахъ, среди дремучихъ лѣсовъ, свидѣтельствующихъ о несокрушимости могущества нашей дорогой родины. Неожиданная смерть Жданова была чуть ли не послѣднимъ бытовымъ, роковымъ эпизодомъ, порожденнымъ освобожденіемъ крестьянства и польскимъ возстаніемъ 1863 г.

Глава IV.

Продолженіе казанской жизни.

Слово къ читателю.—Мои увлеченія.—Архіепископъ Аѳанасій.—Ночное съ нимъ свиданіе. — Полковникъ Чемерицынъ. — Въ гостяхъ у капитана Агафонова.—Переходъ Волги во время ледохода. — Моя женитьба въ 1864 году. — Исторія съ Грильманомъ. — Драма на горномъ берегу Волги близъ Казани. — Отъѣздъ изъ нея въ Петербургъ въ 1865 году.

Авторъ не въ правѣ занимать читателя собственною личностью. Даже геній, если онъ много говоритъ о себѣ, впадаетъ въ мелочность, дѣлается скучнымъ и однообразнымъ. Поэтому, настоящую главу читатель можетъ пропустить безъ вниманія, такъ какъ она касается не только меня, но интимныхъ сторонъ моей юношеской, не совсѣмъ обыкновенной жизни. Я не считалъ умѣстнымъ о ней молчать, чтобы не дѣлать пробѣла въ своихъ запискахъ въ силу тѣхъ психическихъ побужденій, которыя заставили Жанъ-Жака Руссо написать извѣстныхъ «Les confessions». Есть странное свойство въ человѣческой натурѣ: разбереживать свои раны, вспоминать минувшія страданія и какъ бы вновь ихъ переживать. Прошло болѣе тридцати лѣтъ послѣ событій, захватываемыхъ этой главою, а они возстаютъ передо мною точно живые призраки, поднявшіеся внезапно изъ могилъ. О, какіе они мрачные! Они притягиваютъ меня къ себѣ неотразимою силой. Они говорятъ: мы не одиноки; на насъ лежитъ печать времени, когда

среди разлагавшагося стараго порядка возникали яркія картины, поражавшія своимъ противорѣчіемъ, смѣсью варварства и громкими фразами о смѣломъ шествіи русскаго люда по пути цивилизаціи. Послѣ сказаннаго читатель извинитъ мое дальнѣйшее повѣствованіе.

Крупныя общественныя событія, захватившія и меня, маленькаго человѣка, въ свои колоссальные тиски, не заглушали, однако, во мнѣ порывовъ къ личному счастію и наслажденію. Я влюбился безумно въ свою кузину-вдовушку. Она была, поистинѣ, прекрасна. Высокая, стройная, съ шелковистыми, темными волосами на головѣ, съ античными чертами лица, точно выточенными изъ мрамора, съ темными, вишневыми глазами, съ красиво очерченнымъ ртомъ, моя Надя производила радостный восторгъ при своемъ появленіи въ публикѣ. Она была родная сестра отравившагося князя Е—ва и вышла замужъ за Тамбовскаго помѣщика Зыкова,*) сына извѣстнаго ученаго и сенатора. Мужъ Нади умеръ черезъ годъ послѣ своей свадьбы. Странно, что Надей всѣ любовались, пока она молчала. Но, если она открывала свой ротикъ и произносила хотя единственное слово, то казанцы добродушно смѣялись надъ нею.

И вотъ, въ это-то существо, обаятельное по внѣшности, я такъ влюбился, что не въ силахъ былъ владѣть чувствами.

Проживая какъ-то лѣтомъ въ Тагашевѣ, я видѣлъ сонъ, что Надя заболѣла. Я, какъ сумасшедшій, вскочилъ съ постели, забылъ одѣться и побѣжалъ въ конюшню. Не успѣвъ второпяхъ осѣдлать лошади, въ прохладную лунную ночь, я, какъ вихрь, летѣлъ въ имѣніе Е—вой. Проскакавъ въ часъ двадцать верстъ, я на разсвѣтѣ пріѣхалъ ь Большую Ялань. Въ костюмѣ полнаго неглиже мнѣ соѣстно было ѣхать селомъ, и я пробирался къ барскому

*) Фамилія не настоящая.

дому задами и огородами. Узнавъ отъ дворецкаго, что въ княжеской семьѣ все обстоитъ благополучно, я отъ него же взялъ шапку и какой-то пиджакъ, чтобы вернуться въ Тагашево въ приличномъ видѣ.

Въ другой разъ безумство любви заставило меня рѣшиться на такой необыкновенный поступокъ, который могъ бы имѣть гибельное вліяніе на всю мою послѣдующую судьбу. Надя была въ Казани. Разговаривая съ нею о безотрадности нашей любви, о невозможности брака по близости родства, я сказалъ, что поѣду за разрѣшеніемъ къ архіерею. На дворѣ была сентябрьская, холодная осень. Дождь непрерывно стучалъ по стекламъ оконъ, на два шага не было видно человѣка, а я велѣлъ моему вѣрному Гаврилѣ закладывать лошадей въ коляску. Онъ зналъ всѣ интимныя стороны моей жизни и увѣрялъ, что владыка, удивившись силѣ моего чувства, непремѣнно разрѣшитъ мнѣ женитьбу. Къ ужасу Нади, въ глубокую полночь мы отправились за желаннымъ разрѣшеніемъ.

Въ то время архіепископъ Аѳанасій жилъ въ десяти верстахъ отъ Казани, въ сторонѣ отъ озера Кабана, на своей дачѣ. Какъ въ кипяткѣ клокотали мои мысли, перегоняя одна другую, пробѣгая мгновенно громадныя пространства, вырывая въ безпорядкѣ рядъ событій изъ жизненнаго строя. Съ козелъ изрѣдка слышался голосъ:

— Не робѣйте, сударь, только не теряйте минуты. Я васъ буду ожидать у самаго подъѣзда; чуть—плохо, такъ и валитесь въ экипажъ. Они насъ не догонятъ.

Несмотря на царящую темь, мы ѣхали быстро. При какомъ-то поворотѣ я чуть было не убился о стѣнки коляски. Она покачнулась, ударившись о большой камень. Но вотъ, изъ-за густыхъ облаковъ мелькнулъ лунный обликъ и освѣтилъ окрестность. Мы остановились предъ высокими каменными стѣнами, надъ которыми возвышался длинный фасадъ бѣлаго дома. Его окружали со всѣхъ сторонъ

старыя липы, еще не потерявшія своихъ листьевъ. Въ окнахъ нигдѣ не было видно огня. Съ колокольни архіерейской церкви раздались удары колокола. Пробило два часа. Сердце мое екнуло.

«Какую я глупость дѣлаю»,—промелькнуло въ головѣ, но вслѣдъ затѣмъ странное желаніе обладать прелестною кузиной заглушило всякія здравыя разсужденія. Будь — что будетъ.

Гаврила постучался въ ворота.

— Ишь, нѣженки, какъ крѣпко спятъ,—проворчалъ онъ.

И онъ принялся стучать сильнѣе.

За воротами раздался хриплый голосъ:

— Кто тамъ?

— Отворяй скорѣе, флигель-адъютантъ изъ Петербурга

Я закричалъ на Гаврилу:

— Что ты врешь, дуракъ! Вѣдь ты готовишь мнѣ непріятности.

Но Гаврила махалъ руками:

— Ничего, форсу больше! Сказано вамъ, въ случаѣ чего, бѣгите скорѣе изъ комнатъ-то.

Но воротъ, все-таки, никто не отперъ; а къ дому быстро бѣжалъ человѣкъ въ монашескомъ подрясникѣ.

Черезъ нѣсколько минутъ мы замѣтили, какъ по длинному фасаду архіерейскаго жилища забѣгали многочисленные огоньки...

Я входилъ въ бель-этажъ по широкой каменной лѣстницѣ. Въ обширной залѣ меня поразили своими внушительными размѣрами нѣсколько телескоповъ, укрѣпленныхъ на длинныхъ ножкахъ и обращенныхъ къ окнамъ, выходящимъ къ Кабану. Должно-быть, изъ нихъ представлялся в иколѣпный видъ, какъ на озеро, такъ и на городъ. Въ п вой сторонѣ зала стоялъ большой диванъ съ нѣсколькими креслами и столомъ. На немъ лежала громадная библ въ великолѣпномъ переплетѣ. Стѣны украшали порт-

реты архіереевъ, навѣрно, предшественниковъ преосвященнаго. Онъ еще не выходилъ. Я заглянулъ въ другую комнату, очевидно, назначенную для небольшой гостиной. Она была въ два окна, также съ диваномъ и креслами, со столомъ, съ лампою. Надъ диваномъ висѣла картина въ овальной золоченой рамѣ.

Я вздрогнулъ, услыша громкій кашель могучей груди; еще мгновеніе—и я предсталъ передъ архіепископомъ Аѳанасіемъ, грозою мѣстнаго духовенства. Фигура его была величественна; суровое, багроваго цвѣта лицо, съ массивнымъ носомъ, производило впечатлѣніе: «оставь всякія надежды и утѣшеніе». Старикъ, любившій до безумія астрономію, съ недоумѣніемъ смотрѣлъ на мой скромный мундиръ. Благословивъ меня, онъ быстро спросилъ:

— Вы изъ Петербурга?

— Нѣтъ, ваше высокопреосвященство. Я пріѣхалъ къ вамъ по собственному дѣлу, крайне важному для меня.

Лицо преосвященнаго приняло выраженіе, ничего не обѣщающее отраднаго.

Онъ сказалъ:

— Какъ же вы смѣли меня безпокоить въ такое время, когда всякой разумной твари надлежитъ спать? Кто вы такой?

Видя, что дѣло принимаетъ плохой оборотъ, и что не только причину посѣщенія, но даже фамиліи своей мнѣ объяснить не приходится, безъ опасенія за свое будущее, я только и думалъ, какъ бы благовиднѣе ретироваться вспять.

Я почтительно отвѣтилъ:

— Есть минуты въ жизни каждаго человѣка, настолько тяжелыя, что онъ въ правѣ искать утѣшенія у высокоуважаемыхъ представителей церкви, не разбирая часа. Я одинъ изъ этихъ людей.

— Заблудшая овца!—возвысилъ голосъ преосвященный.—

Ты учился Священному Писанію и знаешь, что много званныхъ, но мало избранныхъ, а ты и незванный сюда пріѣхалъ. Какъ твоя фамилія?

Я молчалъ. Въ головѣ копошились разныя мысли. Я въ то время только-что прочелъ изданную за границей книгу г. Шадо-Ферроти, трактовавшую о бѣломъ и черномъ духовенствѣ въ Россіи. Въ книгѣ говорилось, вообще, о грубости русскаго монашества и священства и о недостаточности ихъ умственнаго развитія. И потому я возразилъ:

— Я просилъ бы, ваше высокопреосвященство, не пугать меня. Никакъ не смѣлъ разсчитывать на подобный пріемъ.

И, низко поклонившись архіерею, я торопливо направился къ выходу, помятуя твердо наказы Гаврилы о быстромъ спусканіи съ лѣстницы. Я уже сходилъ съ нея, когда сверху услышалъ зычный голосъ:

— Люди! Держите его!

Не помня себя, я упалъ въ коляску и шепталъ:

— Скорѣе, пошелъ!

Мы не поѣхали, а полетѣли. Луна, затемненная тучами, изрѣдка изъ нихъ показывалась. А то темь была, хоть глазъ выколи. Мы молчали. Только разъ Гаврила спросилъ:

— Что, вѣрно, сильно досталось? Ухъ, онъ сердитый!

У самаго въѣзда въ городъ дождь полилъ, какъ изъ ведра. И вдругъ раздалось: террахъ! Я вылетѣлъ изъ экипажа и упалъ на правую сторону. Мгновенно лицо мое было въ крови и въ грязи. Лошади встали. Оказалось, что передняя ось лопнула пополамъ. Какимъ-то чудомъ Гаврила уцѣлѣлъ на козлахъ и свирѣпо проворчалъ:

— Ну, ужь ночка досталась! Ай да Надежда Антоновна. Тутъ и безъ свадьбы ее вовѣкъ не забудешь!

Усталый, разочарованный, съ болью въ бокахъ и вискахъ, весь измаранный грязью, я шелъ по длиннымъ и

пустыннымъ улицамъ Казани, называемымъ Суконною слободою. Благодаря царящей темнотѣ и дождю, каждый шагъ мнѣ доставался дорого. Уже свѣтало, когда я добрался до дому и, какъ воръ, прокрался въ гостиную. Было уже не до сна.

Надя, одѣтая въ изящное платье, откинувъ прелестную головку назадъ и опершись ею о спинку дивана, беззаботно спала. Я разбудилъ ее и вкратцѣ разсказалъ интересные эпизоды изъ своего путешествія.

— Что же, теперь тебя будутъ разыскивать? Разыщутъ и меня. Просто срамъ на весь городъ. Нѣтъ, Петенька, я тебя боюсь, и замужъ за тебя не пойду.

Я былъ пораженъ словами кузины. Такой она показалась мнѣ жалкой, ничтожной, глупой.

„За кого я всѣмъ жертвовалъ?“—думалъ я.

Во мнѣ что-то, какъ будто, оборвалось; въ глазахъ просвѣтлѣло. Я равнодушно сказалъ:

— Идите спать, и никогда не будемъ говорить о нашихъ чувствахъ. Они смѣшны во мнѣ и неумѣстны въ васъ.

Въ восемь часовъ утра я отправился къ командиру баталіона съ намѣреніемъ все ему откровенно разсказать и попросить у него совѣта.

Полковникъ Чемерицынъ былъ старый вояка. Онъ даже спалъ, не скидывая сюртука и брюкъ, не снимая ордена на шеѣ. Онъ намъ говорилъ:

— Я принялъ присягу служить, слѣдовательно, днемъ и ночью состою въ распоряженіи моего Государя. Я во всякую минуту готовъ исполнить его волю.

Съ удивленіемъ и уваженіемъ мы смотрѣли на него. Не допуская никакого послабленія въ дѣлахъ по службѣ, Чемерицынъ былъ въ житейскихъ отношеніяхъ высоко-че[illegible]г-ный и добрый человѣкъ. На насъ, прапорщиковъ, с[illegible]ъ смотрѣлъ какъ на дѣтей, которыхъ слѣдуетъ журить [illegible]о-отечески и не лѣнясь.

Такому-то чудному человѣку я раскрылъ свою душу. Онъ не улыбнулся при разсказѣ, строго смотрѣлъ мнѣ въ глаза и сказалъ:

— Однако, хоть вы и прапорщикъ, а дѣлъ надѣлали не по чину. Ступайте въ канцелярію, напишите рапортъ объ отпускѣ на 28 дней, и чтобы черезъ часъ васъ не было въ Казани. А то я васъ арестую!

Когда я выходилъ изъ квартиры полковника, мнѣ послышался его голосъ:

— Погодите, сумасшедшій человѣкъ. Въ какую заставу вамъ выѣзжать?

Я отвѣчалъ:

— Совсѣмъ въ другую сторону отъ архіерея.

— Ну, ступайте съ Богомъ.

На другой день послѣ ночного моего посѣщенія архіепископа Аѳанасія, всѣ наличные офицеры, находившіеся въ Казани, были созваны въ губернаторскій дворецъ. Преосвященный, осматривая ихъ, ни въ одномъ не призналъ безумца, его обезпокоившаго.

Замѣчательно, что послѣ описаннаго происшествія командиръ баталіона сталъ ко мнѣ особенно благоволить. Онъ назначилъ меня адъютантомъ и бралъ съ собою въ командировки. Какъ-то поѣхалъ онъ со мною для осмотра роты, стоявшей въ глухой деревнѣ. Ротою командовалъ старый капитанъ Агаѳоновъ, выслужившійся изъ солдатъ. Въ деревню мы пріѣхали ночью. Остановились у Агаѳонова. Онъ занималъ просторный флигель барскаго дома. Напившись чаю, мы улеглись немедленно спать. Наша комната прикасалась къ дѣвичьей, изъ которой слышался разговоръ, происходившій, очевидно, между капитаномъ и его фельдфебелемъ.

— Слушай, Сидоровъ, — приказывалъ ротный командиръ, — завтра на смотру чтобы у меня рота была представлена, какъ на ладонкѣ: чистенькою, веселою, бравою, здоровою. Слышишь?

Раздается отвѣтный голосъ:

— Слушаю, высокородіе!

— А теперь для бодрости,—продолжалъ Агаѳоновъ,—выпей эту рюмку на сонъ грядущій.

Изъ дѣвичьей послышался звонъ посуды и солдатская благодарность.

Полковникъ тихо замѣтилъ:

— Вотъ она, служба-то наша. Должно-быть, капитанъ человѣкъ хорошій.

Хотя Чемерицынъ ежедневно вставалъ въ пять часовъ утра, но шумъ изъ сосѣдней комнаты поднялъ насъ въ четыре часа. Въ этой комнатѣ опять происходила служебная бесѣда между капитаномъ и его фельдфебелемъ:

— Вижу, Сидоровъ, что ты трусишь,—разсуждалъ Агаѳоновъ.—На, выпей рюмку!

Послѣдовала выпивка, и вновь голосъ хозяина:

— А знаютъ ли всѣ люди молитвы? Всѣ ли полагаемыя вещи? Сумѣютъ ли они назвать своихъ начальниковъ?

Фельдфебель высказалъ успокоительныя увѣренія, и ротный командиръ продолжалъ:

— Ну, ступай, Сидоровъ, я сейчасъ приду. Да, погоди. Выпей еще. Вино смѣлость придаетъ человѣку.

Полковникъ не выдержалъ. Онъ вскочилъ съ дивана, поправилъ волосы на головѣ, пригладилъ усы и застегнулъ сюртукъ, никогда не снимаемый.

— Странная манера,—проворчалъ онъ,—накачивать водкою солдатъ спозаранку.

Онъ вышелъ въ дѣвичью и былъ пораженъ представившейся картиной. Въ комнатѣ находился одинъ Агаѳоновъ. Онъ стоялъ у открытаго буфета и наливалъ водку, приговаривая:

— Пей еще, Сидоровъ.

— Гдѣ Сидоровъ? Какого это Сидорова вы накачиваете, капитанъ?—строго произнесъ Чемерицынъ.

Старый служака застылъ съ рюмкою водки въ дрожащей рукѣ.

— Простите, полковникъ, раздался его жалобный голосъ.—Это для жены у меня существуетъ такой обычай. Зная мою слабость, она прячетъ отъ меня вино. Я выпросилъ у нея ставить графинчикъ въ буфетѣ для моего фельдфебеля. Вотъ именемъ его я и угощаюсь утромъ и вечеромъ каждодневно. А жена покойна. Вина у ней не прошу, она и думаетъ, что отвыкъ отъ своего порока.

И капитанъ тихо прибавилъ:

— Пожалуйста, полковникъ, не говорите ей, это ее сильно огорчитъ.

Рота представилась командиру баталіона въ полномъ порядкѣ. Уѣзжая, онъ громко замѣтилъ Агаѳонову:

— Смотрите, капитанъ. Держите своего фельдфебеля въ муштровкѣ, да порѣже съ нимъ бесѣдуйте наединѣ.

Со мною былъ еще такой случай, въ которомъ рѣзко выдѣлились какъ высокія душевныя свойства полковника Чемерицына, такъ и его несокрушимая привязанность къ служебной формальности. Дѣло было раннею весной. Дорога настолько испортилась, что проѣздъ по ней сталъ невозможнымъ. Съ часу на часъ ожидалось вскрытіе рѣкъ. Въ самую Страстную пятницу я получаю предписаніе немедленно отправиться за Волгу, въ качествѣ депутата съ военной стороны, и присутствовать въ квартирѣ мѣстнаго становаго при допросѣ солдата нашего баталіона.

Въ три часа пополудни я находился уже на переправѣ. День былъ чудесный, теплый, солнечный. На лѣсныхъ прогалинахъ кричали грачи; широкая Волга, казалось, прислушивалась къ таинственному глаголу, чтобы мгновенно сбросить съ себя ледяной покровъ, навязанный ей неумолимыми законами природы. На ней мѣстами серебрились большія полыньи. Зимняя дорога, проведенная по рѣкѣ, вся почернѣла, загрязнилась, изрытая частыми ухабами.

Я со страхомъ и восторгомъ смотрѣлъ на покоющуюся рѣку и на красноватыя горы праваго берега, убѣгающія въ манящую даль.

Вблизи послышался грубый голосъ:

— Переправа закрыта. Вчера провалилась и утонула тройка; сегодня, утромъ, цѣлый обозъ исчезнулъ подъ водой.

Около пяти часовъ я былъ у полковника и доложилъ ему о физической невозможности исполнить его распоряженіе. Брови его нахмурились. Приблизивъ усы къ самому носу, онъ начальнически проговорилъ:

— Чтобы черезъ пять часовъ была отъ васъ телеграмма изъ Услона.

Полковникъ повернулся круто на каблукахъ и скрылся за дверями кабинета.

Услонъ—это громадное село, находящееся по ту сторону Волги, как разъ противъ переправы. Въ семь часовъ вечера я опять находился у рокового берега. Объяснилъ я свое горе полицейскому, перевозчикамъ и предложилъ десять рублей тому, кто возьмется помочь мнѣ перейти по льду.

Одинъ изъ перевозчиковъ почесалъ затылокъ и сказалъ:

— Ну, Ванюха, ай-да! Авось, Господь дастъ намъ къ Свѣтлому празднику заработать по синюхѣ.

Дали мнѣ въ руки большую палку съ желѣзнымъ концомъ. Такими же палками вооружились два перевозчика. Кромѣ того мы соединились между собою длинною веревкой. Я шелъ посрединѣ. При полной тишинѣ, царствовавшей въ воздухѣ, мы перекрестились и тронулись въ путь. Ледъ былъ ноздреватый, кое-гдѣ покрытый водою; мы пробирались по немъ осторожно, ощупывая палками кругомъ себя. Такъ прошло полчаса. Уже стало понемногу смеркаться. Я оглянулся назадъ: берегъ потемнѣлъ въ отдаленіи; предметы сдвигались, скучивались и сливались

съ дымчатыми облаками небосклона. Спереди, какъ будто, на насъ надвигались Услонскія горы, съ ярко обозначавшимися деревенскими постройками. Оставалось не болѣе пятидесяти саженъ до берега. Вдругъ подъ нами раздался страшный трескъ. Точно тысячи орудій дали мгновенный залпъ. Залпъ повторился гдѣ-то за горами. Я вздрогнулъ и чуть не упалъ. Потомъ что-то зашумѣло подъ нами, заколебалось, и мы стали, словно, двигаться.

— Ваше благородіе! Смѣлѣй шагайте! Волга пошла. Господи! перенеси насъ!

Мы усердно крестились.

Вода сильно выступила подъ ногами. Перепрыгивая со льдины на льдину, я шелъ въ наплывѣ ощущеній: то посылалъ прощаніе всему дорогому и милому, то твердо вѣрилъ, что долго еще буду жить. Въ одномъ мѣстѣ, увлекшись мыслями, я оступился и ушелъ по поясъ въ воду Шедшій сзади проводникъ молодцовато меня приподнялъ и толкнулъ черезъ небольшое пространство, образовавшееся между разорвавшимися льдинами. Окрестность совсѣмъ потонула во мракѣ, когда мы очутились на услонскомъ берегу. Волга медленно двигалась и рычала, какъ локомотивъ, съ трудомъ потянувшій за собою громадный грузъ. Въ селѣ замелькали огоньки. Продрогши до костей, я отправился на почтовую станцію, выпилъ разомъ полстакана коньяку и вытерся весь водкою.

— Ну, баринъ, счастливъ ты! —проговорилъ одинъ перевозчикъ.—Опоздай мы минутой—и погибли бы ни за грошъ. Вѣрно, ради Свѣтлаго Воскресенья Господь насъ помиловалъ.

— Правда, старикъ!

Обратно въ Казань я попалъ черезъ недѣлю. Командиръ баталіона любезно меня привѣтствовалъ словами:

— Эта поѣздка да будетъ вамъ урокомъ. Вы чуть не лишились жизни за свою неопытность и легкомысленное

отношеніе къ служебному долгу. Вы должны были доставить мнѣ свидѣтельство отъ уѣздной полиціи о прекращеніи переправы. Тогда я не имѣлъ бы права васъ послать за Волгу. Помните, формализмъ въ военной службѣ—это фундаментъ дисциплины.

Въ 1864 году мнѣ пришлось навсегда разстаться съ честнымъ и благороднымъ полковникомъ Чемерицынымъ. Я перешелъ на службу по интендатскому вѣдомству. Въ этомъ же году произошла и моя первая женитьба. Не буду говорить, какъ и почему совершился бракъ съ дѣвушкою изъ благородной семьи, прекрасно образованною и одаренною рѣдкою красотой. Во всякомъ случаѣ, мы жили полгода довольно мирно. Далѣе случилось вотъ что. Въ то время находился въ Казани богатый чиновникъ, кажется, изъ крещеныхъ евреевъ. Будемъ называть его Грильманомъ. Среднихъ лѣтъ, рыжій, невзрачный на видъ, онъ имѣлъ несчастье полюбить Александру Николаевну. Меня онъ возненавидѣлъ, какъ мужа женщины, на которую онъ, по его словамъ, могъ разсчитывать въ силу глубины своего чувства. Читатель знаетъ изъ предыдущихъ главъ записокъ, что эпоха, мною описываемая, была богата ученіями о тягости семейныхъ узъ, о свободныхъ отношеніяхъ между собою двухъ половъ. Тогда въ ходу уже былъ романъ «Что дѣлать?», выдумавшій даже нейтральную комнату въ квартирѣ супруговъ. Поэтому, мнѣ, человѣку, считавшемуся въ интеллигентномъ обществѣ безусловно передовымъ, приходилось дѣйствовать относительно Грильмана съ большою сдержанностью. Лишь въ виду постоянныхъ слуховъ, ходившихъ въ городѣ объ отношеніяхъ его къ Александрѣ Николаевнѣ, я рѣшился говорить съ нею о Грильманѣ. И что-же? Она объяснила, что совершенно равнодушна къ нему, и что не подавала ему никакихъ поводовъ къ сближенію.

Я пригласилъ моего соперника къ себѣ и спросилъ просто:

— Вы любите Александру Николаевну?

Онъ отвѣтилъ:

— Безумно, а васъ ненавижу.

— За что?

— За то, что вы обладаете любимою мною женщиной. При одной мысли объ этомъ я готовъ васъ убить.

Я отвѣтилъ:

— Вотъ видите-ли, я не такъ кровожаденъ, какъ вы. Другой, бывши на моемъ мѣстѣ, не сталъ бы разговаривать и выгналъ бы васъ изъ квартиры, какъ нахала, нарушающаго спокойствіе чужой семьи. Я поступаю иначе. Я предоставляю Александрѣ Николаевнѣ открытый выборъ между нами. Помните, если она выберетъ въ спутники своей жизни васъ, вы оба должны въ теченіе трехъ дней уѣхать изъ Казани. Если же она захочетъ остаться при своей семьѣ, вы обязываетесь въ двадцать четыре часа покинуть городъ. Согласны?

Г. Грильманъ наклонилъ голову.

Александра Николаевна спокойно объяснила гостю, что она извиняется въ томъ, что неумышленно способствовала его увлеченію, что мужа она бросить не желаетъ и проситъ г. Грильмана забыть ее навсегда. Она оставила комнату. Долго сидѣлъ несчастный влюбленный на диванѣ, скрестивши на груди руки; наконецъ онъ вскочилъ и обратился ко мнѣ со странною рѣчью:

— Любитъ-ли она меня, или нѣтъ—это все равно. Я васъ не перестаю ненавидѣть. На землѣ намъ обоимъ тѣсно. Одинъ изъ насъ, рано или поздно, а умереть долженъ. Вы обязаны драться со мною. Иначе я васъ изъ-за угла убью.

Грильманъ съ бѣшенствомъ кинулся въ мою сторону, но я успѣлъ его оттолкнуть отъ себя и сильно позвонилъ. Явился Гаврила. Я закричалъ:

— Укажи дверь этому господину!

Вѣрный мой слуга не заставилъ напоминать приказаніе. Могучими руками онъ схватилъ за плечи тщедушнаго жидка и, какъ перо, спустилъ гостя съ лѣстницы. Снизу неслись проклятія. Въ теченіе нѣсколькихъ дней я ожидалъ вызова со стороны врага, но вызова не послѣдовало. Я уже сталъ забывать происшедшее событіе, и какъ-то вечеромъ отправился въ дворянскій клубъ. Внизу, въ бильярдной, на одномъ изъ столовъ игралъ Грильманъ. Увидѣвъ меня, онъ радостно подбѣжалъ ко мнѣ съ кіемъ въ рукахъ и дружески торопливо заговорилъ:

— Ахъ, это вы? Какъ я радъ васъ видѣть! Вообразите, я совершенно излѣчился отъ неудачной страсти. Я созналь всю ея глупость и рѣшилъ, что вы поступили со мною такъ, какъ и я поступилъ бы, находясь на вашемъ мѣстѣ. Забудьте все, что было между нами. Я не потревожу васъ посѣщеніями. Но зачѣмъ въ обществѣ намъ встрѣчаться врагами?

Я выслушалъ, молча, неожиданную рѣчь г. Грильмана, пожалъ протянутую руку и отошелъ къ другимъ знакомымъ. Конечно, я не вѣрилъ искренности нашего примиренія, но, по молодости лѣтъ, я не могъ понимать всей низости человѣка, увлеченнаго дурными страстями.

Впереди меня ожидало страшное испытаніе.

Мѣсяцевъ пять спустя послѣ клубной встрѣчи, въ августѣ 1865 года, я отправился съ женою на пикникъ въ кумысо-лечебное заведеніе, вблизи Хижицкаго монастыря. Въ пикникѣ участвовало три семейства, близкихъ къ моему дому. Вошедши въ кумысный ресторанъ, я удивился, встрѣтивъ г. Грильмана и его пріятеля, поляка Андрусевича.

Было уже темно, когда мы отпили чай. Общество разбрелось по саду; въ комнатѣ осталось только трое лиц я, Грильманъ и его спутникъ. Грильманъ обратился ко м

— Ужели вы думаете, что столкновенія, происшедп между нами, могутъ навсегда забыться?

Пораженный рѣзкимъ тономъ рѣчи своего врага, я замѣтилъ:

— Отчего же нѣтъ? Все зависитъ отъ душевныхъ качествъ человѣка. Если онъ благороденъ и сознадъ свою ошибку, онъ непремѣнно забудетъ обиду, вызванную ошибкой. Только одинъ ограниченный эгоистъ помнитъ вѣчно зло.

Грильманъ вскочилъ со стула и закричалъ:

— Этотъ ограниченный эгоистъ—я! Я не забылъ ничего. Я ждалъ лишь случая для мести. Случай настадъ. О, какъ вы грустно будете вспоминать нынѣшнюю нашу встрѣчу! О, если бы вы знали, что васъ ожидаетъ. Терпѣливо, предупредительно, внимательно обсуждено все для утоленія моей ненависти.

Грильманъ ходилъ крупными шагами по комнатѣ. Кровь бросилась мнѣ въ голову. Я не понималъ, что говорилось, инстинктивно ждалъ чего-то ужаснаго и, точно прикованный, не двигался съ мѣста. Негодяй хлопнулъ въ ладоши. У двери показались два здоровыхъ татарина.

Послышался вопросъ:

— Готово все?

— Готово,—былъ отвѣтъ.

Татары отворили дверь; въ нее внесены были скамейка и нѣсколько пучковъ розогъ.

— Знаете ли вы сладость мести? — обратился ко мнѣ Грильманъ.—Месть есть одно изъ высочайшихъ наслажденій на землѣ. Исконный врагъ въ вашихъ рукахъ. Вы его предаете адскимъ мученіямъ; вы, въ лютой злобѣ, смѣетесь надъ его страданіями. Да развѣ что-нибудь можетъ сравниться съ этимъ блаженствомъ, которымъ награждаетъ человѣка торжествующая месть.

Онъ дико хохоталъ.

Этотъ хохотъ неожиданно подѣйствовалъ на меня отрезвляющимъ образомъ. Точно пелена спала съ моихъ глазъ,

Я впервые въ жизни увидѣлъ человѣка безъ сердца, безъ развитія, безъ нравственныхъ правилъ. Въ душѣ моей заклокотало негодованіе; чувство самозащиты стало мною овладѣвать. Я оглянулся кругомъ, и взоръ мой остановился на открытомъ окнѣ, выходящемъ въ садъ.

«Сюда надобно спасаться!»—подумалъ я, схватилъ попавшійся подъ руку стулъ и бросилъ имъ въ Грильмана.—Мерзавецъ!—воскликнулъ я и въ одинъ мигъ былъ за окномъ.

Сзади меня былъ слышенъ ревъ моихъ враговъ. Я бѣжалъ, какъ сумасшедшій, во мракѣ ночи по длиннымъ аллеямъ сада. Точно предчувствуя недоброе, Гаврила съ коляскою ждалъ меня у воротъ заведенія. Мы полетѣли, какъ вихрь. Свѣжій вѣтерокъ охладилъ мое горѣвшее лицо. Голова трещала до боли. То я нервно плакалъ, то приходилъ въ неистовство отъ всего пережитаго. Было около часу, когда я очутился въ своемъ кабинетѣ, на кушеткѣ, съ компрессомъ на головѣ. Возлѣ стоялъ Гаврила и говорилъ, утѣшая меня:

— А, вотъ, повѣрьте, сударь, Грильманъ попадется въ наши руки.

Передъ разсвѣтомъ раздался звонокъ. Гаврила побѣжалъ отворять парадное крыльцо. Послышался мужской голосъ. Въ квартиру вошелъ мой неутомимый врагъ.

— Что съ вами? — произнесъ онъ. — Ужели вы полагаете, что я могъ совершить, на самомъ дѣлѣ, то, что вы видѣли? Господь съ вами! Вѣдь, это была шутка, хотя и неумѣстная.

Г. Грильманъ закурилъ папиросу.

Проклятая мысль осѣнила мою голову.

«Боже! — думалось мнѣ: — я могу совершить съ нимъ то, что ему не удалось со мною». Я отправился къ Гаврилѣ. Какъ бы предугадывая мои затаенные помыслы, онъ сказалъ:

— Отдеремте его, сударь. У насъ въ распоряженіи, кромѣ денщика, два крестьянина, привезшіе сегодня сѣно изъ Тагашева. Пригласите г. Грильмана въ садъ, а тамъ дѣло ужъ мое.

Подъ предлогомъ, что мнѣ нуженъ чистый воздухъ, я вызвалъ своего гостя изъ комнаты. У каретника его встрѣтилъ Гаврила и мигомъ втащилъ во внутрь зданія. Я не буду описывать послѣдующей сцены. Она гадка по своему существу. Грильманъ плакалъ, валялся у моихъ ногъ и крѣпко ихъ цѣловалъ. Сердце мое начинало, было, переполняться жалостью, но Гаврила быстро повернулъ меня къ выходу, промолвивъ:

— Идите, сударь. Если г. Грильманъ осмѣлился оскорбить васъ, столбового дворянина, то насъ съ нимъ и Богъ велѣлъ сѣчь.

Потомъ онъ обратился къ служакамъ:

— Ай-да, берите его скорѣе, да зажмите ротъ полотенцемъ!

Я вышелъ на воздухъ. Его живительныя струи сладко дѣйствовали на мои нервы. Вошедшая луна привѣтливо выглядывала изъ-за густыхъ деревьевъ сада, точно созерцала любовную картину. Тишина была полная. Но, вотъ, сзади меня раздался рѣзкій свистъ ударовъ, потомъ глухой крикъ. Я убѣжалъ въ домъ и въ волненіи ходилъ по комнатамъ. Мнѣ минуты казались вѣчностью. Я ихъ считалъ и ходилъ, ходилъ и считалъ, изрѣдка останавливался, прислушивался у открытаго окна. А варварскій свистъ изъ сарая продолжалъ нарушать царствующій покой ночи. Наконецъ слышу голосъ Гаврилы:

— Довольно! Будетъ помнить. Давайте запрягать лошадь, я отвезу битаго идола.

Черезъ четверть часа экипажъ выѣхалъ со двора. Всѣ мои страданія, мое попранное человѣческое достоинство на время должны умолкнуть. Отмщеніе совершено!

Въ теченіе многихъ дней мнѣ пришлось ждать вызова Грильмана. Мы съ нимъ дрались верстахъ въ двѣнадцати отъ Казани, въ Волжской долинѣ, между крутыхъ ущелій, вблизи живописной деревни Моркваши.

Чуть утро брезжило, когда я и секунданты, мой братъ Миша и почтенный капитанъ Филузинъ, сѣли въ лодку въ устьѣ рѣки Казанки и поплыли вверхъ по Волгѣ. Туманъ, какъ дымка, застилалъ даль величественной рѣки. Еще на небѣ кой-гдѣ мелькали звѣздочки. Кругомъ насъ безпрестанно раздавались свистки пароходовъ. Мы ловко ныряли между этими чудовищами и, наконецъ, попали подъ защиту нагорнаго берега. Солнце показалось на горизонтѣ, и его божественные лучи мгновенно проясняли окружающую мглу. Окрестная природа и многоводная Волга заблистали нежданными красотами. Мнѣ такъ захотѣлось жить...

Во время дуэли я не хотѣлъ убивать противника и выстрѣлилъ на воздухъ, сказавъ:

— Мнѣ ваша смерть не нужна. Вы довольно наказаны.

Блѣдный, какъ полотно, противникъ быстро ободрился и нахально замѣтилъ:

— А я буду цѣлить прямо въ лобъ.

И онъ медленно сталъ направлять на меня пистолетъ. Секунданты уже просчитали: три! А Грильманъ, вопреки правиламъ чести, все еще не выпускалъ выстрѣла и съ ненавистью озиралъ меня. Я не выдержалъ, плюнулъ по направленію врага и крикнулъ:

— Подлецъ!!!

Послѣдовалъ выстрѣлъ; шальная пуля легко ранила мою руку.

Мой секундантъ, пожилой, но энергичный и благородный капитанъ Филузинъ, пораженный гнуснымъ поведеніемъ Грильмана, подбѣжалъ быстро къ нему и предложилъ стрѣляться немедленно тутъ же на мѣстѣ.

При громовыхъ словахъ капитана, Грильманъ затрясся всѣмъ тѣломъ и проговорилъ дрогнувшимъ голосомъ:

— Извините, если я нечаянно оказалъ какую-нибудь неловкость, но зачѣмъ же стрѣляться? Я готовъ извиниться еще разъ и передъ противникомъ.

— Пошелъ вонъ!—раздался голосъ Филузина,—и чтобы я не встрѣчалъ тебя въ Казани.

Грильманъ бросился отъ него бѣжать къ своимъ секундантамъ, молча и мрачно вдали крутившимъ усы.

Спустя пять дней послѣ этого событія, повлекшаго за собою полный надломъ моей семейной жизни, пароходъ уносилъ меня навсегда изъ родного города. Я отправился искать счастья въ Петербургъ, куда давно влекли меня мечты. Въ простотѣ души я вѣровалъ, что тамъ, подъ холоднымъ сѣвернымъ небомъ бьются благородныя сердца, волнуются лучшіе умы, дается удовлетвореніе высшимъ человѣческимъ стремленіямъ.

Глава V.

Мои первые шаги въ Петербургѣ.— Военный генералъ-губернаторъ, генералъ-адъютантъ А. А. князь Италійскій, графъ Суворовъ-Рымникскій.—Полковникъ Ивановъ.—Знаменательная сцена въ пріемной Суворова.—Поступленіе на службу въ Главное Интендантство.—Его чиновничество.—Генералъ-интендантъ Устряловъ.— Подрядчикъ Розенбергъ.—Легенда о его прошедшемъ.— Домино-лото. — Князь Н. С. Назаровъ и кружокъ *Московскихъ Вѣдомостей* въ Петербургѣ.— Первая оперетка въ Россіи.— Н. В. Альбертини и *С.-Петербургскія Вѣдомости*.—Наша литература въ началѣ шестидесятыхъ годовъ.— Г. Е. Благосвѣтловъ и его сотрудники: Н. А. Благовѣщенскій, Н. И. Шульгинъ.—Характеристика Благосвѣтлова. — Будущій эмигрантъ П. Н. Ткачевъ.—Что былъ за человѣкъ Д. И. Писаревъ?—Пріѣздъ Тургенева въ Россію въ 1867 году.—Свиданіе съ нимъ. Исторія съ Писаревымъ.—Одинъ изъ литературныхъ обѣдовъ у Благосвѣтлова.—Странная встрѣча съ Д. И. С—вымъ.

Холодно и нетерпѣливо встрѣчаетъ Петербургъ каждаго провинціала, не имѣющаго въ столицѣ знакомыхъ. Эта блестящая уличная толпа, эта громадная каменная масса зданій, памятниковъ и мостовъ давятъ чуткую душу, привыкшую къ простору и простотѣ жизненныхъ картинъ. Одиноко и робко, какъ пуганный заяцъ, ходитъ по гранитнымъ тротуарамъ пришелецъ изъ лѣсовъ и вольныхъ степей, встрѣчая кругомъ, при малѣйшей оплошности, насмѣшливый или дерзко-вызывающій взглядъ невскаго наглеца. А, между тѣмъ, тотъ же самый юнецъ отправился нѣсколько дней тому назадъ изъ какого-нибудь Царевококшайска на берега Финскаго залива со смѣлыми надеж-

дами удивить собою цивилизованный міръ, заставить себя, быть можетъ, слушать. И вдругъ такое разочарованіе! Да, не радостенъ Петербургъ для тѣхъ, кто не сумѣетъ завоевать его съ бою, кто не имѣетъ большого запаса умственныхъ и нравственныхъ силъ, чтобы проложить въ немъ широкую дорогу для лучшихъ, завѣтныхъ стремленій.

У меня было письмо отъ генерала Пѣхтина къ свѣтлѣйшему князю Суворову. Они вмѣстѣ когда-то служили, и князь очень любилъ моего дядю. Кромѣ того, я надѣялся, что моя фамилія, происходящая отъ одного предка съ княземъ, сдѣлаетъ кой-что въ мою пользу.

Генералъ-адъютантъ Александръ Аркадьевичъ, князь Италійскій, графъ Суворовъ-Рымникскій, былъ въ 1865 году военнымъ генералъ-губернаторомъ въ Петербургѣ. Его оффиціальные пріемы происходили на Большой Морской, кажется, въ томъ домѣ, гдѣ теперь помѣщается Адмиралтейская часть. Въ одно августовское утро я явился къ князю. Прошедши громадную залу и еще другую приличныхъ размѣровъ комнату, я очутился въ небольшой пріемной въ два окна. Она находилась какъ разъ передъ кабинетомъ князя. Намъ даже слышался его громкій голосъ съ веселымъ раскатистымъ смѣхомъ. Просителей было не много. Скоро показался князь въ сопровожденіи свиты.

Величественная, благородная фигура потомка славнаго героя производила на васъ ободряющее впечатлѣніе. Голубые открытые глаза привѣтливо смотрѣли на васъ и, какъ будто, говорили: «Ну, ну, не бойся, разсказывай, авось устроимъ».

Услышавъ отъ меня фамилію Пѣхтина, князь добродушно воскликнулъ:

— А! Павелъ Алексѣевичъ! Какъ онъ поживаетъ? Все такъ же потряхиваетъ плечами, какъ въ былое время? Пожалуйста, передайте ему мой поклонъ.

Моя фамилія еще болѣе оживила добраго старика,

— Суворовъ!—вскричалъ онъ.—Не родня ли мы съ вами?

Я вкратцѣ упомянулъ о моей родословной. Князь позвалъ полковника Иванова и, указывая на меня, сказалъ:

— Возьмите подъ покровительство молодого человѣка; разспросите, что ему нужно; напишите, къ кому онъ укажетъ, и прибавьте, что я прошу о немъ, какъ о родственникѣ.

Съ теплымъ, свѣтлымъ чувствомъ и безграничной благодарностью я до сихъ поръ вспоминаю рыцарскаго князя и преданнаго ему беззавѣтно Алексѣя Егоровича Иванова, бывшаго позже генераломъ. Онъ до конца жизни Суворова оставался при немъ. Что бы ни говорили враги князя объ его слабости, какъ администратора, объ его безхарактерности, какъ человѣка, но дай Богъ, чтобы въ нашихъ оффиціальныхъ сферахъ находилось побольше людей, какъ онъ. Вѣдь это нравственно-безупречная личность, вѣдь это джентльменъ отъ головы до пятокъ, чуждый интригъ, подкоповъ, двусмысленностей, лести и низкопоклонства. Суворовъ громко выражалъ свои симпатіи и антипатіи; не стѣснялся называть своихъ враговъ даже въ мѣстахъ многолюдныхъ. Я былъ свидѣтелемъ замѣчательнаго случая. Сцена происходила въ большой пріемной генералъ-губернаторскаго дома, вскорѣ послѣ Каракозовскаго покушенія, когда Муравьевская комиссія рѣзко проявила свои дѣйствія.

Пріемная была полна народу. Среди разношерстной публики находился отставной офицеръ, въ поношенномъ мундирѣ съ солдатскимъ Георгіемъ на груди. На противоположномъ концѣ зала стояла дама въ глубокомъ траурѣ, стараясь скрыть свое лицо подъ густою вуалью. Когда князь подошелъ къ офицеру, то послѣдній разсказалъ ему слѣдующую исторію:

— Я житель города Вильны, въ которомъ имѣлъ опредѣленныя занятія, обезпечивавшія мое существованіе. Недѣли три тому назадъ меня внезапно арестовали на моей квартирѣ и привезли въ Петербургъ. Здѣсь я высидѣлъ

въ крѣпости двадцать дней. Сегодня утромъ меня изъ нея выпустили. Мнѣ сказали, что я былъ взятъ по приказанію генерала Муравьева, какъ подозрѣваемый въ знакомствѣ съ Каракозовымъ. Ваша свѣтлость! Я выкинутъ изъ каземата на петербургскія улицы безъ гроша денегъ. Я голоденъ и не ручаюсь за себя. Прикажите меня арестовать или отправить съ жандармомъ на родину.

Суворовъ терпѣливо слушалъ просителя, нѣсколько наклонивъ къ нему ухо, затѣмъ выпрямился во весь ростъ и проговорилъ:

— Какая непріятная исторія! Вы заставляете меня сноситься съ Муравьевымъ, съ которымъ я не хочу имѣть никакого дѣла. Я всегда избѣгалъ этого человѣка.

Князь поручилъ Алексѣю Егоровичу поговорить съ офицеромъ и, по возможности, оказать ему помощь. Суворовъ обратился къ другому просителю и только-что взялъ изъ рукъ его просьбу, какъ къ нему быстро приблизилась дама подъ вуалью. Гордо откинувъ ее и показавъ прелестное лицо, дама произнесла быстро:

— Не вѣрьте ему, князь. Онъ лжетъ!

Она указала на отставного офицера.

— Этотъ негодяй,—продолжала она,—меня обманулъ, обезчестилъ и бросилъ.

Она заплакала.

Офицеръ, разговаривавшій съ полковникомъ Ивановымъ, въ свою очередь, подошелъ къ Суворову и рѣзко замѣтилъ:

— Она обманщица, ваша свѣтлость. Она продажная женщина.

Дама хотѣла броситься на оскорбителя, но самъ князь удержалъ ее за руку.

— Позвольте!—вскричалъ онъ,—здѣсь не мѣсто романическимъ сценамъ! Алексѣй Егоровичъ! Разведи ихъ, ради Бога! Разбери и доложи.

Добрѣйшему Алексѣю Егоровичу приходилось исполнять

разнообразныя распоряженія князя, устраивать ихъ, успокоивать его самого, этого великодушнаго сановника. Обо мнѣ было отправлено съ нарочнымъ жандармомъ письмо Суворова къ генералъ-адъютанту Устрялову. Черезъ три дня я поступилъ на службу въ Главное Интендантское Управленіе.

Съ нѣкоторою робостью и любопытствомъ очутился я въ столичной чиновничьей средѣ. Посреди большихъ, высокихъ комнатъ, съ паркетными полами, двигались и суетились люди разныхъ развитій и положеній. Тутъ были чиновники съ грубоватыми манерами, съ отупѣлыми отъ времени чертами, очевидно, выслужившіеся изъ писарей. Съ ними рядомъ сидѣли благородныя лица съ утонченными пріемами, съ симпатичнымъ интеллигентнымъ взглядомъ.

Много встрѣчалось и щегольски одѣтыхъ офицеровъ съ закрученными усиками, повидимому, выходцевъ изъ гвардіи. Во главѣ описываемаго учрежденія стоялъ человѣкъ съ серьезнымъ, даже угрюмымъ лицомъ, съ опущенной внизъ головой.

Генералъ Кренке въ своихъ запискахъ именуетъ его безцеремоннымъ взяточникомъ, но это едва ли справедливо.

Ѳ. Г. Устряловъ, родной братъ извѣстнаго историка, былъ нелюдимъ, непривѣтливъ, грубъ, но съ незлобною душой. Подчиненныхъ своихъ онъ не зналъ, за исключеніемъ начальниковъ отдѣленій, имѣвшихъ у него кабинетные доклады. Эти начальники отдѣленій, въ сущности, и управляли всѣми дѣлами, давая имъ направленіе сообразно съ личными взглядами. Они-то собственно и составляли въ обществѣ репутацію громадному вѣдомству, завѣдывавшему военнымъ хозяйствомъ всей Россіи. А репутація эта въ то время была нелестная и, быть-можетъ, на основаніи ея генералъ Кренке сдѣлалъ столь тяжелый отзывъ объ Устряловѣ.

Я помню, по заламъ Интендантства всякое утро, въ опредѣленный часъ, ходилъ древній старикъ съ еврейскимъ лицомъ, передвигая едва ноги. То былъ восьмидесятилѣтній Розенбергъ. Онъ еще въ Польскую кампанію 1831 г. что-то ставилъ для нашихъ войскъ, и до шестидесятыхъ годовъ не могъ получить окончательныхъ расчетовъ отъ казны. Розенберга знало не только Интендантское Управленіе, но и канцелярія Военнаго Министерства. Каждый вахтеръ, каждый писарь привѣтствовалъ его, какъ давно знакомаго, какъ неизбѣжную принадлежность интендантскаго міра. Изъ минувшаго Розенберга была извѣстна такая легенда:

Когда-то засѣдалъ въ одномъ учрежденіи, въ числѣ начальниковъ, Котомкинъ. Какія онъ имѣлъ сношенія со старикомъ?—то покрыто мракомъ неизвѣстности. Но вотъ Котомкинъ умираетъ; его отпѣваютъ въ одной изъ столичныхъ церквей при торжественной обстановкѣ. Когда родные и знакомые почившаго простились съ тѣломъ и близкія къ нему лица взялись за гробъ, чтобы его поднять неожиданно для всѣхъ, на ступени катафалка вошелъ старикъ со всклокоченными волосами. То былъ Розенбергъ, державшій въ рукахъ свитокъ съ какими-то бумагами. Обращаясь къ почившему, онъ во всеуслышаніе произнесъ:

— Дай и мнѣ съ тобой проститься. Любилъ ты деньги, и много ихъ перебралъ изъ моего кармана, постоянно водя меня за носъ. Я знаю, обижалъ ты и другихъ. Такъ возьми же эти бумаги, теперь уже мнѣ ненужныя; пусть онѣ будутъ свидѣтельствовать предъ Богомъ о твоихъ земныхъ дѣяніяхъ.

Говорятъ, еврей разжалъ руки мертвеца и всунулъ въ нихъ свертокъ мятыхъ бумагъ. Присутствовавшіе оцѣпенѣли отъ ужаса. Нарушитель церковнаго благочинія былъ немедленно арестованъ и отведенъ въ крѣпость. При докладѣ Государю описаннаго случая, Ему были выяснены

обстоятельства необыкновеннаго дѣла. Старика было велѣно выпустить на свободу и дать законный ходъ его претензіямъ къ казнѣ.

Я ежедневно просиживалъ до трехъ часовъ въ Интендантствѣ, выслушивалъ замѣчанія старшихъ, иногда довольно колкія. Высшее начальство, въ лицѣ Устрялова, не особенно церемонилось съ обществомъ чиновниковъ. Такъ, однажды, проходя по нашимъ заламъ въ Военный Совѣтъ, генералъ-интендантъ замѣтилъ, что подчиненные его не видятъ. Онъ на всю комнату закричалъ: «встать!!» И, не останавливаясь, продолжалъ путь. Мы вздрогнули и съ недоумѣніемъ смотрѣли другъ на друга.

Всѣ вечера я былъ свободенъ отъ служебныхъ занятій. У меня завелись въ столицѣ кое-какія знакомства, и я, конечно, ими пользовался. Излюбленнымъ въ ту эпоху удовольствіемъ было—домино-лото, царствовавшее во всѣхъ клубахъ. Я избралъ для посѣщенія Благородное Собраніе. Какую странную, грустную и безпорядочную картину оно представляло въ глубокую полночь. Въ большихъ комнатахъ, сквозь густой табачный дымъ, тускло мелькали сотни газовыхъ рожковъ; пестрая толпа бродитъ суетливо въ пространствѣ, окружая десятки столовъ съ сидѣвшими за ними игроками. Ихъ взоры жадно и лихорадочно горятъ. Они съ ненавистью смотрятъ кругомъ и чутко прислушиваются къ возгласу выходящихъ нумеровъ. Играющіе принадлежатъ къ различнымъ возрастамъ и сословіямъ. Тутъ сидятъ и юнцы, пощипывая свои только-что возрождающіяся бородки, тутъ тѣснятся и старцы, безпрестанно поправляющіе свои очки; молодящіяся дамы, барышни, недавно надѣвшія длинныя платья; старухи, отжившія свой вѣкъ и не желающія въ этомъ сознаваться. Наконецъ, по угламъ столовъ торчатъ какія-то странныя женскія личности въ очкахъ и съ чулками въ рукахъ. По справкѣ оказалось, что это простыя закладчицы, не терявшія вре-

мени для своей наживы. Въ моихъ глазахъ онѣ принимали изъ дрожащихъ рукъ жертвъ браслеты, серьги, кольцы, брошки, писали квитанціи на бумажкахъ и выдавали деньги. Меня увѣряли, что къ нѣкоторымъ дамамъ приносили грудныхъ дѣтей въ клубъ для ихъ кормленія. Я глубоко убѣжденъ, что часть нынѣшняго молодого поколѣнія, столь жалкаго по своимъ физическимъ немощамъ,—суть дѣти матерей, сидѣвшихъ въ шестидесятыхъ годахъ за клубнымъ домино-лото, и вскормленные тамъ отъ груди, пропитавшейся табачнымъ запахомъ, выстрадавшей всѣ симптомы бѣшеной, игорной горячки.

По юности лѣтъ отдавъ дань упомянутой игрѣ, я скоро ее бросилъ и сталъ искать разумнаго исхода въ литературной работѣ, составлявшей главную цѣль моего пріѣзда въ Петербургъ. Въ это время былъ переведенъ въ него на службу князь Николай Степановичъ Назаровъ. Мой учитель словесности въ корпусѣ, онъ еще въ пятидесятыхъ годахъ примкнулъ къ Катковской партіи и до конца жизни остался вѣренъ ея принципамъ. Назаровъ отъ головы до пятокъ носилъ на себѣ печать эстетика. Изящный по наружности, по костюму, онъ былъ изященъ въ своихъ манерахъ, въ рѣчахъ и сочиненіяхъ. Онъ не любилъ Островскаго, какъ выразителя темнаго, грубаго быта; онъ не терпѣлъ семинарской литературы, начинавшей входить въ моду, за вульгарность ея языка и міровоззрѣній. Онъ любовно предостерегалъ меня отъ знакомства съ кружками *Современника* и *Русскаго Слова*, но сила талантовъ была на сторонѣ названныхъ журналовъ, и, конечно, меня покорила. Замѣчательно, что разность взглядовъ на главныя явленія русской жизни тогдашняго періода не мѣшала нашей искренней, задушевной дружбѣ.

Всякое воскресенье я обѣдалъ у Назарова, жившаго въ домѣ театральной дирекціи, около Александровскаго театра, и всегда за обѣдомъ было одно изъ блюдъ, особенно мною

любимыхъ. Князь былъ женатъ на родной сестрѣ моего однокашника, художника и писателя Николая Николаевича Каразина, Натальѣ Николаевнѣ. Она отличалась античною красотой и усердно помогала мужу въ его газетной работѣ.

Назарова посѣщали лица изъ артистическаго и театральнаго міра, а также принадлежавшія къ *Московскимъ Вѣдомостямъ*. У него я встрѣчалъ г. Ѳеоктистова, почтеннаго редактора *Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія*, познакомился съ М. Н. Катковымъ, съ Болеславомъ Маркевичемъ и двумя братьями Георгіевскими, изъ которыхъ Александръ Ивановичъ игралъ одну изъ главныхъ ролей при графѣ Толстомъ по осуществленію классической системы въ нашихъ гимназіяхъ. Музыкальные вечера Назарова отличались иногда необыкновеннымъ сочетаніемъ талантовъ. У меня остался въ памяти одинъ вечеръ, на которомъ тріо играли слѣдующія музыкальныя знаменитости: на скрипкѣ Лаубъ, на віолончелѣ Коссманъ, а на роялѣ Даргомыжскій. Пѣла А. Г. Меньшикова, только-что вернувшаяся изъ-за границы отъ Вартеля и съ ума сводившая петербургскихъ меломановъ своимъ колоссальнымъ и серебристымъ голосомъ.

Находившійся на вечерѣ предсѣдатель театральнаго комитета Юркевичъ, бесѣдуя со мною о современной сценѣ, говорилъ:

— Повѣрите ли, нѣтъ ни одной піесы, которая могла бы, что называется, освѣжить душу. Все такая мелкота; мѣщанскіе сюжеты, мѣщанскія картины жизни и мѣщанскія мысли. Все приличное, изящное, рыцарское находится нынѣ въ загонѣ. Театральная публика не требуетъ выраженія высшихъ человѣческихъ страстей и рукоплещетъ съ азартомъ произведеніямъ, въ которыхъ осмѣиваются принципы, создавшіе религію, литературу и государственное устройство цивилизованныхъ народовъ. Мы пережива-

емъ начало оперетки. Никто и не подозрѣваетъ, что въ ней кроется ядъ, который подточитъ устои, поддерживающіе старыя царства.

Послѣднія слова Юркевичъ произнесъ довольно громко. Я стоялъ въ недоумѣніи. Я никакъ не ожидалъ услышать отъ маленькаго, худенькаго человѣчка рѣчи столь осмысленной и энергичной.

Здѣсь кстати упомянуть, что, нѣсколько мѣсяцевъ спустя послѣ назаровскаго вечера, отправившись во французскій театръ, я присутствовалъ въ первый разъ при представленіи оперетки Оффенбаха *Прекрасная Елена.* Елену играла очаровательная Деверіа, Калхаса—Пешна, Менелая—Тетаръ, Париса—Діедоне и Ореста—красавица Лотаръ. По правдѣ сказать, послѣ перваго дѣйствія, я вспомнилъ пророческія слова Юркевича. Въ опереткѣ, дѣйствительно, зло осмѣяны: святость религіи, ореолъ царскаго вѣнца и слабости семейнаго очага. Артистически-комическое исполненіе піесы настолько рельефно опошлило приведенныя вѣковыя основы быта существовавшихъ и существующихъ народовъ, что страшно дѣлалось за впечатлѣніе, выносимое изъ театра молодежью. Она наполняла раекъ буквально до потолка. Я самъ сидѣлъ на комъ-то, и на мнѣ кто-то сидѣлъ. Мы стоически выдерживали другъ друга, переносили стоградусную температуру и жадно впивались въ доносившіяся до насъ незнакомыя, невѣдомыя до сихъ поръ своеобразныя рѣчи о предметахъ, возбуждавшихъ прежде въ насъ благоговѣйное поклоненіе.

Но возвратимся къ назаровскому вечеру. Извѣстное тріо Мендельсона, сыгранное мастерски тремя исполнителями, составлявшими гордость русскаго музыкальнаго міра, привело въ восторгъ гостей Назарова. Что это была за музыка! Чистота звуковъ, носившихся въ воздухѣ, то томныхъ и рыдающихъ, то торжественно летѣвшихъ въ высь и уносившихъ съ собою душу внимавшаго общества, на-

вѣки запечатлѣлась во мнѣ. Ничего подобнаго я не слышалъ. Вотъ послѣдніе звуки уже замерли гдѣ-то въ отдаленіи, едва коснувшись слуха, а мы все стояли, очарованные, подавленные и ждавшіе новыхъ звуковъ.

Какія свѣтлыя и хорошія минуты! Счастливъ тотъ, кто ихъ хоть разъ испыталъ въ жизни. Какъ бы ни очерствѣли мы впослѣдствіи подъ тяжестью суровыхъ испытаній, но радужныя воспоминанія о чудномъ мгновеніи въ прошедшемъ, какъ весенній солнечный лучъ, освѣтятъ и согрѣютъ огрубѣвшее въ земныхъ невзгодахъ сердце.

Въ другихъ литературныхъ кружкахъ того времени мнѣ не приходилось не только слушать порядочной музыки, но даже вопроса о ней никогда никто не поднималъ. Точно музыка есть исключительная принадлежность людей, исповѣдывающихъ консервативные принципы. А, можетъ-быть, и такъ. Писатели отрицательнаго направленія жили жгучими политическими задачами или занимались такими истолкованіями физическихъ явленій природы, которыя влекли за собою ослабленіе нравственныхъ началъ, полное презрѣніе къ искусствамъ, пониженіе идеальныхъ стремленій въ человѣчествѣ.

Другое лицо, мнѣ близкое съ корпусной скамейки, былъ Николай Викентьевичъ Альбертини. Его убѣжденія ничего не имѣли общаго съ убѣжденіями Назарова. Альбертини работалъ въ *Отечественныхъ Запискахъ*, редактированныхъ Краевскимъ и Дудышкинымъ, а также въ *Петербургскихъ Вѣдомостяхъ*, издаваемыхъ Валентиномъ Ѳедоровичемъ Коршемъ. Кружокъ послѣдняго былъ симпатиченъ самъ по себѣ. Онъ не примыкалъ къ радикальнымъ мыслителямъ *Современника* и *Русскаго Слова*, но стоялъ на сторонѣ лучшихъ, прогрессивныхъ стремлені[й] общества, боролся за реформы, не относясь въ то же время ненавистнымъ образомъ къ историческимъ условіям[ъ] Россіи. Въ Коршевскомъ лагерѣ, кромѣ Альбертини, нах[о]

дились талантливыя личности, которыя меня къ себѣ неотразимо притягивали. Я говорю объ Алексѣѣ Сергѣевичѣ Суворинѣ, о Викторѣ Петровичѣ Буренинѣ и Сергѣѣ Васильевичѣ Максимовѣ. Все это люди съ художественнымъ вкусомъ, съ тонкимъ пониманіемъ прекраснаго въ жизни, никогда не отрицавшіе искусства, никогда не смѣявшіеся надъ священными преданіями культурныхъ народовъ. Особенно хорошъ былъ Максимовъ съ своею дѣтскою, незлобною душой, обращавшійся къ близкимъ его людямъ съ словами: „Мамочка моя!“ Къ Коршевцамъ же принадлежалъ Нилъ Петровичъ Колюпановъ, даровитый земскій дѣятель, дѣльный и серьезный литераторъ, написавшій біографію А. И. Кошелева, замѣчательную по мастерской характеристикѣ эпохи, въ которой жилъ этотъ крупный представитель славянофильства.

Я провелъ вечеръ очень пріятно въ кружкѣ Коршевцевъ, у Альбертини, жившаго въ маленькой квартиркѣ на Васильевскомъ островѣ, у средняго проспекта. Максимовъ занималъ присутствующихъ разсказами о путешествіи, только-что имъ совершенномъ на Сѣверъ. Какъ извѣстно, упомянутое путешествіе было предпринято по иниціативѣ покойнаго великаго князя Константина Николаевича.

Бѣдный Николай Викентьевичъ, никогда не бывшій ни революціонеромъ, ни нигилистомъ, тѣмъ не менѣе, по своей увлекающейся натурѣ, дѣлалъ неосторожныя знакомства съ личностями двусмысленными.

Когда произошло Каракозовское покушеніе, Альбертини былъ обвиненъ въ знакомствѣ съ кѣмъ-то изъ приближенныхъ къ преступнику людей. Его административно сослали въ Архангельскъ, а потомъ перевели въ Остзейскій край, гдѣ онъ поступилъ на государственную службу и, года два тому назадъ, скончался, чуть ли не въ Ревелѣ. Никто изъ знавшихъ Альбертини не отнесется безъ уваженія къ его памяти. Безупречный въ нравственномъ от-

ношеніи, талантливый публицистъ, онъ былъ горячій приверженецъ тѣхъ политическихъ формъ быта, которыя выработалъ Западъ. Онъ не сочувствовалъ ни паденію художественныхъ потребностей, ни ѣдкимъ ругательнымъ выходкамъ противъ стараго режима жизни друзей Некрасова и Благосвѣтловскаго кружка. Къ послѣднему теперь мы и обратимся.

Григорій Евлампіевичъ Благосвѣтловъ жилъ уже богато, когда я съ нимъ познакомился. Онъ занималъ хорошую квартиру въ Дмитровскомъ переулкѣ, вблизи Владиміровской церкви и, въ двѣ недѣли разъ, по вечерамъ, въ ней собирались сотрудники *Русскаго Слова*.

Наша литература конца пятидесятыхъ и самаго начала шестидесятыхъ годовъ была, если можно такъ выразиться, подготовительнымъ актомъ къ великой реформѣ освобожденія крестьянъ. Это освобожденіе рѣзко порвало связь со старыми устоями русскаго быта. Оно повлекло за собою въ печати и въ правительствѣ возникновеніе идей о другихъ реформахъ и ослабленіе вопросовъ отвлеченнаго значенія, столь серьезно занимавшихъ нашихъ прежнихъ писателей. Представителями новыхъ, невѣдомыхъ, нарождавшихся въ обществѣ, потребностей явились тѣ молодыя силы, которыхъ прообразъ столь художественно воспроизведенъ въ Тургеневскомъ Базаровѣ.

Среди нихъ первую скрипку играли семинаристы, къ которымъ легко прививалась ненависть ко времени привилегированному, богатому, имѣющему видное положеніе въ обществѣ. Во времена крѣпостного права, когда дворянство стояло во главѣ науки и искусства, и, вслѣдствіе этого, гордо, съ сознаніемъ своего нравственнаго превосходства, смотрѣло на остальныя сословія, семинаристы рѣдко проникали въ литературу. Если же это имъ удавалось, они не смѣли авторитетно высказывать своихъ затаенныхъ идей. Эмансипація и подготовленіе ея въ газе-

тахъ и журналахъ развязали руки семинаристамъ. На нихъ явился большой спросъ въ печати. И, въ самомъ дѣлѣ, кто могъ съ большею ненавистью разрушать все старое, отживающее, какъ не они? Они подвергли абсолютному отрицанію весь старый строй нашей жизни. Имена Чернышевскаго, Добролюбова, Антоновича, Елисѣева, Помяловскаго, Рѣшетникова, Благосвѣтлова—принадлежатъ нынѣ исторіи. Ихъ таланты слишкомъ ярко и односторонне освѣтили недостатки нашихъ дореформенныхъ порядковъ, подкопали ихъ основы, потрясли вѣрованія общества въ вѣковые идеалы, но, взамѣнъ того, не дали намъ ни крѣпкихъ устоевъ, ни собственныхъ, положительныхъ идеаловъ. Проповѣдники новыхъ истинъ лишены были творческихъ силъ. Въ своемъ увлеченіи новаторы думали, что все счастіе человѣчества состоитъ въ распространеніи среди него реальныхъ стремленій и знаній, основанныхъ на опытѣ, а не въ поклоненіи заоблачнымъ мечтаньямъ, не въ созданіи дивныхъ памятниковъ искусства. Они поставили крестъ надъ всѣмъ прожитымъ Россіей и зло осмѣивали все то, что не подчинялось ихъ давленію. Когда появилась газета *Вѣсть*, во главѣ со Скарятинымъ и Юматовымъ, вставшая на защиту интересовъ нашего приниженнаго дворянства, радикальная пресса принялась деспотически бичевать этихъ незаурядныхъ журналистовъ. Замѣчательно, что семинаристы, карая барство, сами поддавались комфорту, лишь только начинали богатѣть; они иногда окончательно становились кулаками и держали въ суровой зависимости и впроголодь лицъ, имѣвшихъ несчастіе подпасть подъ ихъ вліяніе. Несмотря на это, даровитая дерзость нашихъ радикаловъ увлекла за собою все тогдашнее наше юное поколѣніе.

Неопытный еще въ жизни, относившійся съ уваженіемъ къ представителямъ печати, я принесъ въ редакцію *Русскаго Слова* небольшой разсказъ изъ провинціальнаго бы-

та. Конечно, въ разсказѣ былъ герой съ идеальными наклонностями. Читалъ мое произведеніе помощникъ Благосвѣтлова, Николай Александровичъ Благовѣщенскій, авторъ книги „Аѳонъ“. Это, кажется, все, что оставилъ интереснаго послѣ себя названный писатель. Прочитавъ мой разсказъ, онъ безъ церемоніи замѣтилъ:

— Ваше произведеніе мы напечатали бы съ удовольствіемъ, но въ немъ нѣтъ одного качества, намъ необходимаго.

Я съ удивленіемъ посмотрѣлъ на говорившаго. Онъ пытливо устремилъ на меня свои глазки и нервно лѣвою рукой теребилъ свою козлиную бородку. Я спросилъ:

— Въ чемъ должно заключаться это необходимое качество?

— Намъ нужны сотрудники, — отвѣтилъ Благовѣщенскій, — которые обладали бы желчнымъ языкомъ и способностью научить читателя улавливать основныя мысли между строкъ.

— Но, вѣдь, я написалъ беллетристическое произведеніе, а не статью. Вы только отъ нея можете требовать извѣстнаго направленія.

— Все равно. У насъ повѣсти, разсказы, романы преслѣдуютъ одну задачу: возбуждать въ читателѣ чувство недовольства своимъ настоящимъ положеніемъ.

Приведенное свиданіе съ Благовѣщенскимъ было первое и послѣднее въ жизни. Онъ исчезъ изъ Петербурга вскорѣ на Югъ, кажется, во Владикавказъ, гдѣ и занимался мирно собираніемъ статистическихъ матеріаловъ вплоть до своей смерти. Съ исчезновеніемъ Благовѣщенскаго, послѣ Каракозовскаго преступленія, и самое *Русское Слово* съ *Современникомъ* окончили свое существованіе. Григорій Евлампіевичъ, посидѣвъ нѣкоторое время въ крѣпости, задумалъ издавать журналъ *Дѣло*. Его номинальнымъ редакторомъ явился Николай Ивановичъ Шульгинъ, бывшій артил-

рійскій офицеръ. Бездарный, полуобразованный, онъ могъ составлять только кой-какія компиляціи и переводы для журнала. Въ жизни Шульгинъ былъ типичный человѣкъ. Онъ никогда не говорилъ слова правды. Смотря собесѣднику прямо въ глаза, пріятно улыбаясь, онъ разсказывалъ съ убѣжденіемъ самыя необыкновенныя вещи. Разговоръ часто клонился къ испрошенію денегъ взаймы. Это испрошеніе денегъ у Николая Ивановича доходило до болѣзненности. Однажды я зашелъ къ нему съ однимъ общимъ знакомымъ; послѣдній имѣлъ неосторожность, вмѣстѣ съ бумагами, вынуть пачку ассигнацій. Шульгинъ жадно посмотрѣлъ на нихъ и попросилъ у гостя пятьдесятъ рублей. Когда послѣдній въ нихъ отказалъ, хозяинъ сталъ уменьшать цифру займа. Кончилась сдѣлка тѣмъ, что проситель получилъ пять рублей. Благосвѣтловъ отлично зналъ цѣну нравственнымъ качествамъ Николая Ивановича, но терпѣлъ его, какъ необходимое зло. Откажи онъ Шульгину—ему долго пришлось бы искать другого редактора, такъ какъ Главное Управленіе по Дѣламъ Печати подозрительно относилось къ дѣятельности журнала *Дѣло*. Самъ Григорій Евлампіевичъ былъ человѣкъ небольшого роста, коренастый, съ нервнымъ подергиваніемъ въ лицѣ. Онъ стригся коротко, носилъ маленькіе, подбритые усы. Бороды онъ не отращивалъ. Вообще, видъ его напоминалъ отставного солдата Николаевскихъ временъ изъ захолустнаго гарнизоннаго баталіона. А, между тѣмъ, это былъ несомнѣнно даровитый русскій литераторъ, обладавшій основательнымъ знаніемъ нѣсколькихъ языковъ. Читалъ онъ много, но писать серьезныя, вдумчивыя вещи онъ не былъ способенъ. Вотъ руководить, направлять журналъ, всыпать въ него нужную часть перцу и соли — это было прирожденнымъ назначеніемъ Благосвѣтлова. Случалось, что сотрудникъ не узнавалъ своей статьи въ печати,—такъ ее обрабатывалъ по-своему ловкій издатель. Онъ безъ церемоніи вставлялъ рядъ отборныхъ ругательствъ

въ сотрудническія статьи самаго мирнаго характера. Видимо, въ его натурѣ кипѣла желчь. Онъ воспитывался, какъ и Чернышевскій, въ Саратовской Семинаріи и былъ сыномъ саратовскаго священника.

Григорій Евлампіевичъ тяжело знакомился. Черствый, рѣзкій, сухой, онъ едва ли кого-нибудь любилъ. Говорилъ онъ хорошо, громко, энергично, ясно. Когда онъ разгорячался, лицо его нервно подергивалось. Собесѣдникъ онъ былъ пріятный; сотрудниковъ держалъ въ ежевыхъ рукавицахъ, торговался съ ними, даже обсчитывалъ. Впередъ за труды рѣдко кому давалъ. Привилегированнымъ положеніемъ у него пользовался, кажется, одинъ Дмитрій Ивановичъ Писаревъ. За нимъ Благосвѣтловъ открыто ухаживалъ. Но прежде, чѣмъ говорить объ обоюдныхъ отношеніяхъ этихъ двухъ замѣчательныхъ журналистовъ, я упомяну объ одномъ скромномъ сотрудникѣ *Дѣла*, Петрѣ Никитичѣ Ткачевѣ, впослѣдствіи извѣстномъ эмигрантѣ, безславно умершемъ въ Парижѣ.

Небольшого роста, тоненькій, молоденькій, стыдливый, вкрадчивый, скрытый, съ улыбающимся личикомъ, Петръ Никитичъ походилъ на институтку, въ первый разъ попавшую въ общество. Онъ мало говорилъ, больше слушалъ, всматривался кругомъ. Онъ писалъ множество статей по женскому вопросу. Такъ какъ *Дѣло* расходилось въ крупномъ количествѣ и, преимущественно, по окраинамъ Россіи, то Ткачевъ получалъ письма отъ женщинъ, изъ разныхъ провинцій. Иныя ему дѣлали признанія въ любви.

Упоминая все сказанное, я крайне удивился въ 1870 году, увидѣвъ въ Нечаевскомъ процессѣ, въ числѣ обвиненныхъ, Петра Никитича. Повторяю, онъ такъ былъ хитеръ, что никогда не высказывалъ громко своихъ заповѣдныхъ мыслей. Онъ убѣжалъ въ Швейцарію, какъ говорятъ, съ мѣста административной ссылки, издавалъ въ Женевѣ какой-то революціонный журналъ, потомъ переселился во

Францію. Жалкая жизнь и кончина этого загадочнаго человѣка, здѣсь кротко работавшаго въ печати, а за границею метавшаго безсильные громы въ свое отечество, характеризуютъ тревожное время шестидесятыхъ годовъ. Возбуждая реформами общественныя надежды, оно то гнало ихъ несмысленно впередъ, то, убоявшись собственныхъ увлеченій, пріостанавливало насильственно идейныя движенія. Въ итогѣ являлись въ образованныхъ классахъ недовольство и раздраженіе.

Дмитрій Ивановичъ Писаревъ также принадлежалъ къ партіи недовольныхъ порядками нашей родины. Во время ареста, послѣ Чернышевскаго погрома, онъ былъ настолько молодъ, что едва ли имѣлъ прочно выработанныя убѣжденія относительно политическихъ идеаловъ. Я съ нимъ лично познакомился въ концѣ 1866 года, когда онъ былъ выпущенъ изъ крѣпости. Писаревъ высматривалъ человѣкомъ лѣтъ двадцати семи. Родившись въ старо-дворянской семьѣ, онъ рано попалъ на университетскую лавку. Обладая натурою страстной, порывистой, онъ быстро подпалъ подъ вліяніе западныхъ ученыхъ, проводившихъ позитивныя воззрѣнія въ жизни. Огюстъ Контъ съ своею философіей, его послѣдователи Литрэ и Вырубовъ, появившійся въ пятидесятыхъ годахъ на горизонтѣ европейской науки Дарвинъ со своими новыми взглядами на происхожденіе человѣка, увлекли нашего юнаго писателя. Обладавшій, какъ Бѣлинскій, воспріимчивою, чуткою душой для выраженія всего изящнаго, творческаго, Писаревъ, вопреки своей натурѣ, посвятилъ себя защитѣ реальныхъ стремленій его времени. Онъ сдѣлался собственнымъ своимъ врагомъ и образно предалъ проклятію Шекспира, Пушкина и, вообще, искусство. Разговаривая какъ-то со мною, Дмитрій Ивановичъ такъ хорошо, картинно рисовалъ развращенность людей, предающихся музыкѣ и живописи, что я невольно воскликнулъ:

— Дмитрій Ивановичъ, вы совсѣмъ поэтъ!

Онъ остановился, расхохотался и произнесъ:

— Я, кажется, въ самомъ дѣлѣ, не тѣмъ языкомъ заговорилъ. А все вы виноваты. У Благосвѣтлова такихъ вопросовъ не поднимаютъ.

Бесѣда происходила въ квартирѣ Григорія Евлампіевича. Онъ и я много смѣялась выходкѣ Писарева.

Въ февралѣ 1867 года представился случай, гдѣ Писаревъ выразилъ такую страстность, такое увлеченіе, которыя непозволительны для воспитанной личности. Пріѣхалъ въ Петербургъ Тургеневъ. Онъ остановился на Караванной улицѣ, въ квартирѣ В. П. Боткина. Я не узналъ писателя, такъ онъ измѣнился въ теченіе восьми лѣтъ. Передо мной стоялъ тотъ же колоссъ, но согнувшійся, прихрамывавшій, съ толстою палкой въ рукѣ и совершенно сѣдой. Иванъ Сергѣевичъ привезъ съ собою новую повѣсть «Дымъ», которой бѣловая рукопись находилась уже въ рукахъ Каткова. О своихъ побужденіяхъ, породившихъ упомянутую повѣсть, Тургеневъ высказалъ мнѣ слѣдующее:

— Я послѣдніе годы посвятилъ наблюденіямъ надъ жизнью русскихъ за границею, и особенно надъ нашей молодежью. Я вынесъ грустныя убѣжденія. Все идеальное, прекрасное, что возбуждало поэтовъ и художниковъ къ созданію величайшихъ произведеній нынѣ отсутствуетъ въ нашемъ юномъ поколѣніи. Въ университетахъ, въ обществѣ, въ книгахъ оно почерпаетъ понятія, чуждыя эстетическихъ воззрѣній нашихъ отцовъ. Эти позитивисты, утилитаристы. реалисты хотятъ, чтобы священный огонь не согрѣвалъ больше человѣчества.

Тургеневъ поднялся съ кресла, опираясь тяжело на палку. Онъ вытянулся во всю свою массивную фигуру, откинулъ густыя пряды причесанныхъ назадъ волосъ и пророчески произнесъ:

— Я глубоко вѣрую, пока солнце свѣтитъ ярко на н

босклонѣ, животворитъ природу и согрѣваетъ сердце человѣка, до тѣхъ поръ творчество и искусство не исчезнутъ на землѣ. Напрасно вашъ Писаревъ, впрочемъ, талантливый писатель, завелъ непосильную борьбу съ великими поэтами.

Усѣвшись въ кресло, Иванъ Сергѣевичъ продолжалъ:

— Я лично на Писарева не сержусь; я даже у него въ долгу. Когда въ меня плевалъ *Современникъ*, онъ замолвилъ за меня въ печати доброе слово.

Узнавъ, что я съ Дмитріемъ Ивановичемъ въ хорошихъ отношеніяхъ, Тургеневъ просилъ меня уговорить суроваго критика къ нему пріѣхать.

Я и Благосвѣтловъ насилу уломали Писарева сдѣлать визитъ Ивану Сергѣевичу. Григорій Евлампіевичъ не упустилъ случая предложить чрезъ Дмитрія Ивановича Тургеневу напечатать свой новый романъ вмѣсто *Русскаго Вѣстника* въ журналѣ *Дѣло*.

Какъ-то вечеромъ я сидѣлъ у Григорія Евлампіевича; пробило двѣнадцать часовъ. Раздался сильный звонокъ.

Писаревъ не вошелъ, а влетѣлъ въ залу, бросилъ съ размаху шапку на рояль, торопливо поздоровался съ нами и выпалилъ длинную рѣчь. Онъ обращался то ко мнѣ, то къ Благосвѣтлову, теръ свою лысину, поправлялъ свои очки, вскакивалъ безпрестанно съ мѣста, и разсказалъ приблизительно вотъ что *):

«Пріѣзжаю къ Тургеневу, звоню. Говорятъ, дома. Въ передней много шубъ висѣло на вѣшалкахъ; издали слыша-

*) Разсказъ о свиданіи Тургенева съ Писаревымъ былъ напечатанъ въ *Историческомъ Вѣстникѣ* 1885 г., въ ноябрьской книжкѣ. Авторъ разсказа, П. К. Мартьяновъ, увѣряетъ, что онъ писалъ съ моихъ словъ, хотя я не уполномочивалъ почтеннаго П. К. печатать то, что я дружески ему передавалъ въ своемъ кабинетѣ. Затѣмъ, не знаю: почему онъ сдѣлалъ меня свидѣтелемъ любопытнаго свиданія, когда я самъ слышалъ разсказъ объ этомъ свиданіи отъ Писарева?

лись разные голоса. Эта неожиданность меня нѣсколько озадачила, но нечего дѣлать: не возвращаться же обратно домой. У входа въ кабинетъ меня встрѣтилъ Тургеневъ. Онъ, видимо, съ трудомъ поднялся съ кресла, на которое сейчасъ же и опустился, протянувъ больную ногу впередъ. Кругомъ сидѣли гости. Оказалось, что въ числѣ ихъ были: историкъ—генералъ Богдановичъ, П. В. Анненковъ, И. А. Гончаровъ, В. П. Боткинъ и еще другіе, фамиліи которыхъ не упомню. Иванъ Сергѣевичъ наговорилъ много комплиментовъ за мои статьи, которыя онъ, будто бы, читаетъ съ величайшимъ удовольствіемъ.

«Тургеневскіе пріятели съ любопытствомъ меня разсматривали. Я началъ чувствовать себя неловко. Поглядывая по сторонамъ, я замѣтилъ на письменномъ столѣ, близъ котораго сидѣлъ нашъ романистъ, открытую рукопись.

«У меня сейчасъ мелькнула мысль, что рукопись, навѣрно, и есть новая повѣсть, и что авторъ только-что ее читалъ своимъ друзьямъ. Я спросилъ:

«— Мнѣ Суворовъ передалъ, что вы привезли съ собою романъ «Дымъ». Не согласитесь ли вы его помѣстить въ журналѣ *Дѣло*? Въ цѣнѣ Благосвѣтловъ не постоитъ.

«Мои слова передернули Ивана Сергѣевича. Онъ горячо сказалъ:

«— Я уже назначилъ свой «Дымъ» Каткову. Онъ мнѣ такъ хорошо заплатилъ, что едва ли другой издатель можетъ предложить мнѣ болѣе.

«Я не выдержалъ.

«— Позвольте. Я въ первый разъ въ жизни имѣю честь лично бесѣдовать съ вами. Я васъ уважалъ, какъ благороднаго представителя литераторовъ сороковыхъ годовъ, какъ большого художника, на котораго съ благоговѣні ъ смотритъ молодое поколѣніе. И что я вижу вблизи? Че о-вѣка, не стыдящагося знакомства и открытаго пріят ь-ства съ главнымъ представителемъ ретроградныхъ элеr н-

товъ въ Россіи! Стыдитесь, Иванъ Сергѣевичъ! Вы стали торговать своимъ талантомъ, продавать свои убѣжденія. Я сожалѣю, что искалъ знакомства съ вами.

«Съ послѣдними словами я поклонился присутствующимъ въ комнатѣ и быстро вышелъ. Мнѣ послышался сзади трескъ стула, паденіе тяжелаго тѣла и общее смятеніе».

Писаревъ заходилъ по залѣ и, обращаясь ко мнѣ, укоризненно прибавилъ:

— Вамъ пришла несчастная мысль познакомить меня съ Тургеневымъ.

Разсказанная исторія имѣла своеобразное послѣдствіе. «Дымъ» появился въ *Русскомъ Вѣстникѣ*, кажется, въ мартовской книгѣ. Дмитрій Ивановичъ прочелъ повѣсть и написалъ о ней громовую, но превосходную по содержанію, статью. Она была во второй корректурѣ, когда получилось нашимъ критикомъ письмо изъ-за границы. Оно было отъ Тургенева и носило заискивающій характеръ, недостойный знаменитаго романиста. Я самъ читалъ письмо. Въ немъ скромно выражалось сожалѣніе о происшедшемъ въ Петербургѣ инцидентѣ. Затѣмъ Иванъ Сергѣевичъ, предугадывая, что Писаревъ будетъ разбирать его новое произведеніе, проситъ, прежде появленія критическаго отзыва въ печати о немъ, сообщить ему письменно свои воззрѣнія на «Дымъ». Дмитрій Ивановичъ, прочтя Тургеневское письмо, потребовалъ свою статью изъ типографіи обратно и разорвалъ ее. Въ Баденъ-Баденъ, гдѣ жилъ романистъ, полетѣло жестокое письмо. Въ немъ рѣзко высказана мысль, что Иванъ Сергѣевичъ устарѣлъ, что онъ не понимаетъ стремленій юной Россіи, что онъ сталъ отщепенцемъ отъ нея. Писаревъ сравнилъ Тургенева съ человѣкомъ, усѣвшимся на большую кучу и воображающимъ, что онъ взобрался на высокую гору. Кругомъ кишатъ ничтожные муравьи, а писателю думается, что это вся мыслящая Европа выражаетъ ему свое поклоненіе.

Маститый беллетристъ при жизни Дмитрія Ивановича молчалъ о нанесенномъ ему оскорбленіи. Но когда Писаревъ, въ цвѣтѣ лѣтъ, въ 1869 году, погибъ въ водахъ Дуббэльна, Тургеневъ не постыдился лягнуть въ *Вѣстникѣ Европы* своего знаменитаго соперника.

Это столкновеніе двухъ крупныхъ писателей напомнило мнѣ другое литературное столкновеніе.

Григорій Евлампіевичъ давалъ большой литературный обѣдъ. На немъ, между прочимъ, присутствовали: М. В. Авдѣевъ, авторъ извѣстнаго романа «Подводный камень», докторъ Ловцовъ, редакторъ *Журнала судебной медицины*, М. А. Филипповъ, поэтъ Минаевъ, Шульгинъ, Ткачевъ, Писаревъ, Омулевскій-Ѳедоровъ и другіе сотрудники *Дѣла*. Обѣдъ шелъ благополучно, хотя Дмитрій Дмитріевичъ Минаевъ начиналъ уже возвышать голосъ. Онъ опорожнилъ не одну бутылку пива. Наконецъ кровь въ немъ заиграла. Сидѣвши визави съ почтеннымъ Авдѣевымъ, Минаевъ неожиданно къ нему обратился:

— Это не вы сидите, а ваша тѣнь.

— Какъ такъ? — спросилъ смущенный Михаилъ Васильевичъ.

— Очень просто. Вы создали «Подводный камень»? Лучше этого романа вы ничего не напишете. Вамъ слѣдовало, какъ честному литератору, послѣ «Подводнаго камня» сказать намъ: выройте мнѣ могилу и закопайте меня, я больше ничего не напишу лучшаго. А вы стали строчить бездарныя повѣсти.

Какъ разъ, въ то время, Авдѣевъ напечаталъ въ Благосвѣтловскомъ журналѣ свою неудавшуюся вещь «Магдалина».

Эффектъ выходки добраго, прямодушнаго, не невоздержнаго Мити Минаева былъ необыкновененъ. Михаилъ Васильевичъ хотѣлъ немедленно уѣхать. Его едва уговорили.

Разскажу здѣсь кстати мое странное знакомство съ однимъ писателемъ въ квартирѣ Благосвѣтлова.

Какъ-то посѣтивши извѣстнаго поэта, Петра Исаевича Вейнберга, я отъ него услышалъ любопытный фактъ о томъ, какъ маленькій литераторъ, изъ купцовъ, Д. И. С—евъ, пользуясь нуждою Глѣба Успенскаго, купилъ у него право на изданіе всѣхъ его сочиненій, въ теченіе двухъ лѣтъ, за полтораста рублей.

Я не мало возмущался упомянутымъ гнуснымъ фактомъ вмѣстѣ съ добрѣйшимъ Петромъ Исаевичемъ. Вскорѣ мнѣ пришлось заѣхать къ Григорію Евлампіевичу. Онъ сидѣлъ въ залѣ, бесѣдуя съ бѣлокурымъ господиномъ, лысымъ и въ синихъ очкахъ. Хозяинъ насъ забылъ познакомить другъ съ другомъ. Нисколько не стѣсняясь посторонняго лица, я передалъ разсказъ Вейнберга Благосвѣтлову и прибавилъ: каковъ С—евъ!

Въ простотѣ сердечной я не обратилъ особаго вниманія на то, что голова Григорія Евлампіевича, во время моей рѣчи, судорожно тряслась. Только по окончаніи моихъ словъ онъ опомнился и произнесъ:

— Позвольте васъ познакомить: П. П. Суворовъ и Д. И—чъ С—евъ.

Какъ ни непріятно было мое положеніе, но я обратился къ господину въ очкахъ:

— Мнѣ грустно знакомиться съ вами при подобной обстановкѣ, но словъ своихъ назадъ я взять не могу. Я слишкомъ уважаю Петра Исаевича Вейнберга.

Г. С—евъ и тутъ не смутился. Положивъ на столъ выкуренную папироску, онъ спокойно сказалъ:

— Вамъ не совсѣмъ вѣрно передана исторія. Успенскій, послѣ заключеннаго условія, былъ у меня и получилъ три рубля не въ счетъ контракта.

Глава VI.

Продолженіе петербургской жизни.

Еще объ общемъ характерѣ литературы шестидесятыхъ годовъ.—Ея сила и отличіе отъ современной.—Ея ненависть къ историческимъ условіямъ быта.—Каррикатуристъ Степановъ и мое краткое сотрудничество въ его *Будильникѣ*.—Братья Курочкины.—*Петербургскій Листокъ* и Илья Арсеньевъ.—Нѣсколько словъ о Краевскомъ.—Начало моего участія въ *Петербургскомъ Листкѣ*.—М. М. Стопановскій.—Дальнѣйшая судьба „Листка" и его сотрудники до 1 января 1873 года.—Редакторъ Павелъ Алексѣевичъ Зарубинъ.—Переходъ „Листка" въ другія руки.—Балетоманъ А. П. Ушаковъ, актеры: И. И. Монаховъ, Никитинъ, Васильевъ, Виноградовъ, Зубровъ, П. А. Каратыгинъ.—Два анекдота изъ его жизни.—Замуравленная женщина.—Наши гласные суды, какъ глашатаи всесословной справедливости.—Нѣкоторые факты изъ ихъ дѣйствій.—Женскій вопросъ и петербургскія коммуны.—Покража трупа курсисткой изъ Медицинской Академіи.—Исторія одной проститутки.—Крушеніе Ковровскаго моста.—Остроумная надпись на фотографической карточкѣ Н. Н. Каразина.—Отъѣздъ въ Восточную Сибирь.

Отрицательное и матеріалистическое направленіе нашей литературы въ шестидесятыхъ годахъ хотя таило въ себѣ несомнѣнную силу, но было крайне несимпатично для людей, воспитавшихся на идеяхъ сороковыхъ годовъ. Лишенная творческихъ силъ, эта литература, за весь періодъ своего существованія, не оставила потомству ни одного произведенія, имѣющаго интересъ для всѣхъ временъ. Все, что писалось ею, отличается, большею частью, полемическимъ характеромъ, борьбою съ личностями или съ таки-

ми принципами, которые разбить никакими доводами невозможно. Таковы, напримѣръ, принципы вѣры, вопросы объ искусствѣ, задачи нравственности. Безплодно борясь съ послѣдними, ошеломливая вдругъ общество блестящимъ остроуміемъ и мнимою новизною реалистическихъ идей, наши отрицатели не могли, все же, заглушить влеченіе образованныхъ русскихъ людей къ произведеніямъ истинно-художественнымъ, появлявшимся тогда въ нашей печати. Мы жадно прочли «Тургеневскій дымъ», «Обрывъ» Гончарова, и понынѣ помнимъ ихъ, но забыли все, что писалось Чернышевскими, Писаревыми, Благосвѣтловыми и пр. Наши дѣти и именъ ихъ, можетъ быть, знать не будутъ, и не получатъ за это единицы.

За отрицательной литературой была, впрочемъ, одна серьезная заслуга. Она дѣйствовала искренно, съ убѣжденіемъ, неподкупно. Между писателями той эпохи и писателями нынѣшнихъ годовъ громадная разница. У послѣднихъ нѣтъ никакихъ убѣжденій и никакой высшей, умственной цѣли. Они служатъ не идеямъ, но своимъ чувственнымъ потребностямъ. Ихъ можетъ купить всякій; они лакейски пресмыкаются передъ лицомъ, которое имъ дороже платитъ. Бывало, вы берете въ руки журналъ или газету, и знаете, къ чему они стремятся. Теперь не то. При взглядѣ на нихъ, у васъ является вопросъ: подлѣе они другихъ органовъ печати или нѣтъ? Литераторъ шестидесятыхъ годовъ, несмотря на невзрачную одежду, былъ интересенъ для изустныхъ споровъ, рѣзко отстаивалъ свои воззрѣнія и ненавидѣлъ всею силой души сотрудниковъ не его лагеря. Встрѣчаясь случайно съ противникомъ, онъ нерѣдко въ него вцѣплялся, какъ тигръ; для нравственнаго пораженія его онъ не жалѣлъ ни чернилъ, ни перьевъ, ни умственныхъ силъ. Оттого принципіальныя пререканія Писарева, Антоновича, Чернышевскаго, Благосвѣтлова, Елисѣева и другихъ производили на читателей потрясающее дѣй-

ствіе. Ругательства даже совершали измѣненія въ убѣжденіяхъ читателей. Общество такъ и раздѣлялось на послѣдователей *Современника*, *Русскаго Слова* или консервативныхъ *Московскихъ Вѣдомостей*, во главѣ съ Катковымъ. Въ пространствѣ между противниками занимали мѣсто сатирическіе листки, какъ-то: *Искра*, которую направлялъ Василій Курочкинъ, и *Будильникъ*, издаваемый извѣстнымъ каррикатуристомъ Степановымъ. У послѣдняго неоффиціальнымъ редакторомъ состоялъ П. И. Вейнбергъ. До чего была сильна враждебность въ либералахъ ко всему тому, что носило сочувственный характеръ къ нашему историческому строю, я приведу слѣдующій примѣръ. Послѣ Каракозовскаго покушенія въ *Петербургскомъ Листкѣ* были напечатаны мои стихи. Въ нихъ, конечно, я съ ужасомъ отозвался о злодѣйскомъ поступкѣ. Спустя нѣкоторое время, въ *Будильникѣ* появились два моихъ стихотворенія. Одно изъ нихъ переводное изъ Лессинга, подъ названіемъ «Привидѣнья». За полученіемъ гонорара мнѣ пришлось явиться къ Степанову. Онъ жилъ на Моховой, въ четвертомъ этажѣ, въ маленькой и нечистоплотной квартиркѣ. Дверь мнѣ отворила женщина пожилыхъ лѣтъ, громаднаго роста, съ крайне смуглымъ лицомъ, съ черными волосами и рѣзкими чертами лица. Одѣта она была вся въ черномъ. Пораженный ея мрачнымъ видомъ, я, по правдѣ сказать, немного попятился. Она оказалась супругой каррикатуриста. Степановъ также имѣлъ суровую наружность, съ глубокими морщинами на лицѣ.

Выдавъ мнѣ деньги, онъ ласково заговорилъ о моихъ литературныхъ работахъ.

Между прочимъ, онъ вдругъ спросилъ:

— Не родственникъ ли вы Суворову, помѣстившем[illegible] стихотвореніе недавно въ *Петербургскомъ Листкѣ*?

Я отвѣчалъ:

— Это я самъ.

Степановъ угрюмо и удивленно взглянулъ на меня и сухо, отрывисто проговорилъ:

— Имѣю честь кланяться.

Онъ быстро вышелъ изъ комнаты.

П. И. Вейнбергъ мнѣ позже передавалъ, что Степановъ не желаетъ моего дальнѣйшаго участія въ *Будильникѣ*, какъ поэта, написавшаго безтактное стихотвореніе. Василій Курочкинъ, редакторъ *Искры*, не такъ былъ нетерпимъ, какъ его литературный собратъ. Это былъ человѣкъ добрый, мягкій, съ пылкою фантазіей, отличный товарищъ въ веселой компаніи. Извѣстно, какъ онъ женился. Преклоняясь предъ женщиной, проповѣдуя для нея полную свободу и равенство,

„Изъ мрака заблужденья
Онъ душу падшую извлекъ“.

Отъ этой души онъ потомъ не зналъ, какъ отдѣлаться, и началъ неумѣренно пить. Онъ скончался, любимый окружавшими его людьми и чтимый обществомъ, какъ образцовый переводчикъ Баранже.

Яркую противоположность Василію Курочкину составлялъ братъ его Николай, имѣвшій степень доктора, но никого не лѣчившій. Онъ писалъ дубоватые, дѣланные стихи. Да и душой онъ былъ черствый, держался въ одиночествѣ и, кажется, никого не любилъ.

У Курочкиныхъ былъ еще и третій братъ, Владиміръ. Онъ когда-то служилъ въ военной службѣ, а потомъ пріобрѣлъ типографію въ Петербургѣ. Владиміръ составлялъ яркое отраженіе Василія, но безъ его таланта. Онъ, что называется, былъ человѣкъ, о которомъ говорятъ: «душа нараспашку». Кутнуть среди близкихъ — составляло для Владиміра наслажденіе. Онъ нерѣдко за мое время посѣщалъ редакцію *Петербургскаго Листка*. Эта газета, основанная Чужбинскимъ, пережила много превратностей.

Была она и въ консервативныхъ рукахъ Ильи Арсеньева, очень умнаго, очень образованнаго литератора, но пользовавшагося въ литературѣ печальною репутаціей Ѳаддея Булгарина. Все честное, все либеральное его ненавидѣло. О немъ Шербина писалъ:

Ты повѣдай, тѣнь Ѳаддея,
Откровенья мнѣ свои:
Кто продажнѣе Андрея?
Кто подлѣе Иліи?
И Ѳаддей, незримо вѣя,
Откровенья рекъ свои:
Нѣтъ продажнѣе Андрея,
Нѣтъ подлѣе Иліи.

Читатель, быть-можетъ, не знаетъ, что Андрей Александровичъ Краевскій, благодаря друзьямъ Бѣлинскаго, тоже не пользовался любовью нашихъ свободомыслящихъ людей. О немъ составилась репутація, какъ о бездушномъ эксплуататорѣ литературныхъ тружениковъ, а главное Бѣлинскаго. Послѣднія изслѣдованія говорятъ совершенно противное. Оказывается, что Бѣлинскій получалъ отъ Краевскаго по 6.000 рублей, надоѣдалъ ему капризами и неумѣстными претензіями. Я помѣщалъ не мало корреспонденцій въ *Голосъ* въ концѣ шестидесятыхъ годовъ, лично былъ знакомъ съ Андреемъ Александровичемъ, встрѣчался съ нимъ у князя Назарова, работавшаго много лѣтъ въ *Голосъ*, и остаюсь при убѣжденіи, что Краевскій честно расплачивался съ работавшими въ его изданіяхъ. Этого нельзя сказать объ Арсеньевѣ. Онъ даже одного литератора, нынѣ довольно популярнаго, запряталъ въ ссылку, въ Архангельскую губернію, за то, что тотъ не возвратилъ нѣсколько книгъ, взятыхъ изъ редакціонной библіотеки для прочтенія. Арсеньевъ обвинялъ его въ покражѣ книгъ.

Когда я въ первый разъ принесъ какую-то замѣтку въ *Петербургскій Листокъ*, то его владѣльцемъ былъ уже

Михаилъ Стопановскій. Онъ работалъ прежде въ *Искрѣ*, въ *Будильникѣ* и обладалъ необыкновеннымъ даромъ юмористически разсказывать. Между тѣмъ, все, что̀ онъ написалъ, носитъ характеръ высиженнаго остроумія.

Стопановскій былъ красивый брюнетъ, высокій, но болѣзненнаго вида. Говорилъ онъ, безпрестанно вбирая въ носъ воздухъ и ѣдко посмѣиваясь. Вообще, онъ былъ крайне несимпатиченъ: желчный, эгоистичный и хитрый. Стопановскій продержалъ *Листокъ* недолго. Съ августа мѣсяца 1868 года его взялъ въ аренду Александръ Алексѣевичъ Соколовъ. Хотя живыхъ не принято хвалить, но считаю долгомъ замѣтить, что немногіе изъ нашихъ издателей обладаютъ такимъ даромъ организаціи газетнаго дѣла, какъ Соколовъ. При немъ въ *Петербургскомъ Листкѣ* непосредственно работали: Павелъ Алексѣевичъ Зарубинъ, Н. С. Худековъ, Н. А. Лейкинъ, поэтъ Ивановъ-Классикъ, Г. Н. Жулевъ—скорбный поэтъ, онъ же и дебютантъ, М. П. Ѳедоровъ, Г. М. Максимовъ, Ѳ. Ѳ. Парвовъ и другіе. Все это были люди талантливые, молодые, вносившіе въ газету бездну юмора, остроты и серьезнаго, дѣлового характера.

Я велъ въ *Листкѣ* «иностранный отдѣлъ», помѣщалъ еженедѣльно фельетонъ подъ названіемъ «Изъ заграничной жизни», писалъ множество статей по политическимъ и общественнымъ вопросамъ и разсказы: «Изъ воспоминаній караульнаго офицера».

Листокъ процвѣталъ и расходился въ большомъ количествѣ. Сотрудники составляли съ издателемъ одну семью, проводили часто вечера вмѣстѣ, лѣтомъ предпринимали поѣздки за городъ.

Обѣдали всѣ, нерѣдко собираясь близъ Александринскаго театра, въ гостиницѣ «Фениксъ» или на Николаевской улицѣ у кухмистера Н., а иногда въ «Маломъ Ярославцѣ». За обѣдомъ острили другъ надъ другомъ. Помню, однажды,

Дмитрій Дмитріевичъ Минаевъ *), отличавшійся необыкновенною находчивостью въ отвѣтахъ и печатавшій стихи подъ псевдонимомъ «Маіоръ Бурбоновъ», обратился ко мнѣ съ вопросомъ:

— Представь себѣ:

И ты маіоръ, и я маіоръ,
Но между насъ есть разница большая **)..

Я немного подумалъ, и отвѣчалъ:

Передъ тобою впереди—заборъ,
Предо мной—дорота столбовая.

Минаевъ обнялъ меня и воскликнулъ:

— Вотъ люблю. Молодецъ! Это по-моему. Я тебѣ тоже отвѣчу:

Будь осмотрителенъ, маіоръ;
Остерегись печатать вздоръ.

На одномъ изъ нашихъ обѣдовъ участвовалъ литераторъ, котораго мы всѣ искренно любили и дружески называли: «Эмъ-пе-фе». Кромѣ прекрасныхъ умственныхъ и душевныхъ качествъ, онъ имѣлъ здоровый аппетитъ. Я сидѣлъ рядомъ съ Эмъ-пе-фе Острили поочереди. Когда мнѣ пришлось говорить, то я произнесъ, указывая на своего полнаго сосѣда:

Друзья, коль вѣрить предразсудку,
То не встрѣчайтесь съ Эмъ-пе-фе;
Все перейдетъ сейчасъ къ желудку,
Что̀ обрѣтется въ головѣ.

---

*) Д. Д. поэтъ Минаевъ былъ сынъ интендантскаго маіора, жившаго въ Симбирскѣ и переводившаго „Слово о полку Игоревѣ“. Поэтъ получилъ образованіе въ дворянскомъ полку, а литературную карьеру началъ въ пятидесятыхъ годахъ.

**) Этотъ экспромптъ представляетъ пародію на извѣстную эпиграмму Батюшкова: „И ты поэтъ, и я поэтъ“, и пр.

На другомъ обѣдѣ, покойный Трофимовъ, извѣстный своими театральными піесами, присталъ къ желчному поэту Жулеву съ просьбою, чтобъ онъ быстро пріискалъ рифму на слово: «корабль». Жулевъ презрительно посмотрѣлъ на Трофимова, пожалъ плечами и громко сказалъ:

Умолкни, дерзкій мизерабль!

Вообще, мы рѣдко ссорились и уважали другъ друга за убѣжденія, за честное отношеніе къ жизненнымъ интересамъ человѣчества. Теперь едва ли газетныя редакціи живутъ такъ свѣтло и беззаботно, какъ жили мы.

Я приведу здѣсь удивительную повѣсть объ одномъ изъ названныхъ литераторовъ. Пусть по ней читатель судитъ о характерѣ *Петербургскаго Листка* въ концѣ шестидесятыхъ и въ началѣ семидесятыхъ годовъ.

На глухомъ берегу сѣверной, глубокой Волги стоитъ мало кому извѣстный посадъ «Пучижъ». Много лѣтъ тому назадъ, въ одномъ изъ мѣщанскихъ семействъ посада родился странный ребенокъ. Съ малыхъ лѣтъ онъ началъ высказывать ко всему живому необычайный интересъ. Его занимало все: и дерево, и травка, и небо, и солнце. Къ близкимъ людямъ онъ то и дѣло обращался съ вопросами: это почему? это отчего? и т. д. Но темная окружающая среда молчала или давала пинки малюткѣ. Позже ребенокъ сталъ учиться грамотѣ у пономаря, съ любопытствомъ бѣгалъ за пріѣзжимъ землемѣромъ, всматривался въ его чудесные и таинственные инструменты и задумывался. Онъ доставалъ откуда-нибудь огарокъ сальной свѣчи, запирался въ чуланъ и чертилъ по его стѣнамъ и на грубой бумагѣ, подобно Паскалю, разные непонятные круги и треугольники. Этотъ любознательный мальчикъ былъ Павелъ Зарубинъ. Впослѣдствіи, безъ помощи учителей, онъ выучился многимъ наукамъ, проходимымъ въ нашихъ высшихъ школахъ. Необыкновеннымъ знаніемъ законовъ

физики, химіи и механики онъ поражалъ лучшихъ ученыхъ Европы. Павелъ Алексѣевичъ Зарубинъ создалъ въ своей жизни до двадцати изобрѣтеній, за которыя получилъ большія золотыя медали. Между прочимъ, знамениты его водоподъемникъ и приборъ для опредѣленія пространства въ открытомъ морѣ до его невидимыхъ береговъ. Петербургъ обязанъ Зарубину тѣмъ, что избавился отъ такъ называемой Буровской системы канализаціи, грозившей затопить столицу нечистотами. Павелъ Алексѣевичъ составилъ формулу касательно несостоятельности упомянутой канализаціи, и ни одинъ инженеръ не опровергъ ея основаній. Зарубинъ былъ членомъ ученыхъ учрежденій не только нашихъ, но и заграничныхъ. Какъ человѣкъ, онъ былъ почти непогрѣшимъ. Несмотря на тяжелое прошлое, онъ какъ бы не вѣдалъ, что такое подлость и зло, любилъ людей и помогалъ имъ. Его жена была простая русская женщина. Она обожала мужа, поддерживала его въ нуждѣ, въ трудахъ и въ воспитаніи дѣтей. Она, необразованная, неграмотная, вѣрила въ геніальность своего Павла. Скончалась она, проживши съ мужемъ слишкомъ тридцать лѣтъ. Я былъ на похоронахъ этой чудной женщины. Старикъ плакалъ и говорилъ:

— Я погребаю сокровище, инстинктивно любившее науку. Покойная руководила мною и часто говорила: Богъ не только въ небесахъ, но Онъ и на землѣ всегда съ нами.

И вотъ такой-то человѣкъ, по просьбѣ Соколова, принялъ на себя офиціальное редакторство *Листкомъ*. Зарубинъ нравственно вліялъ на сотрудниковъ, не давая уклоняться отъ благородныхъ задачъ, ими на себя принятыхъ. *Листокъ* преслѣдовалъ идеи времени, свято вѣруя въ прогрессъ своего отечества, въ равноправность половъ; онъ былъ поборникомъ постепеннаго бытового преобразованія народа. Все это проповѣдывалось съ полной искренностью. въ границахъ умѣренности, безъ злобы къ высшимъ классамъ. Впрочемъ, и за приведенную программу *Листку*

иногда доставалось порядкомъ отъ Главнаго Управленія по Дѣламъ Печати.

Стопановскій своею хитростью и пронырливостью покончилъ самостоятельное существованіе *Петербургскаго Листка* подъ арендаторствомъ А. А. Соколова *).

Въ послѣдней четверти 1872 года этотъ лукавецъ сталъ ежедневно приходить въ редакцію, потѣшая ея членовъ разными баснями. Между тѣмъ, онъ незамѣтно вглядывался въ редакціонный порядокъ, въ конторскія книги. Результатомъ приведеннаго явилось 1-го января 1873 года неожиданное событіе. Въ редакцію пришли три новыхъ издателя; одинъ изъ нихъ былъ Михаилъ Стопановскій. Онъ безъ денегъ сталъ долевымъ собственникомъ *Листка*. Нельзя не упомянуть здѣсь еще нѣкоторыхъ лицъ, принадлежавшихъ къ описываемому періоду; такъ или иначе, они прикосновенны къ литературѣ, хотя давно сошли въ могилу. Жилъ тогда знаменитый балетоманъ Александръ Павловичъ Ушаковъ. Сынъ генералъ-адъютанта, красивый, прекрасно воспитанный, онъ представлялъ собою типъ истиннаго джентльмена. Ведя балетную хронику въ *Голосѣ*, Ушаковъ, въ теченіе 25 лѣтъ, не пропустилъ ни одного балета. Въ его кабинетѣ имѣлись массивные альбомы съ карточками танцовщицъ всего свѣта. Мало того, карточки въ характерныхъ костюмахъ были размѣщены по тѣмъ балетамъ, въ которыхъ балерины участвовали на разныхъ европейскихъ сценахъ. Эти альбомы сдѣлались живыми справками для балетмейстеровъ нашихъ Императорскихъ театровъ, при постановкѣ въ Петербургѣ того или другого балета. Въ обществѣ Александръ Павловичъ

*) *Петербургскій Листокъ* составлялъ собственность Заруднаго, у ко- ораго арендовалъ газету А. А. Соколовъ на опредѣленное число лѣтъ. лагодаря ему, *Листокъ* имѣлъ большой успѣхъ, приводившій въ ярость 'топановскаго. У послѣдняго во время арендованія до 1 августа 1868 ода *Листокъ* расходился въ самомъ ограниченномъ количествѣ.

8*

былъ элегантнымъ собесѣдникомъ, а въ дружеской компаніи веселымъ разсказчикомъ безчисленныхъ, но интерес ныхъ эпизодовъ изъ закулиснаго міра. Другимъ моимъ хо рошимъ знакомымъ былъ актеръ Ипполитъ Ивановичъ Монаховъ. Кто изъ людей средняго возраста не помнитъ его талантливыхъ передачъ пѣсенокъ Беранже? Монаховъ былъ въ нихъ незамѣнимъ. Жизнь онъ велъ безпорядочную. Несмотря на то, что его любила извѣстная опереточная пѣвица Лядова, съ ума сводившая обитателей болотной столицы, Монаховъ жилъ въ небольшой комнатѣ, надъ сапожною лавкой, въ Малой Морской. А, вѣдь, онъ получалъ хорошее жалованье отъ театра и не мало зарабатывалъ денегъ пѣніемъ куплетовъ на частныхъ сценахъ. Деньги текли мимо рукъ Ипполита Ивановича. Онъ ихъ прокучивалъ съ пріятелями или раздавалъ имъ въ безвозвратный долгъ. Оно умеръ въ цвѣтущихъ лѣтахъ. За нимъ вскорѣ сошли въ могилу и другіе артистическіе дѣятели, плѣнявшіе театральныхъ зрителей и оставившіе крупные имена. Назову: Павла Александровича Никитина, Павла Васильевича Васильева, Василія Ивановича Виноградова, Петра Ивановича Зуброва. Сколько пріятныхъ часовъ я провелъ въ чудныхъ бесѣдахъ съ ними! Они были хорошими, простыми людьми, не получившими высшаго образованія, но глубоко одаренными отъ природы. Чуждые интригъ, они не жалѣли средствъ, которыя получали, и охотно ихъ тратили на дружескія собранія; особенно изъ нихъ былъ забавенъ незабвенный Васильевъ. Въ его памяти крѣпко укоренилось слово «интеллигенція», и онъ этимъ словомъ называлъ все, что ему попадалось на глаза. И пріятель у него былъ «интеллигенція», и жена его была «интеллигенція».

Изъ актеровъ того времени самымъ находчивымъ и остроумнымъ считался Петръ Алексѣевичъ Каратыгинъ родной братъ знаменитаго трагика. Онъ былъ на Алексан

дринскомъ театрѣ тѣмъ же, чѣмъ былъ нѣкогда на Маломъ театрѣ въ Москвѣ Ленскій: неутомимымъ острякомъ. Сенаторъ Синельниковъ мнѣ разсказывалъ: великій князь Михаилъ Павловичъ слылъ при Дворѣ за большого остроумца. Бывъ какъ-то за кулисами Царско-Сельскаго театра, Императоръ Николай Павловичъ обратился къ Каратыгину, указывая на Августѣйшаго брата, и произнесъ:

— Онъ у тебя, кажется, отбиваетъ хлѣбъ.

Петръ Алексѣевичъ отвѣчалъ:

— Это ничего, Ваше Величество, пусть при мнѣ оставятъ только соль.

Въ срединѣ шестидесятыхъ годовъ посѣтила Петербургъ заграничная артистка, нѣмка Вестфали. Ея особенностью было играть драматическія мужскія роли. Я видѣлъ ее въ *Гамлетѣ*, сидя рядомъ съ княземъ Назаровымъ. Въ антрактѣ я пошелъ съ нимъ за сцену. Неистощимый Каратыгинъ встрѣтилъ насъ экспромптомъ, уже пронесшимся между актерами. Вотъ онъ:

Скажите мнѣ, мадамъ Вестфали,
Зачѣмъ вы Гамлета играли?
Вѣдь эта роль не такъ легка.
Мы Гамлета въ ней не видали,
Но вы театру показали
Вестфальскіе окорока.

Мы остановимся въ дальнѣйшей передачѣ характеристикъ тѣхъ общественныхъ дѣятелей, съ которыми судьба меня сталкивала въ далекомъ, но дорогомъ прошломъ. Насъ ждутъ другія событія, происшедшія въ тѣ годы. А они знаменательны.

На Васильевскомъ островѣ, въ одиннадцатой линіи, на углу Средняго проспекта, стоялъ деревянный одноэтажный домъ, выкрашенный въ желтую краску; отъ времени она полиняла. На улицѣ къ дому примыкалъ большой тѣнистый садъ. Владѣтельница дома была дочь дѣйствитель-

наго совѣтника Шлегель, родная племянница знаменитаго нѣмецкаго философа. Единственная сестра ея давно считалась умершею. Въ 1867 году нанялъ квартиру въ домѣ Шлегель одинъ художникъ. Мирно онъ рисовалъ картины, не подозрѣвая, что сбоку его разыгрывалась ужасающая драма. Однажды, ночью, онъ услышалъ глухіе стоны, исходящіе, какъ будто, изъ дальняго разстоянія. Сперва онъ ихъ принялъ за галлюцинацію, но ихъ повтореніе заставило его въ страхѣ встать съ постели. Онъ прокрался въ корридоръ и подошелъ къ заколоченной двери. Оттуда уже явственнѣе неслись нечеловѣческіе вопли. Художникъ вздрогнулъ, перекрестился и побѣжалъ въ участокъ.

То, что увидѣли полицейскія власти въ домѣ Шлегель, выше всякаго описанія. Они едва не задохнулись, открывъ таинственныя комнаты. Послѣднія оказались небольшими по размѣру, съ окнами, обитыми войлоками, съ закрытыми ставнями, выходившими въ садъ. Зловоніе въ нихъ было неимовѣрно. Во второй комнатѣ, на голомъ полу, окруженное грязью, лежало косматое существо, въ лохмотьяхъ и еле движущееся. И это существо оказалось сестрой изувѣрки Шлегель, просуществовавъ въ абсолютной темнотѣ, безъ воздуха, безъ человѣческаго общества, около двадцати-пяти лѣтъ! Поистинѣ, страшно становится за человѣка. Съ одной стороны, родной дядя, великій мыслитель, разъяснявшій людямъ нравственныя красоты жизни, съ другой— его родная племянница, его родная кровь, является исчадіемъ ада, многолѣтнимъ тираномъ невинной сестры. Заживо погребенная, какъ и слѣдовало ожидать, сдѣлалась безумною старухой. Ее увезли въ больницу Святой Магдалины; ея карточки жадно расхватывались жителями столицы. Вскорѣ несчастная умерла, въ первый разъ обмытая и очищенная. Неизвѣстно какая участь постигла злодѣйку. Сильно заговорила сперва о ней наша печать, освобожденная отъ цензуры въ 1865 году, но потомъ замолкла.

Ее заняли другіе интересы, о которыхъ дозволялось писать открыто. Такъ, нѣкоторые мировые судьи, не понимая того, что назначеніе ихъ—служить равноправности, съ предвзятою цѣлью принялись осуждать лицъ привилегированнаго сословія. Имъ нужно было, чтобы либеральная пресса ихъ хвалила.

Въ одномъ случаѣ произошло столкновеніе судьи съ полковникомъ, графомъ Б., въ другомъ пострадалъ бывшій вятскій губернаторъ Компанейщиковъ. Онъ явился въ камеру одного судьи въ качествѣ отвѣтчика; судья его вызвалъ:

— Господинъ Компанейщиковъ!

Человѣкъ, украшенный звѣздою, поднялся съ своего мѣста и гордо отвѣтилъ:

— Я не Компанейщиковъ, а дѣйствительный статскій совѣтникъ Компанейщиковъ.

Представитель юстиціи насмѣшливо посмотрѣлъ на бывшаго администратора и возразилъ:

— Штрафую васъ за неумѣстное возраженіе тремя рублями. За второе возраженіе прикажу сторожу васъ вывести.

Камера аплодировала, но судья ей не сдѣлалъ никакого замѣчанія за неприличіе выходки.

Въ департаментѣ какого-то министерства служилъ маленькій чиновникъ Никитинъ, и тамъ же занималъ мѣсто большой человѣкъ, графъ К—ль. Считая себя обиженнымъ графомъ по службѣ, Никитинъ въ одно прекрасное утро нанесъ ему оскорбленіе дѣйствіемъ. Пресса приняла сторону оскорбителя, котораго судили въ Окружномъ Судѣ и оправдали. Такихъ дѣлъ въ шестидесятыхъ годахъ было много, и всѣ они подтверждали, что нигилистическій тонъ ке охватывалъ низшіе и интеллигентные слои общества. ɪаша отрицательная печать не хотѣла себѣ уяснить, что а западѣ гласный мировой судъ выработался, какъ резульатъ зрѣлаго соглашенія между собою всѣхъ слоевъ госу-

дарства; у насъ онъ явился по доброй волѣ Монарха, какъ равноправное орудіе для всѣхъ сословій. Однако, наши либералы сумѣли изъ реформеннаго суда создать средство въ пользу однихъ низшихъ классовъ, якобы обиженныхъ судьбою. А эти обиженные, овладѣвши большинствомъ органовъ родной печати, въ провинціи разгоняли помѣщиковъ изъ ихъ родныхъ гнѣздъ, занимали хлѣбныя мѣста въ земствѣ, сжимали въ кулакъ народъ, дѣйствуя, какъ бы въ его интересахъ. Подкупъ и вино свили прочныя обиталища по городамъ и деревнямъ. Во-первыхъ, крѣпко засѣлъ въ думѣ неграмотный купецъ, во-вторыхъ, торжествовалъ Щедринскій «чумазый». Помѣщикъ замеръ на много лѣтъ. Эта невеселая картина Русскаго царства была разумно понята только однимъ нашимъ консервативнымъ лагеремъ. Катковъ, въ началѣ судебной реформы съ восторгомъ привѣтствовавшій ее, съ ужасомъ отшатнулся отъ нея, когда увидѣлъ, что безнаказанное самоуправство судовъ грозитъ самымъ священнымъ основамъ государства. Петербургская печать травила Каткова съ безграничною злобою и ненавистью. А жизнь нашего общества развертывала и другія стороны нашихъ болѣзненныхъ и ненормальныхъ увлеченій. Женскій вопросъ, свобода женскаго труда, доступъ женщины въ высшія учебныя заведенія, даже гражданскій бракъ, въ сущности, не таятъ въ себѣ несимпатичныхъ качествъ. Напротивъ, при умѣренности, какъ въ Швейцаріи, эти новшества оказались полезными отечеству Вильгельма Теля. У насъ, напротивъ, изъ женскаго вопроса литература сумѣла сдѣлать нѣчто ужасное. На берегу Невы завелись коммуны, поглотившія въ себя не мало юныхъ женскихъ существъ, принадлежавшихъ къ лучшимъ дворянскимъ фамиліямъ. Фактическій толчекъ женскому вопросу дала г-жа Суслова, только-что пріѣхавшая въ Россію изъ Цюриха съ докторскимъ дипломомъ. О ней говорилось въ писательскихъ кружкахъ съ особымъ подобо-

страстіемъ, какъ о величинѣ геніальной. Сотни барышенъ кинулись слушать лекціи въ Медико-Хирургическую академію, пренебрегая своею наружностью и званіемъ женщины. Онѣ остригли волосы, запустили грязные ногти, одѣлись, подобно студентамъ, въ пледы. Одна изъ нихъ, жена уѣзднаго предводителя, довольно уже пожилая, въ порывѣ ученическаго экстаза, дошла до того, что похитила цѣлый трупъ изъ академіи и сволокла его, къ ужасу домашнихъ, къ себѣ на квартиру. Этотъ случай въ описываемую эпоху произвелъ сенсацію въ столичныхъ жителяхъ. Множество учащихся дѣвушекъ размѣстилось по коммунамъ. Въ нѣкоторыхъ изъ нихъ я бывалъ личнымъ свидѣтелемъ довольно безцеремонныхъ сценъ. Студенты жили по два и по три человѣка, а хозяйничала у нихъ одна слушательница, гордясь своимъ позоромъ и увѣряя, что она служитъ общественному прогрессу. Какъ-то, посѣтивъ Лѣсной Корпусъ, мнѣ пришлось, по порученію моей хорошей знакомой, заѣхать къ академической барышнѣ, нынѣ извѣстной докторшѣ. Я былъ пораженъ ея наружностью. Одѣтая въ полнѣйшемъ неглиже, она курила и шалила съ двумя молодыми людьми, ея сожителями. Много лѣтъ спустя, на шумномъ столичномъ концертѣ, мнѣ пришлось встрѣтить подъ-руку съ солиднымъ господиномъ даму величественной наружности. Я съ трудомъ въ ней узналъ былую обитательницу бѣдной коммуны. Точно Пушкинская Татьяна, она явилась предо мною преображенною и недоступною. По правдѣ сказать, я предпочитаю подобнымъ дѣланнымъ личностямъ необыкновенную проститутку, встрѣченную мною въ одномъ изъ увеселительныхъ садовъ Петербурга. Дѣло было весною, въ половинѣ мая, когда бѣлыя сѣверныя ночи томятъ нервы и не даютъ покоя молодому сердцу. Я сидѣлъ на скамейкѣ и курилъ, поглядывая на многочисленную толпу празднаго люда. Неожиданно ко мнѣ подошла дѣвушка, лѣтъ двадцати, бѣлокурая, недурная со-

бою и скромно одѣтая. Она попросила закурить папиросу и присѣла по сосѣдству. Отсутствіе пестроты въ костюмѣ, ея задумчивость обратили мое вниманіе. Мы заговорили и какъ-то сразу отъ пустыхъ предметовъ перешли къ вопросамъ отвлеченнымъ. Собесѣдница оказалась занимательною. Коснулись вопроса о нравственности. Я замѣтилъ:

— Женщина безъ женственности, стыдливости, не можетъ имѣть прелести для неиспорченнаго мужчины. Въ послѣдніе годы мы такъ разнуздались, благодаря вѣяніямъ новыхъ идей, что заплевали даже все то, что было хорошаго въ нашемъ прошедшемъ.

Она пытливо посмотрѣла на меня и грустно промолвила:

— Въ первый разъ мнѣ приходится на публичномъ гуляньи слышать слова, чуждыя пошлости. Вы какой-то особенный. Пожалуйста, не думайте и обо мнѣ дурно. Я могу еще подняться, если найдется человѣкъ, который захочетъ меня поддержать.

Помолчавъ немного и проведя по лбу рукой, какъ бы отгоняя отъ себя тяжелыя мысли, она продолжала шепотомъ:

— Впрочемъ, оставьте меня. Вы не знаете, съ кѣмъ говорите. Я падшая! Слышите ли, я падшая!!!

Она судорожно схватила мою руку.

— Поѣдемте ко мнѣ,—умоляла она,—не думайте для чего-нибудь дурного... О, нѣтъ, мнѣ такъ противно мое ремесло въ присутствіи вашемъ; я разскажу вамъ свою жизнь откровенно. Можетъ-быть, вы найдете въ ней что-нибудь смягчающее для меня, дадите совѣтъ. Не правда ли?...

Мы очутились въ маленькой, уютной квартиркѣ, прилично меблированной. На всей обстановкѣ чувствовалась рука женщины порядочной. Мою хозяйку звали Маріею Александровной. Она усѣлась на диванъ, меня посадила около себя и начала свой разсказъ.

— Я дочь чиновника. Матери своей лишилась рано. Отецъ, спустя годъ послѣ ея кончины, женился на вдовѣ, довольно пожилой и имѣвшей взрослую дочь. Мачиха меня не взлюбила, воспитанія не давала никакого. Если я грамотна, если я кой-что читала, то всѣмъ обязана дочери мачихи, дѣвушкѣ доброй и благородной. Насъ посѣщали молодые люди. Одинъ изъ нихъ былъ студентъ, брюнетъ, красивый и бойкій на языкъ. Говорилъ онъ противъ брака, называя его отживающимъ предразсудкомъ; увѣрялъ, что женщина должна быть во всемъ свободна, какъ и мужчина. Его новыя слова глубоко запали мнѣ въ душу. Я незамѣтно его полюбила; онъ взаимно клялся въ любви. Что дѣлать? Я не устояла противъ горячихъ его ласкъ, и отдалась ему. Онъ обѣщалъ на мнѣ жениться.

Марья Александровна вздохнула и вдругъ вскочила съ мѣста.

— Онъ обманулъ меня, негодный!—воскликнула она.— Мачиха подсунула ему свою дочь, давши за нее приданое. Я же, беременная, брошенная, осталась одна. Она, эта злая мачиха, выгнала меня на улицу и называла развратницей. Да, я сдѣлалась ею! Куда я ни бросилась, оказалась вездѣ ненужной. Къ работѣ я не была пріучена, для высшаго труда также не подготовлена. Что оставалось дѣлать? Помню, голодная, одинокая, я стояла въ темную ночь на тротуарѣ. Одеженка на мнѣ была плохая, я страшно зябла. Кто-то меня толкнулъ. То былъ прилично одѣтый господинъ, но порядочно выпившій. Онъ попросту сказалъ:—поѣдемъ со мною!—Мы сѣли въ пролетку. Чуждая разврата, я въ первый разъ въ жизни продавала себя. Мнѣ дѣлалось страшно и гадко. Я дрожала, а неизвѣстный крѣпко старался прижать меня къ себѣ. Я инстинктивно ударила его по лицу. Онъ хладнокровно проговорилъ:

— О, о! какая!—и, не обижаясь, продолжалъ свои ласки. Въ эту ночь я пала, какъ подлая, продажная тварь!...

Она замолкла и горько заплакала. Мнѣ стало невыразимо жаль Марью Александровну. Я подошелъ къ ней и крѣпко пожалъ ея руку.

— Дитя мое,—промолвилъ я.—Не все для васъ потеряно. Вы молоды, жизни еще много предстоитъ вамъ. Покайтесь искренно, и Богъ проститъ васъ.

— Гдѣ Онъ?—пролепетала несчастная.—Онъ оставилъ меня.

— Нѣтъ, нѣтъ!—возразилъ я горячо:—Христосъ и блудницу простилъ передъ народомъ и сказалъ ей: «Иди и не грѣши».

— Но гдѣ эти святыя слова написаны?—спросила моя собесѣдница.

— Въ Евангеліи. Я принесу вамъ эту книгу, вы ее прочтите и научитесь вѣрить. Одна вѣра дастъ вамъ крѣпость, подниметъ васъ и утѣшитъ. А я, Богъ дастъ, помогу вамъ, чѣмъ въ силахъ.

Уходя отъ Марьи Александровны, весь взволнованный, я почувствовалъ, что кто-то прильнулъ къ моей рукѣ. Слышались слова:

— Хорошій вы мой, спасибо вамъ; вы меня воскресили къ жизни.

Нѣсколько дней я у нея не былъ. Литературныя занятія меня задерживали. Но какъ-то собрался. Меня встрѣтилъ дворникъ и сказалъ, что жилица съ квартиры исчезла, бросивши ее вмѣстѣ съ вещами. Полиція ихъ описала. Недѣли черезъ три послѣ моего свиданія съ Марьею Александровной, я получилъ пакетъ, надписанный незнакомою рукой. Онъ былъ отъ нея.

«Вы спасли меня!—писала она,—но вамъ и въ голову не придетъ, гдѣ я нахожусь. Есть на Васильевскомъ островѣ исправительный пріютъ Святой Магдалины для такихъ женщинъ, какъ я. Въ немъ для меня нашлось мѣсто. Я просила начальницу изнурять меня работами, даже

бить, если она хочетъ. Я все снесу. Великая грѣшница, я развратила свое тѣло, я растлила свою душу, данную мнѣ Богомъ для того, чтобы ее беречь. О, съ какимъ наслажденіемъ я себя изнуряю! Я сплю на голыхъ доскахъ, подкладываю подъ голову вмѣсто подушки полѣно, я изнурила себя голодомъ, колола тѣло иглами, и все думала: мало мнѣ наказанія, мнѣ—тяжкой блудницѣ! Благодаря вамъ, я узнала, что такое Евангеліе. Передо мной открылся свѣтъ, новый міръ! Новая любовь ко всему живому! И какъ Онъ, Богъ нашъ, страдалъ за насъ, любилъ насъ и за насъ молился!.. Нѣтъ словъ васъ благодарить за все; я, недостойная, осмѣливаюсь за васъ молиться».

Я былъ такъ пораженъ приведеннымъ посланьемъ, что немедленно написалъ сердечный разсказъ подъ заглавіемъ «Замѣчательная проститутка». Онъ появился въ *Петербургскомъ Листкѣ*. Разсказъ, благодаря своему содержанію, имѣлъ большой успѣхъ. Въ редакцію обильно посыпались денежныя пожертвованія; явилось нѣсколько семейныхъ лицъ, желавшихъ взять Марью Александровну въ экономки; нашелся и увлекающійся молодой человѣкъ, который предложилъ ей руку. И что же? Она неожиданно вышла замужъ и сдѣлалась превосходной женой. Черезъ много лѣтъ я встрѣтился съ ней. Сіяющая, довольная, она бодро глядѣла на жизнь, впередъ, и сказала мнѣ:

— Спасибо вамъ! Нѣтъ: не спасибо! Это слово слабо для выраженія моихъ чувствъ. Слушайте: я нашла Бога, и Онъ полюбилъ меня; за мои страданія Онъ далъ мнѣ все, чѣмъ я нынѣ обладаю. Подъ моими ногами крѣпкая почва; я имѣю свою собственную семью. Какое невыразимое счастіе!

Слезы блеснули на ея глазахъ, чистыя, хорошія слезы. Это была наша послѣдняя встрѣча.

Настоящую главу мнѣ приходится окончить однимъ эпизодомъ, въ которомъ несомнѣнно участвовала рука Провидѣнія. Весна въ 1867 году была поздняя, Пасха — также.

На четвертый день праздника, кажется, 17-го апрѣля, мнѣ пришлось ѣхать по Нижегородской желѣзной дорогѣ. Въ вагонахъ шелъ разговоръ о разлитіи мелкихъ рѣкъ. То тамъ, то здѣсь онѣ вскрывались; не трогались лишь Ока и Волга. Переѣздъ черезъ ледъ былъ опасенъ. Почти въ полночь мы миновали Владиміръ и начали двигаться тихо; поѣздъ точно крался. Между пассажирами произошло волненіе, заглядываніе въ окна, сквозь которыя мелькали блѣдные лучи мѣсяца. Направо и налѣво отъ насъ, покрывая самую насыпь, блестѣлъ, какъ серебро, на далекомъ пространствѣ, разливъ какой-то рѣки. До слуха доходилъ сердитый плескъ водяной массы и тревожилъ наши сердца. Что подъ нами? Зіяетъ ли пропасть, надъ которою повисли рельсы, или есть твердая почва, упорно боровшаяся съ напоромъ неукротимой стихіи? Многіе изъ ѣхавшихъ творили молитву. Наконецъ, мы услышали радостный кликъ: «Слава Богу, четырнадцать верстъ по водѣ отмахали, теперь покатимъ по сухой дорогѣ». Около двухъ часовъ ночи мы были подъ Ковровомъ, маленькимъ городкомъ, принадлежащимъ къ Владимірской губерніи. Онъ расположенъ на берегу Клязьмы, чрезъ которую перекинутъ весьмидесятисаженный каменный мостъ. Мы по немъ двигались медленно, слышали его легкое дрожаніе, прислушивались къ шуму ревущихъ волнъ, разбивающихся о мостовые устои. Вотъ мостъ миновали и приблизились къ станціи. Она расположена съ четверть версты отъ рѣки, хотя значущейся по географіи не судоходной, но достаточной, чтобы поглотить желѣзнодорожный поѣздъ. Вдругъ сзади насъ раздался гулъ, на подобіе отдаленныхъ выстрѣловъ изъ сотни тяжелыхъ орудій. То рухнулъ Клязьменскій мостъ со всѣми устоями, кромѣ береговыхъ. Какъ будто, онъ выжидалъ, чтобы мы его благополучно миновали. Горячо мы молились на станціи о нашемъ спасеніи; мы вѣрили, что съ нами ѣхала какая-нибудь праведная

душа, охраняемая небесными силами. Черезъ три дня я возвращался изъ Нижняго-Новгорода; на Ковровскую станцію прибылъ, какъ разъ, въ полдень. Близъ рѣки происходила суета, и пассажировъ перевозили черезъ Клязьму въ лодкахъ къ ожидавшему по ту сторону поѣзду. Грязь по берегамъ была невылазная, мы уходили въ нее по колѣно, марая платье, руки и саквояжи, безпрестанно выпадавшіе изъ рукъ. Даже крупный багажъ—и тотъ приходилось нести на себѣ за недостаткомъ носильщиковъ. Путники кричали и ругались, дамы визжали отъ частыхъ паденій въ вязкую почву. Словомъ, хаосъ царилъ на перевозѣ ужасный. А мутная рѣчонка, начинавшая понемногу входить въ берега, продолжала бурлить, выказывая тѣмъ свой отвратительный характеръ. Подобно самой капризной женщинѣ, она и не сознавала, сколько причинила людямъ страху, страданій и убытковъ. Я былъ тоже нервно разстроенъ и въ Петербургѣ долго не могъ взяться за перо. Все представлялась мнѣ потрясающая картина гибели цѣлаго поѣзда; въ ушахъ слышались раздирающіе крики о спасеніи; передъ глазами мерещились утопающія жертвы, хватавшіяся другъ за друга и вмѣстѣ погружавшіяся въ вѣчность. Меня самого кто-то схватилъ за ногу, и я исчезъ подъ волнами, то молясь, то проклиная въ мученіяхъ роковую судьбу. Я просыпался отъ тяжелыхъ сновъ съ мокрымъ лбомъ и свинцомъ, немилосердно давящимъ сердце. Не дешево достаются человѣку переживаемыя имъ катастрофы!

Въ началѣ семидесятыхъ годовъ я оставилъ неожиданно Невскіе берега. Я такъ усталъ непрерывно работать въ журналахъ и газетахъ въ теченіе многихъ годовъ, что не только тѣло, но и мысль требовали продолжительнаго отдыха и обновленія. Поэтому, я съ восторгомъ принялъ предложеніе своего родственника, занимавшаго значительный постъ въ Иркутскѣ, о переводѣ на службу въ Восточ-

ную Сибирь. Эта страна въ то время составляла для насъ нѣчто таинственное и манящее. Даже другъ моего дѣтства, извѣстный писатель и художникъ, Николай Николаевичъ Каразинъ просилъ меня устроить ему временный переѣздъ на берега Ангары и Амура. Его душа, тогда еще молодая, чуткая, требовала и жаждала разнообразія жизненныхъ впечатлѣній. Припоминаю, кстати, здѣсь, что онъ, всегда талантливый и остроумный, сдѣлалъ интересную надпись на своей фотографической карточкѣ, подаренной имъ тогдашнему министру Внутреннихъ Дѣлъ Тимашеву. Послѣдній, какъ извѣстно, былъ даровитый скульпторъ. Каразинъ на карточкѣ написалъ: «Художнику-министру, отъ художника-писателя, который никогда не будетъ министромъ».

Въ іюнѣ мѣсяцѣ я тронулся съ мѣста, и не одинъ, а съ горячо любимой и глубокообразованной женщиной, замѣчательная жизнь которой будетъ описана въ слѣдующихъ главахъ. И какая жизнь? блестящая и роковая, какъ она сама!

Съ каждой верстой удаленія моего отъ балтійскихъ непривѣтныхъ болотъ, я точно становился юнѣе и восторженнѣе. Моя душа уже не была позади, но она смѣло глядѣла впередъ, прорѣзывая безграничныя пространства безграничнаго Русскаго царства.

Глава VII.

По дорогѣ въ Восточную Сибирь.

Волга у Нижняго и ея обаяніе.—Краткія біографическія замѣчанія о Натальѣ Сергѣевнѣ Де-Латръ.—Козьмодемьянская пристань. — Казань.— Встрѣча съ дядей, владѣльцемъ Шуранскаго зáмка.— Его прошлое.— Рѣка Кама.— Лаишевъ.— Шуранъ.— Въ гостяхъ у брата въ Уфимскомъ захолустьѣ.—Пермь.—Перевалъ черезъ Уральскій хребетъ.- Его красоты.—Впечатлѣнія по ту сторону Урала.—Тюмень.—Плаваніе по рѣкамъ Западной Сибири.—Томскъ.—Въ гостяхъ у моего пріятеля.—Первыя вѣсти о восточно-сибирскомъ генералъ-губернаторѣ Синельниковѣ. — Красноярскъ.—Характеристика Иркутскаго края, сдѣланная графомъ Муравьевымъ-Амурскимъ.—Второй разсказъ о сенаторѣ Синельниковѣ.—Остановка насъ бродягами.—Бѣгство политическаго преступника Лопатина.—Пріѣздъ въ Иркутскъ.

На Волгѣ нѣтъ печали; она можетъ только терзать человѣка до Нижняго-Новгорода. Здѣсь, сѣвъ на пароходъ, вы уже находитесь подъ обаяніемъ широкой, величественной рѣки. Всякая дума о прошломъ, о пережитомъ слабѣетъ, вы всецѣло поддаетесь новому чувству, овладѣвающему вами. Это Волга захватываетъ васъ въ свои могучія объятія. Глядите на нее и не наглядитесь; жадно дышете ея чистымъ воздухомъ, и не надышетесь. А трепетъ жизни, ея таинственная прелесть щекочатъ ваши нервы. Вы видите здѣсь, посреди воднаго простора, среди заселенныхъ, зеленыхъ береговъ, съ ихъ деревнями и блестящими крестами церквей, самое ядро своей великой родины, слышите біеніе ея пульса.

Кто не описывалъ Волги? Но кто не описывалъ и величія неба? А, между тѣмъ, каждое лицо, обладающее даромъ пониманія красотъ внѣшней природы и волненій юной, дѣвственной души, найдетъ всегда возможность сказать объ этихъ предметахъ что-нибудь еще невѣдомое другимъ людямъ. Да и есть вещи, о которыхъ сколько ни говорите, онѣ во всякіе возрасты будутъ возбуждать въ человѣкѣ высшіе, благородные помыслы. Самое повтореніе о нихъ никому не наскучитъ. Такова и наша царственная Волга.

Былъ солнечный день. Пароходъ двинулся. Я стоялъ на палубѣ и думалъ. О чемъ я думалъ? Мнѣ такъ хорошо жилось въ то время; близъ меня сидѣло существо, безгранично дорогое, оставившее для меня любимую мать и сестру въ Петербургѣ. Она ѣхала въ незнакомую даль, твердо опираясь на мою руку, вѣруя въ мое чувство.

Маркиза Наталья Сергѣевна Де-Латръ родилась въ старомъ дворянскомъ семействѣ, а воспитывалась въ одномъ изъ петербургскихъ институтовъ. Высокая ростомъ, стройная, какъ пальма, съ выразительными, правильными чертами лица, со жгучими черными глазами, она производила сильное и пріятное впечатлѣніе. Нѣсколько смуглая, она напоминала формами своего античнаго носа коренную римлянку. Да и по характеру своему она подходила къ уроженкамъ Вѣчнаго Города. Для нея не было недостижимыхъ цѣлей, не было и предѣловъ ея любви. Она отдавалась этому чувству, не понимая ея дѣленій, компромиссовъ въ случаѣ измѣны. Путешествуя за границей, она встрѣтилась со своимъ будущимъ мужемъ, блестящимъ по виду, серьезно образованнымъ, но легкомысленно относившимся къ женщинамъ. Онъ плѣнилъ молодое, неопытное существо, овладѣлъ имъ, но вскорѣ съ удивленіемъ понялъ, что его романическія похожденія не находятъ одобренія въ женѣ. Послѣдняя рѣзко порвала связь съ мужемъ, отдавъ ему свое состояніе. Вернулась она въ свое отечество измучен-

ною, обобранною, но смѣло смотрящею въ будущее. Вскорѣ она сдѣлалась слушательницей Медицинской Академіи, но осталась чуждою студенческаго міра и его коммунъ. Веселая, остроумная, женственная, мадамъ Де-Латръ вносила въ кругъ своихъ знакомыхъ чувство бодрости и одушевленія. Занимаясь прилежно медициной, она почерпнула изъ нея серьезныя знанія и отдала ихъ безвозмездно бѣдному люду. Кому и гдѣ она только не помогала? Я встрѣтился съ Натальею Сергѣевной въ первый разъ въ 1870 году у князя Назарова. Ей было тогда лѣтъ тридцать. Величавая наружность Де-Латръ меня поразила; она же отнеслась ко мнѣ вполнѣ равнодушно. Позже оказалось, что она не любила военныхъ, считая ихъ, вообще, субъектами крайне пустыми. Обѣдая по воскресеньямъ вмѣстѣ у князя, мало-по-малу, мы сблизились. При видѣ ея, всякій разъ сердце мое сильно билось. Мы много говорили, спорили, но молчали о затаенныхъ чувствахъ. Такъ проходило время. Трудно мнѣ было владѣть собою, а признанья дѣлать боялся. Ну, какъ ошибка? ну, какъ за любовь мною принимается просто дружеское чувство? Впрочемъ, она, — обаятельная женщина, — сама перешагнула роковое недоразумѣніе.

Мы плывемъ по Волгѣ, вмѣстѣ, какъ существа родственныя другъ другу, раздѣляющія, сообща, трудности и прелести житейскаго моря.

Наступали сумерки послѣ чуднаго, знойнаго дня, когда мы приблизились къ Козьмодемьянской пристани. Звѣзды мигали на небѣ; въ дымчатой дали побережья свѣтились манящіе къ себѣ огоньки. Рѣка была объята дремотой. Волны плавно набѣгали на пароходъ, дробясь на безчисленныя серебристыя искры. Тамъ и сямъ тревожили окрестный воздухъ свистки плывущихъ судовъ или раздавалась бурлацкая пѣсня на встрѣчной баржѣ. Хорошо въ такой часъ на Волгѣ. Хоть наступало время сна, а не хотѣлось идти въ душную каюту.

Нѣтъ, мы посидимъ еще на балконѣ. Въ жизни не такъ много обаятельныхъ минутъ, чтобы не дорожить ими. Пароходъ причалилъ осторожно къ пристани. Съ нея раздались крики:

— Раки самые лучшіе! Стерлядь живая!

Вотъ, это, читатель, жизнь со всѣмъ ея очарованіемъ. До сна ли тутъ? Въ Казань мы прибыли рано утромъ. Множество пароходовъ, стоящихъ у пристаней; ихъ безпрестанные свистки, толпы снующаго народа, крики извозчиковъ и продавцовъ; носильщики съ громадными тюками, лѣзущіе на пароходы или сходящіе съ нихъ, — все говорило, что вблизи насъ находится большой торговый центръ. Казань виднѣлась издали съ златоглавыми церквами, со стариннымъ Кремлемъ на возвышеніи. Башня Сумбеки, съ золотымъ яблокомъ на шпицѣ, ярко горѣла въ солнечныхъ лучахъ, напоминая собою о минувшемъ величіи павшаго Татарскаго царства. Съ глубокою грустью я смотрѣлъ на когда-то родной мнѣ городъ. Какъ было хорошо въ немъ мое далекое прошлое, нынѣ являющееся, какъ въ туманѣ, какъ милый, невозвратный призракъ.

Возвратясь съ третьимъ свисткомъ на пароходъ, я увидѣлъ за обѣденнымъ столомъ каюты перваго класса сгорбленнаго старика, съ сѣдыми, курчавыми волосами, съ лицомъ, носящимъ остатки замѣчательной красоты. Онъ говорилъ съ своимъ сосѣдомъ, и его пріятный голосъ мнѣ показался знакомымъ. Я сталъ въ него всматриваться, и вдругъ внезапная мысль озарила меня.

— Боже! это мой родной, дядя Григорій Григорьевичъ Д—ій *), богатый владѣлецъ Шуранскаго зàмка, получившій его въ наслѣдство послѣ смерти своей матери.

Мы горячо обнялись.

*) Я не называю здѣсь фамиліи дяди; читатель знаетъ ее по первой главѣ „Записокъ“.

— Дядя, дядя!—говорилъ я,—какъ вы постарѣли. Давно я васъ не видалъ, и не узналъ бы, если бы не голосъ. Странно, что онъ запечатлѣлся во мнѣ съ дѣтства.

Дядя былъ оригинальный человѣкъ. Когда-то блестящій уланъ, онъ рано оставилъ военную службу и поселился въ своемъ волшебномъ зáмкѣ. Красавецъ, богатый, свободный, носившій старинную фамилію, онъ слылъ завиднымъ женихомъ въ губерніи. Тогдашній казанскій губернаторъ генералъ-адъютантъ С. прочилъ за него одну изъ своихъ дочерей. Дядя считался женихомъ, когда надъ нимъ разразилась нежданная катастрофа. Его повелѣно было женить на простой женщинѣ, съ которою онъ прижилъ двухъ дѣтей.

Дарья Мартыновна *) была экономкою у профессора Берви. Маленькаго росту, съ некрасивымъ лицомъ, съ тонкими губами, на которыхъ часто появлялась недобрая улыбка, съ рыжими волосами на головѣ, она представлялась несимпатичною особою. Чѣмъ она соблазнила дядю—осталось неразгаданной тайной. Задумавъ жениться, онъ хорошо вознаградилъ свою сожительницу и обезпечилъ ея дѣтей. Хитрой женщинѣ этого было мало. Въ одинъ прекрасный день, Дарья Мартыновна скрылась изъ Казани. Никто не зналъ, куда она дѣвалась. Но, вотъ, въ городѣ появились странные слухи. Говорили, что она очутилась въ Петербургѣ, встрѣтила Государя на утренней прогулкѣ и упала Ему въ ноги съ прошеніемъ. Въ немъ значилось, что помѣщикъ Д. ее обольстилъ, прижилъ съ нею двухъ дѣтей, и, вопреки обѣщанію жениться, бросилъ ее съ семьей на произволъ судьбы. Дядю обвѣнчали. Все измѣнилось въ роскошномъ, историческомъ обиталищѣ. Старыхъ знакомыхъ и родныхъ онъ сталъ избѣгать; вмѣсто приличныхъ лакеевъ, въ большихъ залахъ забѣгали босоногіе мальчишки и

*) Имя и отчество не настоящія.

дѣвченки. Два боковыхъ фасада замка были срыты до основанія, такъ какъ, по мнѣнію новой дворянки, въ нихъ блуждали по ночамъ привидѣнія. Многочисленные экипажи, въ которыхъ ѣздили предки владѣльца, проданы; уцѣлѣвшая отъ разрушенія передняя часть зданія обращена въ простой домъ. Въ немъ замкнулись двери для всего живущаго. Въ этой позлащенной тюрьмѣ Григорій Григорьевичъ прожилъ съ женою слишкомъ тридцать лѣтъ, изрѣдка выѣзжая для свиданія съ своими сестрами.

Бывши уже офицеромъ, я вздумалъ навѣстить дядю. Онъ обрадовался мнѣ, а тетка встрѣтила словами:

— Вы зачѣмъ пріѣхали сюда? Наслѣдство высматривать? Такъ напрасно. У насъ четверо живыхъ дѣтей, а пятый ожидается. Всѣ не перемрутъ. Такъ и передайте вашимъ родителямъ.

Въ другой разъ мнѣ пришлось проѣзжать Шуранъ лѣтомъ съ полковникомъ Чемерицынымъ. Почтовая станція устроена противъ барскаго дома. Полковникъ мой проголодался и проговорилъ:

— Теперь хорошо бы поѣсть.

Дѣйствительно, время стояло обѣденное.

— Знаете ли, гдѣ мы находимся?—замѣтилъ я.— Вѣдь, это имѣніе моего дяди. Погодите, я напишу ему записку. Авось онъ насъ угоститъ.

Чрезъ полчаса мы сидѣли въ великолѣпной столовой съ готическими сводами. Ея стрѣльчатыя окна выходили на Каму. Обѣдъ превзошелъ всякія ожиданія. Уха изъ стерлядей, стерлядь заливная, жареные бекасы, пломбиръ, фрукты. шампанское — все это привело въ умиленіе моего начальника, а дядю къ давно-небывалому веселью. Онъ такъ размякъ, что забылъ свое тюремное заточеніе и воскликнулъ:

— Теперь бы хоръ цыганокъ и оркестръ музыки!

Вдругъ языкъ дяди замеръ, рука съ приподнятой сал-

феткой остановилась недвижно въ воздухѣ. Мы оглянулись. На противоположномъ концѣ комнаты появилась маленькая фигура рыжей, пожилой женщины. Она была одѣта въ ситцевое платье и сверху въ крестьянскую кацавейку. На ногахъ ея торчали большіе шерстяные чулки. Передъ приподнятаго платья былъ прикрѣпленъ у пояса веревкой.

То была моя тетушка.

— Ты что, старый грѣховодникъ!—закричала она,—цыганокъ на старости лѣтъ захотѣлъ? Я тебѣ ужо задамъ. Пошелъ въ свою берлогу!

— А, вы?—обратилась ко мнѣ тетушка,—дядю пріѣхали развращать? Нечего сказать, большое отъ васъ утѣшеніе вашимъ родителямъ!

Она ушла, а за ней, понуривъ голову, даже не простившись съ нами, побрелъ шуранскій помѣщикъ. Полковникъ, присвистывая, промолвилъ:

— Ну-съ, разскажите, что это значитъ? Хорошо, что скандалъ случился не въ началѣ обѣда.

Я передалъ собесѣднику печальную повѣсть дяди.

Послѣ описаннаго случая я уже не возобновлялъ своихъ посѣщеній Шурана. Дядя въ немъ скучалъ. Онъ перечелъ всю обширную библіотеку, оставленную дѣдами, и, въ концѣ концовъ, чуть не сошелъ съ ума. Навѣстивъ меня, какъ-то, въ Казани, онъ замѣтилъ:

— Знаешь, чтобы укрѣпиться въ вѣрѣ, я поглотилъ сотни священныхъ книгъ. И что-же? Я нынѣ ни во что не вѣрю.

— Напрасно, — отвѣтилъ я. — Для сохраненія въ себѣ вѣры достаточно одного Евангелія. Какой умъ высказалъ идеи болѣе высшія, чѣмъ идеи Евангельскія? Умствованія историческихъ геніевъ меркнутъ передъ вѣковѣчными истинами Христа.

Дядя задумался, потомъ промолвилъ:

— Кто научилъ тебя такъ разсуждать? Вѣдь, настоящее

поколѣніе, къ которому ты принадлежишь, похоронило религію.

Болтая о прошломъ съ дядею, я и не замѣтилъ, какъ пароходъ свернулъ съ Волги въ Каму,—въ такую же широкую рѣку, какъ сама Волга. На лѣвомъ берегу, въ туманной дали, виднѣлся Лаишевъ. Онъ стоитъ на ровномъ мѣстѣ и не блистаетъ никакими красотами. При рожденіи моемъ, въ немъ была одна церковь, и до сихъ поръ она осталась одинокою. Въ немъ моя колыбель. Она качалась въ золотую для дворянства эпоху; вблизи Лаишева, въ селѣ Мурзихѣ, гремѣлъ великолѣпный оркестръ нашего родственника П. Л. Толстого. Къ нему, въ обширныя залы, собирались окрестные помѣщики, любовались домашнимъ балетомъ, составленнымъ изъ горничныхъ, не заглядывая въ грозное будущее. Они не вѣдали о судьбѣ своихъ дѣтей, которымъ предназначены были иная жизнь, иныя задачи, требовавшія силъ, знанія, труда и тяжелой борьбы за существованіе.

Вотъ и Шуранъ. На высокій берегъ взгромоздился разбитый остатокъ феодальнаго самодурства. Старъ онъ, уменьшился въ объемѣ, съ облѣзлою внѣшностью, какъ и его хозяинъ. Зàмокъ угрюмо глядитъ на заманчивый просторъ разлившейся рѣки. Кругомъ замка ни кустика лѣса. Все вырубило и стерло безжалостное время.

— Прощай, дядя! Прощай и ты, многовѣковое владѣнье моихъ предковъ!

Мы вышли на берегъ у пристани «Челны», въ предѣлахъ Уфимской губерніи. Въ верстахъ тридцати отъ Челновъ находится имѣніе моего родного брата Николая, котораго мнѣ хотѣлось навѣстить. Сельцо Федотово стоитъ у отроговъ Уральскаго хребта. Громадная гора, поросшая сосновымъ лѣсомъ, возвышается, какъ стражъ, передъ самымъ барскимъ жилищемъ. Домъ деревянный, небольшой, но вмѣщаетъ въ себя изрядное количество душъ.

Братъ Николай, нынѣ покойный, былъ, въ своемъ родѣ, типичная личность. Смѣлый, рѣшительный въ бою съ непріятелемъ, получившій на Севастопольскихъ вылазкахъ нѣсколько ранъ и орденъ *Владиміра съ мечами*, онъ, подобно Велисарію, пасовалъ предъ своею женой. Послѣдняя любила мужа. Зная его слабости къ пріятельскимъ пирушкамъ, она не пускала безъ себя никуда Николая. Софья Васильевна была убѣждена, что послѣ такихъ пирушекъ братъ нѣсколько дней страдалъ сильными головными болями. Для удержанія мужа дома практиковались нерѣдко добродушно-насильственныя мѣры, въ родѣ слѣдующей. Разъ Николай экстренно собрался въ клубъ и торопливо одѣвался, какъ бы не замѣчая жены. Соня, въ свою очередь, не обращая вниманія на мужа, закричала горничной:

— Варя! Сними съ барина сюртукъ, сапоги, и подай ему туфли и халатъ!

— Соничка! пощади! — раздался жалобный голосъ севастопольскаго героя.

Но на этого героя уже накидывался изношенный халатъ и смирялъ его бурные порывы не хуже любой картечи.

Въ деревнѣ братъ крѣпко завязъ. Хозяйствомъ онъ занимался мало, изъ туфель не выходилъ, читалъ *Русскій Инвалидъ* и въ 1878 году умеръ отъ головной контузіи, порождавшей въ немъ въ зрѣлые года адскія муки.

Ничѣмъ не можетъ похвастаться Пермь, даже своимъ видомъ съ Камы. Ея постройки старинныя, самой заурядной архитектуры. Мостовыхъ въ Перми тогда еще не было. Длинныя улицы, не широкія, песчаныя, большею частью, съ деревянными домами, не манили къ себѣ пріѣзжаго, не возбуждали въ немъ завистливаго чувства. Впрочемъ, мы остановились въ порядочной гостиницѣ. Плотно пообѣдавши, принялись хлопотать о пріобрѣтеніи дорожнаго тарантаса до Тюмени. До нея оставалось 750 верстъ.

Я жалѣю тѣхъ русскихъ людей, которые путешествуютъ за границею и знать не хотятъ о красотахъ своей родины. А Уралъ стоитъ вниманія путешественниковъ. Переѣздъ черезъ него по желѣзной дорогѣ даетъ сердцу рядъ высокихъ наслажденій. Я посѣтилъ Уралъ тогда, когда не было чугунки; когда дороги черезъ него были невыносимы; когда нѣкоторыя станціи буквально приходилось проходить пѣшкомъ отъ невозможности слѣдовать по глубокимъ колеямъ. Но и тогда величественный видъ горъ, поросшихъ вѣковыми соснами и елями, иногда съ облаками, дымящимися надъ ними, внезапно смирялъ недовольные порывы души. Обширныя долины, зеленыя, веселыя, точно впервые вкусившія восторги жизни, усѣяны городами и заводами съ церквами, возносящими къ небу свои кресты. То, вдругъ, съ вершины горнаго хребта, сквозь густыхъ деревъ, покажутся предъ вашими очами покойныя воды обширнаго озера; то слухъ неожиданно встревожится шумомъ, какъ будто, приближающимся къ вамъ навстрѣчу. То широкая и быстрая рѣка, какъ Чусовая, неукротимо мчится въ невидимую даль, усердно обмывая свои заманчивые берега. Она извивается, какъ змѣя, блистая при солнцѣ своей серебряною чешуей и смѣло перескакивая черезъ каменныя преграды. Да, хорошъ Уралъ! Но и страшенъ онъ во время грозы. Вы выѣзжаете со станціи при полномъ безоблачномъ небѣ, при тихой погодѣ. Проѣхавъ верстъ десять, вы замѣчаете предъ собою откуда-то появившееся облако. Быстро оно превращается въ черную тучу и окутываетъ собою окрестность. Свѣжо становится въ воздухѣ; непроницаемая тьма спускается на землю. Сердце инстинктивно сжалось, и надъ вами раздался такой потрясающій ударъ грома, что лошади въ страхѣ остановились, и ямщикъ испуганно приникъ къ козламъ. Вслѣдъ за громомъ разражается неукротимый ливень, моментально пронизывающій насквозь непредусмотрительнаго путника.

Но туча пронеслась; окружающая природа, какъ убранная невѣста, явилась въ новомъ нарядѣ — заманчивою и прекрасной.

Екатеринбургъ, столица Урала, послѣ утомительнаго переѣзда черезъ горы, показался мнѣ особенно привлекательнымъ. Окруженный лѣсами, онъ въ чудной долинѣ нашелъ мѣсто для своего пріюта. Благодаря обилію горнаго начальства, Екатеринбургъ имѣетъ массу прекрасныхъ каменныхъ домовъ, красивыя улицы и удивительныя церкви съ высокими колокольнями. Въ Екатеринбургѣ въ прежніе годы можно было дешево купить издѣлія изъ разноцвѣтныхъ камней, добываемыхъ въ нѣдрахъ Уральскихъ горъ. Жилось въ названномъ городѣ весело. Кромѣ частныхъ баловъ и обѣдовъ зимою, театральныя увеселенія съ талантливыми артистами и артистками, въ родѣ гг. Смирновой и Ивановой, служили разумнымъ развлеченіемъ для туземныхъ обитателей. За Екатеринбургомъ, недалеко отъ него, начинается равнина. Кажется, между первою и второю станціями, на самомъ выдающемся мѣстѣ хребта, стоитъ близъ дороги каменный столбъ. На немъ по одну сторону значится: «Европа», по другую: «Азія». Не знаю почему, но эта надпись навела на меня грусть. Все милое и дорогое далеко осталось за мною; за мною остался и цивилизованный міръ съ его манящею внѣшностью и радостями. Но, что̀ впереди меня?

Непривѣтливо и холодно взглянула на насъ Западная Сибирь. Небо облачно, по сторонамъ тощіе березовые лѣса, съ искривленными стволами. Они скорѣй напоминаютъ поросль, нежели то, что мы подразумѣваемъ подъ именемъ лѣса. Точно Богъ истощилъ здѣсь запасъ творческихъ силъ: такъ все голо и грустно. Безотрадная равнина тянется долго, точно ей и конца нѣтъ. Но, вотъ, первая сибирская почтовая станція. Большое село съ богатою церковью посрединѣ. Мужики выглядываютъ бойко, даже вы-

зывающе. Дома крѣпкіе, въ нѣсколько разрисованныхъ оконъ, съ тесовыми крышами. Попадаются строенія и двухъэтажныя. Тарантасъ нашъ подъѣхалъ къ станціонному крыльцу, и чей-то голосъ спросилъ ямщика:

— Откуда везешь?

— Рассейскіе,—былъ отвѣтъ.

Это слово—«рассейскіе», какъ я узналъ послѣ, имѣетъ глубокій, даже политическій смыслъ. Въ немъ заключается представленіе о Россіи, какъ о чемъ-то отдаленномъ, не имѣющемъ родственнаго, близкаго соотношенія ея къ странѣ, завоеванной истымъ русакомъ. Въ Иркутской губерніи мнѣ даже приходилось слышать слово «Метрополія» вмѣсто Россія. Странно, что нѣкоторые наши ученые, въ родѣ покойнаго Димитрія Иринарховича Завалишина, поддерживали мнѣнія, подобныя вышеизложеннымъ. Я лично слышалъ отъ него сепаративныя выходки. Онъ былъ тѣхъ убѣжденій, что Сибирь должна существовать для сибиряковъ, какъ Америка для американцевъ, а не наводняема чуждымъ ей пришлымъ элементомъ. Чтó бы Завалишинъ сказалъ теперь, когда его вторая родина скоро соединится неразрывнымъ желѣзнымъ путемъ съ Европейскою Русью? Онъ искренно пожалѣлъ бы объ этомъ.

Мы въ Тюмени, въ первомъ сибирскомъ городѣ по великому тракту. Тюмень красуется на берегу судоходной Туры, на которой начинается пароходное сообщеніе съ Томскомъ, на протяженіи трехъ тысячъ пятисотъ верстъ. Мы искали въ Тюмени что-нибудь замѣчательное, выдѣляющееся, и ничего не нашли. Намъ показали лишь одинъ развалившійся домъ, въ которомъ, по вѣрованіямъ туземцевъ, обитали черти. Въ Тюмени обработывается большое количество кожъ, а теперь, благодаря Уральской желѣзной дорогѣ, производится и хлѣбная торговля. Въ мое время хлѣбъ въ Западной Сибири продавался неимовѣрно дешево: десять копеекъ за пудъ; цѣна на овесъ была еще ниже,

а на сѣно не имѣлось никакого спросу. Поистинѣ, тогда существовала золотая эра для обитателей южной части Тобольской губерніи и Акмолинской области. Пріятно проѣзжалось и по деревнямъ названныхъ мѣстностей. Домà, ихъ обстановка и самый мужикъ дышали довольствомъ и сытостью. Теперь все измѣнилось. Говорятъ, въ Тюмени цѣны на хлѣбъ стоятъ почти такія же, какъ и по эту сторону Урала. Часть сибирскаго хлѣба въ голодный годъ достигла даже до Казани.

Въ семидесятыхъ годахъ пароходство пс рѣкамъ Западной Сибири только-что начинало свою дѣятельность. Было всего двѣ фирмы: Колчина и, кажется, Курбатова, которыя эксплоатировали богатый водный путь. Пароходовъ ходило немного, и намъ пришлось плыть въ сопровожденіи арестантской баржи, прицѣпленной на буксирѣ. Пароходное общество оказалось пріятное. Съ нами ѣхалъ томскій губернаторъ Супруненко и, вновь назначенный архіереемъ въ Красноярскъ, епископъ Антоній. Высокій, худощавый, съ блѣднымъ лицомъ, съ добродушными глазами, онъ любвеобильно относился ко всему живущему и не находилъ дурного тамъ, гдѣ оно было. Его сопровождалъ невзрачнаго вида юноша, неказисто одѣтый и только-что выпущенный изъ семинаріи. Чрезъ два года спустя послѣ этой встрѣчи, бывши въ Красноярскѣ, я не узиалъ вышеупомянутаго ничтожнаго юноши. Передо мною стоялъ разжирѣвшій господинъ, съ брильянтами на пальцахъ, въ роскошной енотовой шубѣ. Онъ подлетѣлъ къ архіерейскому дому на бойкой парѣ собственныхъ лошадей, на отлетѣ. Оказалось, что юноша благоденствовалъ въ качествѣ секретаря преосвященнаго.

Чтобы добраться водою до Томска, нужно пройти нѣсколько большихъ рѣкъ: Туру, Тоболъ, Иртышъ, Обь и Томь. Всѣ онѣ не изобилуютъ привлекательными картинами. Лишь Иртышъ имѣетъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ грозные, высокіе

берега и напоминаетъ собою нѣчто могущественное и величавое. Городъ Тобольскъ, мимо котораго приходится плыть, можетъ похвалиться любовью къ старинѣ. Онъ издревле сохранилъ до моего времени бревенчатыя мостовыя, которыхъ не выдержитъ ни одна цивилизованная душа. Не имѣя горя на сердцѣ, она будетъ потрясена до самой своей глубины. Пароходъ запасался въ Тобольскѣ дровами; пользуясь этимъ, мнѣ вздумалось познакомиться съ городомъ. Помѣстившись на дроги, мѣстный экипажъ, я не проѣхалъ версты по улицамъ бывшей сибирской столицы и просилъ извозчика вернуться на берегъ. Меня трясло, какъ въ лихорадкѣ, а лошадь попадала безпрестанно въ расщелины сгнившихъ брѣвенъ. Видно, что въ описываемомъ городѣ царитъ духъ Ермака, съ его памятникомъ, и не хочетъ поддаваться никакимъ новшествамъ.

Чѣмъ больше пароходъ поднимается къ сѣверу, къ предѣламъ Сургутскаго округа, тѣмъ окружающая природа становится безотраднѣе. Надъ вами виситъ тяжелое, какъ свинецъ, небо; дыханіе воздуха все холоднѣе, порывистѣе. Вы находитесь почти подъ 62-мъ градусомъ сѣверной широты. Кругомъ безграничная область обскаго разлива, да торчатъ изъ воды до самаго небосклона обнаженные прутья ровнаго тальника. Это все, что могъ здѣсь создать суровый сѣверъ. При поворотѣ парохода вверхъ по Оби мнѣ помнится одно большое селеніе: Самарово. Оно заселено давними пришельцами и промышляетъ рыбою. Ею, вообще, изобилуютъ сибирскія рѣки. Когда желѣзный путь прорѣжетъ насквозь Сибирь, тогда только Европейская Россія узнаетъ, какіе разнообразные виды новыхъ вкусныхъ и громадныхъ рыбъ таятся на днѣ сибирскаго рѣчного царства. Напримѣръ, многіе ли изъ русскихъ слышали о рыбахъ: нельмѣ, китѣ и омулѣ, могущихъ служить лакомствомъ самому избалованному гастрономическому желудку? Въ будущемъ водныя богатства Сибири пойдутъ чрезъ Уральскій

хребетъ на столы россійскихъ городовъ и даже въ Западную Европу, лишь недавно оцѣнившую нашу родную икру.

Остановки на Оби въ теплый, лѣтній, солнечный день причиняютъ неожиданныя страданія путешественнику. Милліарды комаровъ и мошекъ, какъ мелкая, безконечная сѣть, захватила собою воздухъ. Они лѣзутъ въ глаза, въ носъ, въ уши; кусаютъ руки, забираются въ рукава и подъ галстукъ. Стоитъ пробыть минуту въ обществѣ этихъ безжалостныхъ насѣкомыхъ, и вы уже измучены и съѣдены ими. Отъ нихъ плохо защищаютъ даже смоляныя сѣтки, носимыя въ лѣтнее время сибиряками на лицѣ и рукахъ. Бѣдные остяки, обитающіе по пустыннымъ берегамъ Оби, сдѣлались жертвами своихъ воздушныхъ враговъ. Не имѣя понятія о рубашкахъ, остяки носятъ на голомъ тѣлѣ оленьи шкуры. Наружность ихъ представляетъ жалкое и болѣзненное зрѣлище. Лица ихъ опухли отъ укушенія насѣкомыхъ, глаза гноятся отъ постояннаго дыма очаговъ, служащихъ людямъ единственнымъ спасеніемъ отъ безконечныхъ армій мошкары и комаровъ.

Остяки чужды начаткамъ культурной жизни. У нихъ все примитивно. Перекочевывая съ мѣста на мѣсто, смотря по времени года, они промышляютъ шкурами мелкихъ звѣрковъ, большею частью бѣлкой. Шкурки ими продаются русскимъ промышленникамъ за самую отвратительную водку, за порохъ и, рѣдко, за ружья. Остякъ до сихъ поръ не употребляетъ металлической иглы, а шьетъ себѣ неприхотливое одѣяніе рыбьей костью. *) Подвигаясь къ югу, берега Оби дѣлаются разнообразнѣе. Пароходъ остановился противъ маленькаго городка Нарыма, Томской губерніи. Къ намъ отъ берега отчалили лодки съ какими-то людьми, въ форменныхъ фракахъ и мундирахъ. Это мѣстные господа-

*) Въ такомъ видѣ остяки были двадцать лѣтъ тому назадъ. Теперь можетъ-быть, и они цивилизовались.

чиновники выѣхали встрѣтить своего губернатора, г. Супруненко. Какіе типы! Они прямо просятся на полотно. И что съ нихъ спрашивать! Отчужденный отъ цѣлаго міра громадными пространствами, безъ дорогъ, безъ телеграфа, нарымскій служащій людъ до пароходства не зналъ ничего, что творится въ Божьемъ мірѣ. Поневолѣ онъ занимался своими собственными дѣлишками: пилъ водку и обиралъ остякскіе заработки.

Горделиво и бойко взглянулъ на насъ Томскъ, разбросанный по своимъ красивымъ возвышенностямъ. Это, конечно, городъ будущаго, который не можетъ миновать цивилизація, готовая собою обновить сибирскую глушь съ ея исторически сложившимся бытомъ.

Когда я въ первый разъ посѣтилъ Томскъ, то изъ его обитателей никто и не думалъ о созданіи въ немъ университета. Объ этомъ смутно и намеками говорила лишь иркутская печать. Мы остановились въ гостиницѣ. Я тотчасъ разыскалъ моего пріятеля Ивана Васильевича Бирюлева, женатаго на пензенской помѣщицѣ и жившаго долго въ Казани. Бирюлевъ былъ богатый сибирякъ, любившій свою родину. Онъ терпѣть не могъ недостойныхъ чиновниковъ, пріѣзжавшихъ распоряжаться въ его губернію. Онъ говорилъ о нихъ:

— Пріѣдетъ голый, а, смотришь, года черезъ три, у него уже и капиталъ въ карманѣ. Развѣ это люди? Развѣ имъ могутъ быть близки наши интересы? Да они и не поймутъ ихъ никогда.

Онъ встрѣтилъ меня радостно, съ распростертыми объятіями. Крикъ его раздавался по комнатамъ. Онъ звалъ жену:

— Надя! Надя! Погляди, кто къ намъ пріѣхалъ!

Иванъ Васильевичъ перекрестился и пробормоталъ:

— Матерь Божія! Не привидѣнье ли это? Да нѣтъ! Онъ, курчавый и веселый Петре Суворовъ!

Мы крѣпко обнялись.

Вечеромъ Иванъ Васильевичъ посвятилъ меня въ тайны сибирской жизни, и кончилъ такъ:

— Здѣсь большинство воруетъ. Вѣдь это о нашихъ начальникахъ вашъ казанскій поэтъ Ибрагимовъ, или Пушкинъ, когда-то сказалъ:

Господи, Іисусе Христе!
Ты спасъ вора на крестѣ;—
Теперь другое горе:
Спаси Ты крестъ на ворѣ.

Помолчавъ немного, онъ прибавилъ:

— Ну, что за молодецъ вашъ генералъ-губернаторъ. Вотъ, настоящій правитель. Не только Восточная Сибирь, но и мы готовы ему въ ножки поклониться. Представь себѣ: проѣзжаетъ внезапно, никого не предваряя, генералъ Синельниковъ, прошлою зимой, черезъ нашъ городъ. Пока онъ на станціи пилъ чай, случился большой пожаръ недалеко отъ почтоваго дома. Вашъ генералъ, одѣтый въ мѣховой казакинъ, крытый сукномъ, въ простой мерлушечьей шапкѣ, съ толстою палкой въ рукѣ, отправился на пожаръ. Пришелъ и видитъ, что сильно горитъ, а полицейскія власти, во главѣ съ полицеймейстеромъ, стоятъ, да покуриваютъ папиросы. Горячій, должно-быть, старикъ! Онъ спросилъ кого-то въ толпѣ, указывая на курившихъ:

— Это что за люди?

— Наши самые охранители,—отвѣчалъ неизвѣстный.— А, вонъ, этотъ—нашъ набольшій, значитъ, самъ господинъ начальникъ полиціи.

Генералъ подошелъ къ полицеймейстеру. Послѣдній не успѣлъ выпустить табачный дымъ изо рта, какъ Синельниковъ громко обратился къ нему со словами:

— Если ты полицеймейстеръ, то твое дѣло распоряжаться, огонь тушить, а не папиросами забавляться при народномъ несчастіи. Маршъ на крышу!

Полицеймейстеръ спросилъ: вы кто такой? Кто далъ вамъ право мною командовать? Старикъ перервалъ:

— Молчать! Власть у того, кто ей умѣетъ распоряжаться. Я - Синельниковъ, вашъ добрый сосѣдъ!

При этомъ грозномъ имени и при видѣ особы величественной осанки, вся толпа мгновенно обнажила головы. Полицейскіе растерялись и тряслись отъ страху. Черезъ минуту они были уже въ огнѣ, и пожара какъ не бывало. Въ клубѣ слышалъ я, будто бы вашъ начальникъ края послалъ нашему генералъ-губернатору Хрущеву слѣдующую телеграмму:

— Проѣзжая черезъ Томскъ, потушилъ пожаръ и распекъ полицеймейстера за равнодушіе къ бѣдствію ближняго.

— Такъ вотъ какой вашъ начальникъ-то! Если бы всѣ здѣшнія власти походили на него, то въ Сибири не умиралъ бы никто.

Черезъ двое сутокъ мы были въ Красноярскѣ. Это маленькій городокъ на берегу широкаго Енисея. Высокіе, безлѣсные берега, съ крутыми откосами изъ красной глины, глядятъ сумрачно. Рѣка могучая, имѣющая источники гдѣ-то въ Китаѣ, почти безплодно омываетъ богатый Минусинскій край, прозванный «Сибирскою Италіей». Сравнительно мягкій климатъ, роскошное хлѣбопашество, имъ производимое, безчисленныя бакчи арбузовъ—все остается въ предѣлахъ Минусы, по отсутствію пароходства на Енисеѣ.

Красноярскъ имѣетъ одну улицу, достойную этого названія. Но на ней глазу нечѣмъ порадоваться. Почти на первомъ планѣ торчатъ желтые казенные дома, служащіе временнымъ пріютомъ для преступнаго пересыльнаго люда. Кругомъ церковныхъ оградъ растутъ высокія ели. Онѣ гордо смотрятъ на окружающую окрестность, какъ бы сознавая, что онѣ — настоящіе хозяева родной мѣстности. Безъ пріятныхъ впечатлѣній мы оставили описанный городъ. За нимъ мѣстность пошла возвышеннѣе, живописнѣе. Большіе

лѣса смѣняются большими равнинами, на которыхъ рѣзвятся и свистятъ безчисленные суслики. Это маленькія животныя, живущія лишь на югѣ Россіи, да въ степяхъ Самарской губерніи. Какимъ-то образомъ они нашли себѣ удобный пріютъ на безконечныхъ пространствахъ Восточной Сибири. Подъ Иркутскомъ природа еще болѣе поражаетъ путешественника. По сторонамъ разстилаются роскошные ковры самыхъ прихотливыхъ цвѣтовъ. Дѣвственныя лиліи высоко поднимаютъ надъ землею красивыя головки; бѣлая и лиловая ирисъ своимъ благоуханіемъ наполняетъ воздухъ; невинныя фіалки, анютины глазки, львиный зѣвъ, незабудки стремятся упорно къ небесамъ и солнцу. Графу Муравьеву - Амурскому приписываются слѣдующія слова, характеризующія, по его мнѣнію, подчиненный ему край. Графъ сказалъ: «Въ Сибири плоды безъ вкуса, цвѣты безъ запаха, и люди безъ души». Такія слова совсѣмъ несправедливы. Есть въ Сибири и люди съ душою, и цвѣты съ запахомъ, но они требуютъ, чтобы человѣкъ самъ умѣлъ находить въ нихъ означенныя качества.

Въ Нижне-Удинскѣ, отъ станціоннаго смотрителя намъ пришлось слышать любопытный разсказъ о дѣяніяхъ сенатора Синельникова въ Иркутскѣ.

— По своемъ назначеніи, пріѣзжаетъ этотъ сановникъ въ Красноярскъ,—говорилъ смотритель,—и узнаетъ, что въ Восточной Сибири голодъ, хлѣбъ доходитъ до трехъ рублей за пудъ. Помоталъ онъ головою, да и заявляетъ губернатору: не слыхалъ я въ Петербургѣ, чтобъ у васъ былъ голодъ. Что это значитъ? Ну, сейчасъ разослалъ своихъ чиновниковъ по винокуреннымъ заводамъ и велѣлъ описать весь наличный хлѣбъ, находившійся въ ихъ амбарахъ. Хлѣба на заводахъ оказалось столько, что его хватало не на одну губернію. Винокуры жиды скупили хлѣбъ у мѣстныхъ жителей по 80 копѣекъ за пудъ, и потомъ его распродавали по три рубля за пудъ. Генералъ Синельниковъ приказалъ

описанный хлѣбъ пустить въ народъ по той цѣнѣ, по которой онъ былъ пріобрѣтенъ жидами, а винокуреніе вездѣ на время прекратилъ. Полетѣли въ Питеръ жидовскія телеграммы съ жалобами на начальника края; завѣдующій акцизной частью донесъ своему министру, что доходовъ съ вина никакихъ не предвидится.

Изъ столицы сдѣланы были запросы сенатору: Какъ, что и почему? А онъ, вмѣсто отвѣта министрамъ, послалъ письмо самому Императору. Въ немъ онъ писалъ: «Я посланъ сюда, чтобы здѣшній народъ благословлялъ имя Вашего Величества. Ваша священная воля исполнена. Голодный народъ накормленъ и молитъ Бога о здравіи своего Батюшки-Царя». Такъ со старикомъ ничего и не подѣлали.

Съ удивленіемъ мы прислушивались къ народному говору о человѣкѣ, стоявшемъ во главѣ Восточно-Сибирскаго края. Сердце волновалось отъ мысли, что приходится служить подъ начальствомъ высокаго и благороднаго администратора. Мы мчались быстро впередъ, исполненные свѣтлыхъ надеждъ и крѣпнувшихъ духовныхъ силъ. Подъ городомъ Нижне-Удинскомъ съ нами произошло маленькое происшествіе. Стояла безлунная ночь; въ двухъ шагахъ невозможно было видѣть человѣка. Экипажъ тащился медленно по глубокому песку. Нельзя опредѣлить: по полю мы ѣхали, или лѣсомъ? Ямщикъ говорилъ, что кругомъ насъ дремучій боръ, гдѣ растутъ старыя, громадныя сосны и лиственницы, чуть ли не подпирающія небо. Спереди мелькали подозрительные огоньки. Оказалось, что бродяги, собравшись въ партію, развели костеръ и что-то варили въ котелкахъ. Изъ осторожности я вынулъ револьверъ. Вдругъ лошади стали. Ямщикъ въ испугѣ закричалъ: насъ остановили! Кругомъ слышался говоръ. Я приподнялся въ тарантасѣ. Въ это время близъ него оказались люди.

— Что вамъ нужно?—спросилъ я,—и кто вы?

— Мы — бродяги, — отвѣтило нѣсколько голосовъ. — Извините, ваше благородіе, за безпокойство. Намъ бы хлѣбца.

Запоздавшій мѣсяцъ выглянулъ изъ-за вершинъ исполинскихъ деревъ и освѣтилъ оригинальную картину. Съ непокрытыми головами, бритые, въ арестантскихъ халатахъ, блѣдные и изнуренные бродяги возбуждали скорѣе состраданіе, чѣмъ страхъ, какъ бѣжавшіе преступники.

Я вынулъ изъ-подъ подушекъ нѣсколько французскихъ хлѣбовъ, имѣющихся у каждаго проѣзжаго въ запасѣ, приложилъ къ нимъ трехрублевую бумажку и передалъ все это ближайшему бродягѣ.

— Спасибо вамъ, милостивый баринъ, дай вамъ Богъ добраго пути!—слышались голоса, быть-можетъ, принадлежавшіе отчаяннымъ злодѣямъ.

— Трогай!—сказалъ я.

Мы двинулись съ облегченнымъ сердцемъ. Колокольчикъ едва звенѣлъ, благодаря трудному подъему на громадную гору. За три станціи до Иркутска до насъ дошелъ слухъ о побѣгѣ политическаго преступника Лопатина. По разсказамъ, это былъ красивый молодой человѣкъ, получившій университетское образованіе. Отецъ его гдѣ-то на Югѣ состоялъ предсѣдателемъ палаты. Сенаторъ Синельниковъ, дорожа каждымъ развитымъ человѣкомъ въ Сибири, предоставилъ Лопатину возможность заниматься въ одной изъ казенныхъ канцелярій и тѣмъ искупить заблужденія юности. При этомъ Лопатинъ далъ слово не злоупотреблять довѣріемъ начальника края. И, несмотря на сказанное, Лопатинъ убѣжалъ. Тщетно его разыскивали по всѣмъ дорогамъ. Мы, наконецъ, у самаго Иркутска. У ногъ нашихъ холодная, широкая Ангара, вся взбудораженная большими кругами вмѣсто волнъ. Отъ слишкомъ скораго теченія, при обиліи подводныхъ камней, эти круги знаменуютъ собою безчисленные водовороты, наполняющіе рѣку. Какъ красивы

Ангарскіе берега! Сзади насъ высоко, высоко поднялась Кайская гора, надъ которой амфитеатромъ зеленѣются другія безчисленныя горы и незамѣтно, какъ въ туманѣ, исчезаютъ за голубымъ небосклономъ. Спереди насъ городъ живописный, растянутый направо и налѣво вдоль рѣки, съ каменными церквами, съ манящею пестротою домовъ и густыми садами по своимъ холмамъ. Мы въ Иркутскѣ.

Глава VIII.

Въ Иркутскѣ.

Нѣкоторыя мысли о минувшихъ судьбахъ Восточной Сибири.— Реформы Сперанскаго. Его преемники. — Столкновеніе архіепископа Иринея съ генералъ-губернаторомъ Лавинскимъ.—Чиновники графа Амурскаго—Беклемишевъ и Неклюдовъ.—Ихъ дуэль.— Поэтъ Шумахеръ и его сибирская жизнь.—Первыя мѣры сенатора Синельникова въ Иркутскѣ.—Исторія одного взяточника.— Иркутскъ, какъ городъ.—Убійство семейства Чуриныхъ.—Приставъ Блиновъ и его похожденія.—Казнь Чуринскихъ убійцъ.— Каторжники, какъ слуги.—Иркутскіе труды Натальи Сергѣевны де-Латръ.—Аѳанасій Прокофьевичъ Щаповъ и смерть его жены.— Газета *Сибирь*.—Мое сотрудничество въ ней.—Отдѣлъ Восточно-Сибирскаго географическаго общества.—Генералъ-ловеласъ М.— Его продѣлки.—Золотопромышленникъ Базановъ.—Его пожертвованія.—Иванъ Степановичъ Хаминовъ.—Лукулловскіе обѣды.— Нѣсколько словъ вообще о вліяніи цивилизаціи на человѣчество.

Человѣкъ нерѣдко разсуждаетъ объ общественныхъ вопросахъ съ личной точки зрѣнія, не обращая вниманія на бытовыя условія народа. Получивъ высокій административный постъ, такой человѣкъ считаетъ долгомъ осуществить разсужденія свои на практикѣ, воплотить ихъ въ жизнь. И вотъ, происходитъ ломка обычаевъ, вѣковыхъ преданій во имя новшествъ, чуждыхъ историческому прошлому націи. Реформаторъ подавляетъ въ ней настоящія, истинныя потребности; волей-неволей она живетъ и развивается по новой, пробитой колеѣ, съ трудомъ привыкая къ навязаннымъ ей условіямъ. Примѣромъ сказаннаго служатъ

минувшія судьбы Восточной Сибири. Онѣ были печальны. Воеводы, посланные правительствомъ для управленія обширными землями холодной страны, часто ее обкрадывали. Объ ея нравственномъ и экономическомъ возрожденіи губернаторы не думали. Среди нихъ неожиданно явился дѣятель даровитый, умный, энергичный. То былъ Сперанскій. Вмѣсто воеводскихъ канцелярій, онъ учредилъ управленія, суды, исправниковъ, засѣдателей, но не подумалъ ни объ одномъ учебномъ заведеніи, столь нужномъ сибирскимъ жителямъ. На новыя мѣста были вызваны люди изъ Европейской Россіи, которыми, большею частью, тяготилась ихъ родина. Они считали себя въ Азіи піонерами цивилизаціи, а народъ обирали по правиламъ стародавнимъ. Благодаря описанному порядку, у истыхъ сибиряковъ укоренилась ненависть къ пріѣзжему люду. Эта ненависть въ началѣ семидесятыхъ годовъ настолько была сильна, что одинъ сибирякъ мнѣ сказалъ:

— Смотрите вы порядочнымъ человѣкомъ, а, между тѣмъ, заѣхали въ Сибирь.

Послѣ Сперанскаго, всколыхнувшаго Восточно-Сибирскій край, въ немъ, вплоть до графа Муравьева-Амурскаго, царствовала полная неподвижность. Генералъ-губернаторы: Броневскій, Лавинскій, Рупертъ оставили въ Иркутскѣ лишь свои имена, и то нынѣ полузабытыя. Лавинскаго помнятъ по исторіи его съ архіепископомъ Иринеемъ. О послѣднемъ было напечатано нѣсколько статей въ *Русской Старинѣ*, но то, что будетъ разсказано сейчасъ мною, кажется, неизвѣстно въ нашей литературѣ. Ириней имѣлъ строптивый характеръ. Въ Сибирь онъ попалъ чуть ли не за безтактное поведеніе въ Пензѣ, во время посѣщенія ея императоромъ Александромъ I. Въ Иркутскѣ Ириней не поладилъ съ Лавинскимъ и позволялъ въ своихъ проповѣдяхъ, съ церковной каѳедры, порицать его управленіе. Генералъ-губернаторъ жаловался на архіерея государю Николаю Павло-

вичу. Вышло повелѣніе Иринею оставить Восточную Сибирь. Ириней медлилъ отъѣздомъ въ Европейскую Россію. Тогда изъ Петербурга выѣхалъ для его препровожденія въ дорогѣ флигель-адъютантъ Гогель *). Владыка и тутъ уперся. Неожиданно онъ оставилъ свое жилище, находящееся близъ собора. Появившись на гауптвахтѣ, посреди солдатъ, архіепископъ сказалъ, что отдается подъ ихъ защиту. Странное поведеніе духовнаго начальника возбудило народныя страсти. Большія толпы цѣлые дни стояли на площади, передъ архіерейскимъ домомъ, толкуя вкривь и вкось о совершившемся событіи. Тѣмъ не менѣе, Иринея увезли. Умеръ онъ, кажется, въ одномъ изъ монастырей близъ Ярославля. Самымъ виднымъ администраторомъ досинельниковскаго періода въ Иркутскѣ былъ, конечно, Муравьевъ. Онъ многое могъ бы сдѣлать для улучшенія сибирскаго быта, но мысль о завоеваніи Амура овладѣла его душой. Онъ далъ Россіи обширный, богатый, но пустынный край и оставилъ остальную Сибирь въ томъ видѣ, въ какомъ принялъ ее отъ генерала Руперта. Муравьева окружали нѣкоторые дѣятели, не забытые и до сихъ поръ иркутянами. Назову поэта Шумахера, чиновниковъ Беклемишева и Неклюдова. У послѣднихъ произошла дуэль изъ-за какой-то женщины. Разсказываютъ, что секунданты Неклюдова были подкуплены и не зарядили пистолетовъ. Полицеймейстеръ Сухотинъ, знавшій о дуэли, наблюдалъ за ней съ одной изъ городскихъ колоколенъ. Выстрѣлъ Беклемишева положилъ Неклюдова на мѣстѣ. Сибиряки, несмотря на внѣшній апатичный видъ, пришли въ тревогу и кричали: «Неклюдова убили!» О Шумахерѣ сохранились болѣе веселыя преданія. Шумахеръ, лѣтъ двадцать тому назадъ, извѣстный Петербургу по прекрасному чтенію на клубныхъ

*) Впослѣдствіи генералъ-адъютантъ и комендантъ въ Царскомъ Селѣ. Онъ скончался нѣсколько лѣтъ тому назадъ.

сценахъ своихъ остроумныхъ и ѣдкихъ стихотвореній, былъ грузнаго тѣлосложенія. Въ Иркутскѣ онъ проводилъ жизнь среди дѣвицъ легкаго поведенія. Горожане нерѣдко любовались, какъ въ халатѣ, съ разстегнутымъ воротомъ, поэтъ помѣщался въ корзинѣ, подвѣшенной къ окну. Шумахеръ, раскачиваемый женскими ручками, не обращалъ вниманія на уличныхъ зѣвакъ, смотрѣвшихъ на необычайное зрѣлище. Разъ въ недѣлю онъ совершалъ шумныя поѣздки въ баню. Какъ Вакхъ, онъ возлежалъ въ глубинѣ колесницы, кругомъ помѣщались нимфы и обмахивали озорника, вмѣсто лавровыхъ вѣтвей, березовыми вѣниками. Пѣсни неслись съ экипажа и поучительно говорили прохожимъ о томъ, какъ можно беззаботно проводить время вдали отъ цивилизованнаго міра. Кто могъ въ тѣ счастливыя мгновенія думать, что этотъ баловень судьбы окончитъ свои дни въ бѣдности, забытый людьми, въ одной изъ Московскихъ богадѣленъ? А Шумахеръ скончался, года два тому назадъ, въ Шереметевской больницѣ, одинокимъ, отчужденнымъ отъ всего живого. Sic transit gloria mundi.

Сенаторъ Синельниковъ, назначенный въ 1870 году генералъ-губернаторомъ Восточной Сибири, засталъ ее въ томъ патріархальномъ видѣ, при какомъ возможны были только-что описанныя событія. Съ громкой репутаціей человѣка, какъ Аристидъ, честнаго, способнаго на широкіе административные подвиги, съ твердою волею, Николай Петровичъ встряхнулъ уснувшій далекій край. Въ томъ самомъ роскошномъ домѣ, на берегу красивой Ангары, въ которомъ предмѣстникъ Синельникова, генералъ Корсаковъ, читалъ французскіе романы, возникла дѣятельность, полная горячихъ заботъ о народѣ. Во-первыхъ, сенаторомъ сдѣлано распоряженіе, что онъ принимаетъ просителей во всякіе часы дня и ночи; во-вторыхъ, имъ былъ разосланъ циркуляръ мѣстнымъ губернаторамъ, въ которомъ говорилось, что взяточники будутъ караться безъ пощады. Эти

двѣ мѣры, какъ двѣ бомбы, разлетѣлись въ средѣ сибирскихъ обитателей, не смѣвшихъ входить безъ трепета во дворецъ главнаго начальника и привыкшихъ къ чиновничьимъ поборамъ. Иркутскій край сталъ чувствовать, что онъ крѣпко взнузданъ, а взяточники бросились молиться Богу о своемъ спасеніи. Интересна исторія одного изъ нихъ. Бывши какъ-то въ Петербургѣ и остановившись въ отелѣ возлѣ Исакіевскаго собора, Николай Петровичъ любилъ присутствовать въ немъ за ранней обѣдней. Передъ собою онъ видѣлъ, какъ почтенный маленькій старичекъ, бѣдно одѣтый, усердно клалъ земные поклоны и тяжело вздыхалъ. Генералъ благосклонно останавливалъ глаза на благочестивомъ человѣкѣ, повидимому, удрученномъ горемъ. Однажды онъ обратился къ нему съ вопросомъ:

— Кто вы? Чѣмъ занимаетесь?

Послѣдовалъ грустный разсказъ о прошломъ и настоящемъ. Результатомъ встрѣчи было полученіе старичкомъ мѣста исправника въ одномъ изъ округовъ Иркутской губерніи. И что же? Какъ папа Сикстъ Пятый, достигнувъ престола, разогнулъ вѣчно сгорбленную спину и зычно воскликнулъ: „Я нашелъ!“—такъ точно, молящійся и слезливый человѣкъ, попавъ съ голодовки на злачное мѣсто, нежданно превратился въ щедринскаго Живоглота. И правый и виновный—приносили ему даяніе. Въ первый годъ онъ, говорятъ, нажилъ нѣсколько десятковъ тысячъ рублей. Слухъ о его дѣяньяхъ дошелъ до генералъ-губернатора. Вытребовалъ онъ къ себѣ исправника, поставилъ его передъ большимъ зеркаломъ и проговорилъ:

— Ну, посмотри на себя! Къ лицу ли тебѣ столько нахапать?—Потомъ Синельниковъ грозно добавилъ:

— Чтобы завтра принести всѣ деньги, не добромъ нажитыя! А скроешь что—ушлю въ Якутскій край. Тамъ ты и сгніешь. Доставленныя деньги были розданы обобраннымъ жителямъ, а оставшіяся, за неявкою пострадавшихъ, посту-

пили въ благотворительные фонды края. Взяточникъ былъ высланъ немедленно за предѣлы Восточной Сибири.

Когда я имѣлъ честь представиться начальнику края, то былъ пораженъ его сановностью. Высокій ростъ, величественная осанка, орлиный взоръ, закрученные усы на выбритомъ лицѣ—напоминали служакъ, близкихъ къ императору Николаю. Генералъ спросилъ:

— Не родственникъ ли вы Суворову, пишущему въ газетахъ?

— Это я.

— Ну, батюшка, мы въ такихъ людяхъ здѣсь нуждаемся.

Я былъ приглашенъ въ кабинетъ. Здѣсь генералъ заговорилъ о значеніи печати для общества и администраціи.

— Печать, – разсуждалъ онъ,—есть благотворная сила, если она находится въ рукахъ разумныхъ. Она раскрываетъ умѣло зло, она вырабатываетъ средства для его врачеванія и этимъ помогаетъ правительству въ мѣропріятіяхъ къ общественному благоденствію. Но горе, когда печать начнетъ играть на народныхъ страстяхъ, увлекать незрѣлые умы къ заоблачнымъ мечтамъ, не имѣющимъ подъ собою ни исторической, ни религіозной почвы. Я врагъ такой печати и первый готовъ наложить на нее узду... Здѣсь край далекій, но живой. Для васъ работы будетъ много. Умѣйте только приглядываться къ насущнымъ потребностямъ сибиряковъ. Они умны, даровиты, но недовѣрчивы. Не будемъ пока говорить о томъ, кто въ этомъ виноватъ.

Сенаторъ вздохнулъ.

Иркутскъ, до пожара въ 1879 году, былъ деревянный городъ. Каменныхъ домовъ виднѣлось мало. Ихъ избѣгали вслѣдствіе землетрясеній, неоднократно безпокоившихъ столицу Восточной Сибири. Учебныхъ заведеній было недостаточно для ея обитателей. Въ городѣ изстари находились: женскій институтъ, мужская гимназія и нѣсколько

низшихъ школъ. Въ предѣлахъ генералъ-губернаторства, по деревнямъ, почти не имѣлось училищъ. Но, вотъ, совершается нѣчто странное. Опубликованъ циркуляръ старика-генерала, обращающій вниманіе губернаторовъ на народное образованіе. Благодаря этому циркуляру, въ многочисленныхъ селахъ вырастаютъ школы, а преслѣдуемые кабаки закрываются. Въ Иркутскѣ создается стотысячный театръ, съ десятками квартиръ для актеровъ; выстраивается воспитательный домъ на средства золотопромышленника Базанова, склоненнаго неугомоннымъ Синельниковымъ къ дѣлу благотворительности. На лучшей улицѣ неожиданно появился обширный домъ благороднаго собранія, въ которомъ по субботамъ обѣдалъ съ публикою генералъ-губернаторъ. Едва ли когда и гдѣ жило провинціальное общество болѣе весело, чѣмъ въ Иркутскѣ въ описываемое мною время. Въ немъ и дѣло дѣлалось, и разумное удовольствіе никому не воспрещалось. Только, однажды, иркутяне были сильно потрясены страшнымъ событіемъ. Въ ночь на Свѣтлое Воскресеніе было вырѣзано семейство купца Чурина, жившее въ собственномъ домѣ, на берегу Ангары. Семья состояла изъ десяти душъ, и никто изъ нихъ не остался въ живыхъ. Взволнованный упомянутымъ злодѣяніемъ, сенаторъ призвалъ наличную полицію города и обратился къ ней съ такою рѣчью:

— Вотъ что, друзья мои. Даю вамъ три мѣсяца сроку на розыски убійцъ. Чтобъ они были найдены. Если хотя одинъ убійца скроется отъ глазъ правосудія, вы всѣ будете преданы мною военно-полевому суду. Пощады не ждите.

Душа человѣческая иногда переживаетъ моменты, въ которые она сперва теряется, мечется изъ стороны въ сторону, тоскуетъ, борется съ наплывомъ разнообразныхъ ощущеній, потомъ непоколебимо-твердо останавливается на избранномъ рѣшеніи. Такъ было и въ данномъ случаѣ.

Люди. привыкшіе къ механическому исполненію своихъ обязанностей, вдругъ встрепенулись подъ вліяніемъ грозной будущности.

— Нѣтъ,—сказалъ приставъ Блиновъ, маленькій, тощій человѣкъ, съ головой, похожей на рѣдьку:—прежде, чѣмъ быть осужденнымъ за нерадѣніе къ службѣ, я переловлю не одного бродягу. а до Чуринскихъ убійцъ доберусь.

Помолился Блиновъ Богу, загримировался мужикомъ, такъ что даже близкіе родственники его не узнали, и скрылся изъ Иркутска. Прошелъ мѣсяцъ со дня этого исчезновенія, а о Блиновѣ ни слуху, ни духу. Къ концу второго мѣсяца распространилась по городу вѣсть, что военный губернаторъ, генералъ-лейтенантъ Шалашниковъ, получилъ отъ одного исправника оригинальную телеграмму: «Имѣю честь донести, что здòрово отодралъ пристава Блинова. Убійцы всѣ задержаны». И власти, и городскіе обитатели пожимали съ недоумѣніемъ плечами при передачѣ другъ другу приведенной телеграммы, но радовались, что преступники не ушли отъ ожидающей ихъ кары.

Въ дѣйствительности произошло слѣдующее:

Преобразившійся Блиновъ обошелъ иркутскіе притоны, ѣлъ и пилъ въ обществѣ воровъ и бѣглыхъ каторжниковъ и прислушивался къ пьянымъ разговорамъ. Изъ нихъ онъ смекнулъ, что убійцы отправились изъ города по дорогѣ къ Красноярску. Блиновъ пошелъ по указанному пути. приставая то къ одной, то къ другой партіи варнаковъ [1]). Подъ самымъ Нижне-Удинскомъ онъ убѣдился, что товарищи его остерегаются, не довѣряютъ ему, но что они-то и есть убійцы семейства Чуриныхъ. Блиновъ явился къ исправнику, открылся ему, кто онъ, и зачѣмъ онъ въ Нижне-Удинскѣ. Далѣе онъ прибавилъ:

---

*) Варнаками въ Сибири называютъ бѣглыхъ поселенцевъ и каторжниковъ.

— Я буду съ бродягами въ такомъ-то кабакѣ. Вы насъ захватите и посадите въ одну камеру тюремнаго замка. Я примусь бунтовать, а вы хорошенько меня отдерите. Тогда бродяги увѣруютъ, что я изъ одного мѣста съ ними, и перестанутъ отъ меня скрываться. А что они Чуринскіе убійцы, въ томъ я головой своей ручаюсь.

Доблестный Блиновъ получилъ сто горячихъ розогъ, но этимъ героическимъ самопожертвованіемъ онъ застраховалъ свой родной городъ на много лѣтъ отъ кровавыхъ преступленій. Въ 1873 году, въ концѣ сентября, происходилъ судъ надъ убійцами, бѣглыми съ каторги, въ казармахъ мѣстнаго баталіона. Городское общество слушало, съ напряженнымъ вниманіемъ, кровавое дѣло. Ночью вокругъ казармъ горѣли шкалики и сновали толпы народа. Всѣ нервно ожидали приговора. Подробности гласнаго процесса выяснили до очевидности степень виновности, каждаго изъ судимыхъ лицъ, хотя нѣкоторыя изъ нихъ отрицали содѣянное преступленіе. Приговоръ суда былъ, по общему мнѣнію, строгъ, но справедливъ. Трое приговорены къ повѣшенію, а двое къ наказанію плетьми и къ двадцатилѣтней каторжной работѣ.

Я помню второе октября. Въ генералъ-губернаторскомъ домѣ была обѣдня, на которой присутствовали иркутскія власти. По окончаніи службы, сенаторъ вышелъ къ городскимъ представителямъ и спросилъ:

— Могу ли я по совѣсти подписать смертный приговоръ тремъ лицамъ, хотя не признавшимся, но явно уличеннымъ въ ужасномъ преступленіи?

Присутствующіе отвѣчали утвердительно.

Сенаторъ раскланялся и удалился въ свой кабинетъ. Тамъ онъ задумчиво присѣлъ къ письменному столу, перекрестился и утвердилъ рѣшеніе суда.

Въ одинъ изъ осеннихъ дней, когда безоблачное небо упорно стоитъ надъ Иркутскомъ и заставляетъ забывать

его обитателей о суровости сибирской природы, на обширной долинѣ, прилегающей къ городу, совершился актъ правосудія надъ приговоренными убійцами. Ихъ поимщикъ Блиновъ былъ награжденъ орденомъ на шею, а отъ иркутянъ получилъ пожизненно пенсію въ тысячу двѣсти рублей въ годъ. Описанное событіе имѣло большое нравственное вліяніе на сосланное населеніе края. Впрочемъ, надобно сказать правду, что изъ каторжниковъ есть много такихъ, въ которыхъ человѣческое чувство далеко не угасло. У меня, въ теченіе трехлѣтней жизни въ Иркутскѣ, находились: лакей, кучеръ, кухарка—все каторжные, отбывшіе срокъ наказанія. У нихъ была общая черта, довольно характеристичная: они цѣнили ласку. За привѣтливое обращеніе, за осторожное отношеніе къ ихъ темному прошлому, они горячо, какъ собаки, привязывались къ вамъ. Когда я оставлялъ Сибирь, мои слуги плакали. А, между тѣмъ, если хотите знать, то моя кухарка попала подъ плети за то, что изъ ревности отравила мышьякомъ мужа; кучеръ зарѣзалъ своего помѣщика за жестокое обращеніе съ крестьянами, а лакей поджегъ избу своей тещи. Находясь у меня, онъ по субботамъ затеплялъ лампаду передъ образомъ въ своей комнатѣ и всякій день, въ девять часовъ утра, несмотря на время года, ходилъ на Ангару купаться. Бывали страшныя мятели, бывали сорокаградусные морозы, а Степанъ, какъ сумасшедшій, появлялся съ топоромъ на рѣкѣ, пробивалъ замерзшій наканунѣ прорубь и окунался въ воду три раза. Какъ стрѣла, онъ возвращался домой, весь запыхавшійся, и пилъ стакановъ десять горячаго чаю. Болѣзней онъ никакихъ не зналъ. Жилъ я въ Воспитательномъ Домѣ, гдѣ Наталья Сергѣевна де-Латръ состояла начальницей. Благодаря своимъ познаніямъ и расположенію генералъ-губернатора, она скоро пріобрѣла въ городѣ большую практику. Лучшіе доктора приглашали ее на консиліумы, а въ главной больницѣ она имѣла свою палату.

Наталья Сергѣевна была разумною пропагандисткой женскаго вопроса, но въ лучшемъ его смыслѣ. Еще находясь слушательницей въ Военно-Медицинской Академіи, она берегла себя, не утрачивала тонкаго женскаго вкуса. Вернувшись домой изъ анатомическаго зала, съ слѣдами на одеждѣ отъ препараціи труповъ, она показывалась домашнимъ не иначе, какъ переодѣвшись въ костюмъ, полный прекрасной простоты. Этою «прекрасною» простотой Наталья Сергѣевна завоевала и сердца иркутянокъ. Не разбирая, кто изъ нихъ богаче, она равно всѣмъ помогала и днемъ, и ночью. Бѣдныхъ навѣщала не только даромъ, но прописывала имъ на свой счетъ лѣкарства и снабжала деньгами. Воспитательный домъ подъ ея управленіемъ достигъ замѣчательнаго процвѣтанія. Смертность дѣтей въ немъ упала ниже пятидесяти процентовъ. Городъ зналъ это и вознаграждалъ мадамъ де-Латръ знаками глубокаго уваженія.

Какъ-то Наталью Сергѣевну попросили къ умирающей женѣ извѣстнаго ученаго Щапова. Послѣдній, если помнитъ читатель, былъ упоминаемъ въ третьей главѣ «Записокъ». Щаповъ, уроженецъ Иркутска, воспитывавшійся въ его семинаріи, былъ высланъ на свою родину изъ Казани за рѣчь, произнесенную на студенческой панихидѣ по убитымъ крестьянамъ въ селѣ Безднѣ. Щаповъ жилъ въ маленькой квартиркѣ, скудно меблированной. Онъ былъ средняго роста, худой, съ правильными, но мелковатыми чертами лица. Черные, съ просѣдью, волосы, слегка вьющіеся, ниспадали до плечъ. Длинная борода, не знающая ухаживанья, походила на обыкновенную крестьянскую бороду. Таковъ былъ Аѳанасій Прокофьевичъ. Жена его была полуразрушенная женщина, стоявшая одною ногой въ могилѣ. Улыбающаяся, кроткая, она не знала жизни безъ нужды. И, все-таки, она благословляла жизнь. Едва грамотная отъ природы, изъ любви къ мужу, Щапова не

только перечитала массу научныхъ книгъ, но изучила нѣкоторые иностранные языки, дѣлала выписки для историческихъ работъ мужа. Она сидѣла у его письменнаго стола, слѣдила за тѣмъ, что онъ писалъ, подвигала ему записочки съ необходимыми для него цитатами. Словомъ, жена и мужъ были одно существо и одна мысль.

Щапова скончалась на моихъ глазахъ, сказавши: «Я умираю, испытавъ одну бѣдность, но я узнала прелесть жизни въ ея умственныхъ задачахъ». Ея душа исчезла изъ этого міра такъ же тихо, незамѣтно, какъ пришла на землю. Она унесла съ собою цѣлый запасъ нравственнаго сокровища, такъ легко цѣнимаго людьми. Проводя дни въ суетныхъ внѣшнихъ заботахъ объ удовлетвореніи своихъ низменныхъ страстей, общество не замѣчаетъ истинныхъ свѣточей, изрѣдка появляющихся въ его средѣ. А они-то и составляютъ «соль его жизни», они-то и создаютъ эру его цѣннаго бытія.

Щаповъ, съ юности имѣвшій слабость къ вину, послѣ смерти жены запилъ горькую. Но, что онъ представлялъ собою, какъ человѣкъ? Аѳанасій Прокофьевичъ съ дѣтства вращался въ грубой средѣ низшаго духовенства. Воспитаніе онъ началъ въ провинціальной, глухой бурсѣ, гдѣ, по свидѣтельству Помяловскаго, кулаки и розги были главными педагогическими двигателями. Высшее образованіе Щаповъ получилъ въ Казанской Духовной Академіи въ то время, когда въ ней процвѣтало схоластическое направленіе. Какъ натура даровитая, живая, онъ рвался къ свѣту, жаждалъ положительныхъ знаній. Написавъ замѣчательное историческое сочиненіе: *Русскій расколъ старообрядства*, молодой ученый почувствовалъ, что для созданія другихъ такихъ же изслѣдованій ему необходима нравственная независимость; поэтому, онъ старался перейти въ свѣтское вѣдомство. Въ 1862 году онъ является уже на университетской каѳедрѣ, въ качествѣ профессора

исторіи, и молодежь жаждетъ услышать отъ него новое слово. Въ ту эпоху «новое слово» было въ модѣ. Освобожденіе крестьянъ раздвигало горизонты юношескаго воображенія, порождало въ немъ другіе дерзкіе помыслы. И молодой Щаповъ, скинувшій съ себя суровую опеку духовной руки, не удержался, занесся и за собою повлекъ только-что возникающія силы... Непривѣтливо встрѣтилъ Иркутскъ его возвращеніе. Для чиновничьей службы онъ не годился, для продолженія широкихъ научныхъ работъ у него не было подъ рукой матеріаловъ. Желчное отношеніе къ окружающему міру, даже отрицаніе существующихъ условій жизни, овладѣли душой Щапова. Его поддерживала отъ полнаго паденія чудная жена. Кромѣ того, находящійся въ Иркутскѣ «Отдѣлъ Восточно-Сибирскаго Географическаго Общества» принялъ участіе въ его судьбѣ. Сдѣланъ былъ докладъ сенатору Синельникову о командированіи Щапова въ Туруханскій край для его этнографическаго изслѣдованія. По возвращеніи изъ своей поѣздки, Щаповъ получилъ разрѣшеніе читать лекціи въ «Отдѣлѣ». Но тутъ смерть уже стучалась въ спальню его жены. Послѣ ея потери, Аѳанасій Прокофьевичъ былъ не дѣятель и не жилецъ. Онъ походилъ на ходячій трупъ, съ слезливыми глазами, съ дрожащими руками, съ отрывками отдѣльныхъ, скорбныхъ фразъ; среди нихъ, какъ искры, мелькали намеки на богато-талантливую натуру, навѣки замиравшую и ложно поставленную въ дѣйствительности.

Щаповъ умеръ не въ нищетѣ. Пишущему эти строки извѣстно, что у него имѣлись друзья, дѣлавшіе складчину для содержанія несчастнаго ученаго. Складчина доходила до семидесяти рублей въ мѣсяцъ, и ею распоряжался полковникъ Б. Онъ платилъ за квартиру Аѳанасія Прокофьевича, за его столъ, за бѣлье, за дрова, за освѣщеніе. Въ руки Щапову денегъ давалось мало вслѣдствіе его извѣст-

ной слабости. Онъ скончался въ половинѣ 1876 года, когда я уже уѣхалъ изъ Сибири. Щаповъ, въ послѣдніе годы жизни, принималъ участіе въ газетѣ *Сибирь*. Ее издавалъ коренной сибирякъ Всеволодъ Ивановичъ Вагинъ. Какъ и его родичи, онъ полагалъ, что было бы хорошо только Восточной Сибири, а до остальнаго міра ни ему, ни его газетѣ нѣтъ никакого дѣла. Я писалъ въ *Сибири* передовыя статьи и фельетоны, рисующіе картины мѣстныхъ нравовъ. «Отдѣлъ» географическаго общества почтилъ меня избраніемъ въ комитетъ по изданію его *Извѣстій*, выходившихъ изъ печати періодически, отдѣльными тетрадками. Въ нихъ помѣщались статьи членовъ отдѣла, командированныхъ въ разныя мѣстности восточно-сибирскихъ окраинъ для изученія быта инородцевъ и ихъ природы. Въ работѣ членовъ было много замѣчательнаго, а имена Дыбовскаго, Маака, Неймана, Черскаго будутъ всегда памятны наукѣ. Къ сожалѣнію, предсѣдателемъ «Отдѣла» при мнѣ былъ легкомысленный молодой генералъ М., когда-то богатый человѣкъ и блестящій лейбъ-гусаръ; онъ рано попалъ въ генеральскій рангъ. Въ Иркутскѣ М. велъ себя, какъ прапорщикъ. Ни одной хорошенькой женщинѣ онъ не давалъ проходу. Съ нимъ былъ такой случай. Шелъ онъ по главной улицѣ и увидалъ, что изъ воротъ скромнаго дома вышла молоденькая, стройная дѣвушка. Генералъ, забывъ свое положеніе, быстро помчался за нею. Чувствуя за собою преслѣдованіе, незнакомка сперва робко остановилась, потомъ оглянулась. Увидѣвъ улыбавшееся лицо чужого человѣка, она стремглавъ бросилась впередъ и вошла въ ближайшій подъѣздъ. Ловеласъ постоялъ нѣкоторое время на улицѣ, поправилъ пенснэ на носу, посмотрѣлъ на дверную дощечку съ какою-то фамиліей и позвонилъ.

Дверь отворила приличная горничная.

— Кто здѣсь живетъ?—спросилъ генералъ.

— Такіе-то

— А кто эта особа, вошедшая сюда?

Горничная не успѣла отвѣтить на дерзкій вопросъ, какъ въ передней показалась пожилая дама.

— Что̀ вамъ нужно и кто вы?—обратилась непривѣтливо она къ гостю.

Генералъ смутился. Назвать ему себя не хотѣлось, но не назвать было неловко. Онъ подумалъ и сказалъ:

— Полковникъ Каракасъ.

Онъ повернулся и хотѣлъ уже уйти, какъ услышалъ громкій голосъ:

— Я, полковникъ, буду жаловаться на васъ генералъ-губернатору. Вы осмѣлились преслѣдовать мою дочь, я статская совѣтница. Но генералъ былъ уже далеко и усердно утиралъ платкомъ покраснѣвшее лицо.

Полковникъ Каракасъ—очень почтенная личность, нынѣ управляющая отдѣльною областью. Онъ былъ крайне удивленъ, когда, на другой день послѣ описаннаго происшествія, его потребовалъ сенаторъ Синельниковъ. Не успѣлъ вошедшій поклониться, какъ генералъ обратился къ нему со словами:

— Стыдно, полковникъ, въ ваши лѣта и въ вашемъ чинѣ вести себя, какъ прапорщику. На васъ мнѣ жаловалась уважаемая въ городѣ дама. Вы не постыдились ея дочь преслѣдовать на улицѣ. Поѣзжайте и извинитесь.

Начальникъ края оставилъ пораженнаго Каракаса и смущеннаго дежурнаго адъютанта. Полковникъ поклялся открыть истину. Вечеромъ, въ клубѣ, онъ уже всѣмъ разсказывалъ о продѣлкѣ генерала М. Послѣдній, иронически встрѣчаемый сослуживцами, получилъ здоровую головомойку и отъ старика генерала.

Пріѣзжаетъ М. къ милліонеру-золотопромышленнику, Ивану Ивановичу Базанову, охотнику безденежно играть въ дурачки во всякое время дня и ночи. Для такого случая

Иванъ Ивановичъ носилъ въ одномъ изъ кармановъ сюртука засаленную колоду картъ. Встрѣтивъ въ залѣ генерала-ловеласа, онъ, хитро улыбаясь, произнесъ:

— А въ дурачки мы съ вами нынче играть не будемъ. Вы и такъ проигрались въ пухъ и прахъ.

М. смѣшался и сократилъ свой визитъ.

Иванъ Ивановичъ Базановъ былъ нѣкогда крѣпостнымъ человѣкомъ, едва знавшимъ грамотѣ. Попавъ случайно въ Сибирь, онъ случайно открылъ и пріиски, перевернувшіе его жизнь. Умеръ онъ въ генеральскомъ чинѣ, со Станиславскою звѣздой. Послѣ него остался капиталъ въ восемнадцать милліоновъ рублей и золотые пріиски, дающіе около милліона чистаго дохода. Иванъ Ивановичъ былъ маленькаго роста, тщедушный, быстро бѣгающій. Съ деньгами онъ разставался туго, но Николай Петровичъ Синельниковъ имѣлъ на него магическое вліяніе. Нуждаясь въ деньгахъ на постройку театра, воспитательнаго дома и городского вала съ бульваромъ для окруженія Иркутска отъ наводненія Ангары, сенаторъ лично обратился къ помощи Базанова. Послѣдній подписалъ десять тысячъ. Увидя эту цифру, добрѣйшая старушка, Матрена Ивановна, жена Ивана Ивановича, покачала головой и проговорила:

— Стыдно тебѣ подписывать такъ мало. Вѣдь его высокопревосходительство не всякаго удостоиваетъ посѣщеніями, да и сколько онъ добрыхъ дѣлъ совершилъ въ своей жизни. И теперь онъ для пользы города хлопочетъ. Черкни ноликъ-то,—Николай Петровичъ и порадуется.

Базановъ, почтительно согнувшись, прибавилъ ноликъ, а изъ него и вышло 100.000 рублей. Начальникъ края горячо благодарилъ простую, но сердечную женщину, черезъ которую много было облегчено горя у бѣдныхъ сибиряковъ.

Жилъ въ Иркутскѣ и другой богачъ: Иванъ Степановичъ Хаминовъ. Лѣтъ семьдесятъ назадъ изъ Устъ-Сы-

сольска привезенъ былъ въ Сибирь крестьянскій мальчикъ и поступилъ въ одну мелкую лавочку. Мальчикъ некрасивъ собою, съ калмыцкомъ лицомъ и съ длинными, торчавшими ушами. Его въ городѣ звали Ванькой и безнаказанно кормили подзатыльниками. Кое-какъ Ванька научился у знакомаго дьячка писать и разбирать псалтирь. Судьба ему улыбнулась. Одинъ купецъ, замѣтивъ смышленность въ мальчикѣ, взялъ его съ собою въ Кяхту и пристроилъ къ чайной торговлѣ. Въ ней Ванька выказалъ большія способности. Онъ ѣздилъ въ Китай, велъ денежные расчеты и покупалъ чай уже за себя. Въ Иркутскъ молодой человѣкъ возвратился Иваномъ Степановичемъ Хаминовымъ и капиталистомъ. Въ мою бытность въ Сибири, у него считали состоянія на тридцать милліоновъ. Онъ имѣлъ генеральскій чинъ и три звѣзды, числился почетнымъ попечителемъ классической гимназіи. Чуть ли не ему Иркутскъ обязанъ основаніемъ въ немъ восьмиклассная Техническо-Механическаго училища, въ которомъ такъ нуждалась Восточная Сибирь. Нынѣ въ ней есть собственные образованные люди, способные создавать на родинѣ заводы, фабрики, вести золотопромышленное дѣло по новѣйшимъ указаніямъ науки.

Иванъ Степановичъ имѣлъ открытый столъ для мѣстной администраціи. Въ его некрасивомъ съ виду, но роскошно убранномъ домѣ давались обѣды на нѣсколько сотъ человѣкъ; выписывались зимою къ десерту фрукты изъ Каира, а другіе деликатесы изъ лучшихъ европейскихъ столицъ, прославленныхъ избалованными гастрономами. Разнообразная закуска, съ громадными рыбищами, изящно сервированная, раздражала чиновничій вкусъ. Приглашенные плотоядно вздрагивали, когда раздавались завѣтныя слова хозяина:

— Прошу откушать солененькаго!

Не знаю, есть ли теперь въ Иркутскѣ богачи, подобные

Базанову и Хаминову, но думаю, что типы ихъ отходятъ въ преданіе. Цивилизація, просвѣтляя человѣка, пробуждая въ немъ высшія изящныя чувства и идеи, стираетъ все оригинальное въ жизни, подгоняя въ ней и личность, и ея привычки, и ея обстановку подъ одинъ шаблонъ, подъ одну одинаковую мѣрку.

Въ большомъ европейскомъ городѣ, или въ Сѣверо-Американскихъ Штатахъ, находясь въ театрѣ, вы не знаете, кто сидитъ около васъ: министръ или лакей? Тотъ и другой глядятъ кругомъ съ такимъ скучнымъ величіемъ, что вамъ тошно дѣлается за нынѣшнее совершенствованіе обитателя конца XIX вѣка. Впрочемъ, Сибирь, какъ отдаленная окраина, несмотря даже на осуществленіе великаго желѣзнаго пути, останется много еще лѣтъ страной чудесъ и разныхъ неожиданностей. Въ слѣдующей главѣ читатель увидитъ и незнакомыя ему красоты сибирской природы, и такіе факты, которые своею осбенностью поражаютъ жителя по эту сторону Урала. Я вспоминаю о Сибири, какъ о чемъ-то прекрасномъ, канувшемъ въ вѣчность, какъ о дорогомъ другѣ, оставившемъ въ моемъ сердцѣ неотразимо скорбные слѣды.

Глава IX.

Продолженіе сибирской жизни.

Прошедшее сенатора Синельникова.—Ссыльные поляки.—Волостные писаря въ Сибири. — Генералъ Черновъ. *) — Байкалъ.—Его красоты.—Городъ Троицкосавскъ.—Кяхта и ея обитатели.—Кяхтинскій соборъ.—Чайная торговля.—Въ предѣлахъ Китая.—Маймачинъ.—Китайскія лавки. — Въ кумирнѣ. — Тюрьма въ Маймачинѣ и ходячіе преступники. — Въ гостяхъ у Дзюргучея. — Его визитъ.—Кули.—Отъѣздъ Н. П. Синельникова въ Петербургъ.—Ожиданіе новаго генералъ-губернатора.—Жизнь Чернышевскаго въ Сибири.—Попытки къ его освобожденію.

У новыхъ людей нѣтъ прошедшаго. Они не любятъ о немъ говорить; даже наединѣ съ собою они избѣгаютъ думы о своихъ минувшихъ дняхъ. Грустная правда, не дѣлающая чести современному человѣчеству. Все прошлое уже оттого должно быть дорого намъ, что оно, по самой своей сущности, составляетъ основу нашему настоящему бытію. Каждое зерно хорошаго, прожитаго въ дѣтствѣ, отражается незамѣтно на будущихъ судьбахъ человѣка. Старые люди добрѣе современныхъ, цивилизованныхъ, показныхъ мыслителей. Воспитаніе первыхъ было въ рукахъ лицъ, не мудрствовавшихъ лукаво, но умѣвшихъ раздувать въ дѣтскихъ сердцахъ искры божественнаго огня, отрицаемаго новѣйшими интеллигентами. Вспомните нашихъ историческихъ лицъ. Множество ихъ вышло изъ разныхъ слоевъ

---

*) Фамилія не настоящая.

русскаго общества, не получивши высшаго образованія, но какой отпечатокъ нравственнаго величія и мощности лежитъ на ихъ дѣяніяхъ. Они защищали крѣпко свое отечество отъ внѣшнихъ враговъ; они служили ему на дипломатическомъ поприщѣ, отстаивали интересы его, подвергая часто опасности свою жизнь. Чтò ими двигало?—То чувство святого долга, та животворная таинственная сила, которыя они почерпали изъ груди матери, изъ среды, окружавшей ихъ дѣтскую колыбель. Живите, не отрицая прошлаго, читатель, и не вѣрьте тѣмъ умамъ, которые, подобно кровожадному Робеспьеру, увѣряли, что «прошедшее человѣчества есть одно сплошное преступленіе». Нѣтъ, оно историческая необходимость, и безъ оглядки на него жить нельзя. Такія мысли мнѣ пришли въ голову при воспоминаніи о сенаторѣ Синельниковѣ. Онъ представлялъ собою монументальную личность. Его фигура, какъ и душа, отличалась мощью, точно изъ бронзы вылитая. Его убѣжденія были свѣтлы, непоколебимы. Николай Петровичъ, родившійся въ 1805 году, воспитывался въ Кадетскомъ корпусѣ, гдѣ въ его время давалось ограниченное образованіе. Его отецъ, старый дворянинъ, выучился иностраннымъ языкамъ лишь въ зрѣлыхъ лѣтахъ, а мать была женщина вѣрующая, старавшаяся въ сынѣ развить чувства долга и патріотизма. Эти качества настолько укоренились въ молодомъ человѣкѣ, что онъ не задумывался впослѣдствіи надъ разрѣшеніемъ вопросовъ, требовавшихъ самопожертвованія. Въ жизни Синельникова былъ такой случай. Онъ состоялъ адъютантомъ при извѣстномъ генералѣ Демидовѣ. Послѣдній имѣлъ двухъ дульциней, помѣщавшихся въ одной съ нимъ квартирѣ. Однажды, для прекрасныхъ дѣвицъ была взята ложа въ театръ. Вечеромъ Демидовъ обратился къ Николаю Петровичу съ слѣдующими словами:

— Я не могу сегодня ѣхать въ оперу. Не откажись, пожалуйста, провести вечеръ въ обществѣ моихъ милыхъ дамъ.

Адъютантъ почтительно отвѣтилъ:

— Я, ваше превосходительство, находясь при васъ, служу моему государю. Исполненіе вашихъ интимныхъ порученій не входитъ въ предѣлы моихъ обязанностей.

Позже, когда Николай Петровичъ находился при великомъ князѣ Михаилѣ Павловичѣ, генералъ Демидовъ явился въ его дворецъ. Великій князь зналъ о столкновеніи Демидова съ Синельниковымъ и встрѣтилъ генерала, смѣясь.

— Ну, началъ Михаилъ Павловичъ,—разскажи, какъ это Синельниковъ отказался сопутствовать твоимъ дамамъ въ театръ? Я благодарить тебя долженъ. Ты съ нимъ разошелся, а я пріобрѣлъ въ немъ отличнаго офицера. Радуюсь, что у меня нѣтъ такихъ дамочекъ, какъ у тебя. А то онъ и отъ меня убѣжалъ бы.

Николай Петровичъ не разставался съ великимъ княземъ вплоть до его кончины. Офиціально онъ носилъ званіе дежурнаго штабъ-офицера гвардіи. Зная вспыльчивый, но высокоблагородный характеръ своего августѣйшаго начальника, Синельниковъ нерѣдко принималъ на себя вины подчиненныхъ великому князю офицеровъ. Онъ говорилъ имъ:

— Пусть ужъ онъ на мнѣ взыскиваетъ. Вы скажите, что исполняли мои приказанія.

Такимъ образомъ, ему приходилось получать головомойки отъ великаго князя, искренно цѣнившаго доблестныя качества своего блажайшаго подчиненнаго.

Николай Петровичъ послѣдовательно управлялъ губерніями: Владимірской, Житомірской, Московской и Воронежской. Въ нихъ и до сихъ поръ жива память о «длинномъ генералѣ», какъ его наименовалъ русскій народъ. Въ упомянутыхъ городахъ онъ вымащивалъ улицы, устраивалъ ряды и мосты, сооружалъ театры, создавалъ общественные сады и скверы, воздвигалъ памятники историческимъ дѣятелямъ, возставалъ на защиту интересовъ обиженныхъ жителей. Находясь въ Варшавѣ, въ эпоху возстанія 1863 года, ге-

нералъ-интендантомъ второй арміи, Синельниковъ безбоязненно одинъ разгуливалъ по улицамъ революціоннаго города. Тогда какъ другіе русскіе генералы подвергались публичнымъ оскорбленіямъ со стороны поляковъ, Николай Петровичъ мирно бесѣдовалъ съ ними въ Саксонскомъ саду о текущихъ событіяхъ. Онъ увѣрялъ взволнованную молодежь, что для нея нужна желѣзная рука, и что онъ вожаковъ возстанія покаралъ бы безпощадно. Поляки терпѣливо слушали суроваго сановника и полюбили его, именно, за правду. Тутъ, кстати, случилось маленькое происшествіе. Противъ дома, въ которомъ жилъ генералъ, опрокинулась чья-то коляска. Изъ нея вылетѣлъ господинъ съ переломленной ногой. Онъ оказался польскимъ графомъ З. Синельниковъ немедленно распорядился о помѣщеніи въ своей квартирѣ раненаго, котораго, по мнѣнію докторовъ, затруднительно было перевозить на далекое разстояніе. Графъ пролежалъ въ этой квартирѣ нѣсколько мѣсяцевъ, окруженный самымъ деликатнымъ вниманіемъ. Вся Варшава слѣдила за выздоровленіемъ своего соотечественника, и популярность Синельникова среди поляковъ достигла колоссальныхъ размѣровъ. Николай Петровичъ отправился въ Брестъ-Литовскъ, имѣя при себѣ 30.000 рублей, принадлежащихъ казнѣ. Была темная ночь, когда онъ очутился въ глухомъ лѣсу, между городомъ Бяла и станціей Полѣсье. Тутъ онъ былъ внезапно остановленъ неизвѣстными людьми. То оказалась польская банда въ пятсотъ человѣкъ. Синельниковъ вышелъ изъ экипажа, перекрестился и предалъ себя волѣ Божіей.

Предводитель банды поднесъ фонарь къ лицу проѣзжаго, и неожиданно воскликнулъ:

— Смирно! На караулъ! Мы имѣемъ честь встрѣчать генерала Синельникова!

Потомъ начальникъ банды обратился къ Николаю Петровичу:

— Мы просимъ васъ принять отъ насъ конвой для сопровожденія къ Брестъ-Литовску. А то вы встрѣтите другую банду, которая можетъ причинить вамъ нечаянныя непріятности. Просимъ также, генералъ, засвидѣтельствовать предъ Государемъ Императоромъ, что истинныхъ слугъ его поляки цѣнить умѣютъ. Поѣзжайте съ Богомъ.

Пятьдесятъ человѣкъ повстанцевъ почетно конвоировали Синельникова и только, въ виду русскаго лагеря, они его покинули. Впослѣдствіи онъ достойно отблагодарилъ поляковъ. Въ концѣ шестидесятыхъ годовъ, бывши главнымъ начальникомъ гражданскихъ тюремъ въ Россіи, Николай Петровичъ испросилъ у Государя соизволеніе употреблять въ работы на строившихся желѣзныхъ дорогахъ ссыльную польскую молодежь, замѣшанную въ послѣднемъ возстаніи. Позже, упомянутая молодежь, въ количествѣ нѣсколькихъ тысячъ, благодаря ходатайству генерала Синельникова, была возвращена въ свои семьи. Прибывъ въ Восточную Сибирь, старый знакомецъ поляковъ также не оставилъ ихъ безъ вниманія. Иркутскъ не имѣлъ до 1870 года почти никакихъ ремесленныхъ заведеній. Мебель въ немъ продавалась чуть ли не на вѣсъ золота. Не было въ городѣ хорошихъ портныхъ и сапожниковъ. Приличныя булочныя отсутствовали. Вдругъ, точно по щучьему велѣнію, городъ обогатился искусными ремесленниками. Изъ сибирскихъ захолустьевъ генералъ-губернаторъ вызвалъ поляковъ - мастеровъ, давъ имъ средства на пріобрѣтеніе разныхъ торговыхъ принадлежностей. Иркутяне почувствовали, что и они могутъ жить по-человѣчески, съ нѣкоторымъ комфортомъ, добываемымъ на мѣстѣ.

Въ мое время политическихъ ссыльныхъ изъ повстанцевъ было много. Большею частью, они жили по деревнямъ, гдѣ народъ ихъ не долюбливалъ. Нѣкоторые изъ нихъ занимали должности волостныхъ писарей. Послѣдніе, благодаря особеннымъ условіямъ, въ которыхъ и теперь

еще находятся отдаленныя губерніи Сибири, играютъ крупную роль въ сельскомъ быту «немшоной» *) страны. Отсутстіе въ ней судебныхъ слѣдователей, земскихъ начальниковъ, громадныя разстоянія между городами—совершили исторически то, что административныя, судебныя и хозяйственныя части округа или уѣзда сосредоточились въ рукахъ окружныхъ засѣдателей, по-нашему, становыхъ. Они, за невозможностью исполнять свои служебныя обязанности, волей - неволей, распредѣлили свою власть по волостямъ между старшинами и писарями ихъ правленій. Подъ вѣдѣніемъ писарей образовались цѣлыя канцеляріи и департаменты съ дѣлами уголовными, гражданскими, хозяйственными и распорядительными. Я не вѣрилъ бы сказанному, если бъ самъ не былъ въ одной волости Иркутской губерніи. Тамъ я увидѣлъ нѣсколько комнатъ съ многочисленными столами, съ начальниками отдѣленій, со столоначальниками и ихъ помощниками. Во главѣ этой канцелярщины стоялъ волостной писарь изъ поляковъ, съ содержаніемъ до 20.000 рублей въ годъ. Понятно, что такія деньги не всѣ попадали къ нему въ карманъ, и наемъ подчиненныхъ чего-нибудь ему стоилъ. Контингентъ канцеляристовъ также набирался изъ ссыльныхъ, которые, такимъ образомъ, и управляли судьбами сотни тысячъ людей, не совершившихъ никакого преступленія. Послѣ описаннаго понятно, какъ дорогъ былъ для сибиряковъ циркуляръ сенатора Синельникова объ устройствѣ въ деревняхъ сельскихъ школъ. Вѣдь онѣ впослѣдствіи должны были освободить туземныхъ жителей отъ зависимости грамотнаго ссыльнаго люда.

Поживши съ годъ въ Иркутскѣ, я назначенъ былъ сопровождать генерала Чернова въ его служебной поѣздкѣ въ Забайкалье и на границу китайскихъ владѣній.

*) Слово „немшоная“, „немшоный“—чисто-сибирское выраженіе. Оно равнозначуще—неривѣтливый, неприглядный.

Черновъ былъ забавный человѣкъ. Съ виду необыкновенно симпатичный, съ ласковыми, немного утомленными глазами, онъ обладалъ добрѣйшей, но слабою душой. Николай Петровичъ былъ расположенъ къ Чернову, и это обстоятельство совершенно туманило голову послѣдняго. Онъ простодушно говорилъ:

— Теперь мнѣ на все плевать, когда командующій войсками меня жалуетъ.

Онъ напустилъ на себя роль строгаго начальника, возвышалъ голосъ на подчиненныхъ, рвалъ подаваемыя ими бумаги. Если кто изъ обиженныхъ возражалъ ему, то онъ кричалъ:

— Я васъ уничтожу! Мнѣ все ни по чемъ. Я васъ, батюшка, туда упеку, куда и Макаръ съ телятами не ходилъ!

Послѣ крика Черновъ тяжело дышалъ, а потомъ смѣялся, приговаривая:

— Я имъ задамъ! Я имъ покажу себя!

И невѣдомо кому, но онъ грозился въ пространство кулакомъ.

Случилось нѣчто печальное. Великодушный старикъ Синельниковъ, котораго нашъ генералъ сильно боялся, былъ отозванъ въ Петербургъ.

При его преемникѣ надъ Черновымъ стряслась служебная катастрофа. Его безъ прошенія уволили отъ должности. Несчастный начальникъ слегъ въ постель. Его накрыли теплымъ одѣяломъ, но онъ дрожалъ, стуча зубами. Уста больного пугливо лепетали:

— Что со мною будетъ? Какъ вы думаете? Отдадутъ меня подъ судъ, или нѣтъ? Да говорите же! Да что же вы молчите?

И въ комнатѣ слышались громкіе вздохи съ возгласами:— О, Господи! Услыши смиреннаго раба твоего.

Я ѣздилъ съ Черновымъ за Байкалъ въ счастливые для него годы.

Тогда солнце ярко свѣтило надъ нимъ. Стоялъ іюнь мѣсяцъ въ началѣ. Сибирская природа только-что отбыла длинные зимніе дни и покрылась зеленымъ покровомъ. Все въ ней росло и жило, только соловей, любимецъ Европейской Россіи, отсутствовалъ въ садахъ дальняго Востока. На выѣздѣ города, по Забайкальскому тракту, стояли деревянныя полукруглыя ворота съ замысловатою надписью: «Дорога къ Восточному океану».

Кто создалъ эту надпись? Почему упомянутыя ворота должны именно вести путника къ Восточному океану, до котораго отъ Иркутска слишкомъ четыре тысячи верстъ?— никто разъяснить мнѣ не могъ.

Мы катимъ по прекрасной дорогѣ, а справа отъ насъ серебрится величественная Ангара. Ея правый нагорный берегъ окаймленъ густымъ лѣсомъ. Съ каждою верстой онъ становится выше и, наконецъ, близъ Байкала обращается въ настоящій горный хребетъ, увѣнчанный колоссальными лиственницами. Вотъ, издалека уха коснулся невѣдомый звукъ, точно сотни тысячъ коней скакали въ пространствѣ. То привѣтствовалъ насъ многоводный Байкалъ, окруженный со всѣхъ сторонъ безконечными грядами горъ. Это онъ напоминалъ путникамъ о себѣ вѣчнымъ говоромъ своихъ волнъ. Перо дрожитъ въ рукѣ при воспоминаніи о красотахъ Байкальской природы, когда, при крутомъ поворотѣ дороги къ станціи Листвиничной, показалась безграничная площадь Святого озера. Проза нѣмѣетъ; поэзія предъявляетъ свои требованія. Я позволю здѣсь выписать двѣ строфы изъ моей поэмы «Байкалъ», напечатанной, одиннадцать лѣтъ тому назадъ, въ одномъ изъ нашихъ журналовъ *):

Угрюмъ, величественъ Байкалъ;
Тѣснятся вкругъ него громады
Несокрушимыхъ, грозныхъ скалъ;
Какъ вѣковѣчныя ограды,

*) Журналъ „Вѣкъ“, іюль 1882 года.

Онѣ стоятъ по берегамъ,
Поднявъ вершины къ небесамъ.
Въ лѣсахъ безмолвье роковое;
Орелъ паритъ надъ высью горъ,
Объемля небо голубое
И моря царственный просторъ.
Онъ надъ добычею не дремлетъ,
И чуткимъ слухомъ жадно внемлетъ
Священнымъ рокотамъ волны
Среди окрестной тишины.
Въ томъ мѣстѣ, гдѣ Байкалъ великій
Соединился съ Ангарой,
Надъ ней чернѣетъ камень дикій
Съ остроконечною главой.
Какъ будто мантія монаха
Фигуру камня облекла
И породила чувство страха
Въ простой душѣ сибиряка.
Среди Бурятъ свѣжо преданье:
Преступникъ, скрывшій злодѣянье,
На камнѣ ночь не просидитъ,—
Волнами моря будетъ смытъ.
И то сказаніе живуче:
Когда вечернею порой
Луна мелькнетъ сквозь дымку тучи,
И серебристою струей
Освѣтитъ камень надъ рѣкой,—
То путникъ, вовсе не трусливый,
Смутится сердцемъ, задрожитъ;
И слышитъ онъ нетерпѣливо,
Что съ моря кто-то торопливо,
Его преслѣдуя, бѣжитъ.

Кругомъ Байкала путь, какъ ни живописенъ, но утомителенъ. А по Байкалу плыть страшно. Онъ такъ прихотливъ, что ни въ какое время ему довѣриться нельзя. По его бурнымъ водамъ ходило всего два парохода: *Корсаковъ* и *Синельниковъ*, да и тѣ были порядочно истрепаны волнами Святого озера. Такъ Байкалъ зовутъ Буряты за тѣ таинственныя качества, которыми онъ обладаетъ. Его волны

постоянно рокочуть. Поверхность озера прозрачна; на днѣ его виднѣются прихотливыя очертанія горъ и исполинскихъ деревьевъ. Глубина его до сихъ поръ не измѣрена. Часто, въ лѣтній день, надъ безднами Байкала рѣзвятся, какъ дѣти, его обитатели—нерпы. Онѣ похожи на небольшихъ тюленей и съ любопытствомъ озираются при видѣ незнакомаго парохода, плывущаго мимо нихъ.

По ту сторону Байкала, почти до Кяхты, тянутся глубокія воды широкой Селенги. Оба ея берега, составляющіе отроги Яблоннаго хребта, гордо поднимаются надъ уровнемъ царственной рѣки. Кого оживляетъ она? Молчитъ кругомъ природа въ вѣковомъ покоѣ, и лишь случайный путникъ пугливо любуется ея дѣвственными красотами. У Кяхты виды мѣняются. Начинающіеся пески свидѣтельствуютъ о томъ, что, гдѣ-то, недалеко находятся предѣлы Монголіи, упирающейся въ безотрадную степь Шамо. Солончаки, песокъ, вперемежку съ суглинкомъ, смущаютъ глазъ, ищущій все новыхъ картинъ и ощущеній.

Троицкосавскъ—небольшой городокъ Забайкальской области. Отъ него до Иркутска около семисотъ верстъ. Маленькіе деревянные домики, впрочемъ, довольно опрятные, чередуются кое-гдѣ съ каменными строеніями. Есть въ немъ гостиный дворъ. Улицы не мощены, фонарей не видать. Песку вездѣ много. Южные вѣтры приносятъ его изъ сосѣдней степи и убиваютъ всякую растительность въ окрестности. Оттого Троицкосавскій общественный садъ представляетъ жалкое явленіе. Прекрасное шоссе соединяетъ этотъ глухой городъ съ знаменитою Кяхтой. Кяхта — мѣстечко, расположенное отъ Троицкосавска въ двухъ верстахъ. Въ ней мало домовъ, но каждый домъ составляетъ отдѣльное обширное владѣніе его хозяевъ. Длинные амбары для храненія чая, служительскія зданія, кухни, конюшни оранжереи, сады—все говоритъ, что вы находитесь въ гостяхъ у богачей, живущихъ въ полномъ привольѣ. Теперь,

кяхтинская торговля, благодаря морскимъ чаямъ, не имѣетъ прежняго значенія, но фамиліи Нѣмчинова, Токмакова Лужникова и Корзухина играли въ семидесятыхъ годахъ еще значительную роль въ нашемъ коммерческомъ мірѣ. Широко они жили въ своихъ кяхтинскихъ обиталищахъ; пріятно у нихъ было выпить чашку неподдѣланнаго чая и выкурить гаванскую настоящую сигару. Кяхтинскіе крезы — тонкіе цѣнители упомянутыхъ предметовъ. Они не забыли и сосѣдняго съ ними города, которому дали солидныя средства для народнаго образованія. Я засталъ въ Троицкосавскѣ и Кяхтѣ на 5.500 жителей четыре приходскія училища, одно уѣздное, дѣтскій пріютъ и реальную прогимназію. Кяхтинскій соборъ отличается внутреннимъ величіемъ. Вы входите въ него, оглядываетесь кругомъ, и васъ обхватываетъ благоговѣйный трепетъ. Эти, какъ бы, задумчивыя колонны изъ горнаго хрусталя, окаймленныя серебромъ; эти массивныя хрустальныя люстры, висящія въ воздухѣ и точно ничѣмъ не поддерживаемыя; серебряныя царскія двери ажурной работы; престолъ и жертвенникъ, вылитые изъ чистаго серебра, пробуждаютъ въ васъ чувство неожиданнаго изумленія. Молитва просится на ваши уста. Теперь повѣдаемъ, вообще, о чайной торговлѣ, найденной мною въ Кяхтѣ. Въ ней проживало, какъ я замѣтилъ выше, нѣсколько богатыхъ русскихъ фирмъ, имѣвшихъ прочныя связи съ владѣтелями чайныхъ плантацій, находящихся, преимущественно, въ южныхъ провинціяхъ Небесной Имперіи. Владѣтелями чайныхъ плантацій могутъ быть, по китайскимъ законамъ, одни лишь подданные Богдыхана. Изъ сказаннаго ясно, что многошумныя рекламы нашихъ столичныхъ торговцевъ чаемъ о томъ, что они продаютъ покупателямъ чай «съ собственныхъ плантацій въ Китаѣ», есть наглая эксплоатація, съ ихъ стороны, кармановъ своихъ довѣрчивыхъ соотечественниковъ. Изъ разсказовъ почтенныхъ кяхтинскихъ купцовъ видно, что знаменитые чайные торговцы,

въ родѣ гг. Корещенки, Орлова и Лебедева, не имѣютъ довѣренныхъ не только въ Китаѣ, но даже въ Кяхтѣ. Они пріобрѣтаютъ чай, попросту, на Нижегородской ярмаркѣ, сортируютъ его безцеремоннымъ образомъ и даютъ сортамъ, ими же самими созданнымъ, названія, не существующія въ дѣйствительности у китайцевъ. Въ данномъ случаѣ, замѣчателенъ слѣдующій примѣръ. Въ Маймачинѣ здравствовалъ китаецъ, по имени Лозанъ. Онъ небольшого роста, уродливъ и нѣсколько похожъ на поросенка. Товарищи Лозана звали его поросенкомъ, который на китайскомъ языкѣ именуется: «асосокъ». Затѣмъ, китайское слово *фуза*, въ переводѣ на русскій языкъ, означаетъ *лавка*. Изъ приведенныхъ словъ г. Корещенко воспроизвелъ особый родъ чая: «Фуза-Лозанъ-асосокъ» и заявилъ о томъ печатно въ одномъ изъ своихъ многочисленныхъ объявленій. Кто подшутилъ въ приведенномъ фактѣ надъ г. Корещенко? Мы не знаемъ, но что онъ подшутилъ надъ своими соотечественниками, то, къ сожалѣнію, вѣрно. Не вѣрьте названію чая: «Черная бровь», «Алая роза» и пр. Нѣтъ ни чая этого имени, нѣтъ этого имени и плантацій. Достоинство чая зависитъ отъ его сбора: ранняго или поздняго. Названія его по качеству были слѣдующія: «Синъ-Ченъ-Ху», «Подъ-Зюйконъ» и «Ченъ-Мы-юй». Всѣ упомянутые чаи шли изъ Китая въ Россію черезъ Кяхту сухимъ путемъ *).

Кяхта стоитъ бокъ-о-бокъ съ Китаемъ. Отъ послѣдняго ее отдѣляетъ невысокая деревянная стѣна съ открытымъ проходомъ посрединѣ. За стѣной все незнакомо вамъ. Узкіе, бездомные переулки, съ безконечными заборами, съ причудливыми рисунками на воротахъ, производятъ странное впечатлѣніе на европейца. Вы ждали, какъ будто, лучшаго. Лица китайцевъ поразительно однообразны Многочисленные нищіе, въ своеобразныхъ лохмотьяхъ, безобразны

*) Эти данныя относятся къ чайной торговлѣ семидесятыхъ годовъ.

до невозможности. Весь этотъ сбродъ, медленно, съ недоумѣніемъ, осматриваетъ чужихъ пришельцевъ. Вы входите во внутренніе дворы, съ устроеннымъ навѣсомъ съ трехъ сторонъ. Подъ нимъ помѣщаются полутемныя лавки, или фузы, наполненныя товаромъ. Въ каждой лавкѣ имѣются нѣсколько металлическихъ статуекъ, изображающихъ китайскихъ божковъ. Онѣ помѣщаются въ особыхъ углубленіяхъ; передъ ними поставлены на маленькихъ блюдцахъ красиво сложенные плоды въ засушенномъ видѣ. Это жертвоприношенія вѣрующихъ своимъ богамъ. Какъ извѣстно, Монголія и часть Китая исповѣдуютъ буддійскую религію. Будда былъ человѣкъ кроткій, чуждавшійся насилій. Онъ культъ создалъ безкровный, требующій порабощенія дурныхъ страстей и братскаго общенія людей между собою. Я не безъ внутренняго волненія вошелъ въ Маймачинскую кумирню. На меня пахнуло нѣжнымъ благовоніемъ. Вездѣ разноцвѣтныя ткани; громадныхъ размѣровъ идолы, задрапированные въ богатыя одежды; самъ Будда, возсѣдающій въ отдаленномъ полумракѣ,—все это красиво, таинственно и торжественно. Мнѣ точно слышались въ пространствѣ вѣщія слова великаго индійскаго учителя: «Когда угаснетъ въ насъ огонь похоти, когда угаснетъ въ насъ пылъ ненависти, когда угаснетъ въ насъ высокомѣріе, всѣ заблужденія и страды, тогда сердце наше познаетъ блаженство покоя».

Невдалекѣ отъ кумирни живетъ дзюргучей или губернаторъ. Мы остановились у воротъ, вдѣланныхъ въ каменную стѣну. Сбоку ихъ стояло кресло, съ высокою спинкой и покрытое тигровою шкурой. Въ одномъ углу торчало большое количество бамбуковыхъ палокъ, очевидно, назначенныхъ для наказанія провинившихся подданныхъ Небесной Имперіи. Тутъ же находилось низенькое зданіе тюрьмы, лишенное оконъ. Мы отворили въ нее дверь, и быстро отскочили назадъ. Изъ тюрьмы пахнулъ

зловонный запахъ. Тюрьма была полна народомъ. Присѣсть въ ней негдѣ. Исхудалая, голодная, полуголая толпа ожидала судьбища и приговора дзюргучея. Она, быть-можетъ, завидовала несчастнымъ существамъ, встрѣчаемымъ нами на маймачинскихъ улицахъ. Они ходили съ деревянными четырехъугольниками, надѣтыми на шею. Послѣдніе имѣли въ квадратѣ не менѣе аршина и были довольно тяжелы. Доски надѣвали на арестантовъ, не попавшихъ въ тюрьмы, за отсутствіемъ въ нихъ мѣстъ. Съ досками нельзя человѣку убѣжать; онъ долженъ научиться спать, прислонившись гдѣ-нибудь къ стѣнѣ.

Домъ губернатора—низенькій. Къ нему велъ дворъ, вымощенный кирпичемъ. Важный китаецъ принялъ насъ въ комнатѣ, устланной циновками, но со стульями и креслами. Ему было лѣтъ подъ сорокъ. Облеченный въ бѣлый шелковый халатъ, опушенный соболемъ, онъ имѣлъ на головѣ шапку, наверху которой красовался стеклянный шарикъ. Мандаринъ походилъ на живого манекена. Ни одинъ мускулъ лица не изобразилъ въ немъ ни привѣта, ни удивленія при видѣ насъ. Переводчикъ, принадлежавшій къ забайкальскимъ казакамъ, объяснилъ, что бѣлый костюмъ губернатора означаетъ оффиціальный трауръ по скончавшемся недавно китайскомъ императорѣ.

Едва мы поздоровались съ хозяиномъ, какъ намъ подали на длинномъ подносѣ сухіе фрукты, между которыми оказалась засахаренная саранча, похожая видомъ на шоколадъ. Вкусомъ она напоминала пережаренный сухарь изъ чернаго хлѣба. Затѣмъ, намъ поднесли по бокалу шампанскаго. Китаецъ разспрашивалъ генерала о томъ, много ли войска расположено въ Восточной Сибири?

— Говорите, что тысячъ сто,—замѣтилъ я, обращаясь къ переводчику.

Хитрый казакъ улыбнулся и передалъ мои слова губер-

натору. Послѣдній кивнулъ головой, потомъ поднялъ глаза и спросилъ:

— Много ли у почтеннаго генерала подчиненныхъ?

— Двадцать тысячъ,—бухнулъ Черновъ.

Мандаринъ поковырялъ въ зубахъ и равнодушно замѣтилъ:

— У меня сорокъ тысячъ солдатъ стоятъ недалеко отсюда лагеремъ, а въ двухстахъ верстахъ находится стотысячная армія моего друга, амбаня Ургинскаго.

Китаецъ, очевидно, вралъ и хвасталъ, не сморгнувши глазомъ. Когда мы выходили отъ него, то на дворѣ стояла толпа оборванцевъ, одѣтыхъ въ различнаго цвѣта курмы, напоминающія женскія кофты. Оказалось, что это храбрые воины, которыми такъ кичился начальникъ Маймачина. Оружія при нихъ не было.

На слѣдующій день дзюргучей отдалъ визитъ Чернову въ Троицкосавскѣ. За неимѣніемъ въ немъ гостиницы, мы помѣщались въ домѣ одного зажиточнаго купца. Въ отведенныхъ комнатахъ висѣло много иконъ, съ зажженными передъ ними лампадами. Встали мы поздно, и, только-что отпили чай, какъ прискакалъ гонецъ на лошади и кричалъ по-монгольски:

— Самъ великій мандаринъ ѣдетъ!

Я открылъ окно. На маленькихъ, неосѣдланныхъ лошадяхъ скакало нѣсколько человѣкъ, составляющихъ конвой. Они окружали странный экипажъ, обитый зеленой матеріей. Онъ напоминалъ продолговатую, овальную бочку, довольно высокую, съ отверстіемъ сзади для входа. Дзюргучей лежалъ на мягкихъ подушкахъ. Экипажъ былъ запряженъ парою коней, не имѣвшихъ хомутовъ. Головы животныхъ были продѣты въ деревянныя отверстія, прикрѣпленныя къ дышлу. Экипажемъ управляли люди, сидѣвшіе верхомъ на дышловыхъ лошадяхъ.

Мы угощали гостя конфектами и шампанскимъ. Огля-

дывая комнаты, китаецъ заинтересовался лампадами, подошелъ къ одной изъ нихъ и обмакнулъ въ масло палецъ. Потомъ онъ поднесъ палецъ къ носу, понюхалъ и попробовалъ масло на языкъ. Послѣ дессерта мандаринъ громко рыгнулъ. Переводчикъ передалъ:

— Его мандаринство изъявляетъ генералу свое полное удовольствіе за оказанное гостепріимство.

Въ Троицкосавскѣ на улицахъ встрѣчались китайскіе разносчики, называемые кули. Это — бѣдное, жалкое, но крайне выносливое сословіе. Въ своемъ отечествѣ оно пользуется полнымъ презрѣніемъ, но, несмотря на то, собственно имъ раздѣлываются образцовые огороды. Родившіеся на мѣстахъ, удобренныхъ человѣческими остатками, китайскіе овощи не вкусны, хотя роскошны на видъ. Многіе русскіе избѣгаютъ ихъ употреблять. Кули носятъ свой товаръ на коромыслѣ, продѣтомъ чрезъ плечи, съ привѣшенными къ нему квадратными досками. На нихъ помѣщаютъ: лукъ, рѣдьку, морковь, тыкву, арбузы, огурцы, бобы, рѣдисъ и другія огородныя произведенія. Одинъ кули несетъ эти вещи, а другой, шествуя впереди ихъ, выкрикиваетъ.

Возвращаясь въ Иркутскъ, мы по дорогѣ услышали неопредѣленные слухи объ оставленіи сенаторомъ Синельниковымъ Восточной Сибири. Къ сожалѣнію, эти слухи оправдались. Генералъ Черновъ сдѣлался тише ягненка и говорилъ:

— Что съ нами будетъ? А? Какъ вы думаете?

— Да ничего не будетъ,—отвѣчалъ я.—Все перемелется.

Черновъ порывисто запахнулъ халатъ, который почти не снималъ дома, и подбѣжалъ ко мнѣ.

— Вы еще молоды!—воскликнулъ онъ.—Вотъ, возьметъ новый генералъ-губернаторъ насъ съ вами и прихлопнетъ. Что отъ насъ останется?—Черновъ зажалъ уши и дунулъ на воздухъ.

Оставленіе края сенаторомъ опечалило всѣхъ иркутянъ. Они боялись его, но и глубоко уважали. О его преемникѣ ходили разныя рѣчи. Онѣ передавались втихомолку, на ушко.

Николай Петровичъ любилъ покидаемый край, посвятивъ ему, въ теченіе трехъ лѣтъ, не мало заботъ. Наканунѣ отъѣзда онъ удостоилъ меня долгой бесѣды въ своемъ кабинетѣ. Было за полночь. Въ комнатѣ горѣла одна лампа подъ колпакомъ. Сенаторъ сидѣлъ у письменнаго стола, въ креслѣ съ высокою спинкой, и говорилъ, какъ бы разсуждая самъ съ собой:

— Я вынужденъ былъ просить государя объ отозваніи меня въ Петербургъ. Мои представленія задерживались въ министерствахъ. Здѣсь сама жизнь проситъ реформъ, искорененія злоупотребленій, а тамъ, въ канцеляріяхъ, говорятъ, что денегъ нѣтъ на увеличеніе жалованья сибирскимъ чиновникамъ; что нужно сохранять питейные дома для государственныхъ доходовъ; что каторга и должна остаться каторгой, то-есть, суровою, безпросвѣтною мѣрой наказанія. Не въ моемъ характерѣ управлять чѣмъ-нибудь безъ надежды провести въ жизнь народа то, что я считаю, по своимъ убѣжденіямъ, за полезное. Еслибъ я пробылъ здѣсь еще лѣтъ пять, то каторжникъ узналъ бы, что и для него есть радости; народъ пересталъ бы пить; его дѣти учились бы грамотѣ; болѣе обезпеченный чиновникъ не сталъ бы думать объ однихъ темныхъ поборахъ; у государства явилась бы неожиданно готовая желѣзная дорога отъ Томска до Иркутска на протяженіи 1,500 верстъ. Видитъ Богъ, все это было бы выполнено. Я никогда не хвасталъ и говорю то, что чувствую въ своихъ силахъ... Государь долго не соглашался меня уволить. Три раза я его безпокоилъ письмами. Мнѣ грустно будетъ, если моя отставка его огорчитъ. Но, да будетъ воля Божія.

Старикъ перекрестился и поникъ величаво головой. Я, молча, глядѣлъ на его мощную фигуру. Она напоминала мнѣ царственнаго орла со связанными крыльями, но еще готоваго мгновенно подняться на выси горъ, какъ только расторгнутся опутавшія его узы.

Синельниковъ оставилъ Восточную Сибирь съ большимъ блескомъ. Ему высочайше разрѣшено было выѣхать въ Россію съ правами генералъ-губернатора. Его сопровождали адъютанты, чиновники и, въ званіи начальника походной канцеляріи, Б. А. Милютинъ, родной братъ бывшаго военнаго министра. На многихъ станціяхъ густыя толпы народа сердечно привѣтствовали своего начальника. Въ Красноярскѣ городское общество встрѣтило доблестнаго старца. Городской голова Кузнецовъ далъ въ честь его обѣдъ, а граждане устроили блестящій балъ съ изысканнымъ ужиномъ. Бывши свидѣтелемъ описываемаго, я не могу не высказать здѣсь слѣдующихъ грустныхъ мыслей.

Съ Синельниковымъ удалилась для сибиряковъ душа, истинно заботившаяся объ ихъ благоденствіи. Генералъ создалъ для нихъ свѣтлую зарю, показавшую надежду на ясный завтрашній день. Съ его отбытіемъ въ Европейскую Россію сибиряки погрузились во мракъ, въ которомъ много лѣтъ не видѣлось просвѣта. Но объ этомъ явленіи мы будемъ говорить въ десятой главѣ.

Теперь же займемся событіемъ, случившимся около того времени въ предѣлахъ Якутской области. Въ глухой тайгѣ, въ сторонѣ отъ Якутска, стоитъ ничтожный городокъ Вилюйскъ, вмѣщавшій въ себѣ шестсотъ жителей. Около десяти лѣтъ въ немъ проживалъ извѣстный политическій преступникъ Чернышевскій. Привезенный въ Сибирь изъ Петербурга, кажется, вмѣстѣ съ Михайловымъ, онъ первоначально поселенъ былъ близъ Нерчинска, въ Александровскомъ заводѣ, въ которомъ братъ Михайлова числился инженеромъ. Оба ссыльные зажили не совсѣмъ

дурно. Они пользовались на каторгѣ нѣкоторыми льготами, и даже получали журналы и газеты. Но наши радикалы ничѣмъ не довольствуются, оттого и въ конецъ портятъ и безъ того испорченную жизнь. Вздумалось г-жѣ Ш—ной, супругѣ когда-то популярнаго писателя, шумно пріѣхать изъ нѣдръ Россіи въ Иркутскъ и громко объявить, что она освободитъ Михайлова. Власти ее въ Нерчинскъ не допустили и сочли долгомъ ссыльныхъ друзей разъединить. Чернышевскій былъ переведенъ въ Вилюйскъ, гдѣ и сталъ находиться подъ усиленнымъ надзоромъ. Но и въ этомъ забытомъ уголкѣ неудачные друзья не оставляли опекой Николая Григорьевича. Смѣлый Лопатинъ, о побѣгѣ котораго изъ Иркутска я сообщилъ въ шестой главѣ «Записокъ», проникъ съ опасностью жизни изъ Парижа въ Якутскъ. Переодѣвшись въ форму жандармскаго офицера, онъ предсталъ предъ начальникомъ Якутской области, Черняевымъ, и вручилъ ему офиціальную бумагу отъ генералъ-губернатора Восточной Сибири. Въ ней предписывалось сдать Чернышевскаго въ распоряженіе присланнаго офицера для отвоза его въ другое мѣстожительство. Черняевъ былъ смущенъ. Съ одной стороны, несомнѣнная подпись начальника края внушала ему мысль объ исполненіи предписанія, съ другой—думалось: почему за такимъ важнымъ арестантомъ командировали одного молодого офицера? Снабдивъ послѣдняго нужными документами къ вилюйскому исправнику, губернаторъ послалъ съ нимъ двухъ казаковъ, приказавъ имъ секретно слѣдить за жандармомъ. Кромѣ того, Черняевъ озаботился, чтобы до новыхъ распоряженій высшихъ властей Чернышевскій былъ доставленъ лишь въ Якутскъ.

Освободитель отправился верхомъ, такъ, какъ, въ Вилюйскъ нѣтъ торной дороги. Надобно было ѣхать семьсотъ верстъ непроходимыми лѣсами. Скучно и жутко стало прибывшему. Онъ видѣлъ, что казаки зорко наблюдали

за его дѣйствіями. Безнадежность успѣха въ начатомъ предпріятіи подвинула его на ужасную мысль. Лопатинъ рѣшилъ убить обоихъ проводниковъ. Выбравъ темную ночь, онъ внезапно выстрѣлилъ въ передняго казака и положилъ его на мѣстѣ. Преступникъ уже обернулся, чтобы выстрѣлить въ задняго проводника, но былъ такъ ошеломленъ ударомъ приклада, что вывалился изъ сѣдла. Храбрый казакъ доставилъ связаннымъ въ Якутскъ самозваннаго офицера. Въ немъ открыли Лопатина. Посидѣвъ нѣсколько мѣсяцевъ въ Якутскомъ тюремномъ замкѣ, Лопатинъ успѣлъ и изъ него убѣжать, и вновь очутился въ Парижѣ. Что же касается Чернышевскаго, то за нимъ присмотръ еще болѣе усилился, пока милость нынѣ царствующаго Государя не переселила его на родину въ Саратовъ. Здѣсь онъ скончался почти забытый своими современниками и чуждый новымъ національнымъ направленіямъ русскаго быта. Говорятъ, что въ послѣдніе годы онъ былъ ходячимъ мертвецомъ между живыми. Тяжело въ неудачахъ влачить дни, но переживать себя еще тяжелѣе.

Глава X.

Продолженіе сибирской жизни.

По поводу настоящихъ „Записокъ".—Пріѣздъ въ Иркутскъ генерала Ф.—Его окружающіе.—Александровская тюрьма для каторжниковъ.— Знаменитый преступникъ Лавровъ.—Полицеймейстеръ Чебыкинъ. — Его дѣянія и трагическая судьба.— Исторія изъ-за актерскаго вопроса.— Неожиданная кончина Натальи Сергѣевны Де-Латръ.—Надгробное слово на ея могилѣ, сказанное Щаповымъ.—Моя болѣзнь.—Священникъ отецъ Сампсоній.—Ночная бесѣда съ нимъ о безсмертіи души.—Возвращеніе въ Россію.—Остановка въ Красноярскѣ и Ачинскѣ. — Восемнадцать часовъ подъ снѣгомъ въ Барабинской степи.—Перевалъ черезъ Уралъ.—Отдыхъ въ имѣніи тетушки, близъ города Мензелинска, Уфимской губерніи.— Воспоминанія о моемъ дядѣ Н. Я. Суворовѣ.— Вновь въ Петербургѣ.

Настоящія «Записки» возбуждаютъ разнообразные толки въ обществѣ. Къ ихъ автору предъявляются характерныя требованія. Кто жалуется, что «Записки» захватываютъ много событій, но слишкомъ въ мимолетныхъ картинахъ. Другіе желали бы отъ «Записокъ» болѣе тщательной разработки, яркихъ характеристикъ историческихъ лицъ, подробнаго описанія освободительной эпохи и совершенной стушевки автора. Есть и такіе читатели, которые хотятъ болѣе близкаго ознакомленія съ самимъ бытописцемъ. Все сказанное ставитъ меня въ немалое затрудненіе. Давно замѣтилъ Бюфонъ, что въ слогѣ отражается писатель. Въ этихъ словахъ заключается много. Авторъ даетъ только то, что̀ выходитъ изъ подъ его пера. Тутъ участвуютъ его

сокровенныя страсти, его умъ, его взгляды на жизнь и ея идеалы. «Счастливъ писатель,—говоритъ одинъ изъ нашихъ великихъ художниковъ слова,—если удастся ему поднять съ тайниковъ читательской души добрыя чувства и благородные помыслы. Благо ему за то, и не спрашивайте, почему онъ не удовлетворилъ другихъ вашихъ ожиданій? Зачѣмъ не остановилъ вниманія надъ вопросами, занимающими исключительно васъ?» «Записки» и должны носить характеръ записокъ, то-есть временныхъ впечатлѣній ихъ составителя. Чѣмъ сложнѣе, содержательнѣе его жизнь, тѣмъ записки будутъ ярче. На анализъ всѣхъ страданій, выпавшихъ на его долю, на описаніе интересныхъ бытовыхъ случаевъ, которыхъ онъ являлся активнымъ дѣятелемъ, или молчаливымъ свидѣтелемъ, не хватитъ ни творчества, ни увлеченія въ тѣ годы, когда, преимущественно, пишутся всевозможныя воспоминанія.

Въ іюнѣ, 1874 года, иркутяне переживали минуты сердечной тревоги. По необъятнымъ пространствамъ сибирскихъ равнинъ быстро двигались нѣсколько экипажей, несшихъ съ собою грядущія судьбы громаднаго края. Въ одной изъ колясокъ сидѣлъ человѣкъ среднихъ лѣтъ, съ холоднымъ, свинцовымъ взоромъ, безучастно смотрѣвшимъ на незнакомыя красоты природы. То былъ генералъ Ф. Ему сопутствовали адъютанты и нѣсколько лицъ, окончившихъ съ нимъ курсъ въ Дворянскомъ полку. Имъ предстояла блестящая участь. Въ Иркутскѣ получались, разъ по пяти въ день, телеграммы о движеніи начальническаго поѣзда. Мѣстные Добчинскіе и Бобчинскіе перебѣгали изъ дома въ домъ съ вѣстями: — «Его превосходительство пьетъ чай тамъ-то; на ночлегъ остановился тамъ-то». Въ квартирѣ генерала Чернова происходила толкотня съ ранняго утра до поздней ночи. Здѣсь былъ центръ любопытствующихъ, всѣхъ чающихъ движенія воды. Администраторы играли въ «генеральскую», но, при каждомъ звонкѣ въ передней, вска-

кивали и бѣжали узнавать: что̀ новаго гласитъ телеграмма? Черновъ дрожащими руками ее распечатывалъ, но читать отъ волненія не могъ. Онъ передавалъ роковой лоскутокъ кому-нибудь изъ болѣе хладнокровныхъ людей и жадно слушалъ, вздыхая, интересныя вѣсти. Кто-то читаетъ: «Его превосходительство на такой-то станціи спитъ». Черновскіе гости стоятъ въ молчаніи, не смѣя его нарушить, точно, боясь, въ самомъ дѣлѣ, кого-то разбудить.

Насталъ день, когда ожидательныя страданія иркутянъ пришли къ концу. Генералъ Ф. пріѣхалъ, принималъ представителей учрежденій и купечества. Иркутяне почувствовали, что времена синельниковскія отошли въ вѣчность. Водворился другой режимъ, послышались иныя пѣсни. На видныхъ чиновничьихъ мѣстахъ появились господа, гулявшіе много лѣтъ безо всякаго дѣла, но призванные къ нему, благодаря однокашничеству съ новымъ начальникомъ края. Одному изъ нихъ, г. П—ло-Ш—му, приличнаго мѣста не хватило. Онъ не поцеремонился занять должность XII класса съ жалованьемъ 240 руб. въ годъ. Его водворили въ Иркутской тюрьмѣ, въ званіи ея смотрителя. Г-нъ П—ло-Ш—ій очистилъ себѣ цѣлую вереницу комнатъ, роскошно ихъ омеблировалъ и сталъ задавать банкеты на всю губернію. На нихъ присутствовали высшія власти города.

Другому счастливцу, г. Д—вскому, выпала на долю Александровская тюрьма. Это громадное сооруженіе въ глубинѣ тайги, въ шестидесяти верстахъ отъ Иркутска. Посрединѣ вырубленной, обширной поляны, окаймленной дремучимъ лѣсомъ, высятся нѣсколько отдѣльныхъ деревянныхъ зданій, приспособленныхъ для тысячи каторжниковъ. Камеры, занимаемыя ими, обширны. Въ нихъ спятъ по двадцати пяти и болѣе человѣкъ. Страшное, тяжелое чувство овладѣваетъ вами, когда вы входите въ упомянутыя камеры. Это «Мертвый домъ» Достоевскаго. Желто-восковыя лица съ полубритыми головами мрачно и испытующе смотрятъ

на непрошеннаго посѣтителя. При малѣйшемъ поворотѣ тѣла раздается звонъ цѣпей, сковывающихъ ноги, и замираетъ гдѣ-то въ глубинѣ вашей собственной души. Вы проходите непокойно между двухъ рядовъ арестантовъ и приближаетесь къ крайнимъ изъ нихъ, прикованнымъ къ тачкамъ. Длинныя цѣпи отъ нихъ идутъ къ рукамъ несчастныхъ, какъ ихъ неразлучныя спутницы, какъ надоѣдливый кредиторъ, постоянно напоминающій о себѣ. Ваши нервы напряжены. Кругомъ роковая тишина, въ которой сокрыта ужасающая драма; погребено навѣки столько надеждъ. Здѣсь остановилось и словно застыло зерно приготовленныхъ преступленій. Съ невыразимо отраднымъ чувствомъ я вышелъ изъ просторныхъ корридоровъ тюрьмы на свѣжій воздухъ. Пѣніе лѣсной птички, муравчатая трава луговъ, яркій блескъ солнца на небесной синевѣ мнѣ показались новымъ, какъ бы неиспытаннымъ наслажденіемъ.

Удивительная обстановка начальника Александровской тюрьмы. Онъ жилъ въ домикѣ, окруженномъ цвѣтниками. Внутри было уютно, даже комфортабельно; непріятна была спальная. У ея дверей лежалъ песъ громадныхъ размѣровъ, готовый кинуться на человѣка, приближающагося къ завѣтной комнатѣ его господина. Ея окна запирались желѣзными ставнями и закрѣплялись массивными металлическими болтами. На стѣнахъ висѣли заряженныя ружья и пистолеты. Смотритель, очевидно, застраховалъ себя отъ внѣшняго нападенія каторжниковъ, но забылъ подумать, что въ своей неприступной крѣпости онъ могъ быть сожженъ живымъ вмѣстѣ съ вѣрною собакой. Во всемъ и всегда у человѣка есть Ахиллесова пята, доступная для смертельнаго удара. Въ необъяснимомъ волненіи я провелъ ночь въ печальной тайгѣ. Передо мною проходили длинною вереницей отверженцы общества, выдѣлившіеся изъ него подъ вліяніемъ рокового склада обстоятельствъ. Я помню одного изъ нихъ. Это тотъ знаменитый Лавровъ, который такъ харак-

теристично описанъ въ «Петербургскихъ трущобахъ» Всеволодомъ Крестовскимъ подъ именемъ капитана Коврова. Лавровъ былъ съ обширнымъ образованіемъ. Онъ долго странствовалъ за границей и прекрасно говорилъ на нѣсколькихъ языкахъ. Всѣ громкіе судебные процессы второй половины шестидесятыхъ годовъ, какъ-то: Плещеевскіе векселя, харьковскія серіи и духовное завѣщаніе милліонера-помѣщика Андреева были созданіемъ геніальныхъ измышленій Лаврова. Въ этихъ дѣлахъ, въ ихъ таинственныхъ нитяхъ, чувствуется его неуловимое присутствіе, какъ чувствуется въ Волчьей долинѣ оперы *Фрейшюцъ* вѣяніе горнаго духа Аміеля. Я въ первый разъ увидѣлъ Лаврова въ иркутскомъ театрѣ, сидѣвшимъ важно въ ложѣ бельэтажа. Онъ тогда считался ссыльнымъ поселенцемъ, но пользовался большою извѣстностью въ городѣ. То былъ видный мужчина внушительной наружности, бѣлокурый, съ золотыми очками на крупномъ носу. Лавровъ обладалъ удивительною памятью. Всѣ четырнадцать томовъ нашего законодательства, съ ихъ безчисленными дополненіями и разъясненіями, свободно помѣстились въ его головѣ. Не мудрено, что въ ней нуждались и полицеймейстеръ, и мѣстный окружной судъ, и даже само губернское правленіе. Лавровъ жилъ хорошо, даже имѣлъ заимку, или, по-нашему, дачу, близъ Иркутска. Сутяжныхъ дѣлъ у него была масса. Бѣднота пользовалась его особымъ вниманіемъ. Онъ не только писалъ просьбы неимущимъ даромъ, но многимъ изъ нихъ выдавалъ правильную ежемѣсячную пенсію. Богатымъ людямъ онъ спуску не давалъ. Это были его принципіальные враги. По его странной логикѣ, богатый дуракъ созданъ для того, чтобы его эксплуатировалъ умный мошенникъ. Кончилъ Лавровъ печально. За неблаговидную продѣлку генералъ Ф. приказалъ выслать преступника въ Туруханскій край. Лавровъ задумалъ застрѣлиться. Пуля не убила его, но жестоко поранила. Несмотря на то, онъ,

все-таки, долженъ былъ отправиться въ отдаленную глушь, чуть ли не въ гости къ бѣлымъ медвѣдямъ.

Другимъ необыкновеннымъ преступникомъ явился маіоръ Чебыкинъ, занимавшій должность иркутскаго полицеймейстера. Принадлежавшій по рожденію къ дворянской семьѣ, онъ началъ службу блестящимъ образомъ: кажется, въ лейбъ-гвардіи Преображенскомъ полку. Здѣсь онъ почему-то не удержался, но, по протекціи, попалъ въ адъютанты къ генералъ-губернатору Восточной Сибири. При баронѣ Ф. онъ игралъ важную роль. Онъ занялъ должность полицеймейстера города Иркутска. Въ ней Чебыкинъ показалъ себя во всю ширь. Пустой, ограниченный, съ хлестаковскими наклонностями, онъ возомнилъ, что ему самъ чортъ не братъ. Онъ подъѣзжалъ къ губернаторскому дому верхомъ, съ папироской въ зубахъ, и черезъ открытое окно бесѣдовалъ съ генераломъ Шелашниковымъ о городскихъ новостяхъ. Деньги, выданныя Чебыкину на пожарныя надобности, показались ему собственными деньгами. Грудныя и малолѣтнія дѣти иркутскихъ гражданъ послужили для его находчивости предметомъ къ неустановленному закономъ налогу. Полиція потребовала дѣтской прописки и собирала за это деньги. Все сказанное сходило съ рукъ полицеймейстеру, благодаря особенностямъ его семейной жизни. Но всякому терпѣнію бываетъ конецъ, всякому овощу приходитъ чередъ для его созрѣванія. Чебыкинъ былъ позорно изгнанъ изъ предѣловъ Сибири. Онъ уѣхалъ въ Петербургъ, гдѣ получилъ мѣсто участковаго пристава, но долго и тамъ не усидѣлъ. Его уличили во взяточничествѣ и вторично удалили съ коронной службы. Должно быть, съ горя, онъ сошелся съ необразованною мѣщанкой, имѣвшею собственный домъ на Пескахъ. Этотъ домъ онъ со своею сожительницей поджегъ, былъ судимъ и приговоренъ къ каторгѣ. Живъ ли теперь Чебыкинъ, или нѣтъ—я не знаю, но нѣсколько лѣтъ тому

назадъ, какъ мнѣ разсказывали сибиряки, онъ находился въ каторжныхъ работахъ, на солеваренномъ заводѣ, въ Усольѣ, недалеко отъ того Иркутска, въ которомъ онъ столь безумно озорничалъ надъ безотвѣтнымъ населеніемъ. Судьба Чебыкина, какъ ни ужасна, не возбуждаетъ въ сердцѣ теплыхъ порывовъ жалости. Нѣтъ, истинный трагизмъ заключается въ борьбѣ страстей. Возможна крупная несимпатичная ошибка въ падающемъ человѣкѣ, но для возбужденія къ нему участія надобенъ и подъемъ въ немъ нравственнаго міра. У Байрона въ драматической поэмѣ «Манфредъ» есть слѣдующее мѣсто:

„Бросался я и въ міръ, навстрѣчу къ людямъ,
Межъ нихъ искалъ хоть краткаго забвенья—
И не нашелъ. Все знанье, все искусство,
Добытыя тяжелыми трудами
Все это вздоръ. Попрежнему живу я
Съ отчаяньемъ—и нѣтъ ему исхода“.

Такое состояніе души намъ понятно. Какъ натянутая струна звенитъ на разные тоны отъ трогающей ее руки, такъ и чувства наши находятся въ зависимости отъ давящихъ на нихъ обстоятельствъ. Лишь изъ деревянной натуры, какъ изъ плохого рояля, не извлечешь желаннаго, чуднаго звука. Мнѣ приходится упомянуть здѣсь объ очень грустной исторіи, затрогивающей лучшія силы души и говорящей о томъ, что не одними Чебыкиными наполнена Восточная Сибирь. Вы помните нашу добрую Наталью Сергѣевну де-Латръ, поставленную столь достойно во главѣ Иркутскаго Воспитательнаго Дома? Вотъ что съ нею случилось. На иркутскомъ театрѣ между многими талантливыми артистами находились г. Недѣлинъ и г-жа Васильева. Они не были крупными истолкователями человѣческихъ страстей, но обладали внѣшнимъ шикомъ, имѣли недурные голоса и производили извѣстное впечатлѣніе на публику. Я и генералъ N, находившійся со мною въ дру-

жескихъ отношеніяхъ, приглашали упомянутыхъ артистовъ къ себѣ, на домашніе вечера. Мы съ ними ужинали въ благородномъ собраніи. Это невинное удовольствіе повлекло за собою роковыя послѣдствія. Благородному собранію было запрещено допускать въ свои залы актеровъ и актрисъ. Я и генералъ N имѣли несчастное мужество обратиться къ старшинамъ клуба съ письменнымъ заключеніемъ о томъ, что г. Недѣлинъ и г-жа Васильева были введены въ собраніе на основаніи устава, допускавшаго артистовъ въ клубъ не только въ качествѣ гостей, но и въ званіи его членовъ. Мы просили старшинъ подвергнуть нашъ вопросъ обсужденію общаго собранія. На приведенное заявленіе мнѣ дано было знать стороной о немедленномъ выѣздѣ изъ Иркутска. Пока продолжались мои сборы къ далекому путешествію, Наталья Сергѣевна подала прошеніе объ увольненіи ея отъ должности начальницы Воспитательнаго Дома. Въ дворянскомъ собраніи назначено было засѣданіе для рѣшенія поднятаго вопроса. Я готовился говорить. Когда мнѣ была подана шинель, Наталья Сергѣевна остановила меня словами:

— Я любила и люблю тебя беззавѣтно не за то только, что ты мнѣ милъ, но я чту и уважаю въ тебѣ честнаго общественнаго дѣятеля. Ты человѣкъ принциповъ и долженъ всегда стоять на ихъ высотѣ. Я цѣлую тебя, но этотъ поцѣлуй можетъ быть послѣдній. Если ты не скажешь въ собраніи того, что ты долженъ сказать, какъ убѣжденный въ правотѣ затѣяннаго дѣла, ты не возвращайся сюда. У тебя не будетъ твоей Наташи. Прощай, мой милый, мой хорошій!

Я вышелъ на воздухъ, было до сорока градусовъ мороза, а поцѣлуй, полученный при прощаніи, сжигалъ мой лобъ. Я ничего не видѣлъ, ничего не понималъ. Въ ушахъ моихъ звенѣла фраза: «У тебя не будетъ твоей Наташи!..» Дорогой читатель! Простите, но я васъ спрошу: любили ли

вы когда-нибудь идеальнымъ образомъ? Если, хотя одна искра этого божественнаго чувства нашла себѣ мѣсто въ вашемъ сердцѣ, то вы уже познали «суть» жизни, постигли ея радости и страданія. Въ одномъ изъ писемъ ко мнѣ Тургенева говорится, что «творчество сопровождается не одними пріятными минутами. Въ немъ есть и доля горечи». То же самое испытываетъ человѣкъ, когда онъ одержимъ не безумною страстью, а когда его волнуетъ нравственная привязанность къ любимому существу. Я любилъ Наталью Сергѣевну, какъ олицетвореніе всего прекраснаго, изящнаго, женственнаго. Если есть въ небѣ Богъ, то ея душа видѣла Бога. Такъ она была чиста. Она обладала необыкновеннымъ даромъ возбуждать васъ на благородные подвиги, расширять умственный кругозоръ, питать васъ не охладѣвающими высокими ощущеніями. Подъ вліяніемъ такого, вѣчно давящаго, чувства, нельзя ни пасть, чтобы не подняться, нельзя и оторваться отъ того лица, къ кому прикованъ невидимыми цѣпями. Тутъ нѣтъ мѣста измѣнѣ. Вы носите всюду неотразимо-милый образъ, и самое воспоминаніе о немъ удерживаетъ васъ отъ дурныхъ, чувственныхъ влеченій. Извѣстно изъ историческихъ сказаній, что отшельники и мученики себя порабощали и становились какъ бы внѣ земныхъ условій. И мірской человѣкъ, когда его опутаютъ, какъ пеленой, высшія сферы доступной ему любви, не тронется соблазнами обыкновенныхъ, хотя и прелестныхъ женщинъ. Все это мелькало въ моей головѣ, когда я приближался къ благородному собранію.

Большой залъ сіялъ многочисленными огнями, зажженными въ роскошныхъ люстрахъ. Торжественно выглядывали фраки и мундиры иркутянъ, сторонившихся отъ меня и генерала N. и не признавшихъ въ насъ своихъ знакомыхъ.

Генералъ Черновъ, выбравъ минуту, когда я проходилъ въ гостиную, шепнулъ мнѣ:

— Ужели вы будете произносить рѣчь? Умоляю васъ, промолчите.

Мнѣ было жалко Чернова. Я хотѣлъ успокоить этого, въ сущности, добраго человѣка, но въ ушахъ моихъ внезапно послышался голосъ: «У тебя не будетъ твоей Наташи». Я вздрогнулъ и отошелъ въ сторону.

Раздался звонокъ, призывавшій членовъ къ засѣданію. Мнѣ пришлось занять стулъ напротивъ генерала N. Почтенный губернаторъ Шелашниковъ прочелъ наше заявленіе и обратился къ присутствующимъ съ вопросомъ:

— Допускать ли актеровъ и актрисъ въ собраніе, въ качествѣ членовъ и гостей?

Кромѣ насъ двухъ, всѣ закричали: нѣтъ! И шумно, какъ одинъ человѣкъ, встали изъ-за стола и оставили залъ. Ни я, ни генералъ N ничего не успѣли произнести въ оправданіе своихъ дѣйствій.

Современному читателю смѣшнымъ покажется фактъ борьбы по приведенному, самому обыкновенному вопросу. Театръ давно завоевалъ гражданское значеніе въ цивилизованномъ обществѣ; актеръ давно признанъ въ немъ жрецомъ искусства. Только въ Иркутскѣ, въ началѣ семидесятыхъ годовъ XIX столѣтія, жители отторгли себя отъ театральныхъ артистовъ, найдя позорнымъ дружеское общеніе съ ними. Но кто были эти гордые судьи? Разбогатѣвшіе потомки порочныхъ людей, сосланныхъ въ отдаленные края; преступники, окончившіе сроки каторги и поселенія и темными средствами нажившіе состоянія. Къ нимъ примкнула праздная толпа, бѣжавшая изъ Москвы и Петербурга въ Восточную Сибирь отъ преслѣдованія грозныхъ и неотвязчивыхъ кредиторовъ.

Да, вотъ кто были судьи любопытнаго вопроса, поднятаго нами въ Сибири, но пережитаго уже людьми, населяющими Европейскую Русь.

Былъ ноябрь мѣсяцъ. Морозы становились лютѣе, я

торопился отъѣздомъ, а Наталья Сергѣевна отставки не получала. Она отправилась къ барону. Ее приняли внимательно. О чемъ она бесѣдовала съ начальникомъ края—осталось неразгаданною тайной. Блѣдная вышла она изъ гостиной къ дежурному адъютанту, князю К., и тревожно проговорила:

— Съ барономъ дурно. Прикажите принести воды!

Крайне взволнованною вернулась Наталья Сергѣевна домой. Молчаливая, какъ рыба, она жаловалась на сердце и головную боль. Прошло два дня. Пріема больныхъ у нея не было. Во вторникъ, 12 ноября, я отправился на вечернее засѣданіе комитета по изданію «Извѣстій Восточно-Сибирскаго отдѣла Географическаго Общества». Почти въ полночь, въ комнату, гдѣ мы находились, вбѣжалъ мой кучеръ и, какъ сумасшедшій, кричалъ:

— Баринъ! Наталья Сергѣевна скончалась! Поѣдемте скорѣй!—Мы очутились въ бѣдной квартиркѣ мелкаго чиновника, которую Наталья Сергѣевна посѣтила для оказанія помощи больной. Она освидѣтельствовала ее и присѣла къ столу, чтобы прописать рецептъ. Вдругъ она схватилась за лобъ и торопливо проговорила:

— Боже! какъ болитъ голова!

Это были послѣднія ея слова. Чудное благородное созданіе оставило землю, послуживъ до послѣдняго мгновенія своей жизни нуждающемуся человѣчеству. Наталья Сергѣевна умерла, какъ часовой, находившійся на посту. Въ газетѣ *Сибирь* Щаповъ, характеризуя покойную, писалъ: «Она отлетѣла отъ насъ въ лучшій міръ, въ сонмище тѣхъ прекрасныхъ душъ, къ которымъ сама принадлежала». Ея некрологи были помѣщены и въ другихъ нашихъ печатныхъ органахъ. Ее именовали не мужниной фамиліей, подъ которою я занесъ ее въ свои «Записки», а ея родовою фамиліей, популярною въ нашемъ флотѣ. Иркутскъ, едва ли, видѣлъ болѣе торжественныя похороны. Было холодно, а

крыши домовъ и тротуары, мимо которыхъ проходила печальная процессія, наполнились народомъ. Величественные звуки музыки, игравшей *Коль славенъ!* нарушали тишину воздуха. Власти города шли за параднымъ катафалкомъ. На могилѣ Щаповъ произнесъ простую, но многосодержательную рѣчь. «Мы хоронимъ,—сказалъ онъ,—дорогое намъ существо, посвятившее всецѣло себя на служеніе человѣчеству. Наталья Сергѣевна изъ первыхъ русскихъ женщинъ окончила высшее медицинское образованіе, пренебрегши вѣковыми предразсудками общества. Она была лучшій докторъ и лучшій человѣкъ. Кто въ Иркутскѣ ея не зналъ? За ея гробомъ шли толпы бѣдныхъ женщинъ, не оставленныхъ покойной въ тяжелыя минуты ихъ болѣзни. Не взирая ни на какую погоду, она не отказывалась отъ приглашеній нуждавшихся въ помощи и отъ призыва на совѣщанія съ своими докторами—собратьями. Она, какъ животворный огонь, согрѣвала всѣхъ, приближавшихся къ ней. Память о ней не умретъ среди иркутянъ, и тропинка къ ея могилѣ никогда не останется заросшею».

Въ самый день похоронъ, въ сумерки, я перебрался изъ Воспитательнаго Дома на временную небольшую квартирку. Я проснулся уже въ ней, охваченный нервною горячкой. Безотрадно было на душѣ. Чуть-чуть теплились въ ней молодые порывы, заглушенные безполезною и непосильною борьбой съ житейскими невзгодами. Я искалъ опоры въ себѣ, и не находилъ. Я хотѣлъ молиться, и не могъ. У меня недоставало для того глубины вѣры. Какъ-то, ночью, я лежалъ изнеможенный. Горѣвшая свѣча подъ колпакомъ, около постели, тускло освѣщала комнату. Большія тѣни лежали вдоль стѣнъ и превращались въ таинственные образы, безпокоившіе мой взоръ. Вотъ, незамѣтно сквозь тѣней, стало вырисовываться что-то похожее на человѣческую фигуру. Она точно двигалась; у нея длинные волосы, ее обхватывала широкая ряса. То былъ, дѣйствительно, во-

шедшій, почитаемый отецъ Сампсоній. Я любилъ съ нимъ бесѣдовать, какъ съ разумнымъ священникомъ, начитаннымъ и искренно религіознымъ. Онъ былъ среднихъ лѣтъ, съ сѣдиной и выразительнымъ смуглымъ лицомъ. Пожавъ мнѣ руку, гость присѣлъ и спросилъ:

— Тяжело?

Я качнулъ утвердительно головой.

Онъ продолжалъ покойно и внятно:

— Въ вашемъ положеніи нѣтъ земныхъ усладъ. Счастливы вѣрующіе, ибо они знаютъ истинное утѣшеніе. Вы серьезно больны; вы лишились того, что составляло главную притягательную силу вашей жизни. Если бы вы были безусловно вѣрующимъ, съ какою бы отрадой вы думали теперь о загробномъ свиданіи съ нею, столь любимою вами? Я былъ тоже молодъ и задавался, какъ вы, многими отвлеченностями, надъ которыми столько великихъ умовъ безплодно ломали голову. Люди искали и ищутъ вещественныхъ доказательствъ бытія Божьяго. Еще Кантъ, котораго напрасно нѣкоторые безбожники считаютъ своимъ, замѣтилъ, что «дѣйствительный міръ открываетъ предъ нами безконечное разнообразіе красотъ и разсчитанный порядокъ во всемъ пространствѣ, въ его безграничной дѣлимости. При тѣхъ слабыхъ знаніяхъ, какими обладаетъ нашъ разумъ, мы не можемъ выразить всей силы изумленія и обнять все своимъ геніемъ. Наше сужденіе о цѣломъ разрѣшается безмолвнымъ, но краснорѣчивымъ восторгомъ. Вездѣ мы замѣчаемъ цѣпь дѣйствій и причинъ, правильность возникновенія и уничтоженія». Вотъ, какъ разсуждалъ одинъ изъ величайшихъ раціоналистовъ XVIII вѣка почти наканунѣ революціи, унесшей тронъ и религію французовъ. Имъ наскучилъ историческій режимъ, онъ давилъ ихъ свободу, которую они поставили идеаломъ человѣческаго существованія. Они провозгласили, что Бога нѣтъ, не потому, что были убѣждены въ Его небытіи, но потому,

что имъ надоѣла вѣковая опека духовенства. Низвергнувъ алтари, посвященные истинному Богу, они создали богиню Разума, которой начали поклоняться, какъ былому своему Богу. Не говоритъ ли сказанное за то, что потребность вѣры составляетъ сущность нашей натуры? Какъ бы человѣкъ ни отвергалъ необходимость вѣры, но наединѣ съ собою въ немъ не разъ возникаетъ сомнѣніе въ справедливости отрицанія. Не помню, гдѣ-то я читалъ, что Дарвинъ, выдумавшій теорію о происхожденіи человѣка отъ обезьяны, любилъ украшать свой кабинетъ прекрасными гравюрами, изображающими замѣчательные эпизоды изъ жизни Іисуса Христа. Душа современнаго естествоиспытателя, видимо, искала утѣшенія въ воспоминаніяхъ о Томъ, Кто училъ любить людей, прощать ихъ недостатки и обладалъ такою недосягаемо-высокою душой, которую и безбожники признаютъ *единою* во всѣ вѣка человѣческаго существованія. Ренанъ, отвергая божественность Христа, не могъ отыскать въ Немъ ни одного изъ земныхъ пороковъ.

Отецъ Сампсоній остановился и кашлянулъ. Я молчалъ и глядѣлъ на собесѣдника съ удивленіемъ и умиленный душою. Онъ всталъ и тронулъ меня за руку.

— Слушайте, я рѣдко говорю такъ, какъ нынче. Нельзя и въ нашемъ быту со всѣми разсуждать, какъ съ вами, безъ ссылокъ на тексты изъ Священнаго Писанія. И не поймутъ, и ложно истолкуютъ слышанное. Вы же, мірскіе интеллигенты, признаете больше ученые авторитеты, чѣмъ завѣты великихъ отцовъ Церкви. Теперь я буду продолжать недосказанное. Отрицать непонятное легко, а понять его разумомъ нельзя. Еще человѣкъ не изучилъ всей природы, ея сокровенныхъ тайнъ. Можетъ быть, *на днѣ-то* этихъ тайнъ Господь и *оставилъ разгадку Своего бытія*. Англійскій ученый Локкъ утверждалъ, что и на основаніи того, что мы видимъ и знаемъ, мы должны быть увѣрены въ существованіи Бога и безсмертіи души. Сошлюсь опять

на Канта. Въ книгѣ «Критика чистаго Разума» онъ утверждаетъ, что «вѣра въ Бога и будущій міръ тѣсно связаны съ нашимъ нравственнымъ бытіемъ». Пойдемте дальше. Къ какимъ результатамъ приводитъ безвѣріе человѣка? Скинувъ съ себя внутреннія оковы, которыя сдерживаютъ страсти, вы даете послѣднимъ безграничный, свободный исходъ. Одна мысль о томъ, что духовная жизнь ваша *прекратится со смертью, подавляетъ* въ васъ благородныя стремленія къ самосовершенствованію. Человѣкъ такъ созданъ, «что все доброе, возвышенное имъ познается, когда онъ удаляется отъ земного. Для того, чтобы наслаждаться музыкой, поэзіей, живописью, надобно *забыться*. Забудьте *землю,* и вы *постигнете Бога*. Паскаль правду говоритъ, что мы стоимъ на обширной срединѣ, въ безпрестанномъ колебаніи между невѣдѣніемъ и знаніемъ; если пустимся далѣе, предметы мутятся въ глазахъ нашихъ, ускользаютъ, бѣгутъ и вѣчно бѣгутъ». Новѣйшее человѣчество, очарованное успѣхомъ положительныхъ наукъ, извѣрилось во всемъ, только отъ самой *потребности* вѣры никакъ избавиться не можетъ. Оно кончитъ тѣмъ, что придетъ къ старому, забытому имъ Богу. Вѣдь, какія вы философскія системы ни измышляйте, а выше того, что высказываетъ Евангеліе, умъ человѣческій ничего не создалъ. Всѣ новѣйшія исканія истины, дѣлаемыя какъ бы посредствомъ самостоятельнаго мышленія, есть не что иное, какъ громкій перифразъ вѣковѣчныхъ глаголовъ Христа.

Не скрою отъ читателя, что импровизированная ночная рѣчь отца Сампсонія имѣла на меня потрясающее вліяніе. Я сталъ чаще заглядывать въ священную книгу, вдумываться, и твердая, отрадная вѣра озарила дни моего дальнѣйшаго существованія.

Въ концѣ декабря 1875 года я тронулся въ обратный путь въ Россію, въ которой родился, воспитывался, провелъ свою бурную и легкомысленную юность. Я мчался безъ

приключеній, дѣлая иногда по двадцати верстъ въ часъ. Завернутый въ доху, изъ большого звѣря козули, имѣя на ногахъ пимы, родъ длиннѣйшихъ валенокъ изъ оленьихъ шкуръ, погрузившись, наконецъ, въ обширный возокъ, я не былъ доступенъ и для сорокаградуснаго мороза. Мы ѣхали и ночью, забывая дни и числа. Все мѣшалось въ мысляхъ, все въ нихъ было безпорядочно. По сторонамъ и впереди тянулись на тысячи верстъ снѣжныя равнины непріютной Сибири.

До Урала было три остановки. Въ Красноярскѣ я прогостилъ два дня у стараго пріятеля, генерала Меньшова, мужа знаменитой и несравненной нашей пѣвицы, Александры Григорьевны Меньшиковой; въ Ачинскѣ видѣлся съ акцизнымъ надзирателемъ, по порученію его отца, почтеннаго генерала. Зайдя къ надзирателю, я не засталъ его дома и оставилъ ему карточку съ необходимою надписью. Уже закладывали лошадей, когда во дворѣ почтовой станціи показался симпатичный толстякъ съ большимъ кулькомъ въ рукахъ.

— Имѣю честь рекомендоваться, такой-то!—воскликнулъ весело онъ.—А я къ вамъ торопился. Ужели, думаю, не познакомится, не выпьетъ со мною, и уѣдетъ. Такъ хорошіе люди не поступаютъ.—Онъ, улыбаясь, посмотрѣлъ мнѣ въ глаза, и вдругъ меня обнялъ. Войдя на станцію, онъ развязалъ свой таинственный кулекъ и выгрузилъ изъ него: нѣсколько бутылокъ винъ и водокъ, сыръ, икру, балыкъ, семгу, сардины, французскіе хлѣбы и прочую снѣдь. Не взирая на мои протесты, толстякъ бѣгалъ по комнатѣ, кричалъ, чтобы подали тарелки и ножи, откупоривалъ бутылки и въ промежуткахъ дѣла цѣловалъ меня.

— Нѣтъ, батюшка,—приговаривалъ онъ,—хоть мигъ, да нашъ. Отецъ предастъ меня военному суду, если узнаетъ, что я васъ дурно принялъ. Да и я радъ случаю покутить. А то живешь здѣсь, только плѣснѣешь.

Мы уже ночью выѣхали изъ Ачинска, оставивъ милаго толстяка спящимъ на одномъ изъ дивановъ станціи.

Въ безлѣсной Барабинской степи, занимающей пространство между Томскомъ и Омскомъ, въ восемьсотъ слишкомъ верстъ, возокъ попалъ въ одинъ изъ тѣхъ ухабовъ, о которыхъ читатель, едва-ли, имѣетъ какое-нибудь понятіе. Ухабъ былъ въ нѣсколько аршинъ высоты. Лошади погрузились въ него, рванулись на вершину и поставили возокъ стоймя. Голова моя очутилась внизу, а ноги вверху. Ямщикъ соскочилъ съ облучка и подошелъ къ дверцамъ экипажа.

— Ты что?—спросилъ я.

— Бѣда случилась. Лошади не вывезутъ возка. Надоть доѣхать до станціи.

— А далеко ли?

— Осьмнадцать верстъ отъѣхали, а семнадцать осталось. Ямщикъ отпрягъ одну изъ пристяжныхъ, сѣлъ на нее верхомъ, другую взялъ въ поводъ и вскорѣ скрылся въ степномъ пространствѣ. Двѣ оставленныхъ лошади, я и человѣкъ мой, сидѣвшій со мной, были единственныя живыя существа, нарушавшія мертвую тишину обширной пустыни. Уже смеркалось. Дулъ сильный вѣтеръ и поднималъ громадныя тучи снѣговой пыли. Морозъ усиливался. Я сперва лежалъ покойно, не ощущая никакого холода. Въ головѣ не было мысли объ опасномъ положеніи, въ какомъ мы находились. Темнота все болѣе густѣла; съ трудомъ различались предметы. Вотъ, и лошади исчезли въ наступившемъ мракѣ. Порывистый вѣтеръ обратился въ сплошной буранъ. Онъ свисталъ и вылъ, какъ дикій звѣрь, онъ стоналъ и рыдалъ, какъ умирающій человѣкъ. Хлопья снѣга заносили экипажъ, погребая съ нимъ и несчастныхъ животныхъ. Проходили минуты, проходили часы, сердце начинало усиленнѣе биться, тревожнѣе становились думы. Вдругъ случилось нѣчто непонятное. Ни рокотавшей бури не слышно, ни бьющаго въ стѣнки возка снѣга. Одна

непроглядная тьма кругомъ, одна ничѣмъ не нарушимая тишина. Мы оказались заживо погребенными...

Точно свинцовая доска опустилась на грудь и ее придавила. Таково было первое ощущеніе, когда я убѣдился въ безнадежности положенія. Я боялся это высказать моему слугѣ, молодому парню, робкаго характера и беззаботно возвращавшемуся на родину, давно имъ оставленную. «Пожалуй, еще ревѣть будетъ», подумалось мнѣ.

Не оправившійся вполнѣ отъ болѣзни и горя, меня постигшихъ, я, однако, невыразимо хотѣлъ жить. Умереть сознательно, разстаться навѣки съ прелестями бытія, томиться голодомъ въ теченіе безконечнаго ряда мгновеній,— о, это слишкомъ ужасно! Мнѣ не выдержать такого испытанія, и, конечно, я пущу пулю въ лобъ. Благо револьверъ подъ бокомъ. А ночь безконечная шла чередомъ. Я зажегъ спичку и посмотрѣлъ на часы. Стрѣлка показывала восемь часовъ утра. Отчего же не видать просвѣту? Что за могильная тишь царитъ? Я посмотрѣлъ на Ивана. Онъ спалъ, и даже храпѣлъ, завернувшись съ головою въ новый овчинный тулупъ. Счастливецъ, онъ не подозрѣвалъ, что находился на волосокъ отъ смерти, и какой смерти! Но, чу! Звукъ ли это какой, или галлюцинація чувствъ? Сверху что-то послышалось, какъ будто, зашевелилось. Звуки раздавались съ каждою минутой все яснѣе, даже чьи-то голоса достигали слуха. Господи! Это насъ отрываютъ!...

Недѣли черезъ двѣ, послѣ разсказаннаго происшествія, я находился въ имѣніи моей тетки, О. Д. Суворовой, вдовы родного брата моего отца. Сельцо Гришино стоитъ подъ самымъ городомъ Мензелинскомъ, Уфимской губерніи. Послѣ долгаго, почти шестинедѣльнаго путешествія по сибирскимъ дебрямъ, я лежалъ въ просторномъ кабинетѣ стариннаго барскаго дома, подъ высокимъ балдахиномъ, утопая въ нѣжныхъ пуховикахъ. Какъ можно описать блаженство усталаго тѣла, достигшаго давно желаннаго покоя?

Дядя Николай Яковлевичъ, умершій въ пятидесятыхъ годахъ, слылъ за большого оригинала. Онъ участвовалъ въ первой войнѣ Россіи съ Наполеономъ I, былъ въ ней раненъ и удостоился, въ чинѣ прапорщика, получить рескриптъ за собственноручною подписью Александра Благословеннаго. Вышедши въ отставку, дядя жилъ постоянно въ деревнѣ. Особою слабостью его были: дамы и конфеты. Послѣднія онъ носилъ постоянно въ изящной коробкѣ, перевязанной голубыми ленточками. Даже въ церкви онъ не разставался съ конфетами. Во время обѣдни онъ обходилъ молящихся дамъ, угощалъ ихъ сластями и расточалъ любезности. Въ жизни дядя былъ рыцарь, какъ Баярдъ, безъ страха и упрека.

Я попалъ въ Петербургъ въ концѣ февраля. При приближеніи поѣзда къ дебаркадеру, я выглянулъ въ окно и увидалъ милыя лица моихъ друзей, пытливо искавшихъ по вагонамъ сибирскаго странника.

Столица обхватила меня своимъ шумомъ.

Глава XI.

Петербургъ.—Финляндія.—Кіевъ.—Одесса.—Кишиневъ.

Думы о пережитыхъ страданіяхъ.—Представленіе главному интенданту. — Временный отдыхъ. — Редактированіе газеты *Новости*.—Какъ я понимаю задачи писателя.—Кто работалъ со мною въ *Новостяхъ*.—О чемъ въ нихъ писалось.—Лѣто въ семействѣ фонъ-М.—Финляндія.—Ея природа.—Выборгъ.—Садъ Mon-Repos.—Одинъ изъ нигилистическихъ представителей.—Внезапный отъѣздъ на Югъ.—Кіевъ.—Первыя впечатлѣнія Одессы.—Мѣстный интендантъ.—Драматическій эпизодъ съ заготовленіемъ спирта. — Ужасная ночь.—Палаццо негоціанта Кингстона.—Проводы Добровольцевъ.—Мой неожиданный спаситель.—Жизнь въ Кишиневѣ. — Литераторъ В. А. Кандауровъ. — Вечера у нотаріуса Трейера.—Интендантство въ роли классическаго Макара.—Судъ надъ нимъ печати.—Мятель въ Бендерахъ.—Станція Раздѣльная.—Опять въ Петербургѣ.—Назначеніе на Кавказъ.

Я вернулся въ Петербургъ уже не молодымъ. Пережитыя страданія и, вообще, все прошлое, проведенное на нервахъ, расшатали мое здоровье. Организмъ требовалъ продолжительнаго отдыха. Странно было во мнѣ только одно: это страстная потребность наполнить душевную пустоту, образовавшуюся съ потерею незабвенной Натальи Сергѣевны. Мнѣ вновь хотѣлось любить, но любить такое же высокое, чистое, разумное созданіе, какимъ была она, одна изъ лучшихъ русскихъ женщинъ. Да проститъ мнѣ читатель эти строки! Я пишу правдивую повѣсть моихъ заблужденій, моихъ, измѣнявшихся подъ давленіемъ об-

стоятельствъ, убѣжденій и вѣрованій, моихъ наблюденій надъ поступками другихъ людей. Почему все приведенное можетъ представлять меньшій интересъ, чѣмъ какой-нибудь заурядный, выдуманный романъ, печатающійся въ большомъ журналѣ?

Я любилъ людей, и они меня любили. Ошибался ли я въ нихъ, или нѣтъ, но одна мысль о томъ, что я любимъ въ своемъ кружкѣ, что я не одинокъ, доставляла мнѣ величайшее утѣшеніе въ самыя тяжелыя минуты испытаній. И теперь я былъ окруженъ близкими лицами. Они старались развлекать меня; нѣкоторыя изъ нихъ задумывались о томъ, какъ бы наполнить мою сердечную пустоту. Это все было такъ. Пусть меня называютъ оптимистомъ, но я вѣрю, что человѣкъ въ самомъ себѣ носитъ родникъ для устройства своей судьбы. Пройдя большую часть житейскаго пути, я, поистинѣ, могу повторить: есть на свѣтѣ хорошіе люди, но умѣйте надъ ними останавливаться.

Я представился главному начальнику своего вѣдомства. Высокоблагородный и просвѣщенный администраторъ покачалъ головою, увидѣвъ мое исхудалое лицо. Онъ произнесъ:

— Когда вы отправлялись въ Сибирь, я предугадывалъ, что вамъ не слѣдовало уѣзжать далеко. Я вамъ говорилъ объ этомъ. На кого вы теперь похожи? Отдыхайте и поправляйтесь.

Мѣсяца два я ничего не дѣлалъ. Иногда мнѣ хотѣлось заглушить тоску литературною работой. Я просиживалъ за нею цѣлые часы, но все выходило блѣдно, недоговоренно. Идеи наплывали, то слишкомъ бѣжали впередъ, то раскидывались въ сторону, то принимали блестящую, заманчивую форму. Какъ только ихъ приходилось воплощать въ фразы, онѣ перемѣшивались, или мгновенно исчезали изъ головы.

Одинъ изъ литературныхъ моихъ друзей А. А. Соколовъ,

зная способности мои къ газетному дѣлу и мою въ немъ опытность, уговорилъ меня взять редактированіе ежедневнымъ изданіемъ *Новости*. Онѣ только-что были пріобрѣтены отъ г. Новицкаго или его наслѣдниковъ, какими-то странными лицами: Мордуховскимъ и Румянцевымъ. Я не былъ прежде съ ними знакомъ. При переговорахъ мнѣ пришлось убѣдиться въ ихъ полномъ непониманіи литературныхъ потребностей общества. Они думали лишь о наживѣ. Я составилъ самостоятельную программу газеты, выяснилъ ея направленіе, и издатели, молча, утвердили программу. Какая трудная и благородная задача заключается въ правѣ вести ежедневно гласную бесѣду съ читателемъ! Я не знаю: кто онъ? какимъ онъ обладаетъ развитіемъ? Но онъ мнѣ дорогъ и близокъ потому, что я дѣлюсь съ нимъ духовнымъ богатствомъ, своею воспріимчивостью изъ политической, умственной и нравственной жизни человѣчества. Какъ я долженъ быть честенъ, безпристрастенъ въ обсужденіи вопросовъ, затрогивающихъ интересы родины! Какъ долженъ быть горячъ и увлекателенъ при защитѣ добра и правды, осмотрителенъ при разоблаченіи всего, кажущагося дурнымъ! А вопросы совѣсти и вѣры, а традиціонныя основы, на которыхъ создались и окрѣпли современныя государства? Съ какимъ благоговѣйнымъ чувствомъ ихъ надобно умѣть касаться! Разъ пошатнешь къ нимъ уваженіе читателя, то уже каплю неисправимаго яда ты вольешь въ его душу. Сомнѣніе есть первая ступень къ пессимизму и сердечному разочарованію. Эти чувства отнимаютъ у человѣка половину его жизненныхъ радостей. Я воскресъ съ газетой. Куда дѣвалось мрачное состояніе духа? Я рано приходилъ въ редакцію, просматривалъ утреннія изданія, набрасывалъ передовую статью. Къ двѣнадцати часамъ являлись сотрудники. Многолѣтніе, добрые друзья знали, что *Новости* есть газета возобновленная, не могшая платить даже приличнаго гонорара писателямъ. А

въ редакціи было шумно, весело. Остроты и серьезные споры о злобахъ дня наполняли комнату. Тутъ, за обширнымъ столомъ, за стаканомъ чая, составлялись замѣтки, затрогивавшія вопросы міровой и отечественной жизни. Не могу не вспомнить лицъ, дѣлившихся съ *Новостями* своими талантами: А. А. Соколова, Н. А. Лейкина, Д. Д. Минаева, М. П. Ѳедорова, А. Ф. Иванова-Классика, Ф. Ф. Парвова, Н. Г. Жулева, онъ же Скорбный поэтъ и Дебютантъ, Ломачевскаго, А. Н. Сазонова, родного брата даровитаго артиста. Оба Сазонова находились со мною въ тѣсной дружбѣ. Изъ нихъ Александръ былъ моимъ ревностнымъ сотрудникомъ по редакціи и давно уже умеръ; другой, Николай, продолжаетъ со славою занимать мѣсто въ Александринскомъ театрѣ. Онъ женатъ на извѣстной писательницѣ Смирновой, создавшей романы „Огонекъ“ и „Попечитель округа“.

Какія идеи проводились въ *Новостяхъ*? Я всегда строго и добросовѣстно относился къ печатному слову. Я глубоко сознавалъ его могучее значеніе для массы, которой присуща вѣчная правда. Эта правда живетъ въ сердцѣ человѣка, несмотря на то, образованъ онъ или нѣтъ. Не даромъ голосъ народа говоритъ: „Кто правды ищетъ, того Богъ сыщетъ“. Благо тому изъ насъ, кто сумѣетъ удовлетворить лучшей, неотъемлемой потребности нашихъ меньшихъ братій! Справедливость словъ моихъ подтверждаютъ мудрыя поговорки и пословицы нашего простого народа Какой философъ училъ его этой мудрости, этой мѣткой характеристикѣ привычекъ, обычаевъ человѣка, его сокровенныхъ думъ, пониманіе которыхъ намъ, интеллигентамъ, достается иногда при посредствѣ продолжительной и упорной умственной работы? Нужно честно бесѣдовать съ читателемъ. Нужно развивать и укоренять въ немъ ту правду, которая уже присуща его натурѣ и ждетъ только отъ васъ соотвѣтственнаго отклика и разумнаго направленія.

Новости въ короткое время завоевали расположеніе публики. Розничная продажа, не имѣвшая покупателей, достигла до нѣсколькихъ тысячъ экземпляровъ въ день. Другіе органы печати отнеслись къ нимъ сочувственно и стали дѣлать выдержки изъ ихъ статей. Скорбный поэтъ въ *Петербургской Газетѣ* въ сердечныхъ стихахъ одобрилъ меня, восклицая:

„И Петръ Суворовъ съ нами".

Но продолжительныхъ успѣховъ не бываетъ въ жизни. Легкомысленные издатели, взявшіеся за изданіе безъ денегъ, припрятавъ всю дневную выручку, въ одно прекрасное утро скрылись. *Новости* перестали выходить подъ моей редакціей. Ихъ пріобрѣлъ Осипъ Константиновичъ Нотовичъ, съ которымъ я впослѣдствіи хорошо познакомился. Я неоднократно печаталъ у него статьи по общественнымъ вопросамъ и отрывки изъ поэмы „Въ Кавказскихъ горахъ".

Докторъ мнѣ совѣтовалъ лѣто провести вдали отъ Петербурга, гдѣ-нибудь на берегу моря. Мнѣ одному невыносимо было путешествовать. Одиночество тяжело въ горѣ для самой развитой личности. Вскорѣ случай выручилъ меня изъ нравственнаго затрудненія.

Жена моего друга юности К. была замѣчательной красоты. Вмѣстѣ съ тѣмъ, она имѣла прекрасное, доброе сердце, умѣвшее чутко отнестись къ страданіямъ знакомаго лица. Она задалась мыслью отыскать способъ къ облегченію моего существованія и сказала мнѣ:

— Я знаю, кого вамъ нужно. Поѣзжайте въ Выборгъ, навѣстите давно знакомое вамъ семейство фонъ-М., и тамъ обрѣтете себѣ покой и счастье.

Еще въ началѣ семидесятыхъ годовъ я проводилъ весело и беззаботно вечера въ этой образованной и музыкальной семьѣ. Глаза мои привыкли видѣть у рояля строй-

ную фигуру изящной дѣвушки съ античной головкой и задумчивыми глазами. Она такъ пытливо и ласково глядѣла, такъ привѣтствовала гостя, что ему дѣлалось вдругъ уютно и тепло въ ея домѣ. Музыкѣ она училась въ Московской консерваторіи и была любимой ученицей Николая Рубинштейна. Чрезвычайно талантливая, она играла выразительно и нѣжно. Точно ея прекрасная душа нетерпѣливо рвалась наружу. Ей охотно аккомпанировали извѣстный віолончелистъ Зейфертъ и скрипачъ Шрадекъ.

Въ очаровательный іюльскій вечеръ я подъѣзжалъ къ Выборгу и съ любопытствомъ осматривалъ мелькающія незнакомыя окрестности. Сосновые лѣса чередуются съ открытыми полями, усѣянными въ безпорядкѣ глыбами камней. Откуда они? Кто ихъ разбросалъ на необъятныя пространства, отнявъ у человѣка возможность обрабатывать родную землю? Нѣкто остроумно замѣтилъ: „При концѣ сотворенія міра у Бога осталось много обрѣзковъ, и Онъ создалъ изъ нихъ Финляндію“. Вотъ и Выборгъ, окаймленный съ одной стороны морскимъ заливомъ. Не возвышаются надъ городомъ колокольни православныхъ церквей; рѣдко слышится на узкихъ улицахъ русская рѣчь. При переѣздѣ по мосту къ Форштадту, направо виднѣется небольшой островъ съ полуразвалившимся замкомъ, блѣднымъ остаткомъ рыцарскаго владычества на финскомъ прибрежьѣ.

Я былъ встрѣченъ радушно въ семьѣ фонъ-М., какъ старый и хорошій ея знакомый. Семья состояла изъ симпатичной старушки-матери, замужней дочери, ея мужа, молодого инженера, и дѣвушки, о которой я говорилъ выше.

Я выпросилъ позволеніе поселиться въ крытой бесѣдкѣ съ цвѣтными окнами, находящейся въ глубинѣ густого сада. Въ ней была комната прилично меблированная. Часто въ тихую, лунную ночь, когда я находился въ бесѣдкѣ, послѣ пріятно проведеннаго дня, до меня доносились изъ

роскошной дачи волшебные звуки бетховенской музыки. Она смолкала, и слышался ровный прибой морской волны о гранитные сосѣдніе утесы, выдѣлявшіеся темными фигурами на серебристомъ водяномъ просторѣ.

На одной изъ отдаленныхъ окраинъ Выборга пріютился историческій садъ барона Николаи. Это знаменитый „Mon-Repos“. Высокія вершины косматыхъ елей задумчиво глядятъ на посѣтителя, какъ бы говоря: зачѣмъ ты тревожишь нашъ покой? Густолиственныя липы занимаютъ длинныя аллеи и таятъ въ себѣ любопытную повѣсть баронскаго владычества. Тамъ и сямъ въ тайникахъ сада, подъ завѣсою деревъ, скрываются полинявшія отъ времени бесѣдки. На краю крутого каменнаго обрыва, приникшаго къ заливу, окруженный нависшими скалами, задумчиво сидитъ на глыбѣ древній Бардъ. Въ его рукахъ кэнтелла*). Онъ только-что пѣлъ сагу, устремляя взоръ къ богу Тору, о славныхъ похожденіяхъ норвежскаго короля Магнуса Великаго, и внезапно остановился на полуфразѣ. Онъ точно услышалъ вѣщее слово невѣдомаго народа, пришедшаго въ его страну смутить покой его родины. Таково впечатлѣніе этой статуи.

Есть въ саду островъ. На немъ тѣснятся обросшія сѣдымъ мохомъ мрачныя колоннады изъ красноватаго гранита. Это надгробный памятникъ героическимъ предкамъ баронскаго рода. Много рыцарей спитъ вѣчнымъ сномъ подъ тяжелыми плитами мрамора. Сумрачно стоятъ, какъ стражи, безмолвныя сосны. Мнѣ чудится, что надъ воротами могильнаго жилища начертаны дантовскія слова:

„Здѣсь мѣста нѣтъ сомнѣньямъ никакимъ,
Здѣсь да умретъ вся суетность боязни.“

Финляндія—страна обнаженныхъ камней и красивыхъ озеръ. Обитатель юга не пойметъ ея суровыхъ красотъ. А

*) Музыкальный инструментъ, напоминающій лиру.

скучный финнъ, влача однообразное существованіе, мурлычетъ подъ носъ пѣснь любви своему отечеству. Ему милы: болота, наполняющія его лѣса, камни, которые онъ, какъ покойниковъ, зарываетъ въ землю для расширенія посѣвовъ, одинокая ель, выросшая на голой скалѣ и нашедшая жалкую почву для недолговѣчной жизни. Все дорого финну, пока онъ не напьется. А напьется—тотчасъ засадитъ въ бокъ ножъ своему пріятелю. Одну онъ имѣетъ добрую черту – это честность. Она, дѣйствительно, въ немъ велика, и жители Финляндіи могутъ спать покойно съ открытыми дверями.

Мнѣ разсказывали въ семьѣ фонъ-М. любопытную исторію, случившуюся въ то лѣто и свидѣтельствующую о томъ, какъ самонадѣянна была наша молодежь. Оканчивала медицинскіе курсы дѣвушка красивая наружностью и принадлежавшая къ дворянской семьѣ Курдюмовыхъ. Она забыла давно завѣты своей фамиліи и проникнулась нигилистическими воззрѣніями. Цѣломудріе женщины для нея стало фикціей, семья—лишнею обузой, вѣра—выдумкой поповъ, установившіеся обычаи общества—предразсудками и пр. Съ домомъ фонъ-М. были знакомы еще родители Курдюмовой, поэтому она изрѣдка въ немъ бывала. И вотъ, въ головѣ ея сложилась странная комбинація: женить одного изъ студентовъ, не признающаго законовъ ни божескихъ, ни человѣческихъ, на юной и прелестной дѣвушкѣ. Послѣднюю Курдюмова уговаривала довольно наивно.

— Ну, что вамъ, душечка, стоитъ выйти замужъ за Салазкина? Онъ некрасивъ, не дворянинъ, да вамъ плевать на это. Вы можете впослѣдствіи уѣхать отъ него. Вы только деньги свои ему передайте. Поймите, намъ нужны онѣ для нашего великаго дѣла. А счастье вы можете найти съ другимъ человѣкомъ.

Конечно, надъ такими рѣчами смѣялись у фонъ-М., а

Курдюмову считали за помѣшанную дѣвушку. Однако, въ одинъ день почтенная семья очень удивилась, когда у подъѣзда дачи остановился извозчикъ, и изъ пролетокъ вылѣзли Курдюмова и ражій дѣтина съ длинными космами, въ широкой шляпѣ, въ рубашкѣ на выпускъ и съ толстою палкой въ рукѣ. То былъ женихъ. Въ домъ гостей не приняли, а госпожѣ Курдюмовой замѣчено было о всемъ неприличіи ея поведенія. Пріѣхавшая пара не сконфузилась упомянутымъ пріемомъ. Курдюмова стащила со своихъ плечъ поношенный пледъ и разостлала его на площадкѣ сада. Салазкинъ развалился на землѣ и закурилъ папиросу. Начались громко философскія разсужденія на тему, что хорошо жить на свѣтѣ богатымъ классамъ; что любовь есть ерунда, забава сытыхъ желудковъ, и что настоящіе свѣточи земли—это они, представители новыхъ доктринъ, разбивающихъ состарившіеся предразсудки.

Насилу, только поздно вечеромъ, пришлось старушкѣ фонъ-М., на собственный счетъ, отправить въ Петербургъ непрошенную, своеобразную сваху и такого же жениха, олицетворявшаго собою передовыя вѣянія вѣка. Я описываю здѣсь фактъ, а не вымыселъ. Салазкины были героями до-Зазулинской эпохи. Они ходили по Невскому проспекту, возбуждая страхъ въ проходящихъ и поселяя недоумѣнье и раздумье въ лицахъ высшей администраціи. Что дѣлать? На ихъ сторонѣ была новизна идей, посылавшихъ проклятія старому міру и его идеаламъ. Кромѣ того, въ то время происходила Сербская кампанія. Россія, въ пылу увлеченій, посылала тысячи добровольцевъ на Дунай драться за своихъ единоплеменниковъ. Мы шумѣли на улицахъ, въ собраніяхъ, въ театрахъ, въ клубахъ, проповѣдуя войну и свободу. Друзья Салазкиныхъ пользовались нравственнымъ настроеніемъ русскаго общества, разжигали его страсти и эксплоатировали ихъ въ свою пользу.

Въ августѣ мѣсяцѣ я получилъ командировку въ Одессу. Начиналось негласное приготовленіе къ Турецкой кампаніи. Въ департаментахъ Военнаго Министерства шла оживленная работа, не прекращавшаяся и вечерами. Мой снисходительный и гуманный начальникъ, главный интендантъ, призвалъ меня и сказалъ:

— Вотъ, уже нѣсколько ночей я не знаю покоя. Мы наканунѣ войны. Нужны люди честные и энергичные для обширныхъ заготовленій. Поѣзжайте съ Богомъ въ Одессу; я напишу о васъ тамошнему интенданту.

Я понималъ значеніе приведенныхъ словъ, но я боялся своей неопытности въ серьезныхъ казенныхъ операціяхъ. Не смѣю распространяться о томъ, что мнѣ грустно было оставить семейство фонъ-М., гдѣ мое измученное сердце нашло себѣ теплый пріютъ. Возникшія чувства къ юной фонъ-М. совсѣмъ не были похожи на тѣ бурные порывы страсти, которые безпрестанно тревожили мою молодость. Но могъ ли я, приближаясь къ прекрасному, лучезарному созданію, не затрепетать отъ восторга? Могъ ли вновь не разгорѣться мой, на время застывшій, жертвенникъ? Благодарите Бога, читатель, за каждую невинную радость, которую Онъ вамъ посылаетъ. Не ропщите никогда и на свои страданія. Они и злодѣевъ очеловѣчиваютъ.

Предъ отъѣздомъ я отправился проститься съ генераломъ Н. П. Синельниковымъ, жившимъ въ Петербургѣ, на почетномъ отдыхѣ, въ званіи неприсутствующаго сенатора. Онъ далъ письма: къ одесскому интенданту, обязанному всею своею карьерой Николаю Петровичу, и къ своей замужней дочери, находившейся въ Одессѣ. Незабвенный старикъ говорилъ:

— Хорошо, что вы ѣдете. Я руководствовался правилами: начальству не подслуживаться и не отказываться отъ служебныхъ порученій. На то и начальство существуетъ, чтобы ихъ давать. Далѣе, я строго раздѣлялъ, что

мое, что казенное. Оттого я сижу на этомъ стулѣ со спокойною совѣстью.

Синельниковъ благословилъ меня.

Былъ сентябрьскій дождливый день, когда я оставилъ Петербургъ. Я не замѣчалъ ни холода, ни сырости воздуха; меня уже согрѣвали новыя мечты, новыя надежды.

На одной изъ станцій, за буфетомъ, двое молодыхъ людей, порядочно урѣзавшіе, одѣтые въ охотничьи куртки, громко бесѣдовали.

— Мнѣ было все равно, — толковалъ одинъ, — что застрѣлиться, что въ Сербію ѣхать. Кредита никакого. Я, братъ, избралъ лучше пойти въ добровольцы. Могу въ герои попасть!

Товарищъ принялся урезонивать героя. Раздался звонокъ.

Я остановился въ Кіевѣ, наслышавшись о его красотахъ. Мнѣ ихъ видѣть не пришлось въ подробностяхъ, за недостаткомъ времени, но въ памяти моей навсегда сохранится то, что предстало очамъ съ Андреевской горы. Здѣсь, съ высотъ грандіознаго обрыва, со ступень древняго храма, открывается волшебная панорама, съ безграничнымъ просторомъ полей и садовъ, вмѣщающихъ въ себѣ сотни бѣлѣющихся селъ и городовъ. Все это давно описано, но нельзя забыть духовнаго впечатлѣнія, которое производитъ заднѣпровская картина.

Одинъ изъ лучшихъ людей нашего вѣка, покойный Донъ-Педро, императоръ Бразильскій, объѣхавшій весь свѣтъ, когда взобрался на Андреевскую гору, замеръ отъ восторга. Онъ воскликнулъ: «Это зрѣлище приводитъ меня въ благоговѣйный трепетъ!» Да, несчастный и неоцѣненный монархъ былъ правъ. Если вашей душѣ доступна хотя единая капля чистой слезы, то она упадетъ на камень церкви того великаго апостола, который не призналъ себя

достойнымъ быть распятымъ такъ, какъ былъ распятъ его Божественный Учитель.

Цивилизація въ гордомъ заблужденіи разрушаетъ религію, а природа, вопреки ея безумію, твердитъ человѣку о величіи Творца. Чѣмъ можно замѣнить религіозное чувство? Вѣрою въ успѣхъ науки?—Но это не утѣшительно для страдальца. Нравственными правилами, выработанными прогрессомъ?—Но они безъ религіи не согрѣваютъ сердца. Установленіями жизненнаго благополучія на началахъ натурализма Золя?—Но это благополучіе безъ любви, заповѣданной Христомъ, не охранитъ людей отъ гложущаго ихъ эгоизма. Нѣтъ, непонятый и скрытый Богъ есть и будетъ вѣчнымъ идеаломъ для человѣчества.

Переѣздъ отъ Кіева до Одессы не интересенъ. Безгорная, безлѣсная равнина, иногда оживленная селеніями и громадными стадами, тянется на безконечное пространство. Въ Одессу поѣздъ пришелъ ночью. Я остановился въ Центральной гостиницѣ. Напротивъ нея находится площадь съ памятникомъ князю Воронцову, оставившему по себѣ глубокую память на русскомъ югѣ. Судьба меня таскала довольно по Россіи, но города, какъ Одесса, я не видалъ. Она и послѣ Петербурга производитъ чарующее впечатлѣніе. Правильныя, широкія улицы, вымощенныя гранитомъ и идущія между двойными рядами бѣлыхъ акацій; ровные каменные дома почти одинаковой архитектуры; изящные экипажи, многочисленныя толпы на бульварахъ; иностранные языки, раздающіеся кругомъ васъ,—все это ново, все пестро, занимательно, но чуждо для васъ, привыкшихъ къ болѣе задушевной обстановкѣ.

Я явился къ мѣстному интенданту. Странный пріемъ, имъ сдѣланный, остался мнѣ памятнымъ. Генералъ остановился въ двухъ шагахъ отъ меня и долго глядѣлъ сверху очковъ. Онъ не сказалъ даже: «здравствуйте», а спросилъ:

— Вы что?

Мнѣ показалось обиднымъ такое обращеніе. Если чинъ не стоилъ большаго вниманія, то на мнѣ, все-таки, былъ гвардейскій мундиръ. Объяснивъ причину моего прибытія въ Одессу, я подалъ непривѣтливому начальнику письмо главнаго интенданта. Когда оно было прочитано, то нѣчто въ родѣ улыбки промелькнуло на блѣдномъ лицѣ сановника. Послѣдовали милостивыя слова и сухое рукопожатіе. Я произнесъ:

— Имѣю еще письмо къ вашему превосходительству отъ сенатора Синельникова.

Интенданта передернуло, онъ воскликнулъ:

— Какъ? Отъ кого?

Я повторилъ фразу и вручилъ пакетъ съ гербовою печатью. Генералъ вертѣлъ пакетъ въ рукахъ, смотрѣлъ задумчиво въ сторону, качалъ головою и, наконецъ, поцѣловалъ печать. Вотъ какія были слова интенданта по вскрытіи письма:

— Я мало радовался въ жизни, но нынче вы мнѣ доставили величайшую радость. Письмо главнаго интенданта чрезвычайно лестно моему самолюбію, но письмо Николая Петровича Синельникова, моего глубоко-чтимаго благодѣтеля, для меня праздникъ сердца. Я ему обязанъ всею служебною карьерой. Кого онъ любитъ, того и я люблю. Придите въ мои объятія!

Послѣдовала трогательная сцена. Я сдѣлался вдругъ однимъ изъ самыхъ близкихъ лицъ къ интенданту, часто у него обѣдалъ и подолгу бесѣдовалъ. Генералъ оказался добрѣйшимъ человѣкомъ, честно относящимся къ своимъ обязанностямъ, впрочемъ, нѣсколько мелко имъ понимаемымъ. По какому-то роковому предчувствію, любимою его книгой было заграничное изданіе сочиненія генерала Затлера, бывшаго въ Крымскую кампанію полевымъ интендантомъ нашей арміи и преданнаго суду за злоупотребленія по довольствію войскъ.

— Кто знаетъ,—разсуждалъ интендантъ,—что насъ ожи-

даетъ? Мы стоимъ на скользкомъ пути. Генералъ Затлеръ лично былъ безкорыстнѣйшій человѣкъ, но какъ онъ пострадалъ! Во главѣ нашего вѣдомства стоитъ высокая личность, съ широкимъ образованіемъ, съ безупречнымъ именемъ. Подъ его вѣдѣніемъ сотни чиновниковъ. Развѣ можно ручаться за нравственныя качества каждаго изъ нихъ? А одинъ попадись—пятно ляжетъ на цѣлое учрежденіе. Со страхомъ я смотрю въ будущее.

Спустя нѣкоторое время послѣ этого разговора, на мою долю выпало тяжелое испытаніе. Я его изложу съ полной откровенностью. Испытаніе было необычайно, драматично и отрадно, какъ подтвержденіе, что божественная искра теплится въ людскихъ сердцахъ и заставляетъ ихъ спасать неповинныхъ братій.

Мнѣ было поручено заготовить для корпусовъ, назначенныхъ къ мобилизаціи, около тридцати тысячъ ведеръ спирта. Операція серьезна и требовала основательнаго знанія дѣла. Я попросилъ времени для его изученія. Благодаря двумъ образованнымъ и любезнымъ начальникамъ акцизныхъ округовъ: гг. Тимченко и Забѣлло, я ознакомился съ процессомъ выработки спирта на самыхъ заводахъ. Тѣмъ не менѣе, личной покупки спирта я остерегся. Опытные люди, знавшіе край, совѣтовали мнѣ довѣриться богатому банкиру Гринвичу *). Я вручилъ Гринвичу на совѣсть сорокъ тысячъ рублей. Я жилъ въ Одессѣ и ждалъ увѣдомленія о заготовкѣ въ Кишиневѣ первой партіи. Но вѣстей о ней долго не было, и мной овладѣло безпокойство. Мчусь въ Кишиневъ и съ ужасомъ выслушиваю признаніе Гринвича, что времена настали плохія, что должники ему не платятъ и что моими деньгами онъ покрылъ нѣкоторыя экстренныя нужды, а къ спиртной операціи не приступалъ. Гринвичъ просилъ у меня еще пятьдесятъ тысячъ.

*) Фамилія не настоящая.

Есть минуты физическихъ страданій, когда человѣкъ превращается весь въ застывшій ужасъ. Но что сказать о душевномъ состояніи, когда разнообразныя ощущенія жизни мгновенно остываютъ, а сердце кто-то неустанно сверлитъ? Эти адскія муки испытывалъ я. Тутъ дѣло не въ суммѣ пропавшихъ денегъ, но въ вашемъ духовномъ складѣ. Я не могъ примириться съ тѣмъ, что люди посвоему будутъ судить мой поступокъ; что я обманулъ довѣріе начальства, что легкомысленно отнесся къ интересамъ казны. Я ничѣмъ оправдать себя не могъ передъ собою. Когда темная южная ночь спустилась на землю, скорпіоны оставили свои норы, чтобы меня непрерывно жалить; вампиры бросили могильныхъ мертвецовъ, чтобы пить мою кровь; змѣи выползли изъ гніющихъ пней деревъ, чтобы сосать мое сердце. Потъ градомъ лился съ меня.

— Все потеряно,—думалось мнѣ,—честь, служба и заря новаго счастья. Да, новое счастье! Предо мною мелькалъ, точно озаренный блѣдными лучами мѣсяца, кроткій образъ молодого созданія. Тонкія пряди слегка вьющихся волосъ ниспадаютъ по плечамъ. Томные глаза, окаймленные красивыми рѣсницами, съ довѣріемъ остановились на мнѣ... Исчезни, дивное видѣнье!... Я очнулся. Въ комнатѣ мгла и духота. Несмотря на ноябрь мѣсяцъ, я открылъ окно. Кишиневъ спитъ. По улицѣ мигаютъ тусклые огоньки вонючихъ фонарей, остатковъ патріархальнйо старины. Запоздалый путникъ завязъ въ непроходимой грязи и ругается. Меня прохватила сырость. Я присѣлъ на диванъ. Вспомнился мнѣ эпизодъ изъ безумной юности, когда, по обыкновенію влюбленный, я задумалъ стрѣляться. Дѣло происходило такъ. Я хотѣлъ жениться на дѣвушкѣ, семейству которой мать моя не сочувствовала. Она говорила:

— Ты не будешь счастливъ, потому что между тобой и ей стоитъ разность воспитанія и привычекъ. Когда

пылъ страсти пройдетъ, вы окажетесь оба чуждыми другъ другу. Только однородность духовнаго и умственнаго развитія мужа и жены служитъ залогомъ семейнаго благополучія.

Я не внималъ мудрымъ совѣтамъ умной женщины и рѣдкой матери. Я пріѣхалъ въ деревню съ тѣмъ, чтобы получить разрѣшеніе на женитьбу или застрѣлиться. Выслушавъ слово: «Нѣтъ», я заперся въ кабинетѣ отца и снялъ со стѣны заржавленный прадѣдовскій пистолетъ. Онъ, кажется, не былъ и заряженъ. Я бѣгалъ въ раздраженіи по комнатѣ, съ патетическими восклицаніями къ „ней", не принимавшей моей любви безъ благословенія родительскаго. Вдругъ слышу голосъ за дверью:

— Петя! Что же ты не стрѣляешься?– Это былъ голосъ моей матушки! Я услышалъ его, уяснилъ его значеніе! Быстро отворилъ я дверь и кинулся на шею той, которая такъ разумно понимала и берегла свое дитя...

Поднявшись съ дивана, я замѣтилъ, что разсвѣтъ прокрадывается, какъ воръ, въ мое обиталище. Вотъ, онъ слегка засеребрилъ противоположную стѣну, перебѣжалъ вскорѣ на сосѣднюю мебель и даже добрался до меня. Боже! Прійдетъ ли сонъ? Я опустился на постель. Но какъ же я сижу на скамьѣ подсудимыхъ?... Большая зала наполнена разношерстною публикой. Въ глубинѣ ея длинный столъ, покрытый зеленымъ сукномъ. За нимъ сидитъ почтенный генералъ, окруженный офицерами въ мундирахъ, и съ густыми эполетами. Въ углу небольшой аналой, на немъ крестъ и Евангеліе. Обвинитель, поднявшись съ каѳедры, ораторствуетъ. Вотъ онъ кончилъ рѣчь, и генералъ громко произнесъ:

— Подсудимый, что вы можете сказать въ свое оправданіе?

Я всталъ и зашатался. Два жандарма подошли, чтобы меня поддержать. Я вскрикнулъ и проснулся. Цѣлый снопъ солнечныхъ лучей горѣлъ на моемъ лицѣ. Я не ощущалъ

ни ихъ теплоты, ни ихъ поражающаго свѣта. Такъ сильно было впечатлѣніе страшнаго кошмара, подчинившаго себѣ мой изнеможенный организмъ.

Черезъ нѣсколько часовъ я летѣлъ въ Одессу. Явившись къ интенданту, я разсказалъ ему правдивую исторію моего опрометчиваго проступка. Я прибавилъ, что хочу телеграфировать обо всемъ въ Петербургъ. Генералъ задумался и положилъ руку на мое плечо.

— Не торопитесь, проговорилъ онъ, дѣлать новые промахи. Здѣсь живетъ одинъ необыкновенный милліонеръ съ безграничнымъ вліяніемъ въ торговомъ мірѣ, съ европейскимъ образованіемъ, а главное—съ сердцемъ. Если онъ васъ не спасетъ, то только тогда считайте себя погибшимъ. Ѣдемъ къ нему.

Мы поднялись по мраморнымъ ступенямъ роскошнаго жилища. Колоссальныя зеркала въ бронзовыхъ рамахъ украшали стѣны лѣстницъ, идущихъ съ двухъ сторонъ къ красивой площади, уставленной тропическими растеніями и мраморными статуями античныхъ богинь и рѣзвящихся амуровъ. Узорчатыя китайскія вазы покоились на массивныхъ пьедесталахъ. Нѣсколько лакеевъ, въ чулкахъ и штиблетахъ, съ любопытствомъ на насъ смотрѣли. До слуха нашего долетѣлъ серебристый звонъ встревоженнаго колокольчика.

Посреди бѣлаго зала, съ колоннами и съ золотою мебелью, мы увидѣли высокую, изящную фигуру хозяина. Это былъ красавецъ въ полномъ смыслѣ слова. Нѣжный, матовый цвѣтъ лица, голубые глаза, бѣлокурыя кудри, небольшая бородка—все влекло васъ навстрѣчу къ этому человѣку. Онъ былъ еврей, имѣвшій дипломъ Кембриджскаго университета и женатый на дочери англійскаго Ротшильда. Я не назову его настоящей фамиліи. Негоціантъ Кингстонъ со вниманіемъ слушалъ интенданта и изрѣдка взглядывалъ на меня. Онъ отвѣтилъ:

— Я не имѣю никакого понятія объ интендантскихъ поставкахъ. Мнѣ очень жаль молодого человѣка, очевидно, крайне довѣрчиваго. Надобно подумать, какъ ему помочь. Вотъ, что, генералъ,—оставьте насъ вдвоемъ, мы познакомимся и потолкуемъ по душѣ.

Эти слова были произнесены такъ просто, такъ деликатно, что сердце мое вдругъ почувствовало облегченіе. Было два часа дня. Мы перешли въ одну изъ гостиныхъ, гдѣ кругомъ, и даже подъ ногами, находились драгоцѣнные гоббелены. Разговоръ, начавшись съ моихъ служебныхъ дѣлъ, незамѣтно перешелъ къ общимъ вопросамъ. Кингстонъ оказался краснорѣчивымъ и начитаннымъ собесѣдникомъ. Между прочимъ, онъ высказалъ:

— Каждая изъ религій культурныхъ народовъ имѣетъ цѣлью нравственное совершенствованіе человѣка. Добро повсюду понимается одинаково; добродѣтель—вездѣ добродѣтель, и разница въ религіяхъ существуетъ лишь по двумъ величайшимъ началамъ: безсмертія души и любви къ ближнему. Магометанинъ за ближняго признаетъ лишь магометанина, мы, евреи, своего единоплеменника, но для христіанина ближній есть всякій человѣкъ, безъ отношенія національности и вѣры. Я еврей только потому, что имъ рожденъ, но мнѣ дорогъ человѣкъ, кто бы онъ ни былъ, если онъ носитъ въ сердцѣ своемъ Бога, вѣчнаго источника Истины и Добра.

Кингстонъ позвонилъ.

— Однако,—продолжалъ онъ,—мы съ вами окунулись въ философскіе вопросы, а, вѣдь, прежде чѣмъ ихъ разрѣшить, надобно позаботиться о вашемъ спасеніи.

Негоціантъ велѣлъ позвать вошедшему служителю управляющаго конторою. Когда послѣдній вошелъ, то Кингстонъ обратился къ нему:

— Телеграфируйте Гринвичу, въ Кишиневъ, чтобы онъ выѣхалъ сегодня съ поѣздомъ, приходящимъ въ Одессу въ

15

половинѣ двѣнадцатаго ночи. и чтобы прямо съ вокзала явился ко мнѣ.

Удивившись такому категорическому и самонадѣянному распоряженію, я замѣтилъ:

— А вдругъ Гринвичъ не пріѣдетъ?

Кингстонъ съ недоумѣніемъ посмотрѣлъ на меня.

— Ка-къ?—протянулъ онъ съ достоинствомъ.—Развѣ можетъ здѣсь кто-нибудь изъ коммерческаго люда не исполнить не только моихъ распоряженій, но даже моихъ желаній? Ахъ, молодость, молодость! Деньги порождаютъ дурныя страсти, но деньги и власть—единственные двигатели, для всѣхъ понятные и могучіе.

Я уѣхалъ, давъ слово быть у Кингстона въ девять часовъ вечера того же дня. Цѣлый ворохъ мыслей бродилъ въ головѣ. Убѣжденія Кингстона отличались космополитичностью, симпатичнымъ гуманизмомъ и болѣзненнымъ самолюбіемъ. Онъ воспитанъ въ возвышенной, сдержанной школѣ; онъ не останется равнодушнымъ къ страданіямъ другихъ, но едва ли кинется въ пропасть, съ опасностью жизни, для спасенія погибающаго. А такіе типы въ наше испорченное время, все-таки, составляютъ отрадное явленіе. Въ Россіи много образованныхъ людей, но людей, у которыхъ сознательно воспитано сердце, очень мало. Оттого у насъ, какъ говоритъ поэтъ:

Есть много благородныхъ словъ,
Но дѣлъ не видно благородныхъ.

Почти до двѣнадцати часовъ ночи я и Кингстонъ играли въ шахматы въ его характерномъ кабинетѣ. По угламъ стояли бурые медвѣди на заднихъ ногахъ, держа въ лапахъ массивные канделябры и лампы. Чучела тигровъ и львовъ служили опорою ногамъ, когда вы полулежали на креслахъ, имѣвшихъ затѣйливыя формы. Орлы и аисты, какъ живые, выглядывали изъ полукруглыхъ нишъ, вдѣланныхъ въ

стѣны. Стрѣлка на большихъ часахъ, окаймленныхъ чернымъ инкрустированнымъ деревомъ, приближалась къ полуночи. Камердинеръ доложилъ:

— Г. Гривичъ!

Трудно описать ту быстроту, съ которою негоціантъ поднялся съ мѣста и вытянулся во весь ростъ въ ожидательной позѣ. Онъ былъ величавъ и властенъ. Лишь только въ комнатѣ появилась маленькая фигурка банкира и едва успѣла почтительно склониться предъ хозяиномъ дома, какъ послѣдній уже стоялъ около гостя, положивъ одну руку на его плечо, а другою показывая на меня.

— Вы взяли у капитана 40.000?—раздался металлическій голосъ.

— Да.

— Вы будете ихъ должны мнѣ. Ступайте въ контору и напишите вексель на мое имя. Срокъ опредѣлите сами, но не болѣе, какъ годовой. Я васъ больше не задерживаю.

Послѣдовалъ покорный поклонъ. Фигура гордаго въ своей губерніи банкира исчезла, какъ тѣнь.

Пораженный описанною сценой, я забылъ всякое приличіе и кинулся благодарить Кингстона.

— Вы спасли меня,—говорилъ я.—Спасибо вамъ. Но, что мнѣ дѣлать съ деньгами? Срокъ доставки спирта подходитъ, а его въ наличности нѣтъ ни одного ведра.

— Юный другъ,—отвѣчалъ негоціантъ,—я высказалъ утромъ генералу, что чуждъ интендантскимъ операціямъ. И теперь я остаюсь при убѣжденіи не вмѣшиваться въ казенныя дѣла. Вамъ, впрочемъ, помогу. Я устрою, что вы получите лучшій спиртъ съ такого завода, котораго имя одно служитъ ручательствомъ за добросовѣстность.

Мнѣ принесли изъ конторы кучу денегъ и заставили ихъ считать. Какъ обрисовать мои чувства? Утромъ чуть-чуть не преступникъ, я вечеромъ вновь воскресъ къ новой жизни, радостной и честной. И это произошло случайно

даже чудесно. Моему разсказу могутъ вѣрить и не вѣрить. Но, переживъ самыя горькія испытанія въ прошломъ, я и теперь смотрю съ надеждой на будущее. Недаромъ пѣлъ нашъ славный Пушкинъ:

Сердце будущимъ живетъ,
Настоящее уныло,
Все мгновенно, все пройдетъ,
Что̀ пройдетъ, то будетъ мило.

Спиртъ былъ выписанъ изъ Карловки, имѣнія Великой Княгини Екатерины Михайловны; оно находится въ Константиноградскомъ уѣздѣ, Полтавской губерніи. Конечно, спиртъ былъ лучшаго качества. Я получилъ за него благодарность въ особомъ приказѣ.

Около ноября мнѣ пришлось переѣхать въ Кишиневъ. Мобилизація была въ разгарѣ. На вокзалѣ день и ночь происходило движеніе и суета. Тутъ отправлялись солдаты, цѣлыя правительственныя учрежденія въ видѣ интендантскихъ, почтовыхъ, контрольныхъ и другихъ канцелярій. Нестройныя толпы добровольцевъ, ѣдущихъ въ Сербію, шумѣли, кричали и даже безобразничали. Посреди царствующаго хаоса духовенство служило напутственные молебны. Кадила дымились; слышались урывками молитвы и пѣніе, рыданія и наглыя ругательства. Все святое сливалось съ самымъ пошлымъ; истинную драму смѣняла комическая сцена. Я очутился опять въ Кишиневѣ.

Здѣсь уже былъ походный лагерь. Офицеры верхомъ и пѣшкомъ оживляли городскія улицы, обыкновенно пустыя. Кишиневъ только по наружному виду русскій городъ, а по характеру жителей—жидовско-молдаванскій. Я думаю, что и теперь въ немъ отъ тоски умрешь и въ грязи утонешь. Въ мое время, въ его дворянскомъ собраніи балы чередовались съ маскарадами. Военная молодежь бодро смотрѣла впередъ, не соображая, что многимъ изъ нея не суждено было вернуться въ свое отечество. За шумными

обѣдами и ужинами въ клубѣ истреблялось въ громадномъ количествѣ мѣстное вино; кишиневскія красавицы одушевляли будущихъ героевъ, а на отдаленномъ небосклонѣ поднималась завѣса, вскрывавшая кровавую зарю. Меня судьба устроила на квартирѣ литератора Василія Алексѣевича Кандаурова. Когда-то онъ былъ редакторомъ журнала *Недѣля* и написалъ романъ «Поменьше опеки». Это былъ человѣкъ добрый, малоподвижный, но душевный и мечтательный. Онъ сдѣлался моимъ сердечнымъ собесѣдникомъ. Нерѣдко, когда я отходилъ ко сну, Кандауровъ садился на мою кровать. Поднимался споръ о благѣ человѣчества, о любви, объ истинѣ, о нравственныхъ задачахъ жизни. Слова лились, свѣча догорала, утро заглядывало къ намъ, а мы еще не могли покончить съ тревожащими насъ мыслями. Кандауровъ познакомилъ меня съ однимъ интереснымъ семействомъ—нотаріуса Трейера. Оно состояло изъ мужа и жены, внимательно слѣдившихъ за литературными и общественными вопросами. Каждый вечеръ привѣтливая столовая этихъ милыхъ людей была оживлена нѣсколькими интеллигентными гостями. Изъ нихъ особенно выдѣлялся одесскій докторъ Гольдштейнъ. Энергичный, умный, убѣжденный позитивистъ, онъ громилъ все идеальное, призрачное, и училъ вѣрить только тому, что ощутимо руками, ногами и видимо глазами. Во мнѣніяхъ его было то цѣнно, что онъ не допускалъ нравственнаго опущенія человѣка; онъ вѣрилъ, что и безъ стремленія къ сверхъестественному можно честно исполнять свои гражданскія обязанности. Не угомоненный даже тяжкими испытаніями, я схватывался съ Гольдштейномъ и доказывалъ ему, что вся красота жизни, ея истинныя радости неразрывно связаны съ порывами духа къ вѣчному и совершенному; что честность одна и гуманизмъ не могутъ удовлетворить потребностей сердца и мысли. Они питаются стремленіями къ недосягаемому, и въ этихъ стремленіяхъ заключается вся тайная

сила мірового прогресса. Зачѣмъ же безусловно отрицать то, что еще не понятно и не поддается толкованію существующихъ законовъ науки? Зачѣмъ отнимать у человѣка лишнія радости, не создавъ взамѣнъ ихъ другихъ вѣскихъ радостей? Нѣтъ, оставьте въ покоѣ истины, на которыхъ окрѣпли новѣйшіе народы. Вѣдь онѣ послужили краеугольнымъ камнемъ для современной цивилизаціи, для вѣковѣчныхъ памятниковъ искусства? А позитивизмъ есть еще наука безъ историческаго опыта. Его будущность, во всякомъ случаѣ, гадательная.

Такъ проводились мною въ Кишиневѣ часы, свободные отъ служебной дѣятельности въ вѣдомствѣ, о которомъ въ печати стали появляться самыя фантастическія вѣсти. Общественный пирогъ служитъ всегда заманчивымъ предметомъ для людей, стремящихся къ наживѣ. Въ какой формѣ подается на столъ этотъ пирогъ? Намъ все равно. Изготовитъ ли его интендантство, инженерное вѣдомство, земство,—охотниковъ на него найдется много, завистниковъ еще больше. Я не буду защищать той мысли, что интендантскіе представители были безгрѣшны въ своихъ желаніяхъ и поступкахъ. Такѣ говорить глупо. Но справедливо то, что предъ послѣдней Турецкою войной и въ ея эпоху, они сдѣлались козлищемъ отпущенія за всѣ наши прегрѣшенія. Въ Кишиневѣ до войны было два корреспондента, акредитованныхъ при мобилизованной арміи, то были: гг. Каразинъ и Всеволодъ Крестовскій. Первый изъ нихъ состоялъ представителемъ газеты *Новое Время*, второй—*Правительственнаго Вѣстника*. Они были люди разумные, сдержанные, сообщали только о томъ, въ чемъ глубоко убѣждались сами. Н. Н. Каразинъ жилъ у меня. А, между тѣмъ, печать, въ своихъ усиліяхъ удовлетворить раздраженнымъ чувствамъ читателей, доходила до абсурда. Судите изъ фактовъ сами. Въ одно утро въ петербургскихъ газетахъ появляется телеграмма о разстрѣляніи въ Киши-

невѣ двухъ интендантскихъ дѣятелей: полковника Е—ва и чиновника В—ева. Излагаются хищническіе мотивы преступленія и процесса казни. Вся Россія была взволнована приведеннымъ извѣстіемъ. Высшее начальство въ Петербургѣ смутилось. Оно не получало съ юга даже намека на какое-либо печальное происшествіе. Вѣдь нельзя стереть съ лица земли, подъ шумокъ, такую крупную военную единицу, какъ полковникъ? Едва ли я ошибусь, замѣтивши, что въ травлѣ на дурное хозяйство въ дѣйствующей арміи, когда оно еще начинало свою дѣятельность, участвовали наши политическіе враги. Имъ нужны были скандалы въ нашей внутренней жизни. Они выдумывали ихъ, лишь бы доказать Европѣ, что у насъ все гадко, что мы живемъ наканунѣ нравственнаго разрушенія. Далѣе, какъ легкомысленна была печать, чтобъ изъ отдѣльныхъ фактовъ злоупотребленій стряпать громовый обвинительный актъ на цѣлое учрежденіе! Слово «интендантъ» сдѣлалось синонимомъ «вора». Извѣстный и уважаемый литераторъ напечаталъ открытое письмо къ полевому интенданту и предлагалъ ему публично исповѣдываться въ своихъ грѣхахъ. Общественныя страсти до того разгорячились подъ вліяніемъ всего читаннаго, что въ интендантской формѣ стало стыдно ходить по улицамъ. Въ сущности же чиновники интендантства настолько же воровали въ то время, насколько воровали и въ другихъ учрежденіяхъ государства. Были уличены въ хищничествѣ и артиллеристы, и инженеры, и городскіе банки, и земства, и городскія управы, и даже редакторы газетъ. Имъ все извиняли, или не звонили, по крайней мѣрѣ, въ набатный колоколъ.

У насъ все кричатъ о необходимости распространенія образованія въ массѣ. Чтó оно значитъ безъ соотвѣтствующаго воспитанія? Надобно заботиться о развитіи добрыхъ качествъ сердца, чтобъ оно, такъ сказать, фильтровало намѣренія разсудка. Образованный человѣкъ безъ хорошаго

воспитанія похожъ на мѣсяцъ, который свѣтитъ, но никого не согрѣваетъ. А у насъ именно такихъ людей очень много, и оттого являются новыя преступленія, не поддающіяся прямому обвиненію установленныхъ законовъ. Я не могу удержаться, чтобы не привести мнѣнія о людскихъ слабостяхъ сенатора Синельникова, этого популярнаго, безкорыстнѣйшаго дѣятеля. Онъ говорилъ:

— Когда я былъ генералъ-интендантомъ, и мнѣ приходилось давать чиновнику крупную сумму на заготовленіе провіанта, то я предупреждалъ его такъ: я знаю, что вы получаете небольшое содержаніе, и что вамъ предстоитъ большой соблазнъ. Помните, на вознагражденіе вашего труда въ ассигнованной суммѣ имѣются десять процентовъ. Захотите взять одиннадцатый процентъ—вы погибнете.

У незабвеннаго сенатора не было случая, чтобъ его подчиненный проворовался, или сдѣлалъ бы заготовку продуктовъ дурного качества.

Въ половинѣ февраля 1877 года, покончивъ служебныя дѣла по командировкѣ, я возвращался изъ Кишинева въ Россію въ поѣздѣ, спеціально снаряженномъ для начальника штаба дѣйствующей арміи, генералъ-адъютанта Непокойчицкаго и его свиты. Мы выѣхали изъ Кишинева около двухъ часовъ дня, въ весеннюю и ясную погоду. Не доѣзжая верстъ тридцать до Бендеръ, насъ захватила неожиданная мятель. Густыя облака спустились на землю. Загудѣлъ вѣтеръ, и снѣгъ пошелъ такими обильными хлопьями, что ничего не было видно въ воздухѣ. Въ вагонахъ воцарился мракъ. Поѣздъ сталъ медленно двигаться, сбрасывая съ рельсовъ образовавшіеся сугробы. Когда мы очутились въ Бендерахъ и столпились въ небольшой комнатѣ станціи, то дальнѣйшаго движенія къ Одессѣ уже не было. На желѣзной дорогѣ возвышались снѣжныя горы, и два баталіона солдатъ безплодно работали. Говорили, что пять человѣкъ изъ нихъ пропали безъ вѣсти.

Предъ весело пылавшимъ каминомъ въ креслѣ сидѣлъ неподвижно маститый начальникъ штаба и курилъ папиросу. Кругомъ было почтительное молчаніе. Мы провели болѣе сутокъ на станціи.

На другой день, около вечера, мы прибыли въ Раздѣльную. Въ обширномъ залѣ, установленномъ многочисленными столами, слышался говоръ разнообразнаго люда. За однимъ изъ столовъ, гдѣ поддерживалась умышленно пустота, помѣстился господинъ среднихъ лѣтъ, въ штатскомъ платьѣ, съ энергичнымъ лицомъ и съ георгіевскимъ крестомъ на шеѣ. За его стуломъ стояли два громадныхъ гайдука, одѣтые въ яркіе черногорскіе костюмы. Ихъ груди украшали медали и ордена. Сидѣвшій былъ герой Ташкента и Турецко-Сербской войны. Публика осторожно обходила человѣка, къ которому, нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ, съ благословеніями и шумнымъ восторгомъ, мы отправляли безъ разбору нестройныя толпы добровольцевъ. Грустное чувство зарождалось въ душѣ...

И опять я въ Петербургѣ, но, впрочемъ, ненадолго. Вскорѣ я получилъ назначеніе на Кавказѣ, но отправился туда уже при новой обстановкѣ.

Глава XII.

По пути къ Кавказу.

Послѣдняя улыбка Петербурга. — Опять Волга. — Пароходное общество.—Мысли на просторѣ о силѣ жизни.—Жигули при лунномъ свѣтѣ. — Г. Вольскъ и садъ купца Сапожникова. — Беззаботное общество. – Саратовъ.—Царицынъ.—Волго-Донская желѣзная дорога.—Плѣнные Турки.—Калачъ.—Общій характеръ Донского населенія. — Плаваніе по Дону.—Станица Цимлянская.—Драма на рѣкѣ.—Пристань въ Ростовѣ.—Городской садъ.—Отъѣздъ во Владикавказъ.—Кубанская степь.—Приближеніе къ горамъ Кавказа.—Первыя впечатлѣнія.—Военно-Грузинская дорога.—Рожденіе моей поэмы „Въ Кавказскихъ горахъ".—Отрывокъ изъ нея.—Долина Арагвы.—Видъ Тифлиса.

Съ кѣмъ я ѣду, читатель? Я и самъ не вѣрю... Петербургская природа, несмотря на половину мая, не хотѣла признавать торжества весны. Мелкій дождь пронизывалъ воздухъ, рѣзкій вѣтеръ заставлялъ васъ закутываться въ теплое пальто. Прохожіе мрачно поглядывали другъ на друга.

Въ Николаевскомъ вокзалѣ собрались друзья проводить насъ на благословенный Югъ. Мы уѣзжали надолго изъ непривѣтливой столицы Сѣвера. Явились и мои литературные пріятели. Забывая хмурую погоду, все смѣялось и острило кругомъ насъ. На душѣ моей, измученной прошлымъ, возникали новыя радости. Раздался первый звонокъ. Пассажиры начали суетиться. И мы встали съ своихъ мѣстъ, но вдругъ остановились. Въ концѣ зала показалась

мощная фигура высокаго генерала, и толпа почтительно разступилась передъ нимъ. То былъ сенаторъ, Николай Петровичъ Синельниковъ, глубоко чтимый всей Россіей. Онъ пріѣхалъ на желѣзную дорогу проститься со мной и той, которая дала мнѣ вторую юность и была любимицей незабвеннаго старика и его достойной супруги.

Поѣздъ запыхтѣлъ и тронулся. Мы выглянули въ окно и увидѣли въ послѣдній разъ мелькавшія очертанія милыхъ друзей и старца, благословляющаго даль.

. . . .

Вотъ я опять на широкой Волгѣ. Мы избрали по ней путь до Царицына, чтобы насладиться вполнѣ прелестями воднаго путешествія. Времени впереди было много. Въ Нижнемъ мы сѣли на пароходъ *Царевна Марія*, принадлежащій къ компаніи «Кавказъ и Меркурій». Общество въ первомъ классѣ было любопытно. Съ нами ѣхала хорошенькая дамочка, крайне болѣзненнаго вида. Ее сопровождалъ солидный докторъ, безпрестанно укутывавшій свою паціентку въ пледъ, дававшій горькія пилюли и говорившій ей приторности. Она, въ свою очередь, мило капризничала:

— Ахъ, докторъ! Какой вы неловкій! Принесите платокъ. Распорядитесь чаемъ. Смотрите, я на васъ пожалуюсь мужу по возвращеніи.

Пассажиры слѣдили въ молчаливомъ согласіи за этою парочкой. Возбуждалъ ихъ вниманіе и одинъ помѣщикъ Саратовской губерніи—небольшого роста, съ желтоватымъ лицомъ, въ очкахъ, съ язвительною улыбкой и почти сѣдой. Онъ сидѣлъ всегда одинъ, сосредоточенный въ самомъ себѣ. Пробовали я и другіе его расшевеливать, но слышали отъ него рѣзкія, отрывистыя фразы, въ которыхъ звучала опредѣленно ненависть ко всему настоящему. Помѣщикъ не признавалъ реформенную Русь. Онъ жилъ воспоминаніями о прошломъ. Его царь былъ Николай Павловичъ. Порядки, существовавшіе въ его эпоху, люди, жившіе тогда,

носили на себѣ, по мнѣнію мизантропа, печать непогрѣшимости.

Мы удалялись все больше на Югъ. Уже въ Москвѣ на насъ пахнуло тепломъ; въ Нижнемъ-Новгородѣ мы застали деревья чуть-чуть распускающимися, а у Симбирска увидѣли горный хребетъ Волги, утопающій въ расцвѣтшей зелени. Здѣсь мы почти не разставались съ верхней палубой. Живительный, нѣжный, какъ вѣяніе первой любви, вѣтерокъ обвѣвалъ наши лица. Окрестная панорама двигалась вмѣстѣ съ нами. Отвѣсные горные утесы постепенно отодвига́лись; выступали холмы, поросшіе вѣковыми лѣсами. Но и эти лѣса, въ свою очередь, исчезали. На вершинѣ крутого берега показались домики; въ изумрудной кущѣ деревъ пріютилась деревянная церковь. Но и она промелькнула, для того, чтобъ открыть широкую, уходящую вдаль, долину, съ обширными селами и садами. Надъ Волгой, на ровномъ берегу, толпится народъ, въ разноцвѣтныхъ платьяхъ, похожій издали на пестрый, движущійся коверъ. Солнце высоко стоитъ на небѣ. И озаряетъ оно собою и эту многоводную Волгу, и ея окрестности, погруженныя въ сладкую истому безконечнаго бытія. Боже! Какъ хорошо кругомъ! Ужели человѣкъ, порабощенный горемъ, видитъ одно только горе? Если бъ онъ могъ поднять свои глаза, омоченные слезами страданія, къ неистощимымъ дара́мъ природы, ужели въ нихъ мученикъ не нашелъ бы цѣлительнаго бальзама для своей больной души? Страданія необходимы намъ. Язычникъ Сенека говоритъ, что человѣкъ выше боговъ потому, что послѣдніе не знаютъ страданій. Я страдалъ.

Но, когда былъ подавленъ первый порывъ мученическаго чувства, я задавался вопросомъ: не наступаетъ ли мгновеніе новой жизни? И незамѣтно, помимо воли, возставали въ воображеніи другія картины, не имѣвшія ничего общаго съ гнетущими ощущеніями. И картины вызывали изъ са-

маго нутра запросы на счастье, на незнакомыя прежде требованія. Я къ нимъ стремился точно такъ же неотразимо, какъ стремится бабочка на огонекъ.

Нынче въ модѣ стрѣляться или другимъ способомъ насильственно прекращать дни. Много молодыхъ силъ погибло, и много изъ нихъ ждетъ роковой очереди. Не происходитъ ли это скорбное явленіе отъ того, что человѣкъ сдѣлался крайнимъ матеріалистомъ? Онъ ушелъ отъ неба и не созерцаетъ его божественныхъ красотъ. При первыхъ невзгодахъ, при первыхъ сердечныхъ ранахъ мысль современнаго юноши остается чуждою выспимъ духовнымъ утѣшеніямъ. Онъ смѣется надъ тѣмъ, чего не выяснилъ геній ни прошлыхъ, ни настоящихъ временъ. Въ близорукой слѣпотѣ онъ думаетъ, что жить не стóитъ, что утраченное не вернется. У него нѣтъ характера, чтобы продолжать жизнь. Все сказанное есть результатъ гибельныхъ ученій реализма. Послѣдній суживаетъ человѣческій умъ; онъ сокращаетъ его горизонты; дѣлаетъ насъ безучастными къ судьбѣ другихъ, безсильными передъ житейскими ударами. Безконечное кроется въ мірѣ отвлеченномъ. Во внѣшней природѣ мы не можемъ видѣть безконечнаго пространства, а создаемъ его воображеніемъ; напротивъ, въ мірѣ внутреннемъ это безконечное является понятнымъ и какъ бы ощутимымъ. Такъ, намъ уясняется идеалъ прекраснаго, хотя онъ никогда не можетъ быть воплощеннымъ. Однако, самое стремленіе къ нему насъ облагораживаетъ и возвышаетъ надъ земнымъ.

Когда разрѣшались мною эти вопросы, солнце уже пряталось за сосѣдніе холмы. Прохлада охватывала природу, и полумракъ незамѣтно скрадывалъ ближайшіе предметы. Около меня раздался грубый голосъ:

— Вы говорите, что ѣдете въ Бузулукъ лѣчиться травой Кузьмича? Я вамъ доложу, препользительная трава. У моей тещи животъ былъ точно турецкій барабанъ. Съѣз-

дила къ Кузьмичу, внесла, что̀ слѣдовало, и живота, какъ не бывало. Теперь наступилъ мой чередъ лѣчиться у Кузьмича.

Это говорилъ толстый купецъ, страдавшій одышкою. Съ нимъ бесѣдовалъ худенькій человѣчекъ въ длиннополомъ сюртукѣ. Оба они направлялись въ цѣлительную страну черезъ Самару къ тому сказочному Кузьмичу, который обладаетъ травой-талисманомъ, излѣчивающей всевозможныя немощи. И сколько, слышно, нажилъ Кузьмичъ денегъ, благодаря вѣрѣ простого человѣка во все чудесное.

Ночь, почти южная, царила надъ Волгой. Слышался чей-то окрикъ съ далекаго берега, да ровные, разсчитанные удары пароходныхъ колесъ. Звѣзды тонули въ воздушной глубинѣ. Тянуло и меня къ нимъ въ безпредѣльную бездну невѣдомаго и таинственнаго. Она, невинная, нѣжная, точно первый ландышъ, сидѣла около меня и вдыхала ароматы ночи. Позвольте, добрый читатель, еще помечтать.

Кажется, старикъ Гёте сказалъ: «Die grosse Kraft ist mild». Не изъ этого ли источника проистекаетъ наша любовь къ женщинѣ? Вся ея прелесть не выходитъ ли изъ ея скромности и ея безсилія? Въ средніе вѣка, закованный въ тяжелыя латы, доблестный рыцарь, какъ рабъ, вѣрно служилъ избранной дамѣ. Онъ не разбиралъ тонко ея нравственныхъ качествъ, но онъ поклонялся ей, какъ существу, поддерживавшему лучшіе порывы его души, служилъ какъ слабому созданію, требовавшему защиты. Мы, ушедшіе далеко отъ упомянутыхъ вѣковъ, иронизируемъ надъ этой ея рыцарскою любовью, а что́ мы дали взамѣнъ ея нынѣшней женщинѣ? Мы развратили ее до того, что въ нашихъ устахъ становятся неумѣстными слова Монтескье: «Твои слезы изъ тѣхъ, отъ которыхъ божьи цвѣты расцвѣтаютъ, а мои лишь палятъ мою душу огненнымъ дождемъ»...

Къ намъ подошелъ капитанъ парохода и торжественно произнесъ:

— Жигули начинаются!

Я вскочилъ со скамейки. Гдѣ Жигули? Сквозь окружающую мглу едва можно было различить на правомъ берегу темные силуэты тянувшихся горъ. Но вотъ ихъ верхушки начали серебриться. Съ противоположной стороны Волги медленно, какъ бы изъ волнъ, поднимался запоздавшiй мѣсяцъ. Точно виновный въ томъ, что не во-время явился показать намъ ночную картину чудной рѣки, онъ торопился плыть на середину неба и остановился прямо надъ нами. Мы увидѣли воочiю передъ собой божественное зрѣлище. Водное пространство колыхалось въ лунномъ свѣтѣ, отражая въ своихъ глубинахъ тѣнь плывущаго парохода. Берегъ, къ которому мы быстро приближались, былъ окутанъ дымкою, какъ прозрачнымъ флеромъ. Онъ возвышался надъ уровнемъ Волги, образуя безконечный рядъ крутыхъ холмовъ, сплошь покрытыхъ деревьями. Пароходъ подходилъ то подъ нависшiя надъ бездной скалы, то удалялся въ сторону, расширяя для глаза волшебную картину. Порой уснувшiя долины, вмѣстѣ съ домиками на скатѣ оврага, гостепрiимно манили насъ къ себѣ. У подножья спустившихся пригорковъ дымятся огоньки костровъ, разведенныхъ неизвѣстною рукой. На каменномъ выступѣ, какъ тѣнь мертвеца, въ бѣломъ саванѣ, мелькаетъ фигура таинственнаго обитателя Жигулевскаго рая. Вотъ онъ поднялъ одну руку къ небу, а другою машетъ пароходу, желая остановить его бѣшеный бѣгъ. Тщетная надежда! Мы миновали отшельника, какъ то счастiе, которое случайно ловитъ человѣкъ и жаждетъ удержать, а оно уже ушло и мчится къ встрѣчному, такъ же хватающемуся за него, какъ и тотъ, его упустившiй.

Но мы устали. Упоенные волжскою природой, сказавшею въ Жигуляхъ послѣднее слово о своей чарующей красотѣ, мы ушли въ каюту, но долго заснуть не могли отъ пережитыхъ ощущенiй и отъ болтовни барыни, ѣхавшей на

Кавказъ въ сопровожденіи доктора. Она помѣстилась по сосѣдству съ нами и настолько ожила, въ теченіе трехъ дней плаванья, что стала неузнаваемою. Голосъ ея окрѣпъ и слышался на концѣ парохода. И теперь до насъ доносились слова:

— Я вами недовольна, докторъ.

— Это почему же?

— Вы мало за мною ухаживаете.

Послѣдовали шутливыя оправданія, а потомъ смѣхъ.

Въ ласкающій вечеръ слѣдующаго дня мы подошли къ Вольску, уѣздному городку Саратовской губерніи. Его строенія тянутся по небольшимъ возвышенностямъ. Пароходъ остановился у пристани на три часа, и мы отправились осматривать городъ. Въ немъ оказалась одна достопримѣчательность. Это—затѣйливый садъ купца Сапожникова, разбогатѣвшаго на ловлѣ рыбы. Въ садъ мы прошли безпрепятственно. За нимъ ходила любящая душа, одаренная художественными достоинствами. Стройныя, усыпанныя пескомъ, аллеи каштановъ и липъ съ широкими листьями плѣняли взоръ. Кусты сирени были въ полномъ цвѣту, а жасминъ начиналъ наполнять своимъ дыханіемъ воздухъ. Кокетливыя головки цвѣтовъ украшали куртины и, замѣчая вашъ жадный взоръ, умоляли, чтобы вы пощадили только-что возникшую жизнь. Мы дышали ароматною нѣгой, но были удивлены, въ концѣ гулянья, оригинальною картиной. Вся внутренняя сторона садоваго забора была раскрашена рисунками, изображавшими разнообразныя сцены изъ родного деревенскаго и трактирнаго быта. Рисунки аляповатые. сдѣланные грубою рукой. Тутъ подгулявшіе молодцы выступаютъ въ ярко-голубыхъ поддевкахъ, а пляшущія женщины и дѣвицы—въ зеленыхъ, желтыхъ, красныхъ сарафанахъ и платьяхъ.

Мы оставили садъ съ букетомъ, врученнымъ моей юной подругѣ добродушнымъ нѣмцемъ, когда защелкалъ влю-

бленный соловей, пріютившись въ чащѣ сирени, и пѣвшій первый привѣтъ веснѣ на волжскомъ раздольѣ.

Съ берега послышались веселые крики молодежи. Нѣсколько приличныхъ экипажей остановились у пристани. Миловидные барышни и юнцы, одѣтые въ полуохотничьи куртки и въ длинные лакированные сапоги, дышали такимъ здоровьемъ и беззаботностью, что возбуждали въ насъ, петербургскихъ заморышахъ, невольную зависть. Посреди общества шла почтенная старушка, отъ души чему-то смѣявшаяся. Сзади прислуга тащила большіе чемоданы. Пассажиры не успѣли присмотрѣться къ прибывшимъ, какъ были подхвачены стройнымъ, мелодичнымъ пѣніемъ, огласившимъ пароходъ. «Внизъ по матушкѣ по Волгѣ» неслось въ воздухѣ, и всѣ чувствовали прелесть и силу воспѣваемой рѣки. Мы точно очнулись отъ сна, а у мизантропа-помѣщика съѣхали очки на носъ, глаза заморгали, и онъ тихо пробормоталъ:

— Точно двадцать пять лѣтъ тому назадъ. Ахъ, хорошее было время!.. Оно умерло, а старая пѣсня живетъ.

Казалось, что эхомъ еще повторялись въ пространствѣ послѣдніе звуки величественной пѣсни, какъ зазвенѣли высокія ноты замирающаго голоса: «Вдоль да по рѣчкѣ, вдоль да по Казанкѣ, сизый селезень плыветъ».

Нѣтъ, ужъ больно намъ сдѣлалось хорошо. Неподдѣльное веселье юности заразительно. Оно, какъ вино, дѣйствуетъ на пожилого человѣка. Кто сидѣлъ, тотъ вскочилъ съ мѣста; кто лежалъ въ каютѣ, тотъ торопился на палубу. Мы окружили молодежь, подпѣвали ей и почувствовали, что стали близкими другъ другу и будто давно знакомыми.

Старушка, сумѣвшая свою старость тѣсно соединить съ восходящею жизнью, была мѣстная помѣщица, Анна Петровна Бахметьева. Ея родной братъ, Бахметьевъ, былъ извѣстнымъ духовнымъ композиторомъ и долгое время упра-

16

влялъ Императорскою пѣвческою капеллой. Сестра его уѣзжала въ Петербургъ, многочисленные сыновья, внуки и внучки провожали любимую мать и бабушку. И какъ провожали! Они ютились около старушки, отгадывали ея желанія, предупредительно ихъ исполняли . и съ любовью цѣловали возроствившую ихъ руку. Анна Петровна все свое поколѣніе перезнакомила съ нами и овладѣла нашими чувствами. Жива ли теперь эта славная старушка, явившаяся предъ нами, какъ свѣтлый метеоръ, благословившая нашъ новый путь и исчезнувшая во всепоглощающую вѣчность?

Думалъ я, наглядѣвшись на семейство Бахметьевыхъ: какая благодать таится въ томъ, чтобы человѣкъ проходилъ первые годы жизни на деревенскомъ просторѣ, непосредственно окруженный природой. Его душу не давилъ бы съ младенческихъ лѣтъ холодный камень столичныхъ зданій и мостовыхъ; его не развращалъ бы видъ шумныхъ увеселеній, не дающихъ сердцу благотворнаго питанія; его дыханіе не отравлялъ бы промозглый запахъ многоэтажныхъ жилищъ, поглощающихъ, какъ могилы, тысячи жизней. Кто-то хорошо сказалъ: «L'homme créa les villes et Dieu les campagnes».

Пароходъ пришелъ въ Саратовъ на разсвѣтѣ. Громадный городъ спалъ, но туманная мгла, окутывавшая его со всѣхъ сторонъ, не влекла на берегъ. Мы остались на Волгѣ. Воздухъ упоителенъ. Онъ обхватываетъ и оживляетъ васъ. Восходящее солнце золотитъ паруса судовъ, точно чайки мелькающихъ по водѣ. Встрѣчные острова, перерѣзывающіе рѣку, сладострастно купаются въ дремотныхъ волнахъ.

Мы пили чай на палубѣ. Чѣмъ ниже спускаемся по Волгѣ, тѣмъ она становится бѣднѣе видами и берегами. Я не былъ за Царицынымъ, но за нимъ красавица-рѣка не интересна. Она растеряла на длинномъ пути свои чары и стала похожа на молодящуюся старуху. Царицынъ ску-

ченъ. Отсутствіе красивой мѣстности, грязныя, незамощенныя площади посреди города; многочисленные трактиры, большіе склады нефти и каменнаго угля—все это говоритъ о торговлѣ, о меркантильныхъ людскихъ интересахъ. Съ пристани переѣхали на вокзалъ Волго-Донской желѣзной дороги и были поражены его убожествомъ и буфетною пустотой. Надъ дверями вокзала какъ будто читалась надпись: «Здѣсь окончились ваши невинныя радости; здѣсь проза жизни входитъ въ свои права».

Передъ вокзаломъ, по желѣзному пути, тянется безбрежная степь. Небольшіе вагоны, съ разорванною обивкой, подвигались вяло, громыхая соединительными цѣпями. Мы вдавались въ степь. Направо отъ насъ, на высокой насыпи, показались красныя верхушки неопредѣленныхъ предметовъ. Мы удивились этому явленію, но вскорѣ оно разъяснилось. То были многочисленныя турецкія фески, принадлежавшія плѣннымъ османамъ, съ любопытствомъ смотрѣвшимъ на нашъ поѣздъ. Разсказывали въ вагонѣ, что нѣкоторые изъ турокъ, посмазливѣе наружностью, отлично устроились у царицынскихъ барынь, любящихъ разнообразіе въ амурной области. Турки, вообще, у насъ нашли не то, что ожидали. Вмѣсто «сѣкимъ башкамъ», они встрѣтили самое добродушное гостепріимство. Я слышалъ, какъ фактъ, что въ одномъ городѣ мѣстный голова произнесъ грубымъ азіатамъ краснорѣчивое привѣтствіе, на что старшій изъ турокъ отвѣчалъ вопросомъ: «а сѣкимъ башкамъ намъ будетъ?»

Зеленая степь кругомъ. Ровная и волнистая, точно океанъ, она и безгранична, какъ океанъ. Ни кустика, ни холмика въ окрестности. Негдѣ спрятаться отъ врага и отъ палящихъ лучей южнаго солнца. Но что забѣлѣло влѣво отъ насъ? Бѣлизна то сдвигалась, то раздвигалась. Когда простымъ глазомъ сдѣлалось возможнымъ ее разглядѣть, то она представилась безчисленнымъ перекатывающимся жем-

чугомъ по шелковистому ложу. Громадныя стада мериносовыхъ овецъ, беззаботные обитатели царственнаго простора, гуляли вездѣ, не зная препятствія своимъ овечьимъ желаніямъ. Ихъ стада да рабочіе волы, встрѣчавшіеся близъ хуторовъ, нарушали безмолвіе и однообразіе степи. Станціи на дорогѣ жалки на видъ. Едва добились на одной изъ нихъ стакана порядочнаго чая. Словомъ, желѣзный путь отъ Царицына до Калача намъ остался памятенъ. Вагоны трясло. Семьдесятъ верстъ поѣздъ тянулся пять часовъ и лишь вечеромъ очутился на берегахъ Дона, прозваннаго народомъ «тихимъ». Послѣ Волги онъ намъ показался ничтожною рѣченкой, съ плоскими, какъ ладонь, берегами.

Калачъ – большая казацкая станица. Для меня казацкое житье не новость. Еще въ 1870 году, мнѣ привелось пробыть болѣе мѣсяца въ донскихъ степяхъ, на строющейся тогда Воронежско-Ростовской линіи. Я жилъ на Каменской станицѣ, которую и описалъ въ *Петербургскомъ Листкѣ* подъ заглавіемъ «Маленькій Лондонъ». Чтобы любить донскихъ казаковъ, надобно родиться самому донцомъ. А жителю средней Россіи они не могутъ быть особенно любы. Ихъ нравы, привычки, обращеніе столь своеобразны, что надобно долго присматриваться, чтобъ оцѣнить ихъ внутреннюю сторону. На половину донцы старовѣры. Да это и понятно. Ихъ предки бѣжали на роскошныя приволья донскихъ степей отъ московскихъ преслѣдованій въ эпоху раскольничьихъ движеній и послужили ядромъ нынѣшнему населенію Дона. Извѣстно, какъ старообрядцы упорны въ своихъ вѣрованіяхъ и какъ они чуждаются людей, не принадлежащихъ къ ихъ средѣ. До сихъ поръ мнѣ памятна непривѣтная жизнь въ станицѣ Каменской.

Намъ пришлось въ Калачѣ сѣсть на пароходъ *Эсаулъ*, маленькое и закоптѣлое обиталище легкомысленныхъ пас-

сажировъ, пожелавшихъ испытать всевозможныя невзгоды. Я спросилъ капитана:

— Когда мы придемъ въ Ростовъ?

Онъ отвѣчалъ:

— Это ужъ одинъ Богъ знаетъ. Иногда попадемъ на мель въ пустынномъ мѣстѣ, и сидимъ на ней полсутокъ, а то и цѣлыя. Нечего сказать, хорошее утѣшеніе. Отрадный путь предстоялъ впереди. Нужно замѣтить, что мы пустились по Дону тогда, когда только-что миновало половодье.

Кое-какъ насъ устроили въ каютѣ, гдѣ на диванахъ едва можно было протянуть ноги. Прислуга на пароходѣ заспанная и непривѣтливая. Очевидно, что, за недостачей пассажировъ, лакеи занимались спаньемъ и не были избалованы подачками. Бѣлье на столъ подали такое, что мы настойчиво потребовали его перемѣны. Кушанья готовились отвратительно. Пишу эти строки, какъ живыя воспоминанія о прошломъ, и думаю, что нынѣ Донъ углубленъ и расчищенъ для плаванія; что его прибрежные жители вкусили плоды цивилизаціи и любезно привѣтствуютъ путешественниковъ; что донскіе пароходы похожи на комфортабельныя жилища и доставляютъ пассажировъ аккуратно къ назначенной цѣли. Какъ все это далеко отъ видѣннаго и испытаннаго нами!

Мы поплыли по Дону на другой день, безпрестанно измѣряя шестами глубину рѣки. То и дѣло раздавались на носу крики: Два! Четыре! Три! Два! Машина прекращала свое дѣйствіе. Потомъ снова начиналась Сизифова работа. Спустя часа три по выходѣ изъ Калача, мы чувствовали, что что-то зашуршало подъ нами. Плоскодонный пароходишко ухитрился усѣсться плотно на мель. Матросы, привыкшіе къ описанному явленію, сплюнули, вынули изъ кармановъ табачокъ, бумажку и закурили трубочки.

— Что же, долго стоять будемъ? — обратился я къ одному молодцу.

— А Богъ вѣсть! Какъ еще стащимся. Неровенъ часъ, и дно прошибемъ. Тогда и совсѣмъ сядемъ.

А солнце начинало припекать. Песчаные берега, а за ними степь надоѣдаютъ глазу. На душѣ становится скучно. Такъ однообразно протянулось дня два, и, съ горемъ пополамъ, мы добрались до Цимлянской станицы, прославленной своимъ виномъ. Станица стоитъ на правомъ, нѣсколько гористомъ берегу Дона и окружена садами. Казаки, въ форменныхъ мундирахъ или шинеляхъ, съ гордымъ видомъ поглядывали на насъ, непрошенныхъ пришельцевъ. Впрочемъ, свое кислое вино они продавали охотно намъ, выхваливая его отмѣнныя качества.

Ниже Цимлянскаго, на одной изъ пристаней, простояли около часу, запасаясь топливомъ, и только-что хотѣли двинуться въ путь, какъ были поражены страшнымъ крикомъ съ берега. По глубокому песку бѣжалъ казакъ пожилыхъ лѣтъ, въ разстегнутомъ казакинѣ, и зычно оралъ:

— Капитанъ! Остановите пароходъ!

Мы задержали ходъ. Казакъ продолжалъ:

— Жена убѣжала! Она спряталась у васъ! Позвольте обыскать пароходъ!

Несчастный мужъ волновался, а въ это время кто-то съ кормы шлепнулся въ воду, въ ней мелькнула нѣсколько разъ черная масса и скрылась навсегда въ пучинахъ рѣки, никому не выдающей своихъ сокровенныхъ тайнъ.

Сильный казакъ, бывшій не разъ на войнѣ, смѣло смотрѣвшій въ глаза непріятелю, какъ дитя заплакалъ о погибшей своей женѣ. Говорятъ, она была красавица и влюбилась въ молодого офицера, только-что вернувшагося на льготу изъ царской службы.

Съ парохода была спущена шлюпка для отысканія утонувшей; два казака кинулись въ волны, но все было напрасно. Тихій Донъ хотѣлъ доказать, что и онъ можетъ

топить людей, и не отдалъ своей добычи. Подъ грустнымъ впечатлѣніемъ мы прибыли къ Ростову.

Большой городъ, невдалекѣ отъ устьевъ Дона, не имѣетъ поэтическихъ красотъ. У его пристани скопились въ безпорядкѣ десятки судовъ и пароходовъ. Отвратительный рыбный запахъ настолько прочно заразилъ окрестный воздухъ, что никакіе вѣтры не въ состояніи его очистить. Колоссальные склады угля выглядываютъ могильными холмами, а тысячи оборванцевъ, снующихъ около извозчиковъ, заставляютъ васъ крѣпче держаться за кошелекъ. Мы остановились въ гостиницѣ, противъ городского сада. Бѣлыя акаціи его аллей были въ цвѣту. Я забылъ всякую усталость и побѣжалъ наслаждаться тѣмъ радостнымъ дыханіемъ весны, которое мы, жители Сѣвера, такъ поздно и такъ кратковременно испытываемъ. Въ саду устроена ротонда съ нѣсколькими прекрасно меблированными комнатами и крытыми террасами, идущими кругомъ зданія. Онѣ были обвиты виноградными вѣтвями, плотно обнявшими вычурныя колонки. Слышалось пѣніе соловьевъ. Я прежде удивлялся тому, что чудные пѣвуны въ такомъ количествѣ наполняютъ садъ, находящійся въ рединѣ города. Потомъ мнѣ объяснили, что соловьи помѣщаются въ клѣткахъ, искусно скрытыхъ въ виноградной чащѣ.

Ростовъ имѣетъ торговый характеръ. Полукаменный, грязноватый, суетливый, съ выбитыми мостовыми, онъ не можетъ нравиться образованному путешественнику. Тяжело дышется въ центральныхъ его частяхъ. На улицахъ встрѣчается людъ, большей частью принадлежащій къ промышленной средѣ. Нѣтъ, подальше отъ такихъ городовъ, отъ того цивилизующаго характера, который несетъ съ собою послѣднія моды Европы и удерживаетъ ароматъ смазныхъ сапоговъ.

Передъ нами опять степь, та степь, которая тянется безпрерывно на нѣсколько сотъ верстъ и упирается въ ка-

менныя преграды, пріютившія у своихъ подошвъ маленькій городокъ Владикавказъ. Кто привыкъ видѣть одну равнину, смѣняющуюся лѣсами, кто никогда не видалъ горной страны, тому трудно представить чувство, охватывающее человѣка при первомъ созерцаніи снѣжнаго хребта, уходящаго въ заоблачное пространство. Еще далеко до Владикавказа представляются Кавказскія горы въ формѣ грозныхъ тучъ, сгустившихся на горизонтѣ. Только за нѣсколько десятковъ верстъ отъ нихъ можно разобрать отдѣляющіеся отъ небосклона сѣдые силуэты и составляющіе нѣчто реальное, независимое отъ окружающихъ облаковъ. Когда Владикавказъ становится близокъ, то самыя горы точно идутъ къ вамъ навстрѣчу. Видя ихъ бѣлыя шапки, то блистающія на солнцѣ, то заволоченныя въ пелену, вы уже чувствуете и ихъ холодное дыханіе. Страшно. Воображеніе беретъ верхъ надъ разумнымъ сознаніемъ, и вы погружаетесь въ сказочный міръ, изъ котораго трудно выбраться нервному человѣку. Надъ самымъ Владикавказомъ горы висятъ. «Сторожевые великаны», какъ ихъ назвалъ поэтично Лермонтовъ, здѣсь собрались въ безконечныя снѣжныя цѣпи, чтобы показать слабому смертному, чрезъ видимое величіе, всемогущество Невидимаго и Сокровеннаго. Какъ ничтожны дѣлаются домики Владикавказа передъ подавляющими ихъ каменными громадами, такъ точно умаляется самый могучій умъ передъ дивными созданіями природы.

Я не беру на себя смѣлости описывать красотъ Военно-Грузинской дороги, воспѣтыхъ Пушкинымъ и Лермонтовымъ, но не могу умолчать о томъ впечатлѣніи, которое испытываетъ простой путешественникъ, въ родѣ меня, проѣзжая грандіозныя станціи Казбека, Коби, Гудаура и попадая, почти внезапно, въ благословенную долину Арагвы. Уже отъ Владикавказа горы не уходятъ отъ васъ. По обѣ стороны, но на приличномъ разстояніи отъ проѣз-

жающаго, стоятъ вѣчные гиганты съ фантастическими рисунками на вершинахъ. Гиганты сдвинулись тѣсно другъ съ другомъ у Дарьяльскаго ущелья. Какой мракъ и шумъ кругомъ! Глазъ не досягаетъ вздымающихся вершинъ, нашедшихъ себѣ пріютъ у далекихъ небесъ. Отдѣлившіяся отъ отвѣсныхъ стѣнъ гранитныя глыбы нависли надъ дорогой, протянутою тонкою змѣйкой надъ сіяющею пропастью, съ клокочущимъ Терекомъ на днѣ ея. Безъ сожалѣнія сжатый каменными великанами, онъ реветъ отъ своего безсилія и бѣшено мчится къ желанной свободѣ благоухающихъ равнинъ. Взоръ остановился на одной изъ горъ, бока которой покрыты зеленѣющимъ мохомъ. У горной расщелины вился величавый орелъ, держа въ своихъ когтяхъ трепетавшую горлицу. Какая нѣмая, потрясающая драма! Я вспомнилъ слова мадамъ Сталь: «на высяхъ горъ находятъ себѣ пріютъ орлы и смѣлые гады». Нѣтъ, если ты стремишься къ небу, если на вершинѣ озаритъ тебя солнце своими чистыми лучами, еще не достигшими грѣшной земли, то будь же достоинъ его божественнаго сіянія. Не грязни замаранной стопою бѣлоснѣжной пелены горной выси; вознесись мыслью къ той сокрытой міровой тайнѣ, которую ты не можешь постичь, окруженный земными условіями!.. Но вотъ мы перевалили Гудауръ. Тамъ внизу, гдѣ-то очень далеко мелькаютъ бѣленькія точки, едва замѣтныя для взора. Это домики станціи Млеты. Экипажъ спускается со страшной крутизны, съ ужасающею быстротой, безпрестанно огибая повороты дороги. По бокамъ роскошные кусты кактусовъ. Хотѣлось бы остановиться, хотѣлось бы полюбоваться полугорнымъ раемъ, но нѣтъ на то возможности. Мы мчимся, опустивши возжи, какъ тотъ очарованный человѣкъ, который, безъ разсужденія, бросается въ житейскую пропасть.

Наконецъ-то мы у подножья Кавказскихъ горъ. Но что̀ предъ нами? Моя голубка, во все время горнаго путеше-

ствія съ испуганнымъ восторгомъ смотрѣвшая кругомъ себя, вдругъ засіяла, точно увидала небесную картину. И, дѣйствительно, мы были поражены кроткою долиной Арагвы, плавно текущей между курчавыхъ чинаръ и изумрудныхъ холмовъ. Воображеніе мгновенно создало сказочную повѣсть. Мнѣ представилось, что видѣнный Терекъ—это живое существо, думающее и страдающее, какъ человѣкъ. Терекъ, сынъ сѣдовласаго Казбека, гордый, страстный, могучій, но сумрачный, какъ скалы, его прижавшія. Арагва—это не рѣка, а юная царица, блистающая красотой и невинностью. Она—дочь престарѣлаго Гудаура. Терекъ, мучась своимъ безотраднымъ положеніемъ, однажды уснулъ, и

.... ему казалась *)
Страна иная, гдѣ нѣтъ скалъ,
Гдѣ вся природа улыбалась,
И вѣтеръ злой не бушевалъ.
Онъ видѣлъ то, о чемъ донынѣ
Не вѣдалъ Терекъ. Онъ въ долинѣ,
Гдѣ все сіяетъ красотой,
Гдѣ, окруженная весной,
Царитъ Арагва. И долины
Покорны ей, а вдалекѣ
Тѣснятся горы—исполины:
Какъ камни въ царственномъ вѣнкѣ,
Блестятъ ихъ снѣжныя вершины.
Пришелецъ, видя новый край,
Душою мрачной встрепенулся,
И онъ впервые понялъ рай,
И онъ впервые улыбнулся.
Онъ дальше шелъ, и передъ нимъ,
Какъ свѣтлокрылый херувимъ,
Царица Грузіи явилась.
И путникъ сталъ, но весь душой
Летѣлъ впередъ, и мысль мутилась;
Слеза восторга за слезой

*) Отрывокъ изъ моей поэмы „Въ Кавказскихъ горахъ“, напечатанной въ журналѣ *Вѣкъ*, мартъ, 1882 года.

Съ лица печальнаго скатилась
И предъ царицею долинъ
Поникъ Дарьяла властелинъ.
Есть въ жизни чудныя мгновенья,
Когда подъ чарой впечатлѣнья,
Подъ гнетомъ пламенныхъ страстей,
Передъ величіемъ природы,
Предъ блескомъ царственныхъ очей,
Предъ алтаремъ святой свободы,
Стихаетъ умъ, молчитъ языкъ,
И мретъ въ груди восторга крикъ...

Арагва, смущенная незнакомцемъ, спрашиваетъ: кто онъ? Зачѣмъ пришелъ? Терекъ разсказываетъ ей грустную повѣсть о себѣ. Онъ—житель мрачнаго ущелья, не видавшій радостей съ самаго рожденья. Отецъ его, суровый Казбекъ, сжалъ сына тѣснинами скалъ, отнялъ у него свободу, оставивши одно ненасытное къ ней стремленіе. Терекъ озлобленъ. Онъ привыкъ къ вою вѣтра, къ паденью съ горныхъ высотъ могучихъ камней, къ грознымъ дождямъ, несущимъ въ его ложе безчисленныя воды. Такая жизнь безотрадна. Арагва старается смирить бурную душу пришельца и говоритъ о томъ, какія чудеса совершаетъ кротость и вѣра въ высшія начала жизни. Она припоминаетъ, что, много вѣковъ тому назадъ, въ Грузіи царствовалъ Миріанъ, жестокій правитель, поклонявшійся идоламъ. Случайно онъ ослѣпъ и слышалъ, что на землѣ былъ Пророкъ, любившій своихъ враговъ и впервые сказавшій, что душа человѣка безсмертна. Строптивый владыка въ слезахъ воззвалъ ко Христу:

Христосъ пришелъ, надъ нимъ нагнулся,
И грѣшный старецъ встрепенулся,
И, вдругъ, онъ ясно видѣть сталъ.

Озаренный божественнымъ свѣтомъ истины, Миріанъ немедленно крестился, а за нимъ и весь грузинскій народъ.

Молча, слушалъ Терекъ прекрасную царицу, но не выдержалъ и воскликнулъ:

—„Увы, твоя живая вѣра
И благодатныя мечты
Есть безутѣшная химера,
И, какъ поблекшіе цвѣты,
Не наполняютъ пустоты
Моей души!“

Сынъ Казбека старался вселить Арагвѣ мысль, что на землѣ, кромѣ насилій и горя, ничего нѣтъ. А, между тѣмъ, пораженный ея красотою и смиреніемъ, онъ уже полюбилъ ее и, очарованный, палъ къ ея ногамъ. Въ то время, когда ему слышались, какъ сладкое журчаніе ручейка, слова царицы, что она боится его неукротимой натуры, что не въ силахъ за нимъ идти, но что его любитъ и умоляетъ укротить свои бурные порывы и благословить все живущее,— чудное видѣнье исчезаетъ, а Терекъ просыпается. Онъ остановилъ взоръ надъ непривѣтными скалами и замеръ отъ ужаса. Онъ одинокъ въ своей долинѣ, и конца не будетъ его страданіямъ. А чистый образъ Арагвы забыть не въ силахъ. О чемъ онъ сожалѣетъ? Чтò любитъ доброе, прекрасное, чтò никогда не можетъ соединиться положительное съ отрицательнымъ. Слишкомъ самоувѣренно Гегель утверждалъ, что абсолютнаго зла въ мірѣ нѣтъ, что оно есть крайняя степень добра.

Отъ Млетъ до Тифлиса мы уже ѣхали безъ тревоги по широкому берегу Арагвы. Многоводные ручьи и потоки, изрѣдка пересѣкавшіе дорогу и стремительно летящіе въ долину съ неизвѣстныхъ высотъ, походили на богатырей въ серебряной бронѣ, спѣшившихъ на свиданіе къ прекрасной царевнѣ. И Арагва охотно принимаетъ гостей, пока отъ ихъ надоѣдливаго ухаживанія не прячется на груди своей старшей сестры — Куры, отличающейся бѣшенымъ характеромъ.

Самый Тифлисъ, послѣ испытанныхъ впечатлѣній отъ Военно-Грузинской дороги, не поразилъ насъ такъ, какъ ожидали. Желтоватаго вида, точно изъ песчаника, онъ раскинулся амфитеатромъ по крутизнамъ Куры и имѣетъ издали видъ безчисленныхъ птичьихъ гнѣздъ, прилѣпленныхъ къ обнаженнымъ скаламъ. Новый городъ расположенъ по долинѣ. Чрезъ такъ-называемое предмѣстье Вѣры мы въѣхали въ столицу грузинскаго царства. Жара стояла страшная. Казалось, камни растапливались. Это былъ поцѣлуй южнаго солнца, смертоносный для жителей сѣвера и привычный для мѣстныхъ обитателей.

Глава XIII.

На Кавказѣ.

Гостиница „Кавказъ“ въ Тифлисѣ.—Комендантъ генералъ Опочининъ.—Дворецъ намѣстника.—Представленіе великому князю Михаилу Николаевичу.—Майданъ.—Европейская часть города.—Гора святого Давида.—Наша квартира.—Пріѣздъ въ Тифлисъ Александры Григорьевны Меньшиковой.—Ея прошлое.—Ботаническій садъ.—Сазандари и зурна.—Прелести курской воды.—Особенныя условія кавказской жизни.—Недостатокъ въ ней интеллигенціи.—Тифлисская печать.—Газета *Обзоръ* и ея редакторъ Н. Я. Николадзе.—Мѣстныя народности.—Ихъ отношенія къ Россіи.—Дорога въ Боржомъ.—Его природа и дачная жизнь.—Боржомская ночь.—Мысли, ею навѣянныя.—Драматургъ Александръ Ивановичъ Пальмъ.—Его драма *Нашъ другъ Неклюжевъ*.—Бесѣда Пальма объ этомъ героѣ со мной.—Мой разсказъ объ адвокатѣ Гитаринѣ.—Вліяніе разсказа на драму Пальма.—Поѣздка къ древнему храму.—Отшельникъ.—Мое стихотвореніе „Забытый храмъ“.—Романъ одной рѣшительной дѣвушки.—Кое-что объ убійствахъ на Кавказѣ.

По пріѣздѣ въ Тифлисъ, мы остановились въ гостиницѣ «Кавказъ». Она расположена какъ разъ противъ Караванъ-Сарая Тамамшева. Гостиницу содержалъ какой-то французъ, но удобствъ въ ней не завелъ никакихъ. Внутри двора, кругомъ всего зданія, шла крытая галлерея, пріютъ празднаго пріѣзжаго люда. Жары уже начались. Въ нумерѣ царила духота. Хотѣлось дышать, а дышать нечѣмъ. Пёкло стояло въ воздухѣ. Тѣмъ не менѣе, мнѣ приходилось облечься въ полную парадную форму и явиться по началь-

ству, котораго въ грузинской столицѣ нѣтъ числа. Я вышелъ на улицу. Бѣлыя акаціи начинали блекнуть. Свернувшійся изсохшій листъ, точно опаленный горячимъ лобзаніемъ южнаго солнца, печально висѣлъ на вѣтвяхъ деревьевъ. Лошади съ понуренными головами покорно ждали сѣдоковъ у извозчичьихъ колодъ. Одни невозмутимые азіаты щеголяли въ мѣховыхъ остроконечныхъ шапкахъ, папахахъ и чалмахъ, не обращая вниманія на пропекающіе лучи. Я поѣхалъ къ мѣстному коменданту, почтенному и заслуженному генералу-отъ-инфантеріи Опочинину. Онъ былъ глубокой старости, небольшого роста, но плотный и хорошо державшійся на ногахъ. Только память ему, видимо, измѣняла. Говорить съ нимъ было трудно, онъ часто возвращался къ вопросамъ, которые уже прежде предлагалъ. Генералъ назначилъ день, когда я долженъ былъ представиться великому князю, намѣстнику.

Въ великолѣпномъ дворцѣ, расположенномъ на Головинскомъ проспектѣ, густой садъ котораго поднимался въ гору, не мало совершилось историческихъ событій. Стѣны дворца видѣли грозную фигуру Ермолова и величавый образъ богатѣйшаго вельможи князя Воронцова. Подъ крышей дворца обиталъ и гордый побѣдитель Шамиля, князь Барятинскій, выступающій передъ нами, благодаря недавно напечатаннымъ запискамъ Инсарскаго, совсѣмъ не въ симпатичномъ свѣтѣ. Гордый и эгоистичный, находившійся даже съ родными братьями въ офиціальныхъ отношеніяхъ, фельдмаршалъ и на Кавказѣ оставилъ по себѣ, какъ человѣкъ, холодную память. Когда я проходилъ по заламъ дворца, то тѣнь этого надменнаго сановника, казалось, блуждала по угламъ, смущенная простотою и доступностью его преемника. Насъ представлялось нѣсколько человѣкъ: три генерала и пять штабъ-офицеровъ. Мы стояли въ небольшой комнатѣ, ведущей въ кабинетъ намѣстника. Генералъ Опочининъ, съ бумажкой въ рукахъ, безпрестанно обходилъ

насъ, желая, очевидно, запечатлѣть наши физіономіи и фамиліи. Вотъ онъ подходитъ ко мнѣ и говоритъ:

— Ваша фамилія—Андреевъ?

— Суворовъ, ваше высокопревосходительство.

Генералъ направился къ Андрееву и спрашиваетъ:

— А вы—Ивановъ?

— Андреевъ, ваше высокопревосходительство.

Комендантъ отходитъ въ сторону и продолжаетъ изучать злосчастную бумажку. Въ это время боковая дверь внезапно и шумно раскрылась; передъ нами появилась величественная фигура великаго князя. Каждый изъ насъ былъ осчастливленъ живымъ, ободряющимъ словомъ, а передъ стоящимъ выше меня полковникомъ произошла маленькая сцена. Уважаемый генералъ, посмотрѣвъ въ бумажку, прочелъ:

— Суворовъ.

Великій князь улыбнулся и сказалъ:

— Я десять лѣтъ уже знаю, что онъ Андреевъ.

Августѣйшій начальникъ края, только-что закончившій турецкую войну блистательнымъ взятіемъ Карса, пользовался громадною популярностью на Кавказѣ. Военное сословіе ходило съ гордо поднятою головой; туземные граждане не чувствовали надъ собою давящей руки власти и разницы въ правахъ между побѣжденными и побѣдителями. Зато для новопріѣзжаго изъ Европейской Россіи условія кавказскаго быта долго кажутся тяжелыми и неприглядными.

Меня сперва поражали улицы. Я никакъ не могъ привыкнуть къ такъ-называемому Майдану, грязному торжищу, захватившему пространство версты въ двѣ, вплоть до самой рѣки Куры. За ней тянется въ гору мѣстность, именуемая Авлабаромъ. Майданъ—собраніе азіатскихъ лавченокъ, съ узкимъ проѣздомъ между ними. Въ этихъ лавченкахъ совершается кругъ незамысловатой жизни. Въ нихъ

азіатъ родится, воспитывается, работаетъ, ѣстъ и отправляетъ свои горести и радости на виду у цѣлаго народа. Въ лѣтній полдень на Майданѣ самъ адъ выпускаетъ свои силы. Существующія при каждой лавченкѣ жаровни, а также печки, приготовляющія шашлыкъ, пилавъ, пловъ и другія блюда, увеличиваютъ пёкло. Дикая, своеобразная наружность туземцевъ наводитъ страхъ на непривычнаго путешественника. Когда же вы ближе всмотритесь въ ихъ лица, то найдете ихъ мирными и добродушными. Небольшіе ослики, или яшаки, кричащіе пронзительно, какъ дѣти, которыхъ кто-то обидѣлъ, дополняютъ картину оригинальнаго зрѣлища. Европейская часть города, а особенно Головинскій проспектъ, представляетъ иное явленіе. Здѣсь на всемъ лежитъ отпечатокъ того, что выработала вторая половина нынѣшняго столѣтія. Изящная архитектура домовъ, богатство магазиновъ, роскошь внутренняго убранства, электрическое освѣщеніе, изысканность дамскихъ костюмовъ, элегантность армянъ высшаго общества — все это рѣзко бросается въ глаза человѣку, впервые попавшему по ту сторону Кавказскаго хребта. Поднимитесь нѣсколько ступеней въ гору, и вы опять очутитесь въ полу-Азіи. Дома стариннаго вида, иногда съ плоскими крышами, крытыми галлереями по сторонамъ. Тутъ жители проводятъ вечера и ночи на открытомъ воздухѣ. Пожилыя армянки снуютъ по улицамъ, какъ мрачныя привидѣнія; одѣваются онѣ въ черныя платья, а головы покрываютъ бѣлыми чадрами. Онѣ не обращаютъ никакого вниманія ни на проходящихъ, ни на проѣзжающихъ, и шествуютъ въ своемъ гордомъ величіи, не сворачивая ни для кого съ дороги. Тифлисскіе туземцы — именно счастливыя дѣти природы, пользующіяся ея роскошными дарами, но не считающія нужнымъ ее за то благодарить. Мы наняли небольшую квартиру на Арсенальной улицѣ, имѣющей у подножья своего Головинскій проспектъ. Надъ нами амфи-

театромъ шли другія улицы, теряющіяся въ горной крутизнѣ. Тамъ, гдѣ-то, почти подъ облаками, пріютился къ скаламъ, въ формѣ едва виднѣющейся башни, древній монастырь святого Давида. Въ его оградѣ есть дорогая могила для каждаго русскаго. Это могила нашего Грибоѣдова. На мраморной плитѣ еще видна надпись, завѣщанная потомству одной изъ тѣхъ женщинъ, которыя составляютъ красоту человѣческаго общества.

— «Для чего пережила тебя любовь моя?» — гласитъ конецъ надписи, и сосѣдніе кипарисы, ушедшіе вершинами въ небеса, шепчутъ о томъ, что нѣтъ ничего на землѣ выше любви, что она есть отблескъ божества, поднимающій наши радости до райскаго блаженства.

Въ то время, какъ мы съ непривычки изнемогали отъ южныхъ жаровъ и устраивали свое жилище, Тифлисъ посѣтила извѣстная пѣвица А. Г. Меньшикова. Я зналъ ее еще въ свѣтлые годы моей юности. Въ Казани, гдѣ ея мужъ, Е. М. Меньшовъ, былъ командиромъ одесскаго пѣхотнаго полка, Александра Григорьевна поражала всѣхъ своимъ феноменальнымъ голосомъ. Она родилась въ малороссійской дворянской семьѣ Коробовыхъ. Юная Коробова была щедро одарена талантами и наружностью. Она воспитывалась въ Полтавскомъ институтѣ. Чуткая душа молодой дѣвушки быстро воспринимала изъ жизни ея лучшія, эстетическія стороны. Оттого роли, въ которыхъ Александра Григорьевна очаровывала публику своимъ художественнымъ исполненіемъ и колоссальнымъ голосомъ, носятъ на себѣ рѣзкую опредѣленность и законченность.

Впервые Меньшикова пѣла въ Московскомъ Большомъ театрѣ. Здѣсь она понравилась публикѣ, но закулисныя интриги и нѣкоторый недостатокъ школы заставили ее удалиться за границу. Александра Григорьевна прожила три года въ Парижѣ, занимаясь у знаменитаго Вартеля. Успѣшный дебютъ въ миланскомъ театрѣ утвердилъ въ ней

сознаніе, что высшее музыкальное ея образованіе закончено. Кто изъ людей средняго возраста не помнитъ блестящаго выхода Меньшиковой въ *Жизни за Царя*, на петербургской императорской сценѣ? Царская фамилія присутствовала на спектаклѣ, необыкновенномъ по своему составу. Роль Антониды исполняла Меньшикова, Ваню—Лавровская, Сусанина—О. А. Петровъ и Сабинина—Никольскій. Въ первомъ антрактѣ великій князь Константинъ Николаевичъ явился въ уборную Александры Григорьевны, чтобы поздравить ее съ небывалымъ торжествомъ. Съ тѣхъ поръ карьера даровитой артистки была упрочена, и имя ея въ нашихъ театральныхъ лѣтописяхъ стоитъ высоко. Пріѣздъ А. Г. Меньшиковой и симпатичнаго пѣвца С. М. Лаврова, моего хорошаго знакомаго, оживилъ меня и мою подругу, которую, послѣ описанныхъ мною красотъ фантастической Арагвы, ея близкіе стали называть «Арагвою». Оставимъ и мы за нею это поэтическое имя. Въ теченіе нѣсколькихъ дней пребыванія въ Тифлисѣ, Александра Григорьевна неразлучно была съ нами. Послѣ шумныхъ и восторженныхъ концертовъ, даваемыхъ ею, мы вечера оканчивали обыкновенно въ городскомъ саду, подъ густыми вѣтвями старыхъ каштановъ. Одинъ день мы провели въ ботаническомъ саду. Онъ находится на горѣ и занимаетъ обширное пространство. Можно въ немъ запутаться среди безконечныхъ аллей. Если вы попали въ садъ одни, то вамъ сдѣлается жутко отъ окружающаго безлюдья. Мѣстные жители почему-то избѣгаютъ посѣщать этотъ садъ, и, поневолѣ, въ немъ нашли себѣ пріютъ разныя темныя личности. Остановитесь вы передъ какою-нибудь шатровидною пальмой, удивляетесь ея красотамъ, а сквозь чащу виноградной листвы на васъ смотрятъ раскаленныя очи оборваннаго азіата. Въ мигъ ваше очарованіе исчезаетъ, а по тѣлу начинаютъ бѣгать мурашки. Такія импровизированныя встрѣчи отнимаютъ у васъ всякую охоту побы-

вать вторично въ мѣстности, гдѣ миндальныя, персиковыя и другія деревья уже въ мартѣ стоятъ въ полномъ расцвѣтѣ. Увидѣвъ въ саду нѣчто въ родѣ ресторана, мы попросили поставить самоваръ. Онъ былъ поданъ въ такой степени грязнымъ, что мы отказались отъ удовольствія напиться чаю. Вмѣсто бѣлаго, мягкаго хлѣба, были поданы «чуреки», то-есть засушенныя лепешки изъ муки, недоступныя для нѣжныхъ зубовъ нашихъ дамъ. Услышавъ издали звуки музыкальнаго инструмента — зурны, и заунывный голосъ, тянущій какую-то пѣснь, мы попросили хозяина ресторана пригласить къ намъ туземныхъ артистовъ. Черезъ минуту зурна и сазандари находились предъ нами. Раздались однообразные, стенающіе звуки азіатской гитары и дикій, надтреснутый теноровый голосъ, желавшій брать высокія ноты. Какъ мы ни старались, но мелодіи уловить не могли. Кругомъ насъ неслись звуки, раздражавшіе нервы, но не возбуждавшіе ни мысли, ни сердца, ни воображенія. Мы съ недоумѣніемъ смотрѣли другъ на друга, а сбѣжавшіеся «на музыку» азіаты съ видимымъ восторгомъ впивались въ выкатившіеся синеватые бѣлки увлекшагося сазандари.

Жары съ каждымъ днемъ усиливались, а намъ приходилось устраиваться на квартирѣ. Она была отвратительная; плата за нее доходила до семисотъ рублей въ годъ. Печки выступали прямо въ сѣни; у оконъ рамы только лѣтнія. Комнаты расположены такъ, что я становился втупикъ: гдѣ устроить спальню, когда всѣ почти комнаты съ наружными дверями? Вода изъ Куры доставлялась носильщиками въ грязныхъ бурдюкахъ. Она представляла мутный кисель съ такими остатками, на которые не было возможности смотрѣть безъ отвращенія. Для ея очистки въ кадки клали небольшіе куски квасцовъ, отчего вода дѣлалась мало доступною для заварки чая. Послѣ сказаннаго, нечего удивляться, что въ мое время тифлисскіе

обитатели нерѣдко страдали солитерами. Я проклиналъ новыя условія жизни, а многіе почтенные служаки, загнанные судьбою въ далекомъ прошломъ на Кавказъ, увѣряли меня, что они ничего не знаютъ лучше его; что въ Россію они не желаютъ вернуться. Тамъ и природа бѣдна, и люди злѣе. А здѣсь, говорили они, вѣчно радостное солнце заставляетъ сердце усиленнѣе биться, а мысли лучше спать Въ этихъ словахъ есть, быть-можетъ, своя доля правды. На Кавказѣ нѣтъ замѣтной движущейся интеллигентной жизни. Я уже не говорю о туземцахъ, погруженныхъ въ бездѣятельность,—но и пріѣзжіе русскіе поддаются быстро вліянію климата. При мнѣ выдающіяся силы ума были наперечетъ извѣстны. Въ Тифлисѣ выходили двѣ газеты: одна изъ нихъ, *Кавказъ*, носила полуофиціальный характеръ, другая, *Обзоръ*, издавалась Павломъ Яковлевичемъ Николадзе. Онъ былъ человѣкъ безспорно даровитый, но желчный и потому крайне односторонній. Его газета, несмотря на то, что имѣла тонъ рѣзкій, отрицательный и желала бить больныя стороны не только мѣстной, но и всероссійской жизни, считала не много подписчиковъ. *Обзоръ* едва влачилъ существованіе и, кажется, самъ собою прекратился. Если бы кавказскіе жители были цивилизованы, то, несомнѣнно, они не дали бы умереть такому живому органу, какъ *Обзоръ*. Онъ бойко отстаивалъ интересы своего народа; онъ призывалъ его къ участію въ высшихъ общественныхъ задачахъ; онъ чуть ли не обособлялъ бытіе Кавказа отъ бытія остальной Имперіи. Кромѣ некультурности, есть еще и другія причины, препятствующія сліянію обитателей горной страны: это ея разноплеменность, или ея разнонародность. Я не буду касаться магометанъ, только терпящихъ русскую власть, но и болѣе крупныя историческія національности, какъ грузины и армяне, стоятъ не на высокой степени умственнаго и нравственнаго состоянія. Даже скажу больше: грузины

изъ элемента владычествующаго перешли добровольно въ подданство армянъ, когда-то подвластныхъ нынѣшнимъ своимъ рабамъ. Вся торговля Кавказа сосредоточена въ рукахъ армянства, оставившаго грузинамъ лишь одно земельное хозяйство. Высшее грузинское общество не отличается даже свѣтскостью, а высшее армянское, напротивъ, щеголяетъ европейскимъ образованіемъ. Вся лучшая его молодежь воспитывается во Франціи или Англіи и возвращается въ свое отечество съ изящными манерами, но съ армянскою душой. Эта молодежь не любитъ Россіи и пренебрежительно относится къ ея исторически сложившимся установленіямъ. Мало того: ея мысли создаютъ Великую Арменію. Все приведенное, по крайней мѣрѣ, было въ мои годы. Крупный нашъ недосмотръ кроется въ томъ, что въ такомъ важномъ центрѣ азіатской окраины, какъ Тифлисъ со сто тысячами жителей, не имѣется русскаго университета, съ русскими профессорами, съ русскою обстановкой. Это учебное заведеніе оказало бы на Кавказѣ намъ ту же политическую услугу въ дѣлѣ обрусенія, какую оказываетъ нынѣ переформированный Дерптскій университетъ. При существованіи университета въ родной мѣстности, богатые армяне не считали бы нужнымъ отправлять своихъ дѣтей въ далекія заморскія страны для полученія ими высшаго образованія. Благодаря правдивому изложенію нашими профессорами русской исторіи, нашей литературы, нашихъ государственныхъ учрежденій, предвзятое нерасположеніе къ намъ скорѣе рушилось бы въ кавказскомъ обществѣ. А то, какъ хотите, долго еще придется намъ сохранять на Кавказѣ большія военныя силы, не завоевывающія абсолютной вѣрности азіатскихъ обитателей. «Мечъ покоряетъ народы,—говоритъ Маколей,—но мудрое обхожденіе съ ними завоевываетъ сердца ихъ побѣдителю».

Намъ не пришлось первое лѣто провести въ Тифлисѣ. Непривычная къ жарамъ, моя прекрасная Арагва серьезно

захворала. Доктора послали ее въ Боржомъ, въ райскій уголокъ горнаго Кавказа. Въ него надо ѣхать по Поти-Тифлисской желѣзной дорогѣ до мѣстечка «Михайловка». Дорога тянется по живописной долинѣ рѣки Куры, имѣющей по правому берегу лѣсистые холмы. Станціи дороги маленькія. Несмотря на начало іюня, на остановкахъ торговцы предлагаютъ пассажирамъ вкусныя черешни, золотистые абрикосы и сливы. Михайловка—это начало водораздѣла, преддверіе знаменитаго Сурамскаго перевала, откуда начинается царство Ріона, или той пламенной Колхиды, куда въ доисторическую эпоху аргонавты ходили за золотымъ руномъ. Первыя десять верстъ отъ Михайловки къ Боржому вы мчитесь по зеленымъ ущельямъ, которыя прорѣзаетъ гладкое и покойное шоссе. Чѣмъ дальше къ Боржому, тѣмъ дорога поднимается выше. Безконечной лентой идетъ она зигзагами между горами, увѣнчанными соснами. Экипажъ безпрестанно то опускается въ лощину, то выскакиваетъ на пригорокъ, открывающій новые виды, заманчивые и разнообразные. Кура не хочетъ отставать отъ васъ. Она исчезаетъ изъ глазъ за горною цѣпью и снова появляется передъ вами, какъ загадочная красавица, блестя своими волнами въ солнечныхъ лучахъ влюбленнаго Юга. Здѣсь, какъ и въ Сибири, не слышно соловья, но кругомъ благоухающая свѣжесть томитъ обоняніе, нѣжитъ грудь и возбуждаетъ въ душѣ источники страстныхъ желаній жизни. Очарованный взоръ жадно созерцаетъ окрестность, а въ головѣ проносятся чудныя слова Альфреда де-Мюссе:

„La bouche garde le silence
Pour écouter parler le coeur“.

Волшебный Боржомъ пріютился по берегамъ все той же чаровницы Куры. Это только Тифлисъ ее загрязнилъ и сдѣлалъ ея окрестности голыми и непривлекательными. А въ Боржомѣ Кура течетъ, полная своимъ юнымъ востор-

гомъ. Надъ ея водами задумчиво свѣсили длинныя и курчавыя вѣтви плакучія ивы и березы. Прихотливая американская пальма раскидалась по сторонамъ и какъ бы говоритъ солнцу: «остановись и не трогай того, кто ищетъ подо мной отъ тебя защиты». Бѣленькія дачки тонутъ въ полутропической растительности, захватывая область Куры и маленькой рѣчки Боржомки, бѣшено бушующей въ своемъ каменномъ ложѣ. Изящныя зданія минеральныхъ водъ расположены у начала роскошнаго парка, протянутаго на нѣсколько верстъ по ущелью. Мосты пересѣкаютъ безчисленные ручьи и овраги, заросшіе деревьями. Дворецъ великаго князя стоитъ, занимая возвышенное пространство надъ Курой. Его старинный, желтаго цвѣта передній фасадъ, съ многочисленными окнами, съ частыми на нихъ переплетами, говоритъ краснорѣчиво о прошломъ описываемаго мѣстечка. Мы заняли хорошенькую дачку, противъ дворца, на крутомъ берегу Куры. Старожилы разсказывали, что они помнятъ еще темныя стороны боржомской жизни, когда сосѣднія хищническія племена курдовъ дѣлали набѣги на мирныхъ обитателей долины. Теперь это отошло въ преданіе, хотя вскорѣ послѣ турецкой войны 1877 года по боржомскому парку разставлялись ночью казачьи пикеты.

Боржомскія воды считаются цѣлительными. Онѣ имѣютъ желѣзистый характеръ и очень пріятны на вкусъ. Утромъ и вечеромъ въ паркѣ играетъ музыка.

Особенность Боржома составляетъ его необыкновенный воздухъ. Высота мѣстечка надъ уровнемъ моря достигаетъ нѣсколькихъ тысячъ футовъ. Глядишь кругомъ себя, и вездѣ тянутся хребты съ соснами на вершинахъ. Въ лѣтніе мѣсяцы, когда плоское Закавказье томится на солнечномъ припекѣ, въ Боржомѣ термометръ не поднимается за тридцать градусовъ. Къ вечеру наступаетъ блаженная прохлада, не поддающаяся описанію. Она точно держитъ

васъ на крыльяхъ, поднимая нервы, раздвигая предѣлы воображенія. Шаловливая луна окунулась въ бездонную синеву неба. Южная благовонная ночь! Ты похожа на ту чаровницу, которая не хочетъ думать о прошедшемъ, ни заглядывать въ будущее, а живетъ настоящимъ мгновеніемъ, потому что оно упоительно. И, пожалуй, великая мудрость кроется въ этихъ мысляхъ. Нужно отъ жизни брать то, что она можетъ дать, а не то, что желаемъ отъ нея получить. При подобномъ воззрѣніи на окружающее, человѣкъ меньше подвергается разочарованіямъ. А то онъ ждетъ безпрестанно того, что задумалъ безъ всякаго соотношенія къ дѣйствительности, безъ соразмѣрности своихъ силъ къ выполненію желаній. Результатомъ сверхъестественныхъ требованій въ насъ являются скука и хандра, какъ неизбѣжные спутники всякой неудачи. Байронизмъ не есть принадлежность извѣстной эпохи. Его свойства присущи нашей природѣ, и источникъ ихъ кроется въ ненормальномъ отношеніи личности къ житейскимъ условіямъ.

Недалеко отъ нашей дачи поселился извѣстный драматургъ Александръ Ивановичъ Пальмъ. Я съ нимъ былъ знакомъ еще въ Петербургѣ. Онъ любилъ обѣдать въ томъ же литературномъ кружкѣ, къ которому принадлежалъ и я. Пальмъ вмѣстѣ со мною заслушивался мелодичною импровизаціей на рояли даровитаго Лишина и бравурною игрой Пригожаго, такъ рано покинувшихъ этотъ міръ. Александръ Ивановичъ представлялъ собою цѣльную, благородную и законченную личность. Онъ воспитывался, кажется, въ Дворянскомъ полку и служилъ офицеромъ въ лейбъ-гвардіи Измайловскомъ. Въ 1848 году, по молодости лѣтъ, онъ увлекался идеями Петрашевцевъ и сильно пострадалъ за нихъ. Вмѣстѣ съ поэтомъ Плещеевымъ онъ былъ приговоренъ военнымъ судомъ къ разстрѣлянію, но помилованъ передъ самымъ моментомъ исполненія приговора. Въ 1856 году Пальмъ возвратился къ широкой литературной

дѣятельности. Въ шестидесятыхъ годахъ была поставлена на петербургской сценѣ его замѣчательная драма *Старый баринъ*. Кто изъ сторожиловъ помнитъ незамѣнимую игру, въ роли стараго барина, В. В. Самойлова, тотъ и теперь можетъ уяснить себѣ безподобный типъ изъ отжившаго помѣщичьяго быта, созданный богатою фантазіей покойнаго Александра Ивановича. Онъ нерѣдко бесѣдовалъ со мною и повѣрялъ мнѣ тревожащія его думы. Помню, приходитъ онъ разъ ко мнѣ и говоритъ, что оканчиваетъ драму подъ названіемъ *Уголовный процессъ*. Сюжетъ ея взятъ изъ дѣла Юхонцева. Но, какъ извѣстно, этотъ родоначальникъ новѣйшихъ расхитителей «общественнаго пирога» не содержалъ въ себѣ внутреннихъ задатковъ для романической обработки. Когда Пальмъ читалъ мнѣ нѣкоторые отрывки изъ похожденій своего Неклюжева, я просилъ автора удѣлить долю вниманія для моего разсказа къ уясненію неклюжевскаго типа. Еще въ концѣ шестидесятыхъ годовъ я познакомился въ Петербургѣ съ юношей, по фамиліи Гитаринъ. Уроженецъ степного Кавказа, несомнѣнно талантливый, Гитаринъ слушалъ лекціи въ университетѣ. Онъ былъ небольшого роста, съ рѣзкою физіономіей, но довольно благообразный. На головѣ его торчала цѣлая копна густыхъ курчавыхъ волосъ. Гитаринъ смотрѣлъ на все восторженно. Добро и общественное благо, служеніе идеалу, любовь къ женщинѣ, чистой и прекрасной, были излюбленными темами его блестящаго краснорѣчія. Отрадно слушалось этого человѣка, когда онъ взъерошивалъ свою роскошную шевелюру и, съ глазами, налитыми кровью, бичевалъ общественную продажность. Восторженные собесѣдники кричали ему браво. Но прошло нѣсколько лѣтъ. Гитаринъ сталъ адвокатомъ съ громкимъ именемъ. Передъ отъѣздомъ на Кавказъ, мною было передано ему полученіе довольно крупной суммы по векселю, срокъ котораго наступалъ къ тому времени, когда я долженъ былъ находиться

далеко отъ невскихъ береговъ. Я уѣхалъ покойно, поручивъ дѣло, важное для меня, въ руки юриста, честности котораго довѣрялъ безгранично. Только, спустя нѣсколько мѣсяцевъ, до моей семьи дошли слухи, что деньги сполна Гитаринымъ получены и легкомысленно имъ растрачены. Меня прежде всего поразила нравственная сторона передаваемаго событія. Кому же вѣрить? Пылкій борецъ за правду, авторъ интересной книги о томъ, «Что такое нажива», ужели могъ такъ пасть, чтобы безъ сожалѣнія обокрасть довѣрившагося ему пріятеля? Гитаринъ написалъ мнѣ слѣдующее посвященіе на своемъ сочиненіи: «Повѣрь, хорошій человѣкъ, что прежде, чѣмъ строить идеалъ безкорыстнаго служенія обществу, необходимо вдуматься въ свою собственную жизнь и очистить себя отъ золъ и неправдъ, накопившихся годами въ душѣ среди омута житейскаго разврата».

Предоставляю читателю судить о томъ, какъ бы онъ поступилъ на моемъ мѣстѣ съ Гитаринымъ? Я не поднялъ судебнаго процесса противъ вѣроломнаго адвоката; моя рука не подписала бумаги, отъ которой пришла бы въ разореніе неповинная семья дѣятеля, погрязшаго въ омутѣ «житейскаго разврата». Въ другой книгѣ «Покаяніе сердца» Гитаринъ вспоминаетъ, что онъ юнымъ и непорочнымъ появился на прибалтійскомъ прибережьѣ, но потомъ спускался «со ступеньки на ступеньку» въ своей неразборчивой жизни. И вотъ, адвокатъ очутился однажды, передъ восходомъ солнца, въ финляндскомъ селѣ Токсовѣ, славящемся красивыми возвышенностями. Гитаринъ пришелъ въ умиленіе отъ представившейся ему очаровательной картины. Онъ мученически плакалъ о томъ, что, опутанный сѣтями порока, не достоинъ созерцать божественнаго свѣтила, которому скандинавскій пѣвецъ Оссіанъ пѣлъ свои вдохновенныя пѣсни. Да, невольно вѣрится, что самый чистый снѣгъ находится на горахъ, и самыя возвышенныя мысли рождаются, когда паришь надъ землею.

Александръ Ивановичъ Пальмъ былъ пораженъ моимъ повѣствованіемъ. Онъ схватилъ меня за руки и воскликнулъ:

— Вашъ Гитаринъ освѣтилъ моего Неклюжева. Необходимо въ послѣдняго влить часть души Гитарина. Тогда Неклюжевъ будетъ не отдѣльная личность, павшая благодаря случайностямъ,—нѣтъ, онъ явится типичнымъ представителемъ цѣлаго ряда людей, очевидно, народившихся въ нашемъ обществѣ въ силу новыхъ условій быта.

И вотъ, такимъ образомъ, драма Пальма «Уголовный процессъ» приняла другое характерное заглавіе: «Нашъ другъ Неклюжевъ». Это замѣчательное произведеніе пользовалось въ первой половинѣ восьмидесятыхъ годовъ громаднымъ успѣхомъ на всѣхъ русскихъ сценахъ.

Александръ Ивановичъ Пальмъ скончался послѣ моего отъѣзда съ Кавказа, оставивъ двухъ талантливыхъ сыновей, доселѣ украшающихъ наши частные театры.

Въ моей памяти сохранилась поѣздка въ древній забытый храмъ, находящійся верстахъ въ пятнадцати отъ Боржома. Моя Арагва съ знакомыми дамами помѣстилась въ коляскѣ, а я и нѣсколько дачниковъ конвоировали экипажъ верхами на казачьихъ лошадяхъ. Дорога къ храму идетъ непрерывнымъ лѣсомъ. Громадныя буковыя и грабовыя деревья почти всѣ переплетены вьющимися растеніями; оттого самый лѣсъ кажется таинственнѣе. Въ зеленомъ, просторномъ ущельѣ, гдѣ сверкающіе ручьи весело бѣгутъ съ горъ, прислонились къ ихъ уступамъ величавые остатки разрушеннаго каменнаго храма. Сброшенная вѣтромъ и временемъ крыша, обломки массивныхъ колоннадъ и ступеней, густой мохъ, приросшій къ оголеннымъ стѣнамъ, — все говоритъ о великомъ прошломъ настоящаго мѣста. Пирамидальные тополи прикрываютъ отблески священной старины.

Наше общество расположилось подъ тѣнью громаднаго

дуба, на берегу шумящаго потока. На землю были постланы бурки, и на нихъ помѣстились дамы. Около закуски и самовара слышался веселый говоръ и смѣхъ. Но мнѣ было не до закуски. Съ глубокой грустью я усѣлся на камнѣ передъ забытыми развалинами. Онѣ напоминаютъ чуть ли не первые вѣка христіанства, когда живо было преданіе о Божественномъ Пророкѣ, принесшемъ человѣку любовь, миръ и прощеніе.

Здѣсь, предъ алтаремъ заброшеннаго храма, когда-то страдальцы искали утѣшенія въ своемъ горѣ. И они его находили. Христосъ всѣхъ призывалъ къ внутреннему совершенству. Богатые и бѣдные, умные и глупцы были озарены Его любовью. Напрасно современная аристократія ума требуетъ безусловной власти надъ посредственностью, изъ которой состоитъ большинство каждаго народа. Казалось бы, съ точки зрѣнія прямолинейнаго либерализма, такое домоганье должно называться нравственнымъ насиліемъ и несправедливостью. Каждому человѣку, какъ и отдѣльному государству, для того, чтобы хорошо жилось, нужна прежде всего справедливость. А это чувство прирождено генію и уму ограниченному. Умѣйте только развить потребность справедливости въ своихъ дѣтяхъ, и они найдутъ для себя истинное счастье.

Заброшенный храмъ на Кавказѣ, видѣнный мною, не есть одиночное явленіе. Много подобныхъ храмовъ находится и въ другихъ мѣстахъ горной страны. Далеко еще до завоеванія Восточной Римской Имперіи, турки, а также и персы, въ разныя эпохи забирались въ дебри кавказскихъ хребтовъ, умерщвляли и выгоняли изъ нихъ христіанъ, разрушая дома и церкви. Теперь наслѣдіе послѣднихъ принадлежитъ Россіи. На насъ лежитъ высокая обязанность—возобновлять забытые алтари Богу. Надобно понимать, что школа и храмъ суть краеугольные камни истинной цивилизаціи.

Погруженный въ думы, я и не замѣтилъ, какъ ко мнѣ подошелъ худенькій старичокъ, съ кроткимъ взглядомъ, въ бѣломъ подрясникѣ. Онъ, видимо, смутился прибытіемъ постороннихъ людей и оказался единственнымъ обитателемъ живописныхъ развалинъ. Онъ жилъ въ уцѣлѣвшемъ уголкѣ храма, гдѣ вмѣсто кровати стоялъ простой некрашенный гробъ, сколоченный изъ сосновыхъ досокъ. Въ пустомъ пространствѣ церкви слышалось непрерывное стрекотанье летучихъ мышей. Загадочный отшельникъ разсказалъ намъ слѣдующее:

— Тридцать лѣтъ тому назадъ я былъ мірской человѣкъ и принадлежалъ къ дворянству К—ой губерніи. Мое семейство состояло изъ жены, взрослаго сына-офицера и дочери невѣсты. Сынъ мой отправился на войну съ венгерцами, а мать съ дочерью умерли въ это время отъ холеры, опустошавшей нашу мѣстность. Горе мое не знало предѣловъ. Я предался такому отчаянію, что не находилъ ни въ чемъ утѣшенія. Грѣшныя уста мои даже произносили хулу на Господа. Какъ-то, вдоволь наплакавшись, я заснулъ, и видѣлъ странный сонъ. Ко мнѣ подошелъ старецъ, зѣло ветхій, взялъ меня за руку и проговорилъ:

— Ты напрасно убиваешься. Твоей женѣ и твоимъ дѣтямъ гораздо лучше за гробомъ, чѣмъ на землѣ. Они за тебя молятъ Бога. Посмотри.

Я оглянулся. Ярко освѣщенная лучами солнца, вправо отъ меня, тянулась изумрудная равнина, окруженная горами и съ разрушенной церковью у ручья. У входа въ нее стояли три молящіяся человѣческія фигуры, и я въ нихъ узналъ: жену и сына съ дочерью. Старецъ продолжалъ:

— Этотъ храмъ стоитъ далеко отъ твоего настоящаго жилища. Ты его найдешь подъ южными небесами, въ глуши кавказскихъ горъ, гдѣ жили и молились христіане въ первые вѣка по Рождествѣ Христовомъ. Ступай въ храмъ, который я тебѣ показываю. Ты въ немъ обрѣтешь новыя радости.

Я проснулся. На душѣ было такъ легко, какъ будто, она не знала никакого горя. Все видѣнное во снѣ глубоко запечатлѣлось въ моей памяти. Съ тѣхъ поръ меня тайная сила тянула на югъ. Передалъ я имѣніе братьямъ и пошелъ искать мѣстности, представившейся въ сновидѣніи. Знакомые сочли меня рехнувшимся. Шелъ я на Кавказъ болѣе года, разспрашивалъ въ горахъ о разрушенныхъ церквахъ, многія изъ нихъ посѣтилъ, но моего храма не находилъ. Стало меня брать уже сомнѣніе насчетъ сна, когда я случайно напалъ на долину, въ которой вы находитесь. Тридцать лѣтъ я здѣсь живу, и Богъ послалъ для души миръ и благоволеніе. Бывши свѣтскимъ человѣкомъ, занятый удовольствіями, я не замѣчалъ ни красотъ природы, ни мудрости, въ ней скрывающейся. Отъ уединенія бѣгалъ, не зная, что дѣлать наединѣ съ собою. Теперь, живя совершенно одинъ, я понятія не имѣю о скукѣ. Каждый цвѣточекъ, каждый листикъ, каждая букашка меня занимаетъ. Въ каждомъ ничтожномъ, повидимому, предметѣ сокрыто Божье величіе. Удивительное дѣло! Когда можно было помогать людямъ, я совсѣмъ не заботился о томъ, какъ имъ живется. Нынѣ, когда имъ ничѣмъ не могу быть полезнымъ, даже грѣшными своими молитвами, они меня не оставляютъ вниманіемъ: и хлѣба мнѣ принесутъ изъ сосѣднихъ ауловъ, и одеженку кой-какую притащатъ.

Когда многаго желаешь, то, что бы ни дали, все будетъ мало. Мои желанія нынѣ очень ограничены, а получаю больше, чѣмъ желательно. Одинъ покой душевный есть уже половина счастья. А какъ его достигнуть въ міру, когда страсти васъ обуреваютъ? Господи! Ты вѣдаешь сердце мое. Ты взялъ у меня все, что я любилъ, и показалъ, что земныя горести и суета—ничто въ сравненіи съ радостями, которыми Ты можешь озарить человѣческую душу. Да будетъ во всемъ Твоя святая воля!

Отшельникъ благоговѣйно осѣнилъ себя крестнымъ зна-

меніемъ и замолчалъ. Потомъ, какъ бы изъ приличія, онъ разспросилъ, въ свою очередь, кто мы и откуда. Мы удовлетворили разспросамъ праведника. Его разсказъ, вся обстановка нашего импровизированнаго пикника произвели на меня такое потрясающее впечатлѣніе, что я тутъ же, сидя на камнѣ, написалъ слѣдующее стихотвореніе:

Забытый храмъ *).

Въ глуши Кавказскихъ горъ стоитъ забытый храмъ;
Сѣдой, пушистый мохъ разросся по стѣнамъ,
И куполъ сломанный, съ заржавленнымъ крестомъ,
Какъ тѣни прошлаго, разбросаны кругомъ.
Надъ храмомъ высятся хребты зеленыхъ горъ,
Но холодно глядитъ на нихъ пытливый взоръ,—
Онъ жадно тянется ко храму, гдѣ ручей
Серебряной струей бѣжитъ изъ-подъ камней,
Гдѣ въ древности, забывъ шумъ распри, стоны битвъ,
Искалъ народъ любви, цѣленья и молитвъ.
Я въ храмѣ отыскалъ сѣдого старика,
Онъ въ чуждый край пришелъ давно, издалека,
И онъ хранитъ, какъ перлъ, наслѣдіе вѣковъ
Подъ тѣнью старыхъ липъ, чинара и дубовъ.
И, глядя на него, горячая слеза,
Струяся по лицу, мутитъ мои глаза.
Я радъ, что праведникъ нашелся, хоть одинъ,
Вдали отъ городовъ, среди святыхъ руинъ,
Что въ немъ еще живетъ великій идеалъ,
Который новый міръ низвергнулъ, осмѣялъ,
Не давши радостей взамѣнъ земныхъ тревогъ...
Есть на землѣ любовь; есть въ небѣ вѣчный Богъ!

Наше общество пробыло у забытаго храма до заката солнца. Мы не успѣли собрать захваченныя съ собою вещи, какъ наступили сумерки. Мы съ трудомъ видѣли другъ друга. Наши дамы усѣлись въ коляску, а кавалеры верхомъ на лошадей. Два горца, служившіе проводниками,

*) Напечатано въ журналѣ *Вѣкъ*, декабрь 1882 года.

зажгли смоляные факелы и помчались впереди экипажа, освѣщая фантастическимъ свѣтомъ дорогу. Окрестность спала. Лошадиный топотъ звонко раздавался въ нѣмой тишинѣ; длинныя вѣтви деревъ задѣвали наши головы, хлестали насъ по лицу. Мы скакали съ горы на гору, рискуя, при малѣйшей оплошности, перелетѣть черезъ голову лошади или свалиться въ сосѣднюю пропасть.

Въ Боржомѣ мы прожили почти до глубокой осени и были свидѣтелями оригинальной романической исторіи, случившейся въ одномъ грузинскомъ семействѣ. Оно состояло изъ матери и хорошенькой взрослой дочери. Послѣдняя влюбилась въ молодого армянина, отвѣчавшаго дѣвушкѣ взаимностью. Онъ ей сдѣлалъ предложеніе, и оно было принято. Армянинъ уѣхалъ въ Тифлисъ, чтобы приготовиться къ свадьбѣ, но увлекся другою особой и забылъ о невѣстѣ. Послѣдняя, узнавъ объ измѣнѣ, написала грозное письмо жениху и въ немъ вызвала легкомысленнаго человѣка на дуэль. Не получая долго отвѣта, она неожиданно явилась въ столицу Грузіи и, съ пистолетомъ въ рукахъ, предстала предъ изумленнымъ измѣнникомъ. Армянинъ струсилъ, покаялся и женился на дѣвушкѣ, сумѣвшей себя защитить. Бракъ не былъ счастливъ. Начавшись ненормально, онъ и конецъ имѣлъ ненормальный. Мужъ сперва боялся жены. Но, сдѣлавшись матерью, она стала мягче относиться къ его легкому поведенію. Армянинъ сразу понялъ слабыя стороны характера своей подруги, и отдался безпутной жизни. Несчастная не выдержала и разсталась съ тираномъ. Нѣкоторое время она жила покойно, но однажды онъ явился неожиданно къ ней и сталъ просить прощенія и забвенія. Вся гордость, всѣ оскорбленія проснулись въ женщинѣ. Она приказала негодяю оставить квартиру, а онъ выхватилъ кинжалъ и заколоъ свою жертву. Убійца былъ арестованъ. Я видѣлъ его на улицѣ, въ чиновничьей формѣ, идущимъ подъ военнымъ конвоемъ.

Убійство на Кавказѣ, по самымъ разнообразнымъ и часто пустымъ мотивамъ, есть явленіе заурядное. Источникомъ его служитъ, главнымъ образомъ, горячій темпераментъ туземныхъ обитателей и полное отсутствіе въ нихъ нравственнаго и умственнаго воспитанія. Злосчастный кинжалъ и пистолетъ всегда подъ бокомъ у каждаго азіата. Живя непосредственно подъ вліяніемъ чувственныхъ страстей, восточный человѣкъ поддается имъ безъ разсужденія, безъ анализа, руководимый однимъ животнымъ инстинктомъ. Въ минуту злобной вспышки онъ хватается за первое попавшееся оружіе, и преступленіе совершено. Пора обезоружить весь этотъ дикій и младенческій кавказскій людъ, живущій среди роскошной природы и благодатнаго климата и не понимающій, что человѣческая жизнь есть лучшій, но невозвратный даръ.

Глава XIV.

Продолженіе кавказской жизни.

Кавказская осень.—Ея прелести.—Саранча.—Скворцы, ведущіе съ ней войну. — Ихъ значеніе для края. — Безголовый трупъ на берегу Куры. — Позднія розы юга.— Болѣзнь Арагвы. — Мои печальныя думы о ней.—Кормилка Аграфена Ивановна.—Пріѣздъ въ Тифлисъ пѣвца Славянскаго.—Наша старая дружба.—Прошлое Славянскаго.—Его жена Ольга Христофоровна.—Концертъ Славянскаго у постели Арагвы. — Генералъ І. Г. Барановъ.—Ужинъ послѣ концерта.—Тостъ Баранова.—Выздоровленіе Арагвы.—Празднованіе Пасхи тифлисцами.—Поэтъ Ивановъ-Классикъ на Кавказѣ.—Его характеристика.—Нѣсколько словъ по адресу литературнаго фонда.—Въ окрестностяхъ Тифлиса.—Каджоры.—Случай съ однимъ полковникомъ.—Кое-что о вопросѣ: что̀ такое военная честь?—Ея естественное происхожденіе.—Непримиримый идеалистъ.—Его жизнь.—Уходъ главнаго интенданта генералъ-адъютанта Фонъ-Кауфмана.—Его блестящее прошлое.—Чѣмъ онъ былъ для интендантства. — Причины первыхъ нападокъ печати на интендантское вѣдомство.—Величіе души моего бывшаго начальника.—Финалъ моей спиртной операціи.—Новый главный интендантъ.—Смерть профессора М. Я. Киттары. Что̀ это былъ за человѣкъ? — Переводъ мой въ Воронежъ.

Мы только осенью перебрались изъ Боржома въ Тифлисъ. Осень за Кавказскимъ хребтомъ—это чудное время года. Мертвящіе жары прекращаются. Засохшая подъ жгучими лучами солнца земля начинаетъ вновь проявлять жизнь. На лугахъ и въ садахъ показывается дѣвственная

трава, какъ въ первые дни восходящей весны. Въ воздухѣ царитъ прохлада и нѣжное дыханіе южнаго вѣтерка.

По службѣ мнѣ приходилось вставать рано. Уже въ восемь часовъ утра я отправлялся въ мѣстечко Навтлугъ, расположенное въ пяти верстахъ отъ города, на самомъ берегу Куры. Въ немъ помѣщаются военный госпиталь и громадные интендантскіе склады, хранящіе предметы обмундированія для всей кавказской арміи. Дорога въ Навтлугъ идетъ сперва садами, потомъ по оврагамъ, прилегающимъ къ быстротечной Курѣ. Никогда не позабуду картины, видѣнной разъ мною на этомъ пути. Было ясное, теплое утро. Глазъ развлекался по окрестности и любовался то зеленѣющими холмами, то стройными кипарисами, растущими въ садахъ по другую сторону рѣки. Лѣнивыя ящерицы грѣлись на солнцѣ, расположившись привольно на придорожномъ пескѣ. Все молчало кругомъ. Вдругъ, обратившись къ югу, я увидалъ на горизонтѣ сгустившуюся тучу. Вотъ она быстро приближается къ намъ, затмевая солнечные лучи.

— Чтò это такое?—спрашиваю я извозчика.

— Саранча,—отвѣчаетъ онъ.—Надобно переждать.

Мы стали. По совѣту возницы, я поднялъ надъ головою пальто. Чрезъ нѣсколько минутъ кругомъ меня раздался шорохъ, рѣзкіе, сухіе звуки, пронизывающіе воздухъ, и въ мигъ вся пролетка и земля покрылись пепельнаго цвѣта насѣкомыми. Нижніе слои летѣвшей саранчи безжалостно были избиты и оставлены товарищами на произволъ судьбы. Саранчевая туча миновала. Мы двинулись. Подъ колесами раздавался хрустъ отъ несчастныхъ жертвъ. Послѣ оказалось, что ихъ счастливые спутники усѣлись на ночлегъ въ большомъ загородномъ саду, въ Муштаидѣ, и къ утру не оставили въ немъ ни одного зеленаго листа на деревьяхъ.

— характерное явленіе нашего юга и бичъ его

хлѣбныхъ полей. Человѣкъ съ ней ведетъ безпощадную войну. Цѣлые полки заняты ея истребленіемъ. Съ осени они слѣдятъ, куда саранча кладетъ свои яички, истребляютъ ихъ массами; весною выслѣживаютъ ея рожденіе и не даютъ ей окрыляться. Крылатая саранча не въ человѣческой власти. Съ ней успѣшно ведетъ войну лишь кавказскій скворецъ, какъ бы созданный для саранчи. Это любопытная птица. Крупнѣе нашего, южный скворецъ имѣетъ черный цвѣтъ, золотистую грудь и ошейникъ. Выслѣдя саранчу, скворецъ цѣлой стаей смѣло кидается въ средину непріятеля и бьетъ его безпощадно крыльями. Уставъ отъ битвы, скворцы летятъ на рѣку обмывать окровавленныя крылья, напиться животворной воды. Отдохнувъ немного, они бросаются за улетѣвшими врагами, догоняютъ ихъ и начинаютъ новое сраженіе. Обитатели Закавказья смотрятъ на скворцовъ, какъ на своихъ природныхъ друзей, грустятъ, если ихъ не видятъ. Описанная саранча пролетѣла безъ скворцовъ. Тифлисцы, при участіи архіерея, служили торжественный молебенъ о прилетѣ желанной и симпатичной птицы. Молитва жителей была услышана небомъ. Къ вечеру надъ городомъ показались горделивые отряды воюющихъ скворцовъ.

Въ другой разъ по дорогѣ въ Навтлугъ мнѣ пришлось быть очевидцемъ печальнаго зрѣлища. На крутомъ уступѣ рѣки, надъ которымъ возвышался другой уступъ, лежалъ обнаженный мужской трупъ съ отрубленною головой. Голову, спустя нѣсколько дней, нашли въ одномъ изъ пустыхъ сараевъ, находящихся при въѣздѣ въ Навтлугъ. По головѣ, какъ говорили, узнали, что убитый былъ начальникъ одного изъ уѣздовъ Тифлисской губерніи, ограбленный и зарѣзанный своими проводниками. Начальникъ только-что получилъ большія деньги въ городѣ и возвращался домой. Упомянутый случай нарушилъ мое поэтическое настроеніе въ осеннія путешествія въ Навтлугъ. По-

чти до самаго декабря осень дарила насъ своею улыбкой. Проѣзжая чрезъ Майданъ, я покупалъ ежедневно для Арагвы у торговца роскошный букетъ изъ розъ, платя за него ничтожныя деньги. Чудныя розы юга какъ бы говорили мнѣ о той вѣчной веснѣ, о той непрерывающейся любви, которыя присущи чистой, неиспорченной человѣческой натурѣ.

Судьбѣ угодно было вновь подвергнуть тяжелому испытанію мои чувства. Арагва сильно простудилась, благодаря сквознымъ вѣтрамъ, несущимся изъ горныхъ ущелій въ позднее осеннее время. Послѣдній букетъ розъ я привезъ ей 30-го ноября. Съ этого числа начались холода, и розъ уже не было въ продажѣ. Стала вянуть и моя Роза, а съ ней и мое счастіе. Собранный консиліумъ докторовъ вынесъ мнѣ ужасный приговоръ.

Мы не цѣнимъ радостей, когда онѣ часто повторяются. Да и есть ли онѣ для людей, искалѣченныхъ цивилизаціей? Монтескье сказалъ: «Les grands seigneurs ont des plaisirs, le peuple a de la joie». И это совершенная правда. Внѣшнія удовольствія, столь рѣдкія для народа, отнимаютъ самочувствіе у людей образованныхъ, дѣлаютъ ихъ равнодушными къ своему и чужому горю. Умираетъ ли кто, боленъ ли кто,—все легко переносится нами, какъ обыкновенное явленіе. Мы не вдумываемся въ факты не потому, какъ крестьянинъ, которому некогда горевать, такъ какъ его поглощаетъ забота о насущномъ хлѣбѣ. Мы не горюемъ оттого, что насъ тянутъ къ себѣ пустыя свѣтскія увлеченія. Надобны намъ слишкомъ трагичныя катастрофы, чтобы заставить опомниться отъ одуряющаго чада современной обстановки.

Арагва больна! Юная жизнь борется съ одолѣвающимъ призракомъ смерти. Но не это чудовище является предъ страдалицею; не оно пугаетъ ея воображеніе. О, какъ ей, увядающей, какъ сорванный лотосъ, хочется жить! Предъ

нею проносятся свѣтлые образы дѣтства, улыбка матери, первое сознательное дыханіе весны. Арагва соткана изъ нѣжныхъ чувствъ, какъ цвѣтокъ сотканъ изъ нѣжныхъ лепестковъ. Въ ней не душа незабвенной Натальи Сергѣевны, ищущая бурь и сильныхъ ощущеній въ нравственной борьбѣ. Арагва—и тихая семейная жизнь, съ ея сердечною обстановкою; Арагва—и звуки музыки, оживляющіе духъ, расширяющіе мысль,—это родной міръ моей Арагвы, ея скромныя потребности.

Я стою на колѣнахъ у ея постели въ глубокій часъ полуночи. Лампада теплится предъ образомъ Богоматери и кротко освѣщаетъ блѣдное и прекрасное лицо уснувшей Арагвы. Ея дыханіе судорожно и горячо. У передняго угла постели, близъ столика, сидитъ на стулѣ, печально опустивъ голову на подпертую руку, благовидная старушка. Это кормилка Арагвы, бывшая крѣпостная ея матери, никогда не разстававшаяся съ своимъ выкормышемъ. Глядя на скорбныя, но еще красивыя черты ея лица, вспоминаешь слова Гейне. Онъ замѣтилъ: «Любящее сердце—это та же Голгоѳа». Кормилка, которую мы звали не иначе, какъ Аграфена Ивановна, такъ безпредѣльно была предана Арагвѣ и нашему дому, что забывала собственную дочь, имѣющую нѣсколько дѣтей. Старушка говорила:

— Жила бы только моя питомица, и моя семья будетъ счастлива и обезпечена.

Арагва, съ приближеніемъ весны, къ удивленію докторовъ, стала поправляться. Она уже сидѣла на своей постелѣ и кушала изъ рукъ кормилки. Послѣдняя была одною изъ немногихъ представительницъ канувшаго въ вѣчность стараго режима русской жизни, порождавшей чудовищные образцы звѣрства и благороднѣйшихъ представителей душевнаго величія. Если остались еще хорошіе люди отъ прошлаго, то цѣните ихъ. Они, какъ старые дубы, должны быть тщательно оберегаемы нами. Мы странные люди. Не

хотимъ въ житейскихъ дѣлахъ оглядываться на исторію, а цѣнимъ древнія вещи, собираемъ ихъ, отыскиваемъ старое вино и сигары. Мы дорожимъ кровью породистыхъ животныхъ, а сами совершаемъ мезаліансы и обвиняемъ въ неразвитіи тѣхъ, кто надъ нами за то смѣется. Словомъ, на каждомъ шагу наше прошедшее стоитъ въ противорѣчіи съ настоящимъ, а мы никакъ не можемъ избавиться отъ справки съ этимъ прошедшимъ.

Я съ замираніемъ сердца слѣдилъ за возрождающейся жизнью Арагвы; я вспоминалъ прочувствованныя строки Лермонтова:

„Съ отрадой тайною и тайнымъ содроганьемъ,
Прекрасное дитя, я на тебя смотрю“.

Или въ моей головѣ носились пламенные стихи Гюго:

„Tu es la paix, le parfum, la consolation!“

Человѣческая любовь не имѣетъ предѣловъ, и языкъ ея безконечно разнообразенъ.

Арагва изрѣдка вставала съ постели, но не выходила изъ комнаты. Въ это время пріѣхалъ въ Тифлисъ извѣстный пѣвецъ Славянскій. На дворѣ былъ февраль въ половинѣ. Кавказская природа праздновала приходъ весны. Термометръ показывалъ на солнцѣ до двадцати пяти градусовъ тепла. Миндальныя деревья цвѣли, въ садахъ зеленѣла новая трава; дамы, словно пестрыя бабочки, мелькали въ лѣтнихъ костюмахъ на улицахъ. А наша душа, странное дѣло, не обращая вниманія на волшебныя чары юга, просилась въ холодную даль, въ ту даль, гдѣ еще шумѣли буйныя метели, гдѣ въ снѣжной бѣлизнѣ прятались отъ суровыхъ морозовъ бѣдныя деревушки моего дорогого отечества.

Славянскій пріѣхалъ! Вѣдь это не простой звукъ, пропадающій безслѣдно въ воздухѣ! Онъ волнуетъ застоявшуюся жизнь провинціи; онъ нарушаетъ ея обычную пу-

стоту. Мое знакомство съ Дмитріемъ Александровичемъ кроется въ давно-прошедшемъ. Въ половинѣ шестидесятыхъ годовъ онъ и я были молоды. Я начиналъ работать на литературномъ поприщѣ; юный Агреневъ, выйдя въ отставку изъ военной службы, принялся изучать русскую пѣснь, и усвоилъ себѣ фамилію Славянскаго. Его заслуги, въ качествѣ народнаго пѣвца, серьёзны. Множество нашихъ пѣсенъ открыты Славянскимъ и обезсмертены имъ. Есть у него пѣсни, таящія глубокій бытовой смыслъ. Такова пѣснь «Спится мнѣ младешенькѣ, дремлется», впервые подслушанная имъ въ Тверской губерніи, сохраняющей въ своихъ нѣдрахъ черты старинныхъ отголосковъ. Славянскаго винятъ за то, что онъ поетъ иногда такія вещи, которыя чужды нашей народности и пахнутъ отчасти итальянщиной, отчасти салоннымъ характеромъ. Къ сожалѣнію, никто не хочетъ подумать о томъ, что подобное явленіе есть не что иное, какъ необходимая уступка національнаго пѣвца испорченному вкусу современнаго русскаго общества. Послѣднему надоѣдаетъ слушать одну народную пѣснь, полную скорби или разгула; слухъ его требуетъ легкихъ, игривыхъ мотивовъ, и вотъ Славянскій создалъ романсъ: «Твоя русая головка ночью спать мнѣ не даетъ...» Публика азартно кричитъ: bis!

Дмитрій Александровичъ былъ красивъ собою, бѣлолицый, съ добрыми, выразительными глазами, съ раскидистыми каштановыми кудрями по плечамъ. Голосъ онъ имѣлъ небольшой, но пріятный и задушевный. Голосомъ пѣвецъ владѣлъ мастерски. Жена Славянскаго, Ольга Христофоровна, есть, въ своемъ родѣ, типичная личность. Дочь богатаго русскаго помѣщика, съ прелестною наружностью, образованная, она обладаетъ необыкновенною нервною воспріимчивостью и музыкальнымъ талантомъ. Для мужа она всё. Она его вѣрная спутница, вѣрный другъ, аккомпаніаторъ, композиторъ, учитель грамотности хоровыхъ дѣтей,

распорядитель хозяйственной части дома и въ поѣздкахъ. Я и Арагва, благодаря долгой, теплой дружбѣ Славянскихъ, видѣли Ольгу Христофоровну въ разнообразныхъ жизненныхъ положеніяхъ. То она, смѣлая и рѣшительная, забирается въ самую глушь Восточной Сибири и разрѣшается отъ бремени въ дрянной деревушкѣ, безъ медицинской помощи. Кажется, смерть уже подходитъ къ ея изголовью, а въ ея артистическомъ сердцѣ въ эти страшныя минуты зарождаются звуки мелодичнаго романса: «А изъ рощи, рощи темной, пѣснь любви несется». То, утомившись отъ хлопотъ предъ большимъ столичнымъ концертомъ, она, блѣдная, дрожащая, опускается въ кресло. Но выпита Ольгой Христофоровной рюмка хорошей, старой мадеры, скушанъ ею кусокъ бифштексу или котлеты, и она неожиданно вскакиваетъ съ мѣста бодрою и веселою, готовою на новый трудъ и на борьбу съ препятствіями. Мнѣ не приходится здѣсь распространяться о даровитой четѣ Славянскихъ, но, вкратцѣ очертивъ ихъ характеръ, я полагаю, что тѣмъ удовлетворяю любопытству читателей. Славянскіе родятся не каждый день, и имя ихъ принадлежитъ къ исторіи музыкальнаго развитія Россіи.

Судьба удивительнымъ образомъ устраивала мои встрѣчи съ Славянскимъ на отдаленныхъ окраинахъ Россіи. Мы видѣлись другъ съ другомъ въ Финляндіи, въ Кишиневѣ, въ Иркутскѣ, въ Тифлисѣ. Дмитрій Александровичъ далъ въ этомъ городѣ нѣсколько блестящихъ концертовъ въ обширномъ и роскошномъ помѣщеніи такъ - называемаго «Кружка», или Благороднаго Собранія. Зданіе кружка замѣчательно тѣмъ, что оно было приспособлено для жизни Императрицы Маріи Александровны, думавшей одно время воспользоваться воздухомъ благодатнаго юга. Залы кружка и до сихъ поръ носятъ слѣды первоначальной богатой отдѣлки. Есть въ немъ залы съ хрустальными стѣнами и зеркальными дверьми. Моя бѣдная Арагва не могла при-

сутствовать на концертѣ Славянскаго, и о томъ грустила. Нашъ другъ-пѣвецъ мнѣ сказалъ:

— Знаете, такъ жаль, что милая Александра Петровна не слышитъ моего хора. Сдѣлаемте ей сюрпризъ. Я приведу къ вамъ на квартиру нѣсколько мальчиковъ, и мы дадимъ дорогой больной поэтическую серенаду. Мы постараемся не обезпокоить ея возбужденныхъ нервовъ.

Докторъ разрѣшилъ маленькое удовольствіе Арагвѣ.

Какъ-то вечеромъ Дмитрій Александровичъ явился къ намъ въ своей неизмѣнной бархатной жакеткѣ, съ пышнымъ бѣлымъ галстухомъ на шеѣ. Его сопровождали десять красивыхъ мальчиковъ. Мы сидѣли въ комнатѣ больной. Убѣдившись, что она находится въ хорошемъ настроеніи, Славянскій отошелъ къ двери, расправилъ кудри и запѣлъ. Ему вторила невидимая фисгармонія и нѣжные дѣтскіе голоса. Серебристые и замирающіе, они неслись точно изъ безконечной дали. Это были райскіе звуки, пѣвшіе гимны Богу и говорившіе душѣ о неземныхъ наслажденіяхъ. Арагва сперва вздрогнула, но потомъ, какъ очарованная, внимала волшебной пѣснѣ. Минута была торжественная. Мы едва дышали. Самъ главный пѣвецъ какъ будто находился въ заколдованномъ кругѣ необычной обстановки. Комната была освѣщена старинными бронзовыми канделябрами по семи свѣчей, прикрытыми абажурами. Въ креслахъ, на разныхъ мѣстахъ, сидѣли—я, другъ моего дѣтства Саванелли, кончившій курсъ въ Петербургской консерваторіи и состоявшій директоромъ Тифлисской музыкальной школы, мой сибирскій пріятель генералъ І. Г. Барановъ, бывшій начальникомъ штаба Второго Кавказскаго корпуса, а позже амурскимъ губернаторомъ. Барановъ былъ далеко не заурядная личность. Мягкій, предупредительный, никогда не возвышавшій голоса, онъ, однако, таилъ въ себѣ силы для борьбы съ врагомъ въ открытомъ полѣ и для перенесенія нравственныхъ неудачъ. Расположенный

къ мечтательности, Іосифъ Гавриловичъ настолько благоговѣлъ предъ женщиною, что боялся подходить къ ней близко. Оттого онъ и остался до конца жизни холостякомъ. Скончался онъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ въ Кіевѣ, въ чинѣ отставного generалъ-лейтенанта.

У кровати больной стояла почтенная Аграфена Ивановна и усердно крестилась. А райскіе звуки все трепетали въ воздухѣ. Точно какое-то таинство совершалось кругомъ насъ. Это были тѣ святыя минуты, которыя довольно пережить однажды, чтобы навѣки сохранить ихъ въ себѣ. Эти минуты облагораживаютъ насъ; онѣ уносятъ насъ отъ земныхъ заботъ въ ту безпредѣльную область высшихъ чувствъ и впечатлѣній, гдѣ на порогѣ должна остановиться въ своемъ безсиліи реальная наука и гдѣ начинается область вѣры безъ всякихъ справокъ съ внѣшними законами. Духовный міръ не сокрытъ отъ насъ, а наше сердце отъ него замкнуто. Одинъ современный мыслитель утѣшаетъ насъ словами: «Нѣтъ ночи безъ разсвѣта, и мракъ небытія есть провозвѣстникъ свѣта новой жизни»... Испытанныя мною и присутствующими ощущенія на концертѣ у больной Арагвы лишь краснорѣчиво подтверждаютъ приведенныя идеи. Вдохновенная музыка и пѣніе, вдохновенное слово будутъ всегда соединительнымъ звеномъ между небомъ и землею, между человѣкомъ и Божествомъ.

Концертъ продолжался около часу, а потомъ мы, мужчины, перешли въ столовую. Мы пили знаменитое кахетинское вино, отличающееся тонкимъ ароматомъ и особымъ терпкимъ вкусомъ. Веселый въ дружеской компаніи и элегантный I. Г. Барановъ произнесъ слѣдующій интересный тостъ:

«Въ сосѣдней комнатѣ томилась въ когтяхъ болѣзни одна изъ чудныхъ русскихъ женщинъ. Все возвышенное, благоухающее, неуловимо-прекрасное доступно ея дѣвственной натурѣ. Проведя хотя мгновеніе жизни въ бесѣдѣ съ такою

женщиной, уже понимаешь всю чарующую прелесть увлеченія. Господа! Безъ идеальной любви нѣтъ поэзіи! Безъ музыкальныхъ звуковъ, влекущихъ душу въ невѣдомую даль, нѣтъ любви. Я поднимаю бокалъ за выздоровленіе той, для которой осуществился нынѣ оригинальный концертъ! Я пью за торжество музыкальнаго искусства, въ лицѣ талантливаго Славянскаго, затрогивающаго въ насъ, подобно чарующей женщинѣ, благороднѣйшія и сокровенныя струны сердца!»

Мы всѣ дружески обнялись.

Въ мартѣ Арагва окрѣпла настолько, что доктора рѣшились сказать, что бояться за нее уже нечего. А весна глядѣла въ окна со всѣмъ присущимъ ей обаяніемъ. Бѣлыя акаціи благоухали на улицахъ, балконы открылись, и на нихъ мѣстные жители совершали обыденныя занятія. Приближалась Пасха, каждый тифлисецъ старался запастись барашкомъ для своего розговѣнья. Великая суббота въ грузинской столицѣ замѣчательна тѣмъ, что городъ въ этотъ день оглашается крикомъ упомянутыхъ кроткихъ животныхъ. Они виднѣются привязанными всюду: на плоскихъ крышахъ домовъ, на дворахъ и террасахъ. Барашковъ украшаютъ даже живыми, обвязывая ихъ рога цвѣтными бумажками и лентами. Жаль на нихъ смотрѣть, зная ихъ печальную грядущую участь, а, между тѣмъ, обычай употребленія барашковъ людьми въ Пасхальный день гораздо болѣе имѣетъ поэтичности и историческихъ данныхъ, чѣмъ торжественное участіе свиньи на русскомъ столѣ въ Свѣтлое Воскресеніе. Происхожденіе этого обычая едва ли выясняется народными преданіями или научными изысканіями въ области минувшихъ вѣковъ.

Въ маѣ пріѣхалъ въ Тифлисъ познакомиться съ кавказскою природой симпатичный поэтъ Алексѣй Ѳедоровичъ Ивановъ, извѣстный въ нашей литературѣ подъ именемъ Классика. Такъ какъ упомянутый талантливый дѣятель

скончался въ 1894 году, а имя его несомнѣнно знакомо русскому образованному міру, то полагаю нелишнимъ посвятить его памяти въ своихъ запискахъ хотя одну задушевную страницу. Не мало мнѣ приходилось въ жизни встрѣчать свѣтлыхъ личностей, согрѣваться около нихъ, проникаться свѣжими впечатлѣніями. Покойный Ивановъ принадлежитъ къ этимъ личностямъ. Некрасивый, съ нѣсколько приподнятыми бровями, онъ благодушно относился ко всему живущему. Наружность Классика васъ обманывала. Она была столь обыкновенна, что совсѣмъ не обѣщала даровитости, которую проявлялъ ея обладатель. Алексѣй Ѳедоровичъ былъ родомъ изъ крестьянъ и, кажется, въ ранней молодости состоялъ приказчикомъ въ какомъ-то магазинѣ. Не получивши систематическаго развитія, онъ, благодаря неизсякаемой любви къ высокому и прекрасному, ознакомился основательно съ наукою вообще, съ исторіею и литературою человѣчества въ особенности. Классикъ появился въ нашихъ журналахъ и газетахъ въ началѣ шестидесятыхъ годовъ. *Искра* и *Будильникъ* были первыми этапами для новаго писателя. Въ то время поэты вдохновлялись гражданскими мотивами. И у Классика появляется рядъ пѣсенъ о страданіяхъ человѣка, рвущагося къ свободѣ; о дѣвушкѣ, осужденной на тяжелый ручной трудъ; о женщинѣ, обманутой въ лучшихъ своихъ надеждахъ. Впослѣдствіи поэтъ сталъ откликаться на такъ-называемую злобу дня и обогатилъ изданія, въ которыхъ принималъ участіе, множествомъ легкихъ и остроумныхъ стихотвореній. Несомнѣнно, что эти произведенія не всегда отличались художественною отдѣлкой и носили характеръ нѣкоторой дѣланности. Но какъ быть? Общество не получило отъ Классика того, что онъ могъ бы создать для увѣковѣченія своего имени, но газетное сотрудничество обезпечило ему безбѣдное существованіе. Чтобы поддержать въ себѣ духовныя силы, Ивановъ каждое лѣто путешествовалъ

то заграницу, то по своему обширному отечеству. Въ 1879 году онъ посѣтилъ Кавказъ. Я очень обрадовался литератору, котораго искренно любилъ. Мы участвовали вмѣстѣ, въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ, въ *Петербургскомъ Листкѣ*. Я совѣтовалъ поэту написать что-нибудь вѣское, но онъ грустно отвѣчалъ:

— «У меня нѣтъ времени. Ты самъ знаешь по опыту, какъ непрерывная газетная работа изсушаетъ мозгъ, способствуетъ обмельчанію впечатлѣній. Правда, бываютъ минуты, когда предстаютъ предъ тобою свѣтлые образы и картины, просящіяся въ изящныя формы; уносишься съ ними за облака, мечтаешь увлечь за собою и читателя, но проклятый вопросъ: ѣсть! вдругъ во всемъ безобразномъ величіи возстаетъ въ твоемъ высоко настроенномъ воображеніи. Ты опускаешь руки и строчишь рифмы, посмѣиваясь мирно надъ ничтожнымъ явленіемъ будничной жизни».

Какая горькая истина кроется въ приведенныхъ строкахъ! Ея результатомъ было, по отношенію къ Алексѣю Ѳедоровичу то, что онъ оставилъ потомству лишь сборникъ стихотвореній подъ заглавіемъ «Пѣсни Иванова-Классика», напечатанныя чуть ли не въ 1871 году. Не знаю, найдутся ли издатели на позднѣйшія его произведенія. Прямыхъ наслѣдниковъ у покойнаго поэта нѣтъ, женатымъ онъ не былъ, а его роднымъ до литературы, по всей вѣроятности, нѣтъ никакого дѣла. Стоило бы о сказанномъ подумать обществу для оказанія пособія нуждающимся писателямъ. Оно обладаетъ большимъ капиталомъ, помощь выдаетъ скупо и по странному выбору, чуть ли не сортируя бѣдныхъ тружениковъ пера на любезныхъ либераловъ и ненавистныхъ консерваторовъ. Мнѣ не помнится примѣра, чтобы участвующій въ охранительныхъ органахъ нашей печати получилъ деньги изъ литературнаго фонда, въ которомъ въ большинствѣ засѣдаютъ представители идей, давно уже пе-

режитыхъ нашимъ обществомъ и сданныхъ имъ въ архивъ для справокъ будущимъ поколѣніямъ.

Мы съ Классикомъ объѣздили окрестности Тифлиса, были и въ Каджорахъ, на высотѣ пяти тысячъ футовъ, гдѣ въ лѣтніе мѣсяцы живутъ на дачахъ богатые жители и высшія власти края. Здѣсь царитъ почти отсутствіе зелени и обманчивая прохлада. Окружающія горы, окутанныя тучами, тѣснятъ человѣка. Все грандіозное, великое хорошо на приличномъ разстояніи отъ насъ. Иначе оно теряетъ свое обаяніе. Послѣ нѣсколькихъ недѣль пребыванія въ Каджорахъ живой натурѣ дѣлается скучно. Душа требуетъ простора полей и не столь рѣдкаго горнаго воздуха. Съ наслажденіемъ мы спустились въ душную долину Тифлиса, гдѣ хотя дальше отъ облаковъ, но солнце привѣтливѣе согрѣваетъ человѣка.

Въ Каджорахъ, въ офицерскихъ кружкахъ, мнѣ разсказали любопытную исторію, характеризующую понятіе въ нашихъ войскахъ о томъ, что̀ такое военная честь. Фактъ произошелъ такъ. Въ прославленный боями полкъ былъ назначенъ командиромъ молодой гвардейскій полковникъ, относившійся нѣсколько пренебрежительно къ скромной армейщинѣ. Предъ отъѣздомъ къ новому назначенію прежніе товарищи дали ему обѣдъ въ ресторанѣ сада «Муштаидъ». За обѣдомъ было весело. Послѣ шампанскаго компанія разошлась по саду и разстегнула свои сюртуки. Виновникъ маленькаго торжества гулялъ подъ руку съ однимъ изъ друзей по дорогѣ, по которой проѣзжаютъ экипажи. Вдали показалась коляска, быстро приближавшаяся къ ресторану. Раздался крикъ кучера: берегись! Но ни полковникъ, ни его спутникъ не только не считали нужнымъ свернуть съ пути, но замахали на лошадей платками. Экипажъ остановился. Въ немъ сидѣли: юный прапорщикъ и его братъ, одѣтый въ штатское платье. Полковникъ принялся распекать офицера въ столь рѣзкихъ выраженіяхъ, что тотъ

заплакалъ, а штатскій вступился горячо за обиженнаго. Столкновеніе кончилось тѣмъ, что командиръ получилъ оскорбленіе дѣйствіемъ отъ гражданскаго незнакомца. Тутъ только опомнилась кутившая компанія и старалась потушить прискорбное происшествіе. Но шила въ мѣшкѣ не утаишь.

Вечеромъ весь Тифлисъ говорилъ о совершившемся скандалѣ. Полкъ, хранившій гордыя преданія о своихъ подвигахъ и не видавшій еще ни разу своего командира, послалъ къ нему депутацію съ порученіемъ отказаться отъ полученнаго имъ начальствованія. Полковникъ не имѣлъ духу противиться благороднѣйшимъ желаніямъ своихъ подчиненныхъ. Онъ вскорѣ уѣхалъ во внутреннюю Россію.

Современнымъ отрицателямъ, усвоившимъ идеи, что война есть грубое насиліе, что военное сословіе состоитъ изъ людей чуждыхъ науки, что отечество—не что иное, какъ отвлеченная фикція, приведенный мною фактъ покажется непонятною нетерпимостью. Но для лицъ, любящихъ родину, свой государственный строй, кладущихъ душу за ихъ благоденствіе, инцидентъ съ полковникомъ таитъ въ себѣ глубокій смыслъ. Каждый человѣкъ родится въ семьѣ, проводитъ въ ней свои первые годы и безсознательно усваиваетъ къ ней естественную привязанность. И собака любитъ конуру, въ которой она родилась. Нація есть обширная семья. Люди, говорящіе однимъ языкомъ, имѣющіе одинаковые обычаи, одинаковую вѣру, невольно влекутся другъ къ другу, заботятся другъ о другѣ, а къ человѣку, чуждому имъ по рожденію и языку, не питаютъ родственнаго влеченія. Все это такъ просто, такъ натурально, что не подлежитъ спору. На основаніи сказаннаго создались новѣйшія могущественныя народныя единицы. Люди, цѣнящіе отдѣльную семью, перенесли свою любовь къ ней на государство. Его величіе лежитъ въ сердцѣ каждаго отдѣльнаго члена. Даже варвары великой революціи, какъ

Робеспьеръ, Маратъ и Дантонъ, совершали свои злодѣянія лишь подъ видомъ любви къ отечеству. Когда Дантону предложили его друзья бѣжать изъ тюрьмы, то онъ отвѣтилъ: «Могу ли я унести землю родины на подошвѣ моихъ ногъ?» Такъ думали люди и народы, воспитывавшіеся на началахъ, завѣщанныхъ человѣчеству представителями христіанства, историческими дѣятелями и лучшими мыслителями.

Торжество реальныхъ идей, принявшее грандіозные размѣры во второй половинѣ нынѣшняго столѣтія, принесло міру совсѣмъ не тѣ результаты, которые отъ него ожидали его корифеи: Контъ, Литрэ, Дарвинъ, Льюизъ, Спенсеръ и другіе. Вмѣсто того, чтобы расширить умственный кругозоръ, слабоумные послѣдователи этихъ почтенныхъ ученыхъ упразднили нравственный міръ, цѣлую область высшихъ утѣшеній человѣка. Анархисты—прямой продуктъ реализма, его крайностей. Для анархизма нѣтъ никакихъ духовныхъ законовъ. Но такъ какъ упомянутое явленіе исходитъ изъ неестественнаго истолкованія нашихъ жизненныхъ потребностей, то можно надѣяться, что анархизмъ будетъ кратковременнымъ, какъ и нашъ родной нигилизмъ. Послѣдній почти исчезъ. Люди, не признававшіе въ шестидесятыхъ годахъ авторитета власти и религіи, начинаютъ справляться съ историческими привязанностями общества. Они стали признавать не одни инстинкты природы, но и законы этическіе. Приведенный случай съ полковникомъ, надѣюсь, не возбудитъ недоумѣніе свободомыслящихъ людей. Честь полка, защищаемая офицерами, исходитъ изъ высокихъ качествъ человѣка. Если вы любите отечество, то встанете смѣло и самоотверженно на его защиту. Отсюда рождается въ васъ самоуваженіе къ себѣ, почтеніе къ товарищу, поступающему такъ же, какъ и вы. Вотъ въ чемъ кроется зародышъ военной гордости и чести. Пока подобныя чувства господствуютъ на землѣ, человѣ-

честву нечего бояться ни за торжество религіозныхъ началъ, ни за крѣпость монархизма, ни за цѣлость національностей, сложившихся въ силу неизбѣжныхъ условій и событій. Отъ этихъ идей мнѣ хочется перейти къ другимъ идеямъ, отчасти сходнымъ съ описанными, но вызваннымъ однимъ крайне оригинальнымъ лицомъ. Я познакомился съ нимъ въ Петербургѣ, не бывши женатымъ во второй разъ, и встрѣтился на Кавказѣ, гдѣ онъ служилъ въ инженерномъ вѣдомствѣ. Хазаровъ глядѣлъ молодымъ человѣкомъ. Не обладая красотою, онъ, однако, производилъ на женщинъ сильное впечатлѣніе. Хазаровъ былъ очень уменъ, начитанъ, вдумчивъ, мечтателенъ и благороденъ. Онъ кончилъ курсъ въ Инженерной академіи и выдвинулся въ ней тѣмъ, что, нуждаясь въ деньгахъ, лично отправился ихъ занимать у главнаго начальника инженеровъ, генералъ-адъютанта Тотлебена. Послѣдній былъ такъ пораженъ страннымъ поступкомъ юнаго офицера, что не только снабдилъ его необходимой суммой, но и заботился объ его дальнѣйшей участи. Выйдя изъ академіи, Хазаровъ вскорѣ женился, и тоже необычнымъ образомъ. Онъ влюбился пламенно и страстно въ дѣвушку богатой дворянской семьи, обладавшую особенно пріятною улыбкой. Она, точно молнія, пробѣгала по симпатичному лицу чаровницы. Объяснившись съ нею, офицеръ откровенно прибавилъ, что средствъ онъ никакихъ не имѣетъ, кромѣ служебныхъ. Невѣста отвѣчала, что у нея есть состояніе. Послѣ свадьбы молодая была крайне недовольна скромнымъ видомъ своего семейнаго жилища. Ея сундуки заняли всю квартиру, и повернуться въ ней было негдѣ. Хазаровъ сказалъ женѣ:

— Извини, я говорилъ тебѣ, что я бѣденъ. Даю, что могу.

— Милый мой,—отвѣчала молодая,—позволь мнѣ жить согласно моимъ средствамъ.

— Это твое дѣло! Въ такомъ случаѣ я буду у тебя нанимать комнату, платить за нее и за столъ.

Никакіе доводы, что мужъ и жена не должны считаться между собою, не поколебали убѣжденій супруга. Онъ стоялъ на томъ, что долженъ проживать лишь то, что̀ честно зарабатываетъ самъ; что жена можетъ любить мужа, но требовать отъ него средствъ для жизни не имѣетъ права. Дѣти—другая пѣсня. Они требуютъ общихъ заботъ отца и матери. На службѣ Хазаровъ начальство ставилъ втупикъ. Онъ отказался подписывать всѣ вѣдомости, которыя имѣли денежный характеръ. Онъ называлъ ихъ «воровскими», и никто не могъ его увѣрить, что вѣдомости составлены правильно. Когда Хазарову поручали провѣрять отчетности, то онъ требовалъ всевозможныхъ справокъ, вызововъ получателей, свидѣтелей при полученіи, дѣлалъ запросы властямъ, словомъ, поднималъ такую кутерьму, что вынудилъ всѣхъ махнуть на него рукою. Если Хазарову давали что-нибудь строить, то онъ испрашивалъ нарядить комиссію для тщательнаго наблюденія за его дѣйствіями. Каждымъ своимъ расходомъ онъ безпокоилъ начальство, вмѣшивая его во всѣ, даже копѣечные, расчеты. Понятно, что при такихъ условіяхъ служба приносила ему массу огорченій, выговоровъ, наконецъ, покорнѣйшую просьбу выйти въ отставку. Теперь Хазаровъ, какъ говорятъ, живетъ въ богатомъ имѣніи жены, завѣдываетъ ея дѣлами въ качествѣ управляющаго и получаетъ за то жалованье очень умѣренное. Онъ увеличилъ доходы деревни, но представляетъ ихъ до послѣдняго гроша супругѣ, безумно любящей и до сихъ поръ своего мужа. Въ земство служить Хазаровъ нейдетъ, громко обличая его въ злоупотребленіяхъ. Уѣздъ его не любитъ. Вѣчный мученикъ идей, созданныхъ собственнымъ воображеніемъ, болѣзненно любитъ классическую музыку. Когда онъ бывалъ въ моемъ домѣ и слышалъ Бетховенскую сонату, игранную Арагвою, съ нимъ совершалось нѣчто трогательное. Онъ хватался за уши, поднималъ руки и глаза къ небу, восторженно восклицая:

— Не все еще погибло! Есть на землѣ радости! Онѣ таятся въ божественныхъ звукахъ музыки! О, играйте, не останавливайтесь! Дайте мнѣ уйти въ область духовнаго блаженства отъ этого пошлаго міра, погрязшаго въ порокахъ и деньгахъ! О, какъ ничтожна обыденная жизнь человѣчества!

Хазаровъ плакалъ въ своемъ увлеченіи и былъ прекрасенъ въ эти минуты. Что вы о немъ думаете? Если бы онъ фигурировалъ предъ вами въ качествѣ героя романа, то, можетъ-быть, вы нашли бы его симпатичнымъ и заманчивымъ. Но Хазаровъ—лицо живое, и понынѣ томящееся въ одной изъ нашихъ центральныхъ губерній, только не подъ той фамиліей, подъ которою фигурируетъ въ моихъ запискахъ, и вы едва ли его найдете интереснымъ. По моему же мнѣнію, онъ не только интересенъ, но и поучителенъ. Въ его чистой душѣ кроется протестъ противъ наплыва матеріалистическихъ идей, наклонностей и привычекъ, господствующихъ въ современномъ обществѣ. Этотъ протестъ намъ непріятенъ; онъ оскорбляетъ наши эгоистическія чувства, обличаетъ темныя желанія, которыя мы тщательно стараемся скрыть подъ оболочкою усиленной вѣжливости. Мы поступаемъ, какъ рабы мысли, высказанной Даламберомъ. Онъ писалъ: «Позолота выдумана потому, что золото составляетъ рѣдкость; мы изобрѣли вѣжливость для того, чтобы прикрыть недостатокъ въ насъ добродѣтели».

Въ апрѣлѣ я былъ переведенъ въ Воронежъ, съ которымъ у меня соединено много отрадныхъ воспоминаній. Но я ихъ не касаюсь теперь, какъ не касаюсь и службы моей по интендантскому вѣдомству съ самаго переѣзда на Кавказъ. Служба эта настолько интересна, своеобразна, незнакома по многимъ своимъ деталямъ нашей публикѣ, что я рѣшился посвятить ей особые главы въ моихъ послѣдующихъ запискахъ.

Пока я считаю нужнымъ упомянуть о двухъ крупныхъ

фактахъ, происшедшихъ въ интендантскомъ мірѣ за время моего откомандированія на Кавказъ. Оба факта косвенно вліяли на мою дальнѣйшую судьбу, какъ на служебную, такъ и на жизненную. Главный интендантъ генералъ-адъютантъ фонъ-Кауфманъ *), которому я не мало былъ обязанъ, по волѣ покойнаго Монарха, перешелъ начальникомъ Главнаго Управленія Инженеровъ на мѣсто генерала Тотлебена. Михаилъ Петровичъ фонъ-Кауфманъ—родной братъ знаменитаго туркестанскаго генералъ-губернатора. Онъ находился почти четырнадцать лѣтъ во главѣ военнаго хозяйства русской арміи. Онъ принялъ тяжелое наслѣдіе отъ своего предшественника, тайнаго совѣтника Устрялова, и имѣлъ громкое имя безупречнаго героя и высокообразованнаго человѣка. Кто изъ насъ не знаетъ, что во время штурма Карса, въ Крымскую войну, молодой полковникъ фонъ-Кауфманъ, подъ перекрестнымъ огнемъ турецкихъ батарей, провелъ свой полкъ въ смертный бой, въ суровомъ порядкѣ, съ пѣснями, музыкой и распущенными знаменами? Позже генералъ фонъ-Кауфманъ находился начальникомъ Инженерной Академіи и горячо работалъ на благо спеціальнаго развитія нашего юнаго офицерства. Въ интендантскомъ вѣдомствѣ генералу предстала другая государственная область дѣятельности. Устряловъ, представитель дореформеннаго комиссаріатства съ его темными дѣяніями, оставилъ подчиненныхъ со старыми привычками. Надо было быть Геркулесомъ, чтобы очистить Авгіевы конюшни, запущенныя многими годами. Но новый начальникъ печальной извѣстности вѣдомства не испугался предстоящей тяжелой задачи. При немъ все отжившее, что носило печать нравственной сомнительности, стало быстро исчезать изъ интендантства. Въ послѣднемъ по-

*) Нынѣ членъ Государственнаго Совѣта и предсѣдатель Главнаго Управленія „Краснаго Креста“.

явились люди съ высшимъ образованіемъ, а въ Главномъ Управленіи даже писатели, снискавшіе почтенное имя въ нашей литературѣ и наукѣ. Я назову: профессора Киттары, С. Н. Шубинскаго, поэта П. И. Вейнберга, Н. В. Михно, С. Н. Худекова, Л. Н. Павлищева, родного племянника геніальнаго Пушкина.

Въ главныхъ центрахъ Россіи, гдѣ скоплены большія массы войскъ, создались военно-обмундировальныя мастерскія. Позже, когда введеніе общей воинской повинности сократило службу въ войскахъ и изъяло изъ нихъ собственныхъ опытныхъ портныхъ, эти мастерскія стали приносить громадную пользу арміи, давая ей хорошее, прочное обмундированіе. Упраздненіе многихъ окружныхъ мастерскихъ въ послѣднее время и передача ихъ въ частныя руки есть большая, непоправимая въ военное время ошибка. Объ упомянутомъ важномъ предметѣ для нашего боевого дѣла я надѣюсь говорить отдѣльно. Въ началѣ семидесятыхъ годовъ, партія, враждебная генералъ-адъютанту Милютину и всѣмъ реформамъ, произведеннымъ имъ въ военномъ мірѣ, открыла рядъ нападокъ въ нашей печати на главныя воинскія учрежденія. Больше всего доставалось интендантству, какъ вѣдомству не спеціально научному, а потому болѣе доступному для ударовъ. Я думаю, что уважаемый и благородный В. В. Комаровъ, руководившій въ то время газетою *Русскій Міръ,* не прочь теперь сознаться, что статьи въ его органѣ противъ интендантства имѣли слишкомъ тенденціозный и пристрастный характеръ. Высоко-честному и гуманному главному интенданту пришлось переносить упреки въ томъ, къ чему онъ не былъ лично прикосновененъ, или что представлялось читающей публикѣ въ односторонней обрисовкѣ. Въ Турецкую кампанію 1877 года отдѣльныя злоупотребленія, открывавшіяся по военному хозяйству въ дѣйствующей арміи, приписывались недосмотру главнаго ин-

тенданта. Между тѣмъ, такія злоупотребленія совершались лицами, принятыми на службу, или по распоряженію Главнаго Полевого Штаба, или полевого интенданта, имѣвшаго самостоятельную, обширную власть. А въ его интендантство, за отсутствіемъ запаса благонамѣренныхъ и опытныхъ чиновниковъ, набирались люди разнаго нравственнаго ценза, нерѣдко совершенно низменнаго. Къ сожалѣнію, закулисная картина интендантскаго міра была не выяснена тогда печатью русскому обществу. Въ ней голословно, но слишкомъ смѣло, шли упреки къ лицамъ высоко стоящимъ, отстаивавшимъ, насколько возможно, честь и правду въ своемъ вѣдомствѣ. Вѣдь и нынѣ немногіе знаютъ, что знаменитая компанія Когана, Горвица и Грегора, преданная единодушно прессою анаѳемѣ, явилась на Божій свѣтъ не только помимо участія главнаго интенданта, но даже безъ иниціативы и полевого интенданта. Послѣдній былъ сдѣланъ только исполнителемъ распоряженій Главнаго Штаба арміи. Несомнѣнно, что упомянутыя событія грустно отражались на благороднѣйшемъ сердцѣ моего непосредственнаго начальника.

Я позволю привести одинъ случай касающійся меня лично, но ярко свидѣтельствующій о величіи души Михаила Петровича фонъ-Кауфмана. Читатели помнятъ злополучную исторію моей спиртной операціи. Финалъ ея послѣдовалъ спустя два года, когда о самомъ спиртѣ остались только одни воспоминанія. Дѣло произошло такъ. Благодаря раздутію печатью вопроса о злоупотребленіяхъ въ военное время интендантскимъ вѣдомствомъ, была назначена въ Одессѣ, по Высочайшему повелѣнію, комиссія, во главѣ съ генералъ-адъютантомъ Глинкой-Мавринымъ. На ея обязанности было, между прочимъ, изслѣдованіе всѣхъ заготовокъ, произведенныхъ для дѣйствующей арміи. Въ одно не прекрасное утро въ газетахъ появился списокъ лицъ, будто бы, предаваемыхъ военному суду одес-

скою комиссiей. Въ спискѣ фигурировала и моя фамилiя. Предоставляю читателю анализировать тѣ чувства, которыя я испытывалъ при чтенiи рокового извѣстiя. Убѣжденный въ правотѣ своихъ служебныхъ поступковъ, но оскорбленный сознанiемъ, что безсиленъ былъ защищать публично опозориванiе своей фамилiи, незапятнанной вѣками, признаюсь, въ первый моментъ я смутился. Но вѣра, что добро никогда не затмится въ жизни торжествомъ злыхъ началъ, придала мнѣ нравственную крѣпость. Я полетѣлъ въ Петербургъ. Среда, въ которой я вращался, оказала мнѣ сердечную поддержку. Мои сослуживцы, мои литературные друзья весело глядѣли на меня и бодро говорили:

— Никто не вѣритъ твоей виновности; тебя оправдаютъ, не допустивъ дѣло до суда.

Я предсталъ предъ главнымъ интендантомъ. Какъ ядъ, меня грызла мысль:

— Ужели, думалось мнѣ, онъ, предъ которымъ я благоговѣлъ, могъ сомнѣваться, хотя одну минуту, въ томъ, что я не измѣнилъ долгу чести?

Генералъ-адъютантъ фонъ-Кауфманъ сказалъ:

— Знаю и не удивляюсь. Обвиненiя сыплются на всѣхъ. Надо терпѣливо ожидать справедливаго разслѣдованiя и не падать духомъ.

Благородныя, полныя достоинства и душевнаго величiя слова! Ни упрека, ни недовольства, ни сомнѣнiя въ нихъ не было выражено. Окрыленный, я поднялъ глаза на своего начальника и встрѣтилъ ясный взглядъ довѣрiя, прямодушiя и грусти.

А вотъ что произошло нѣсколько времени спустя послѣ разсказаннаго происшествiя. На торжественномъ выходѣ въ Зимнемъ Дворцѣ, бывшемъ по случаю совершенiя бракосочетанiя великой княгини Анастасiи Михайловны, ко мнѣ неожиданно подошелъ главный интендантъ. Мы ото-

шли къ одному изъ оконъ Николаевскаго зала. Михаилъ Петровичъ, благосклонно улыбаясь, произнесъ:

— Не тревожьтесь тѣмъ, что услышите. Я получилъ бумагу о командированіи васъ къ слѣдователю для отобранія показаній по спиртной операціи. Богъ дастъ, вашимъ показаніемъ и окончится самое дѣло. Пишите откровенно, какъ все было.

Какъ бы подумавъ, онъ прибавилъ:

— Да иначе и быть не можетъ.

Вотъ, читатель, какими высокими минутами завоевываются человѣческія сердца. Сами судите, что я могъ чувствовать? Что я могу и понынѣ чувствовать при воспоминаніяхъ знаменательнаго разговора высшаго начальника съ маленькимъ подчиненнымъ, въ которомъ цѣнится непогасшая Божія искра, всегда трогающая другую благороднѣйшую натуру.

Не хвастаясь, говорю, что писалъ смѣло свое показаніе у слѣдователя. Я правдиво изложилъ весь историческій ходъ спиртнаго заготовленія: указалъ, гдѣ онъ былъ заготовленъ, и спросилъ комиссію: можетъ ли быть допустимо, чтобы съ завода великой княгини Екатерины Михайловны могъ отпуститься спиртъ несоотвѣтствующаго цѣнѣ качества? Спиртъ былъ освидѣтельствованъ комиссіей, состоявшей изъ представителей не только интендантства, но депутатовъ отъ министерства финансовъ и контрольнаго вѣдомства. За успѣшное совершеніе операціи я получилъ благодарность въ приказѣ по полевому интендантству, а позже слѣдующій чинъ. Наконецъ, когда комиссія хватилась за спиртъ, то его и слѣдовъ не существовало. Мнѣ невѣдомо, какія у комиссіи имѣлись основанія къ тому, что мой несчастный спиртъ отличался дурнымъ качествомъ.

Въ концѣ показанія я добавилъ: «Если комиссія не удовлетворится моими доводами и постановитъ призвать

меня на скамью подсудимыхъ, то я сяду на нее безъ страха, безъ унынія и буду смѣло смотрѣть въ глаза своимъ обвинителямъ. Глубоко убѣжденъ, что царскій судъ не обвинитъ невиннаго».

Что̀ сейчасъ мною написано, все хранится въ бумагахъ бывшей особой комиссіи въ Одессѣ по интендантскимъ злоупотребленіямъ во время войны и можетъ быть легко провѣрено. Да и возможно ли лгать, касаясь публично такихъ сторонъ жизни, которыя мы привыкли тщательно прятать въ тайникахъ своей души? Ужъ если рѣшился исповѣдываться, то надо быть искреннимъ. Въ противномъ случаѣ, ты грѣшишь предъ Богомъ и обманываешь общественную совѣсть. А она для человѣка, ею дорожащаго, и свѣтъ, и радость, и необходимая сила. Излишне здѣсь прибавлять, что меня комиссія быстро освободила отъ отвѣтственности по спиртному дѣлу. Въ іюнѣ 1879 года генералъ-адъютантъ фонъ-Кауфманъ получилъ другое высокое назначеніе. Бывшіе подчиненные увѣковѣчили имя своего доблестнаго начальника, собравши крупный капиталъ на стипендіи его имени въ военно-учебныхъ заведеніяхъ. Мѣсто главнаго интенданта занялъ извѣстный своимъ безкорыстіемъ и энергіей генералъ-отъ-инфантеріи Скворцовъ. При послѣднемъ я имѣлъ честь состоять двѣнадцать лѣтъ въ званіи чиновника особыхъ порученій VI класса и получилъ чинъ полковника. Другой фактъ, прискорбный для меня, былъ: это кончина профессора Киттары, предсѣдателя техническаго комитета при главномъ интендантствѣ. Киттары былъ мой косвенный начальникъ, и его я зналъ близко. Онъ отличался крупными дарованіями и мягкимъ впечатлительнымъ сердцемъ, не гармонировавшимъ съ грубоватою наружностью. Модестъ Яковлевичъ состоялъ въ пятидесятыхъ годахъ профессоромъ технологіи сперва въ Казанскомъ университетѣ, а потомъ въ Московскомъ. Позже онъ перешелъ на службу, по особой просьбѣ воен-

наго министра, въ интендантство. Заслуги его на новомъ и совершенно невѣдомомъ для него поприщѣ были большія. Киттары, по указаніямъ генерала фонъ-Кауфмана, внесъ свѣтильникъ науки въ ту область, въ которой глаголы «брать» и «наживаться» были чуть ли не единственными глаголами, практически примѣняемыми служаками дореформеннаго закала. Товары и вещи, принимаемые въ интендантствѣ, были подробно описаны съ указаніями ихъ происхожденія, процесса производства, съ объясненіями, какъ отличать технически въ нихъ недостатки и хорошія качества. Поступивъ на службу въ интендантство, Модестъ Яковлевичъ не избѣгъ общей клеветы, преслѣдовавшей всѣхъ тѣхъ, кто носилъ интендантскій мундиръ. Мнѣ извѣстно, какія онъ переживалъ тяжелыя минуты. Онъ умеръ, оставивъ семью съ очень ограниченными средствами, держа въ охладѣвшей рукѣ твердо знамя гражданской чести.

Миръ праху твоему, талантливый ученый, правдивый и вѣрный слуга своего отечества!